

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 21 № 8 (189) август 2026

В НОМЕРЕ:

Грачева Е. Ю., Корнев А. В., Соколова Н. А.

Диссертационные исследования
в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА):
современное состояние и задачи на будущее

Шпаковский Ю. Г., Яковлева А. В.

Технологическое лидерство и экологический
суверенитет: проблемы реализации в рамках
евразийского экономического пространства

Степанов О. А., Степанов М. М.

О формировании правосознания личности
в контексте использования виртуальных
игровых активов

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства; конкретных отраслей права; сравнительного правоведения; методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 21 № 8 (189) АВГУСТ 2026

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

КРАСНОПОЛЬСКАЯ Александра Сергеевна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИНИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики Высшей школы экономики.
Почтовый адрес: Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (2003–2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, временно исполняющий обязанности проректора по научной работе Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации.

Почтовый адрес: 2-я Звенигородская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 123022.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Почтовый адрес: Азовская ул., д. 2, корп. 1, г. Москва, Россия, 117638.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии, судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620066.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельце (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Жеромского, д. 5, г. Кельце, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 07.09.2026
Объем 24,76 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректоры

Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published as a mass media outlet since 2006

Vol. 21 № 8 (189) AUGUST 2026

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Alexandra S. KRASNOPOLSKAYA — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Sector for Environmental Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Forensics of the National Research University Higher School of Economics (HSE).
Mailing address: Myasnitskaya ul., d. 20, Moscow, Russia, 101000.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003–2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Acting Vice-Rector for Research of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Mailing address: 2nd Zvenigorodskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 123022.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Research Fellow of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
Mailing address: Azovskaya ul., d. 2, b. 1, Moscow, Russia, 117638.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620066.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings named after M.S. Shakaryan of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

07.09.2026
Volume: 24,76 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-readers

E. V. Osikina, A. V. Savkina

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

К 95-ЛЕТИЮ УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- Грачева Е. Ю., Корнев А. В., Соколова Н. А. Диссертационные исследования
в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА): современное состояние
и задачи на будущее 11

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Зудов Ю. В. Особенности режима правового регулирования отношений
Советского государства и Русской православной церкви в 1940–1980-е гг. 29

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Степанов О. А., Степанов М. М. О формировании правосознания личности
в контексте использования виртуальных игровых активов 40
- Березина Е. А. Трансформация признаков права
под влиянием цифровых технологий 48
- Зайков Д. Е. Отказ в оказании бесплатной юридической помощи 62

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Ханян Г. Э. Финансовое обеспечение медицинской
деятельности как функция социального государства 70

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

- Краулин К. К. Обязанность операторов цифровых сервисов
по противодействию компьютерным атакам: частноправовой аспект 81
- Кудашкин Д. А. Новые правовые риски операторов персональных данных 94

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Чикунев Д. В. Комиссионные сделки с недвижимостью
и защита приобретателя: условное обязательство и право ожидания 102

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Бикбаев Р. Р. Проблемы использования искусственного интеллекта
при принятии судебных решений на примере рассмотрения дел
о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей . . . 116
- Жукова П. Д., Зубович М. М. Трансформация и репрезентация средств
доказывания в гражданском судопроизводстве Российской Федерации 129

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Гусейнова Г. Э. Восстановление корпоративного контроля
косвенным участником: перспективы и ограничения 140

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Киченина В. С.** Общее наследие человечества: эволюция концепции
и ее значение в современном международном праве 148
- Попов В. А., Сахибгареев Э. В.** Публично-правовые аспекты
защиты нефтегазового комплекса от вторичных санкций 162
- Головина А. А.** Соблюдение международных правил
предупреждения столкновений морских судов в море
в условиях внедрения автономного судоходства 173

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

- Шпаковский Ю. Г., Яковлева А. В.** Технологическое лидерство
и экологический суверенитет: проблемы реализации в рамках
евразийского экономического пространства 183

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Одинокова Т. Д., Шарапов Ю. В.** Противодействие страховому
мошенничеству в условиях цифровизации: новые вызовы
для правоохранительных органов и страховых компаний 199

Contents

TO THE 95TH ANNIVERSARY OF THE KUTAFIN UNIVERSITY (MSAL)

Gracheva E. Yu., Kornev A. V., Sokolova N. A. Dissertation Research at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL): Current State and Future Directions	11
--	----

PAGES OF HISTORY

Zudov Yu. V. Specific Features of the Legal-Regulatory Regime Governing Relations between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in the 1940s–1980s	29
---	----

THEORY OF LAW

Stepanov O. A., Stepanov M. M. Individual Legal Consciousness Formation in the Context of the Use of Virtual Gaming Assets	40
Berezina E. A. The Transformation of the Characteristics of Law under the Influence of Digital Technologies	48
Zaykov D. E. Refusal to Provide Free Legal Aid	62

FINANCIAL LAW

Khanyan G. E. Financial Support for Medical Activities as a Function of the Welfare State	70
--	----

LEGAL REGULATION IN THE INFORMATION SPHERE

Kraulin K. K. The Obligation of Digital Service Operators to Counter Cyberattacks: A Private Law Perspective	81
Kudashkin D. A. New Legal Risks for Personal Data Operators	94

CIVIL LAW AND FAMILY LAW

Chikunov D. V. Commission-Based Real Estate Transactions and Purchaser Protection: Contingent Obligations and Expectant Rights	102
--	-----

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEDURE

Bikbaev R. R. Challenges of Using Artificial Intelligence in Judicial Decision-Making: The Case of Recognition and Enforcement of Foreign Judgements and Arbitral Awards	116
Zhukova P. D., Zubovich M. M. Transformation and Representation of Means of Proof in Russian Civil Justice	129

BUSINESS AND CORPORATE LAW

Guseinova G. E. Restoring Corporate Control by an Indirect Participant: Prospects and Limitations	140
---	-----

INTERNATIONAL LAW

- Kichenina V. S.** Common Heritage of Mankind:
The Evolution of the Concept and Its Significance in Contemporary International Law 148
- Popov V. A., Sakhibgareev E. V.** Public Law Aspects
of Protecting the Oil and Gas Sector from Secondary Sanctions 162
- Golovina A. A.** Compliance with International Regulations for Preventing
Collisions at Sea in the Context of the Introduction of Autonomous Shipping 173

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

- Shpakovsky Yu. G., Yakovleva A. V.** Technological Leadership and Environmental
Sovereignty: Challenges of Implementation within the Eurasian Economic Space 183

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Odinokova T. D., Sharapov Yu. V.** Combating Insurance Fraud in the Age
of Digitalization: New Challenges for Law Enforcement and Insurance Companies 199

К 95-ЛЕТИЮ УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.011-028

Е. Ю. Грачева*,
А. В. Корнев**,
Н. А. Соколова ***

Диссертационные исследования в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА): современное состояние и задачи на будущее

Аннотация. В статье обсуждаются некоторые аспекты современного состояния юридической науки, перед которой стоят серьезные проблемы, нуждающиеся в решении. Прежде всего это касается правового обеспечения технологического и социогуманитарного лидерства Российской Федерации. Конечно, этим не ограничиваются задачи нашей науки. Она призвана давать научно обоснованные правовые ответы на запросы общества и государства. Юридическая наука объективируется в различных научных продуктах, одним из которых выступают диссертационные исследования. В статье отражена динамика защит по юридическим специальностям за последние несколько лет. Данный эмпирический материал является поводом для серьезных обобщений, формирования некоторых выводов. Цифры порой убедительнее всяких теоретических построений. Авторы сделали акцент на состоянии юридической науки в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), который в этом году отмечает 95-летний юбилей. К этой дате мы подходим с позитивными научными результатами. Тем не менее резервы для дальнейшего роста сохраняются.

Ключевые слова: аспирант; диссертация; диссертационный совет; докторант; законодательство; наука; право; соискатель; технологии; юриспруденция; юридическая наука; диссертационные исследования; диссертационные советы; научные школы

© Грачева Е. Ю., Корнев А. В., Соколова Н. А., 2026

* *Грачева Елена Юрьевна*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель экспертного совета по праву и политологии ВАК России, заслуженный юрист Российской Федерации
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
gracheva@msal.ru

** *Корнев Аркадий Владимирович*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
avkornev@msal.ru

*** *Соколова Наталья Александровна*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
nasokolova@msal.ru

Для цитирования: Грачева Е. Ю., Корнев А. В., Соколова Н. А. Диссертационные исследования в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА): современное состояние и задачи на будущее // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 11–28. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.011-028

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Dissertation Research at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL): Current State and Future Directions

Elena Yu. Gracheva, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Chair of the Expert Council on Law and Political Science of the Higher Attestation Commission of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
gracheva@msal.ru

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
avkornev@msal.ru

Natalia A. Sokolova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
nasokolova@msal.ru

Abstract. The paper examines certain aspects of the current state of legal scholarship, which faces significant challenges requiring resolution. First and foremost, these include the legal support of the Russian Federation's technological and socio-humanitarian leadership. Naturally, however, the tasks of legal scholarship are not limited to this. It is called upon to provide scientifically grounded legal responses to the needs of society and the state. Legal scholarship is manifested in a variety of scholarly outputs, one of which is dissertation research. The article presents data on the dynamics of dissertation defenses in legal disciplines over the past several years. This empirical material provides a basis for meaningful generalizations and the formulation of certain conclusions. Figures are sometimes more persuasive than any theoretical constructs. The paper focuses on the state of legal scholarship at the Kutafin University (MSAL), which celebrates its 95th anniversary this year. The University approaches this milestone with positive scholarly achievements. Nevertheless, there remains substantial potential for further development.

Keywords: postgraduate student; dissertation; dissertation council; doctoral student; legislation; science; law; degree applicant; technologies; jurisprudence; legal scholarship; dissertation research; dissertation councils; scholarly schools

Cite as: Gracheva EYu, Kornev AV, Sokolova NA. Dissertation Research at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL): Current State and Future Directions. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):11-28. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.011-028

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

К своему юбилею Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) движется с очень хорошими показателями по всем направлениям

деятельности, включая научные. Во многом это стало возможным благодаря плодотворным усилиям, предпринятым академиком РАН

Олег Емельяновичем Кутафиным и всем коллективом, мобилизованным на решение самых амбициозных задач. Будучи человеком без преувеличения государственного масштаба, наделенным даром стратегического мышления, Олег Емельянович прекрасно понимал, что без продолжения, а главное — дальнейшего развития науки и образования нельзя занять лидирующие позиции в системе юридического образования. Его энергия и воля ответственного и смелого руководителя, организатора науки увенчались успехом. Сегодня об этом уже можно сказать с полной уверенностью. В самом начале реформаторской деятельности О. Е. Кутафина имели место скептические настроения. Не все верили в благополучный исход преобразовательных процессов. Успехи одних не всегда повод для радости других. Однако коллектив Университета всё преодолел, уверенно смотрит в будущее и на достигнутом останавливаться не намерен. Да и само время не дает нам таких шансов. Так что успокаиваться рано. Необходимо покорять новые вершины и смело идти вперед, к новым победам.

Справедливо отметить, что современное лидирующее положение Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) является следствием планомерного, последовательного развития нашего вуза на всем протяжении его истории. Успехи не приходят сами по себе, внезапно. За ними всегда кропотливый труд, в данном случае не одного поколения профессорско-преподавательского состава. Мы должны помнить о тех людях, которые добывали славу и авторитет нашему учебному заведению. И нужно прямо сказать, что им приходилось работать не в самых благоприятных условиях. Но они упорно делали свое дело. Невидимые на первый взгляд частицы труда каждого человека складываются в общее дело, придают осмысленность и результативность любой рационально организованной деятельности. Наука как раз и является таковой.

Наука представляет собой систематическую, дифференцированную деятельность в целях получения новых знаний. В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ранее в МЮИ, а еще раньше в ВЮЗИ научно-исследовательской работе уделялось самое пристальное внимание.

Поступление в аспирантуру есть только первый шаг в науку. Нужно еще подготовить диссертацию под научным руководством. От научного руководителя зависит очень многое. Это едва ли не главное лицо в процессе подготовки кандидатской диссертации. В его зоне ответственности — выбор темы, непосредственно сама подготовка исследования, подбор оппонентов и ведущей организации. Пожалуй, самый главный этап — это передача диссертации и других материалов в диссертационный совет. Разумеется, если он есть.

В нашем вузе работа по формированию диссертационных советов организована на самом высоком уровне. Давно канули в Лету времена, когда нужно было искать диссертационный совет, чтобы аспирант или преподаватель могли защитить свою работу «на стороне». В противном случае заниматься научно-педагогической деятельностью можно только в порядке исключения. В свое время предприняты серьезные усилия для того, чтобы создать полноценную линейку диссертационных советов. Сегодня Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) представляет собой уникальное научно-образовательное учреждение, где созданы и успешно функционируют диссертационные советы по *абсолютно всем без исключения научным юридическим специальностям*. Еще недавно наш вуз был единственным в этом роде. Вольно или невольно, но это обстоятельство по объективным причинам приковывало внимание научной юридической общественности всей страны. Защитившие в Университете докторские диссертации ученые затем входили в диссертационные советы по всей России. Причем некоторые из них стали председателями диссертационных советов.

С какой-то точки зрения ничего выдающегося в этом нет. Но это только на первый взгляд. Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) не является исключительно научным учреждением, специализированным институтом, классическим университетом, тем более исследовательским с его структурными, финансовыми и административными возможностями. Наша главная задача состоит в подготовке юристов высшей квалификации для бизнеса, органов власти,

правоохранительных структур и институтов гражданского общества. Однако эта строго образовательная задача предполагает надежное инфраструктурное обеспечение в виде диссертационных советов. Их задача заключается не только в том, чтобы «производить» кандидатов и докторов юридических наук, но и в том, чтобы быть активно работающими центрами юридической науки, своего рода лабораторией по формированию и апробированию новых идей, проектов, правовых решений любых социально значимых проблем. Порой утверждение темы диссертационного исследования перерастает в серьезную научную дискуссию. Только так и делается наука.

Вузовская наука в основном держится на двух китах — кафедре и научной школе. Кафедральная система берет свое начало от Магнаврского университета (IX в., Византия). Именно там стала формироваться университетская структура, сложилась классическая методика преподавания (лекции и семинары), которую затем переняли в Болонье, Париже, Оксфорде. Его первый ректор Лев Философ был учителем Кирилла и Мефодия — создателей славянской азбуки.

Кафедра, по сути, выступает центром вузовской науки. В некоторых российских вузах поспешили отказаться от кафедральной организации. Результаты не заставили себя долго ждать. Авторам приходилось участвовать в интереснейших научных конференциях, инициаторами которых были как раз кафедры. После их упразднения всё поменялось. Нельзя сказать, чтобы наука прекратила свое существование. Вовсе нет. Но и значимых, резонансных научных мероприятий, увы, больше не наблюдается. Привязка профессора к какому-либо департаменту вольно или невольно дезавуирует его научную идентичность, растворяет в бюрократической машине. Пропадает интерес к совместным коллективным проектам. Многие просто удаляются во внутреннюю эмиграцию или вовсе уходят в другие учреждения. Таким образом, новации новациям рознь. Если перемены осуществляются ради перемен, то в них нет никакой нужды. Понятно желание всем управлять. Бюрократизация образовательной системы, если говорить

серьезно, стала слишком очевидной проблемой, чтобы ее не замечать.

На кафедре рождаются новые идеи, проекты, направления и даже смыслы. Нужно всячески способствовать активизации как раз кафедральной жизни, которая всегда имеет коллективный характер. Минимизация роли кафедры и сведение ее к положению бюрократической структуры (центров, институтов, лабораторий, офисов), которой пытаются руководить абсолютно все, несут серьезные риски как раз для организации научной деятельности. Даже такая, казалось бы, мелочь, как утверждение темы диссертационного исследования. За кем здесь последнее слово — за кафедрой, диссертационным советом, советом по науке, ученым советом? Вопрос непростой. На него, что называется, с ходу не ответишь. В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в этой части накоплен определенный опыт, особенно в контексте укрупнения научных специальностей. У всякого успеха много авторов. В случае научного провала в ответе всегда кафедра и научный руководитель диссертанта. По всей видимости, именно на это обстоятельство и нужно ориентироваться при утверждении темы и защите базовых положений диссертационного исследования.

Не менее важным, а в какой-то степени гораздо более значимым для организации юридической науки является наличие научной школы, поскольку кафедра и научная школа — далеко не одно и то же. Кафедру создать проще. Правда, и здесь есть множество нюансов. Научную школу сформировать значительно сложнее. Чаще всего бывает так: кафедра есть, а научной школы — нет. Особенно заметно это на примере вновь созданных, опекаемых политически и финансово вузов. Их присутствие в публичном пространстве порой принимает гипертрофированные формы. Да, они собирают авторитетных исследователей, среди которых есть публичные персоны, но при этом не имеют собственной научной школы.

Научная школа — скорее не количество кандидатов и докторов наук, а их качество. Отдельно взятые известные ученые не образуют научную школу. Это должно быть сообщество исследователей, являющих собой онтологическое,

методологическое, телеологическое единство при сохранении своего персонального научного кода. Научная школа предполагает не одно поколение исследователей. Научная школа воспроизводит концепты и смыслы, позволяющие индивидуализировать ее в общем юридическом научном пространстве. Научная школа объективирует себя в традициях, повторяющих накопленную сумму знаний и устоявшийся понятийный аппарат и одновременно обогащающих ее новыми научными достижениями. Научная школа — это коллектив ученых, способных обнаруживать явные, а главным образом неявные, проблемы и предлагать научно обоснованные варианты их решения. Научную школу в самом общем виде можно охарактеризовать как интеллектуальную социальную группу, занятую на протяжении длительного времени теоретическими изысканиями в конкретной области юридической науки, результаты которых позитивно оцениваются учеными и практиками в части их реализации в различных сферах юридической деятельности.

Школа — это всегда учителя и ученики. При чем она не растворится во времени и пространстве, если подросшие в научном плане ученики со временем заменят своих учителей. Научная школа предполагает солидарность, общую ответственность за кафедру, школу, вуз и отраслевую юридическую науку.

В публичном пространстве стали говорить и о когнитивном суверенитете. Понятно, что лучше жить своим умом. Опять же, исходя из личного опыта, мы можем констатировать очевидное пристрастие некоторых российских вузов по любым основаниям апеллировать исключительно к зарубежным ученым. Раньше статус непогрешимой истины имели труды классиков исторического материализма, а сегодня работы зарубежных авторов. А где собственная научная картина мира? Мы не против и во многом даже приветствуем максимально широкий диапазон исследовательских практик. Тем не менее нужно иметь в виду, что социальность любого иностранного автора в его трудах исключительно американская, французская, немецкая и пр. В нашем случае нельзя сказать: «Наука одна, и истина также одна». Во-первых, социальные

дисциплины научной стерильностью не обладают. Во-вторых, любой современный социолог науки предложит на выбор четыре-пять вариантов истин. Времена, когда ученые балансировали между абсолютной и относительной истиной, давно прошли.

Вышесказанное призвано подчеркнуть фактор обеспечения преемственности в деятельности научной школы. Мы должны в некотором смысле восстановить связь между дореволюционной, советской и современной юридической наукой. Для научной школы девиз «Мы стояли на плечах гигантов» всегда актуален. К слову сказать, работы тех же советских авторов сегодня получают вторую жизнь. Рано мы поспешили списывать их труды в архив. О дореволюционных классиках и говорить нечего. Для понимания собственной значимости нам нужен другой. Иногда очень полезно для самооценки увидеть себя в зеркале ученых прошлого.

Научную школу административными циркулярами создать невозможно. Нужно время, и немалое. Научные школы имеются в вузах с историей. Она у всех разная.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) может по праву гордиться своими научными школами. Некоторые из них существовали еще до прихода Олега Емельяновича на должность ректора. ВЮЗИ являлся методическим центром для практически всей системы юридического образования СССР. Но он был при этом одним из ведущих научных центров. Уже в то время сформировались научные школы в рамках классических отраслей права. Так, широкую известность получили государственная (конституционная) научная школа, цивилистическая, процессуальная, уголовно-правовая школы. Сильные школы сложились на кафедрах теории государства и права, истории государства и права. В последующие годы сформировались финансово-правовая, административно-правовая, криминалистическая научные школы, школа экспертологии, школа международного права и права Европейского Союза, школа предпринимательского права. Активно развиваются школа информационного права и цифровых технологий, школа экологического права. Появились первые ростки школы права биотехнологий и техноправа. Это

говорит о том, что университетская наука прогрессирует и при этом бережно относится к тому наследию, которое смогли создать ученые-юристы предшествующих поколений.

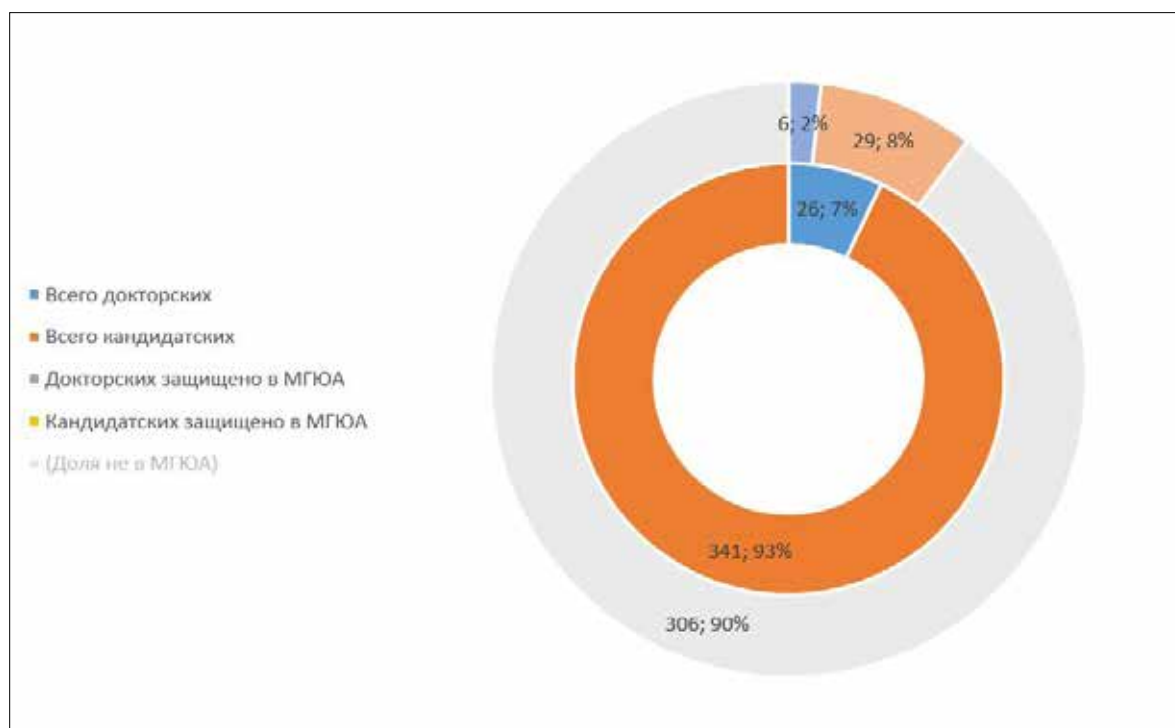
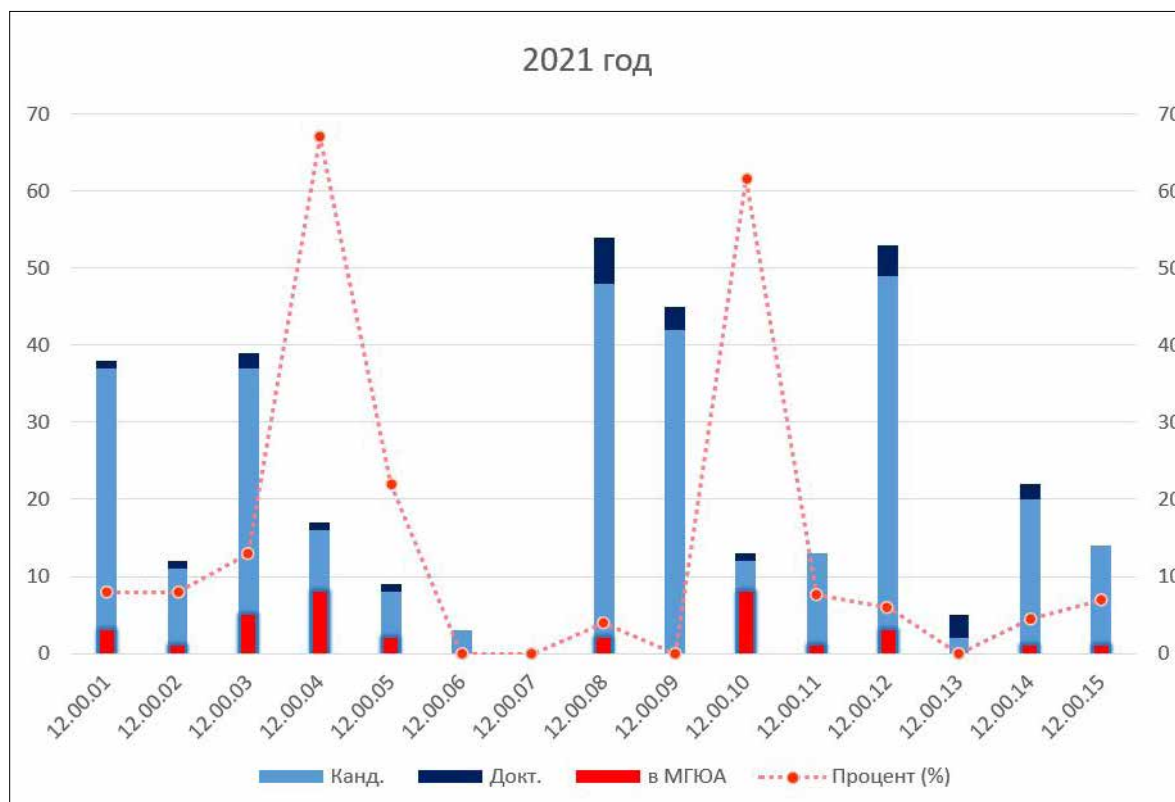
Научное «производство» в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) представляет собой хорошо отлаженный механизм взаимодействия кафедр, института аспирантуры и докторантуры, Совета по науке. Аспирант, соискатель, докторант, находясь в свободном поиске информации и подготавливая диссертационное исследование, тем не менее включен в процесс руководства научным исследованием всех заинтересованных субъектов. Такая организация научно-исследовательской работы приносит хорошие результаты. Этот положительный опыт необходимо изучать и распространять на иные диссертационные советы.

В этой связи имеет смысл привести некоторые данные защит диссертационных исследований по юридическим наукам как в системе Высшей аттестационной комиссии, так и вне ее. Они говорят сами за себя.

Инфографика активности диссертационных советов

В 2021 г. в диссертационных советах, входящих в систему ВАК, была защищена 341 диссертация, в том числе 26 докторских диссертаций. В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в тот же год было защищено 35 диссертаций, что составляет более 10,2 %, в том числе шесть докторских — более 23 % от общего числа защищенных докторских диссертаций в 2021 г.

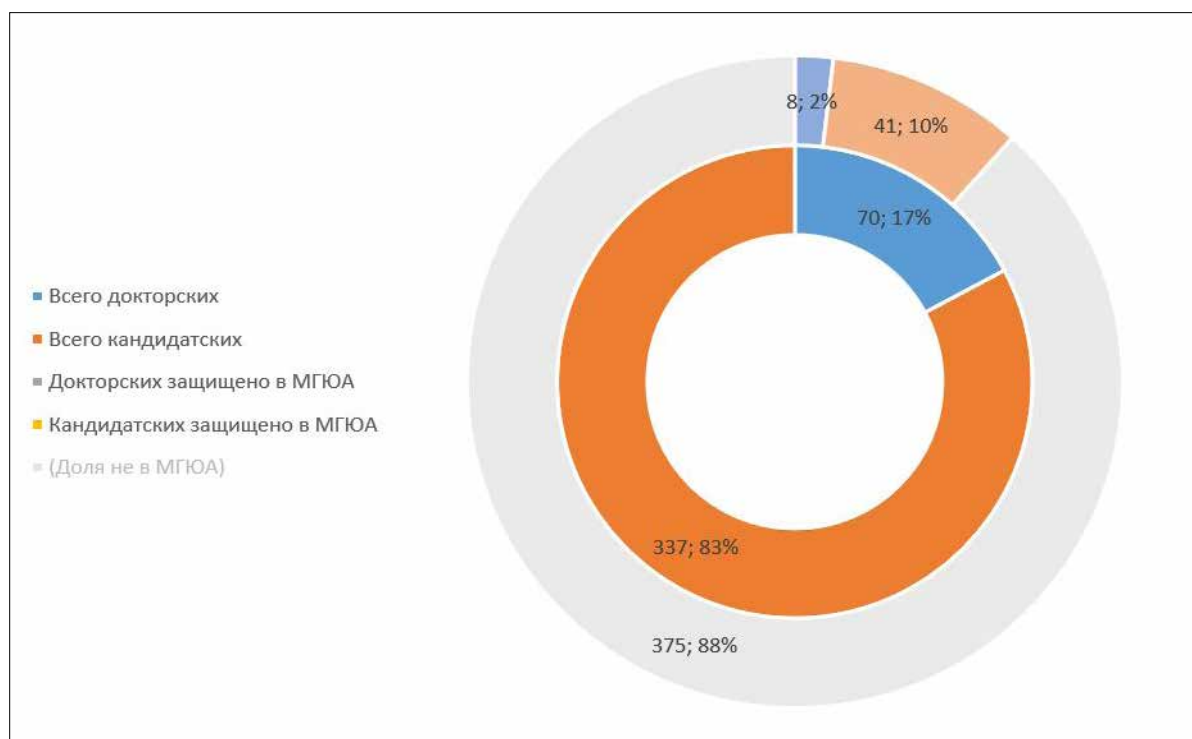
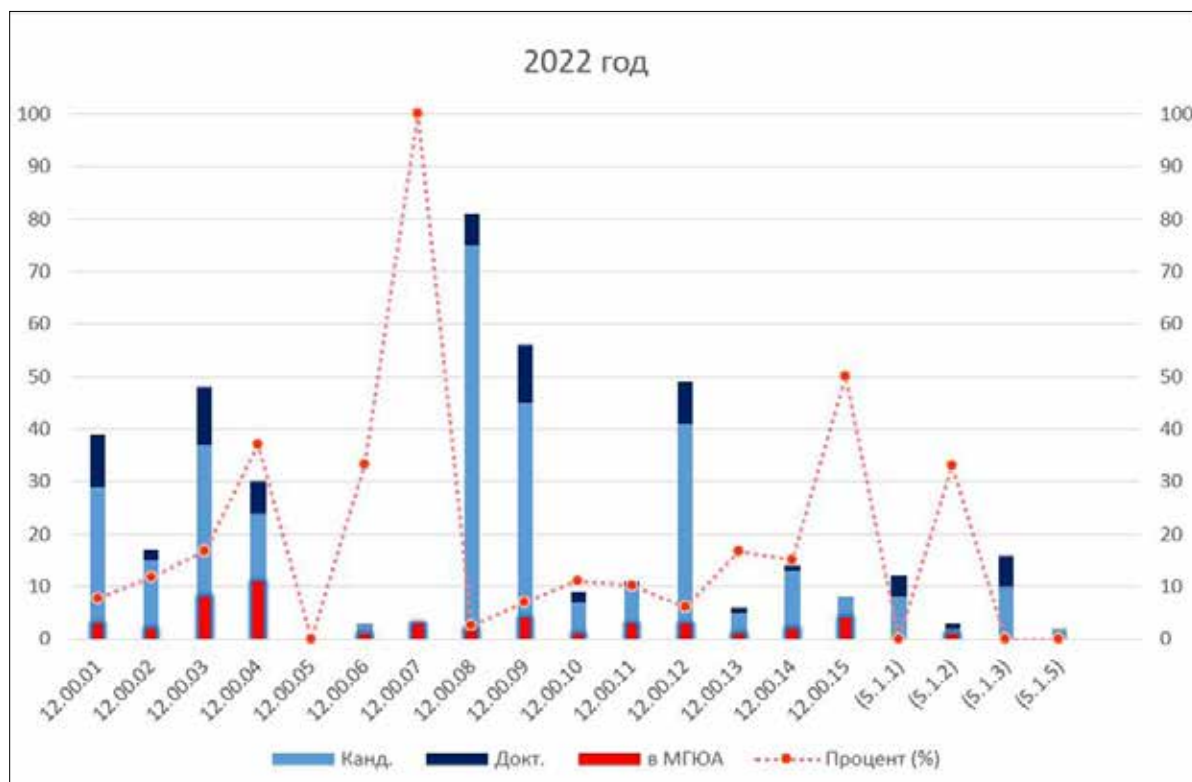
Специальность	Кандидатских	Докторских	Всего	Из них в МГЮА	Процент от всех
12.00.01	37	1	38	3	8
12.00.02	11	1	12	1	8
12.00.03	37	2	39	5	13
12.00.04	16	1	17	8	67
12.00.05	8	1	9	2	22
12.00.06	3	0	3	0	0
12.00.07	0	0	0	0	0
12.00.08	48	6	54	2	4
12.00.09	42	3	45	0	0
12.00.10	12	1	13	8	61,5
12.00.11	13	0	13	1	7,6
12.00.12	49	4	53	3	6
12.00.13	2	3	5	0	0
12.00.14	20	2	22	1	4,5
12.00.15	14	0	14	1	7
Итого за год	315	26	341	35 (6 докт.)	10,26 % (23,08 % докт.)

В 2022 г. защищено 424 диссертации, в том числе более 70 докторских. В Университете защищено 49 диссертаций, что составило 11,56 %, в том

числе докторских — восемь, или около 11 %. По отдельным специальностям, например 12.00.07, все диссертации были защищены в МГЮА.

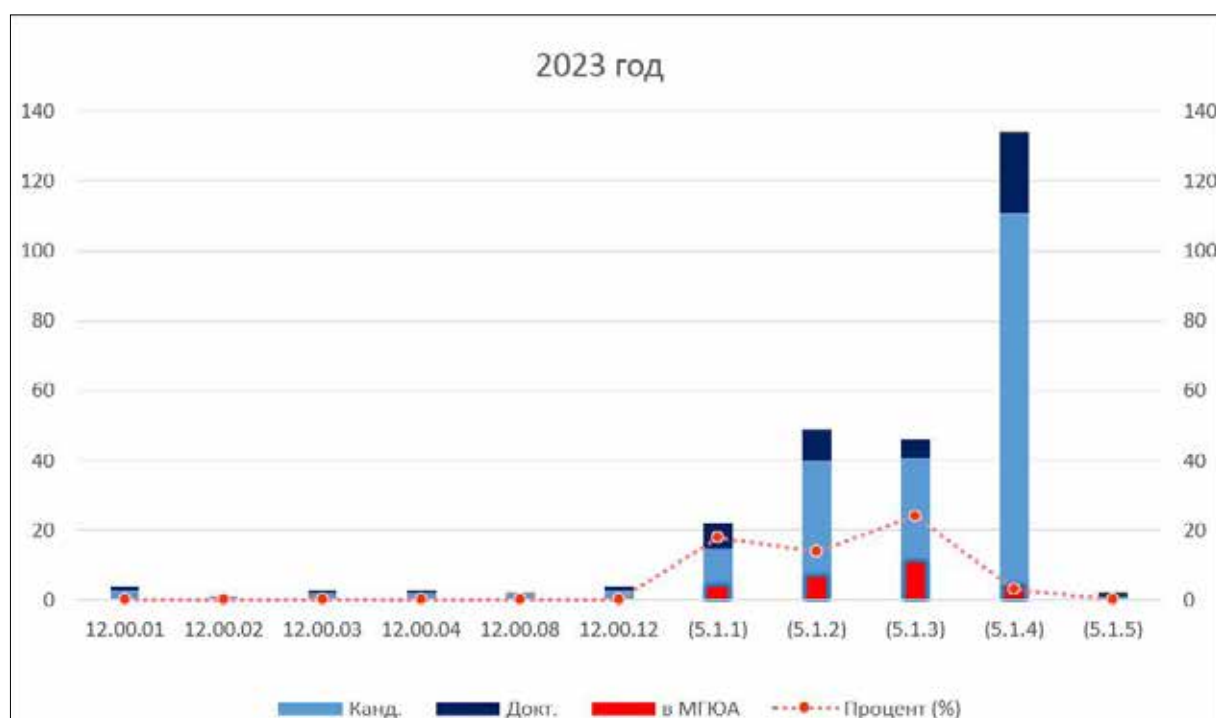
Специальность	Кандидатских	Докторских	Всего	Из них в МГЮА	Процент от всех
12.00.01	29	10	39	3	7,7
12.00.02	15	2	17	2	11,8
12.00.03	37	11	48	8	16,7
12.00.04	24	6	30	11	37
12.00.05	0	0	0	0	0
12.00.06	3	0	3	1	33,3
12.00.07	3	0	3	3	100
12.00.08	75	6	81	2	2,5
12.00.09	45	11	56	4	7
12.00.10	7	2	9	1	11
12.00.11	10	1	11	3	10
12.00.12	41	8	49	3	6
12.00.13	5	1	6	1	16,7
12.00.14	13	1	14	2	15
12.00.15	8	0	8	4	50
5.1.1	8	4	12	0	0
5.1.2	2	1	3	1	33
5.1.3	10	6	16	0	0
5.1.5	2	0	2	0	0
Итого за год	337	70	424	49 (8 докт.)	11,56 % (11,43 %)

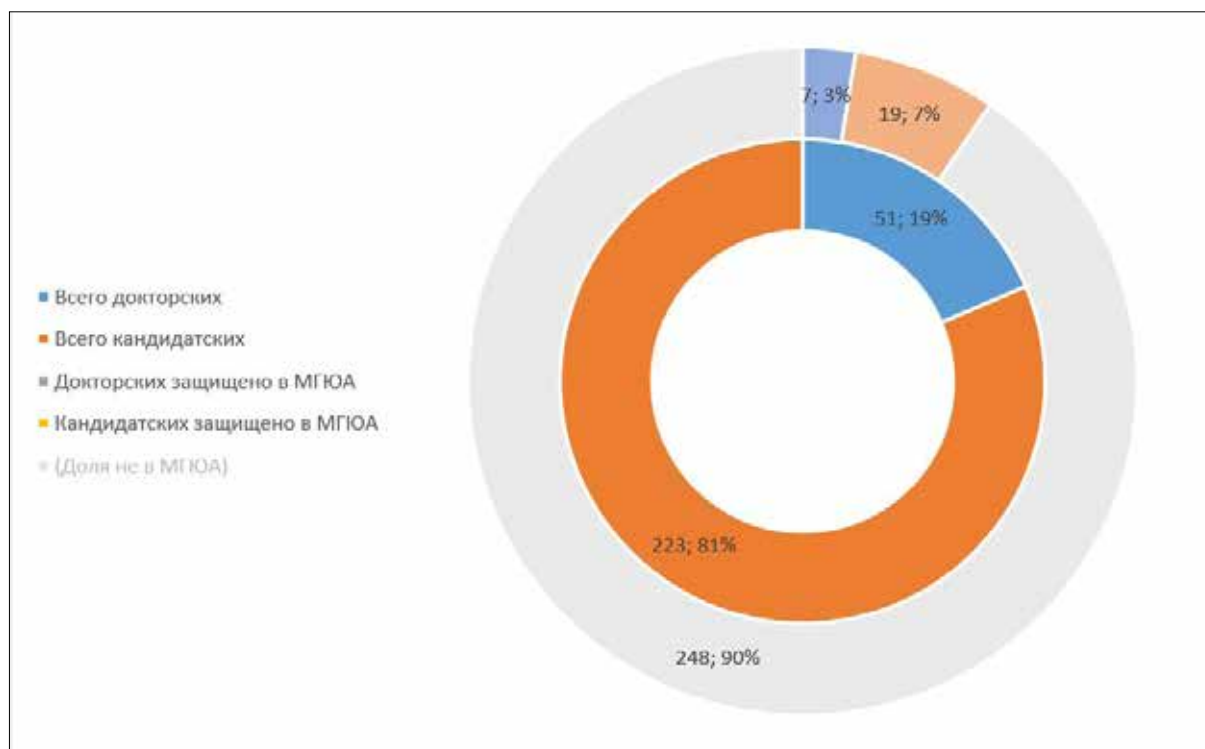

В **2023** г. защищено более 270 диссертаций, в том числе 51 докторская. В Университете защищено более 25 диссертаций, что составило более 11 %, в том числе семь докторских, или примерно 14 % всех защищенных докторских

диссертаций. Очевидные перемены связаны с изменением номенклатуры научных специальностей. Больше всего было защищено диссертаций по специальности 5.1.3 «Частно-правовые науки».

Специальность	Кандидатских	Докторских	Всего	Из них в МГЮА	Процент от всех
12.00.01	3	1	4	0	0
12.00.02	1	0	1	0	0
12.00.03	2	1	3	0	0
12.00.08	2	0	2	0	0
12.00.09	2	0	2	0	0
12.00.12	3	1	4	0	0
5.1.1	15	7	22	4	18
5.1.2	40	9	49	7	14
5.1.3	41	5	46	11	24
5.1.4	111	23	134	4	3
5.1.5	1	1	2	0	0
Итого за год	223	51	274	26 (7 докт.)	11,66 % (13,73 %)

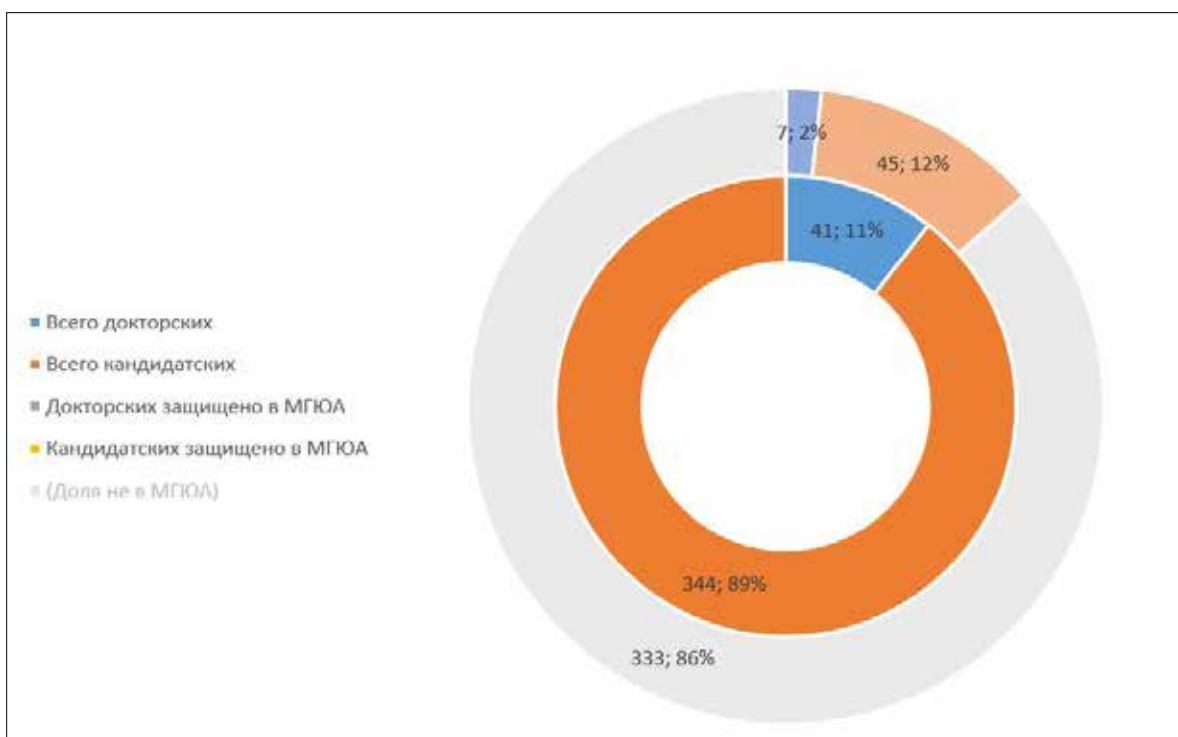
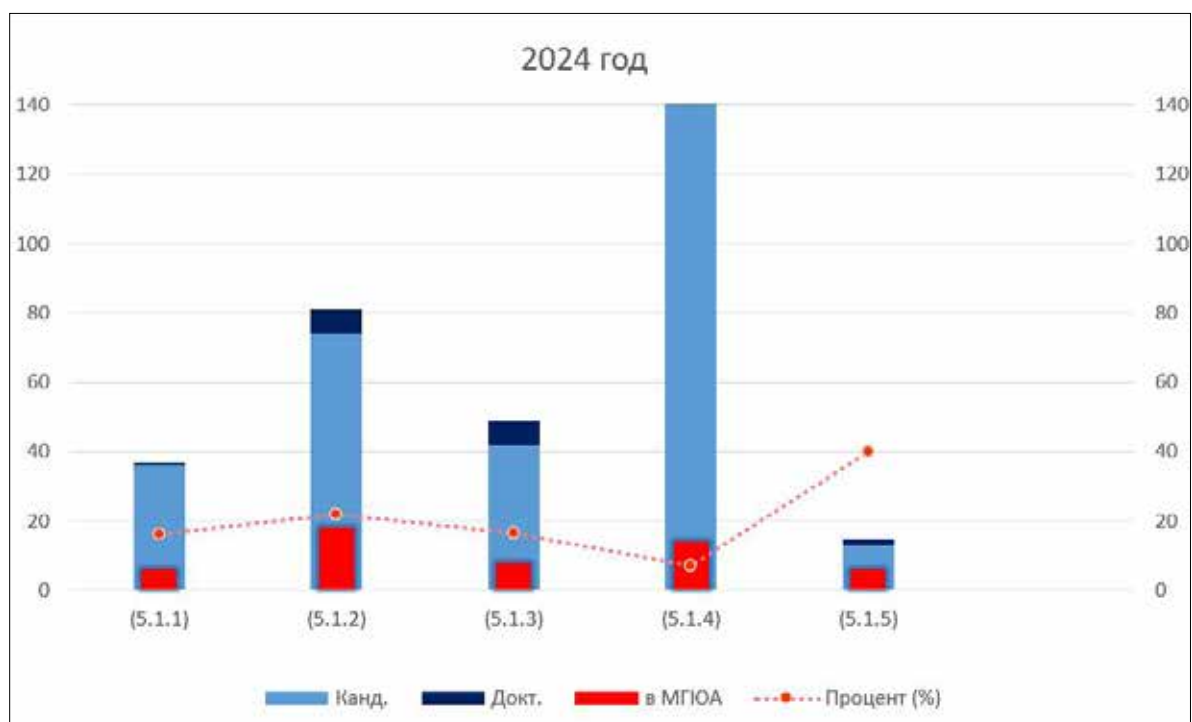

В 2024 г. защищено 385 диссертаций, в том числе 41 докторская. В Университете состоялась защита 52 диссертаций, что составило более

13,5 %, в том числе семь докторских, или более 17 %. Видна активность диссертационных советов по всем научным специальностям.

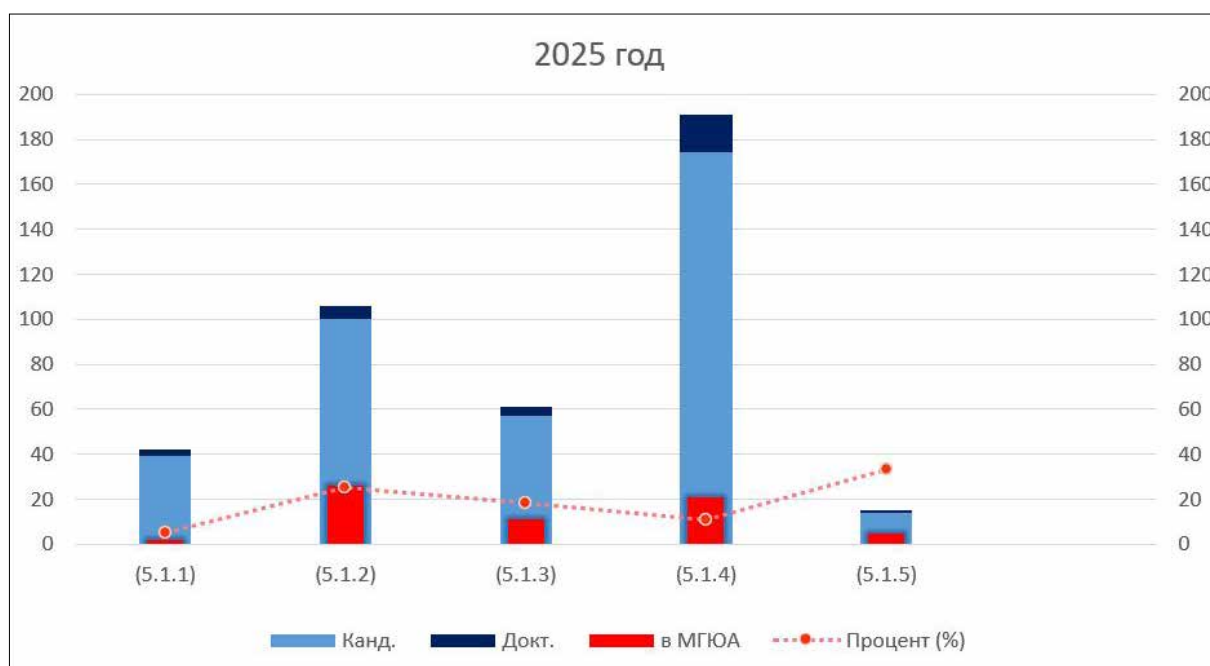
Специальность	Кандидатских	Докторских	Всего	Из них в МГЮА	Процент от всех
5.1.1	36	1	37	6	16
5.1.2	74	7	81	18	22
5.1.3	42	7	49	8	16,3
5.1.4	179	24	203	14	7
5.1.5	13	2	15	6	40
Итого за год	344	41	385	52 (7 докт.)	13,51 % (17,07 %)

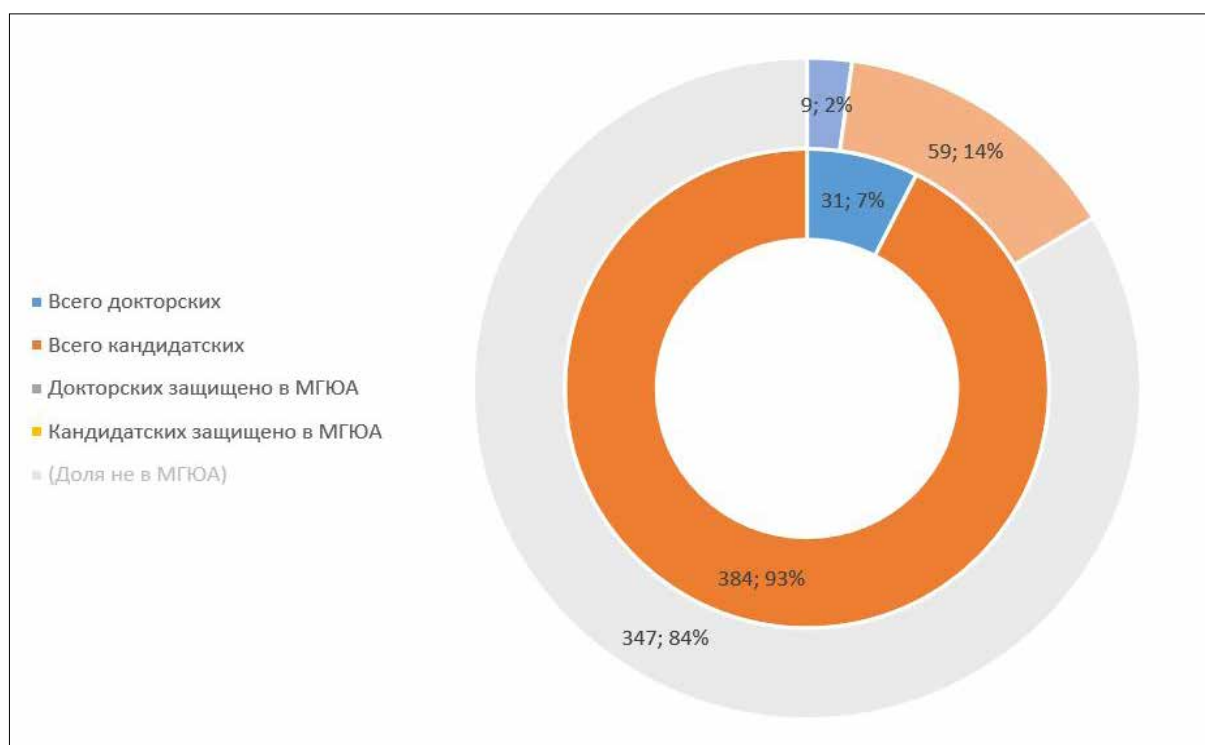

В 2025 г. защищено 415 диссертаций, включая 31 докторскую. В Университете было 68 защит, в том числе девять докторских, что соответ-

ственно составило 16,4 % от всех защищенных диссертаций и более 29 % от защищенных докторских диссертаций.

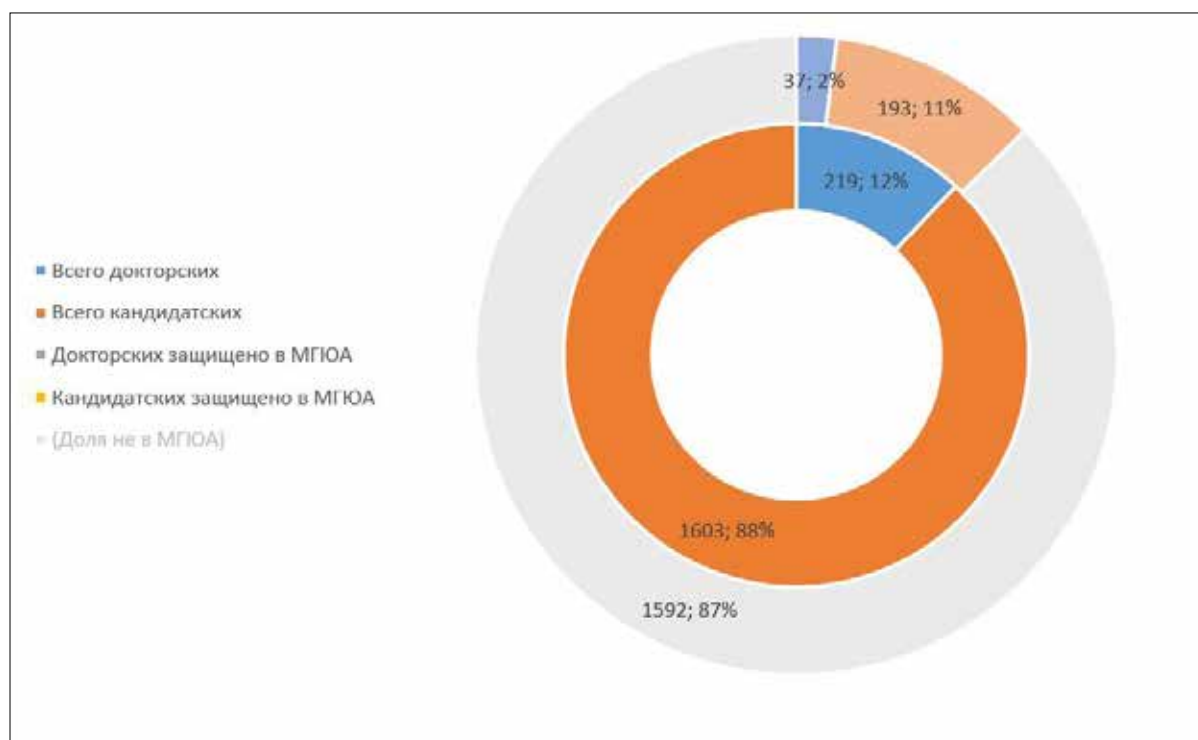
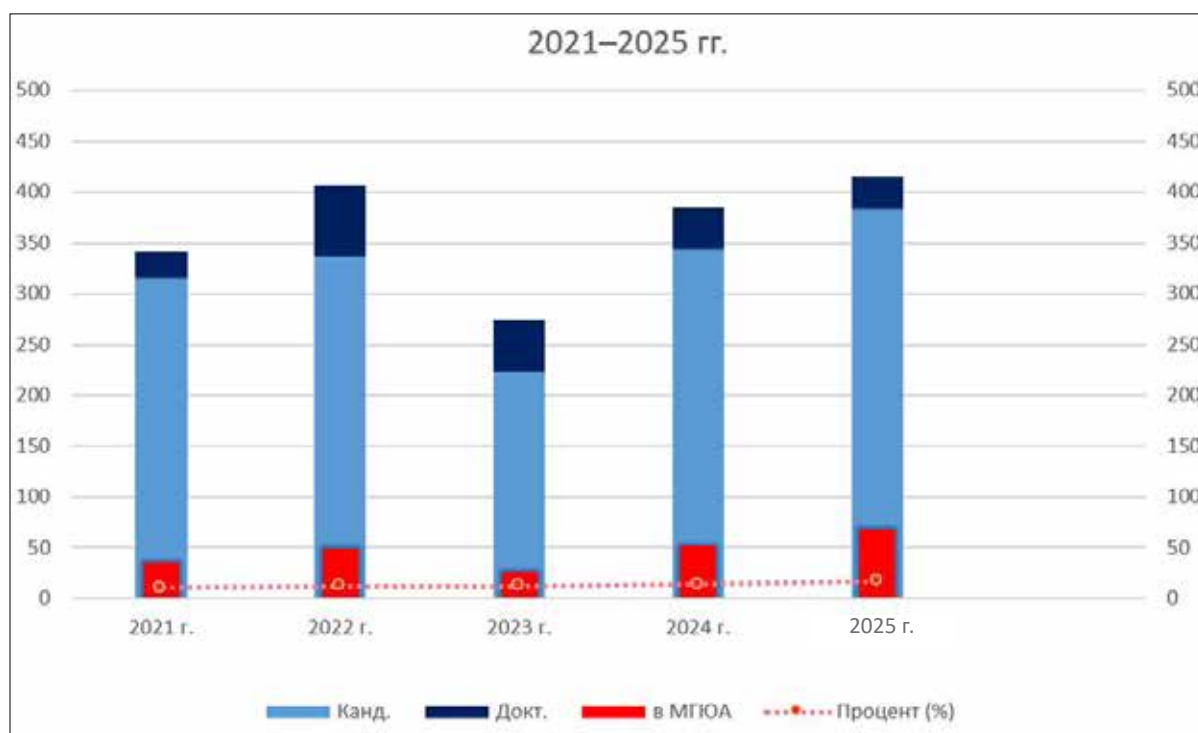
Специальность	Кандидатских	Докторских	Всего	Из них в МГЮА	Процент от всех
5.1.1	39	3	42	2	5
5.1.2	100	6	106	26	25
5.1.3	57	4	61	11	18
5.1.4	174	17	191	21	11
5.1.5	14	1	15	5	33,3
Итого за год	384	31	415	68 (9 докт.)	16,4 % (29,1 %)

Анализ данных за пять лет

Год	Кандидатских	Докторских	Сумма	Сумма в МГЮА	Процент от всех
2021	315	26	341	35 (6 докт.)	10,26 (23,08)
2022	337	70	424	49 (8 докт.)	11,56 (11,43)
2023	223	51	274	26 (7 докт.)	11,66 (13,73)
2024	344	41	385	52 (7 докт.)	13,51 (17,07)
2025	384	31	415	68 (9 докт.)	16,4 (29,1)
Итого за всё время	1 603	219	1 839	230 (37 докт.)	12,5 % (16,9 %)

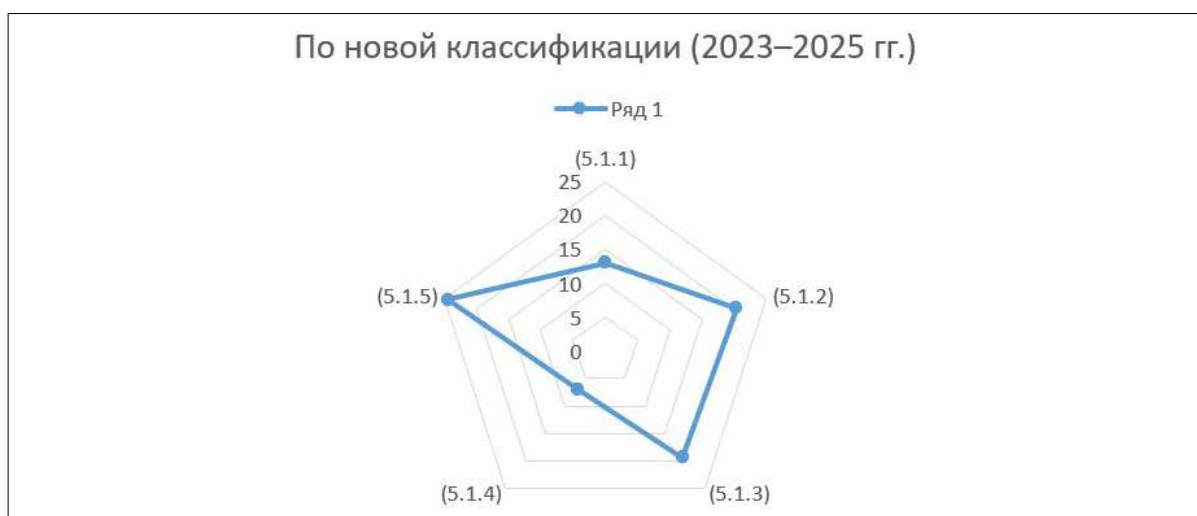
Далее на схемах 1 и 2 представлено среднее распределение процента защит по категориям (старая и новая классификации)¹. Визуализация демонстрирует общую картину

деятельности диссертационных советов. Чем ближе точка к внешнему контуру, тем больше защит по данной специальности было в МГЮА.

Схема 1

Схема 2

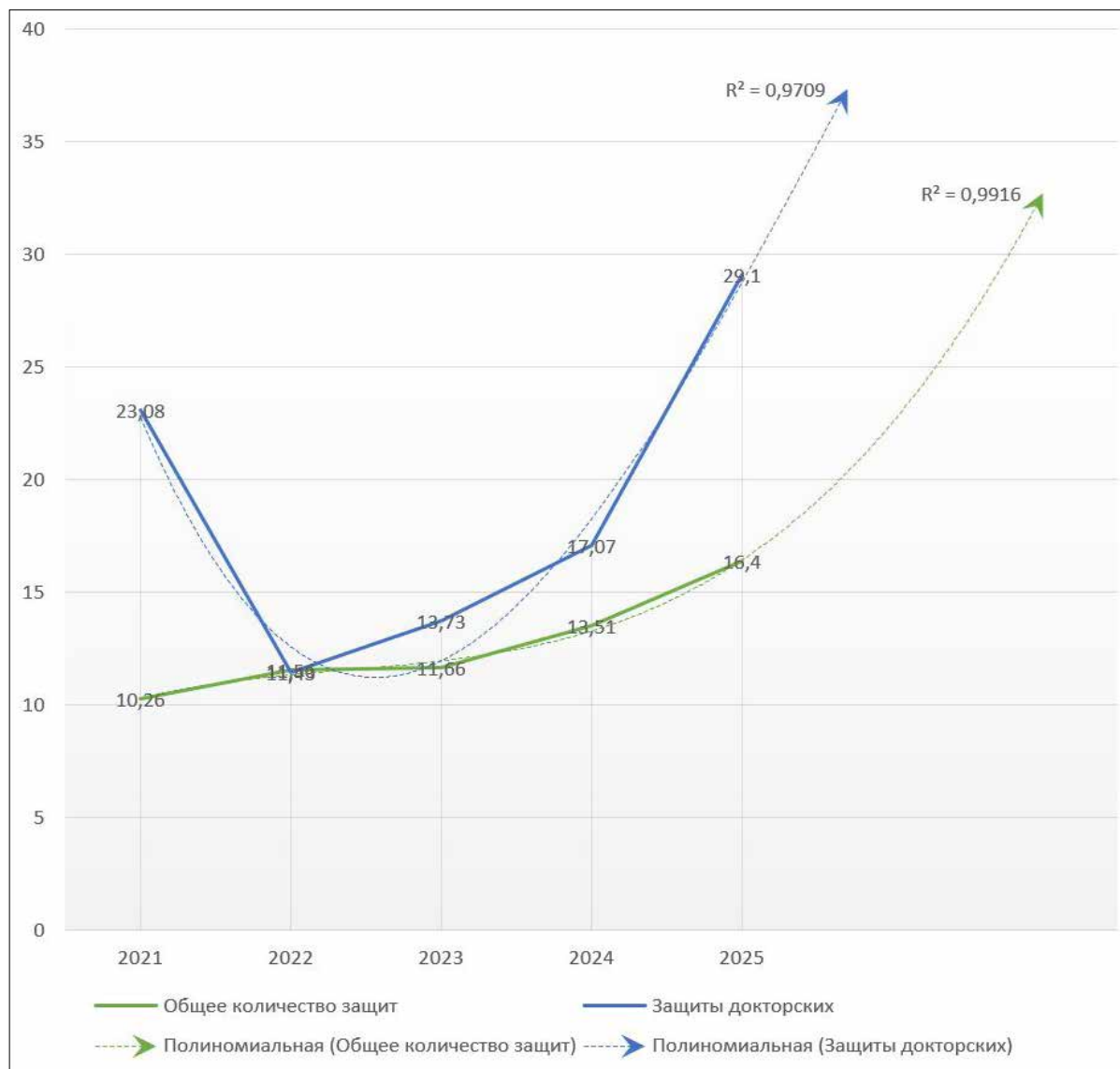

¹ В схемах используется усреднение процентных долей, а не абсолютных величин. Это сделано для того, чтобы исключить влияние масштаба категорий на итоговый результат. Для диаграммы применен принцип репрезентативного фильтра, исключены избыточные массивы данных, которые не несут аналитической ценности или содержат anomalous погрешности прошлых периодов.

На схеме 3 представлена динамика общего процента защищенных в Университете диссертаций (в рамках категорий) по годам. Сравнительная динамика общего показателя (кандидатские

и докторские) и части (докторские) позволяет оценить стабильность деятельности диссертационных советов Университета. Синхронность роста этих линий отражает положительную динамику².

Схема 3

² Для прогноза выбрана полиномиальная модель. В отличие от обычной прямой линии, она учитывает переменную динамику роста и более чувствительна к изменениям темпа в разные периоды. Она позволяет выполнить экстраполяцию текущих показателей на будущие периоды. Локальное отклонение показателей в 2021–2022 гг. носит технический характер и, вероятно, обусловлено переходом на новую систему классификации категорий.

В 2025/2026 учебном году в диссертационных советах Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) защищена 81 диссертация — на порядок больше по сравнению с иными ваковскими советами по юридическим наукам.

Юридические науки являются составной частью социальных наук. Общественные науки всегда будут испытывать на себе влияние того социального проекта, который реализуется в современную эпоху. Это очевидно. Недооценка роли социальных наук очень дорого обходится обществу, ибо социальные проблемы — самые важные и порой самые травмирующие. Именно они выступают своего рода камертоном жизнеспособности любой социально-экономической системы. Наметившийся крен в сторону технологий понятен. Однако в истории науки немало примеров того, когда выдающиеся ученые-естественники и представители технического знания обращались как раз к социальным наукам. Им было важно осознать скрытые механизмы управления социальными процессами, поскольку социум устроен гораздо сложнее любой техносистемы. Технология — всегда решение конкретных проблем. В этом смысле любое техническое новшество всегда будет иметь социальную обусловленность. Об этом не стоит забывать.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по праву считается флагманом юридической науки. И не только по формальным показателям. Лидерство ко многому обязывает. Нужно держать высокую планку и не опускать ее. Это требует коллективных усилий всего университетского сообщества.

Юридическая наука, если говорить об отдельном вузе, должна не только тесно взаимодействовать с конкретными сегментами производства, но и обогащать образовательный процесс. Это система сообщающихся сосудов. Всё новое следует нести в образование. Наука получит ровно столько, сколько она вложила в образовательный процесс. Сегодня студент, а завтра — аспирант, соискатель, докторант. Одно не бывает без другого. Современным исследователям порой не хватает методологической культуры, фундаментальных знаний. Причины известны, но в рамках данной статьи о них не имеет смысла говорить.

В настоящее время юридическая наука и образование активно включились в процесс создания новых рынков и технологий, юридического обеспечения реализации национальных проектов.

Возможности юридической науки значительно превышают потенциал других социальных наук. Любые науки, по сути, выполняют две главные функции: объясняют явление и способствуют рационализации социальной действительности. Таким образом, право выступает средством рациональных инноваций во всех без исключения сегментах общества. Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) реализует проект «Инновационная юриспруденция», а в рамках него — «Правовой инжиниринг для технологического лидерства». Участие в программе стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» дало Университету бесценный опыт, в том числе в сфере организации и управления научными исследованиями.

Материал поступил в редакцию 22 июня 2026 г.

Особенности режима правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940–1980-е гг.

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому исследованию режима правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940–1980-е гг. Доказывается, что советское законодательство о религиозных культах в указанный период формировало не механизм реализации провозглашаемой Конституцией СССР свободы совести, а особый режим правового допущения, задававший для Русской православной церкви границы дозволенного в рамках советского правопорядка. Выявлены особенности регистрационного режима, имущественных ограничений, допустимых форм религиозной деятельности и многоуровневого надзорно-санкционного механизма как взаимосвязанных элементов единой системы формальных правовых ограничений. На основе анализа конституционных норм, декретов и постановлений 1918 и 1929 гг., актов Совета народных комиссаров (Совета Министров) СССР 1940–1960-х гг., Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г. и последующей правоприменительной практики изучен механизм установления и поддержания правовых пределов религиозной деятельности РПЦ. Сделан вывод о том, что режим правового регулирования институционально закреплял приоритет политико-идеологических целей Советского государства над статусом религиозных объединений и обеспечивал режим управляемой лояльности Русской православной церкви посредством процедурных фильтров и санкций.

Ключевые слова: юридические науки; государственно-религиозные отношения; правовое регулирование; Русская православная церковь; история советского права; советское законодательство о культах; правовые коллизии; источники советского права; религиозные объединения в СССР; правоприменительная практика; Совет Министров СССР; Инструкция о применении законодательства о культах

Для цитирования: Зудов Ю. В. Особенности режима правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940–1980-е гг. // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 29–39. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.029-039

© Зудов Ю. В., 2026

* Зудов Юрий Валерьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук
Ленинский просп., д. 32а, г. Москва, Российская Федерация, 119334
yury.zudov@mail.ru

Specific Features of the Legal-Regulatory Regime Governing Relations between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in the 1940s–1980s

Yuriy V. Zudov, Cand. Sci. (History), N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
yury.zudov@mail.ru

Abstract. The paper presents a historical and legal study of the regime governing relations between the Soviet State and the Russian Orthodox Church from the 1940s to the 1980s. It argues that Soviet legislation on religious cults during this period did not establish a mechanism for implementing the freedom of conscience proclaimed by the Constitution of the USSR. On the contrary, it created a distinct regime of legal toleration that defined the limits of what was permissible for the Russian Orthodox Church within the Soviet legal order. The study identifies the specific features of the registration regime, property restrictions, permissible forms of religious activity, and the multi-level supervisory and sanctioning mechanism as interconnected components of a unified system of formal legal constraints. Drawing on an analysis of constitutional provisions, decrees and resolutions of 1918 and 1929, acts of the Council of People's Commissars (Council of Ministers) of the USSR issued in the 1940s–1960s, the 1961 Instruction on the Application of Legislation on Religious Cults, and subsequent law-enforcement practice, the paper examines the mechanisms through which legal boundaries on the religious activities of the Russian Orthodox Church were established and maintained. It concludes that this regulatory regime institutionally entrenched the primacy of the Soviet State's political and ideological objectives over the legal status of religious associations and secured a system of managed loyalty on the part of the Russian Orthodox Church through procedural filters and sanctions.

Keywords: legal sciences; state-religious relations; legal regulation; Russian Orthodox Church; history of Soviet law; Soviet legislation on religious cults; legal conflicts; sources of Soviet law; religious associations in the USSR; law enforcement practice; Council of Ministers of the USSR; Instruction on the Application of Legislation on Religious Cults

Cite as: Zudov YuV. Specific Features of the Legal-Regulatory Regime Governing Relations between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in the 1940s–1980s. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):29-39. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.029-039

Введение

Тема правового регулирования государственно-религиозных отношений в России остается одной из ключевых проблем историко-правовых исследований. Особое значение имеет изучение советской модели правового регулирования статуса религиозных объединений и государственно-религиозных отношений в позднесталинский и последующий периоды, оказавшей существенное влияние как на государственную правовую политику в религиозной сфере после распада Советского Союза, так и на современ-

ный социально-политический облик Русской православной церкви¹.

Исследуемый в статье период 1940–1980-х гг. охватывает этап качественного изменения государственной религиозной политики в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы, связанные с принятием ряда актов Совета народных комиссаров (Совета Министров) СССР, в частности в 1943–1945 гг., а также позднесоветское время, когда курс на демократизацию политической системы привел к существенной трансформации сложившихся правил государственно-религиозных отношений.

¹ Солдатов А. Священный «капитал» и его «олигархи» // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 39–45 ; Вольтер О. В. Русская православная церковь как социальный институт и ее церковно-административные и иерархические элиты в современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 11. С. 211–218.

Анализ советского законодательства о культах предпринимается прежде всего для реконструкции правового статуса Русской православной церкви как института; соответствующим образом сформирована и выборка рассматриваемых актов. В центре внимания находятся сферы, в которых государство задавало правовые пределы допустимой деятельности РПЦ: регистрация религиозных общин и священнослужителей, передача и использование культовых зданий и имущества, а также механизмы контроля и санкций за нарушение законодательства о культах. Вопросы международной деятельности РПЦ статья не касается.

В имеющейся историографии достаточно полно разработаны политические и репрессивные аспекты антирелигиозной политики СССР². При этом правовые стороны государственно-религиозного взаимодействия в основном описаны фрагментарно, как набор отдельных актов, без попытки реконструировать их как целостный правовой режим, задающий пределы допустимого функционирования РПЦ. Исключение составляют исследования российских историков права, например Д. А. Пашенцева, О. Н. Петюковой и И. А. Шершневой-Цитульской, по большей части касающиеся первой половины XX в.³

Для современной историко-правовой науки принципиально важно понимать советское регулирование религиозной сферы не только как инструмент репрессий, но и как специфическую систему формальных правовых ограничений, в рамках которой допускалось управляемое функционирование религиозных обществ. С одной стороны, конституционно-правовые нормы и многие официальные акты провозглашали свободу совести и отделение церкви от государства; с другой стороны, ряд секретных постановлений

и закрытых инструкций формировали особый режим, при котором РПЦ могла существовать лишь в условиях множества ограничений, запретов и процедурных фильтров.

Научная проблема заключается в выявлении соотношения между конституционно-правовым фасадом и реально существовавшей системой регулирования деятельности религиозных объединений, а также в анализе юридической природы формальных правовых ограничений, в которых функционировала Русская православная церковь.

Объектом исследования выступает государственно-правовой механизм регулирования деятельности Русской православной церкви в СССР в 1940–1980-е гг. Предмет исследования — совокупность нормативных правовых актов и связанных с ними актов неправового характера, определявших правовой режим государственно-религиозных отношений и применявшихся к РПЦ, рассматриваемых как система формальных правовых ограничений, устанавливающих пределы допустимого поведения института РПЦ.

Цель исследования — выявить и проанализировать, каким образом советское законодательство о религиозных культах формировало для Русской православной церкви особый режим правового регулирования, основанный на системе формальных правовых ограничений и очерчивающий пространство дозволенного.

В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих задач:

— охарактеризовать нормативную основу государственно-религиозных отношений в СССР в 1940–1980-е гг.: конституционные положения, указы и постановления верховных советов / их президиумов, постановления СНК/СМ СССР и союзных республик, инструкции и положения Совета по делам религий;

² *Одинцов М. И., Чумаченко Т. А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. СПб. : Российское объединение исследователей религии, 2013 ; *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001.

³ *Петюкова О. Н.* Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. М. : Юнити-Дана, 2012 ; *Шершнева-Цитульская И. А.* Государство и церковь в России в XVIII — начале XXI века. М. : Юрайт, 2020 ; Развитие российского права в 1940-е годы : монография / под ред. С. А. Боголюбова и Д. А. Пашенцева. М. : Инфра-М, 2025.

— выделить и описать ключевые блоки регулирования, в которых формировались пределы допустимого существования РПЦ: регистрацию общин и священнослужителей, правовой режим культовых зданий и имущества, разрешенные виды религиозной деятельности, механизмы контроля и санкций;

— проанализировать на основе конкретных актов, какие формально-юридические конструкции использовались для задания этих границ религиозной деятельности: условия регистрации, основания для отказа и снятия с регистрации, предписания, режим пользования культовым имуществом, санкции.

Гипотеза исследования состоит в том, что советское законодательство о религиозных культах в 1940–1980-е гг. выступало не столько как механизм реализации декларируемой свободы совести, сколько как система формализованных ограничений и запретов, задающих минимально допустимое пространство существования Русской православной церкви. Эти ограничения институционально оформляли приоритет политико-идеологических целей государства над правовым статусом религиозных объединений и обеспечивали управляемую лояльность РПЦ посредством процедурных фильтров и санкций.

Методологическую основу исследования составляют историко-правовой и формально-юридический методы, позволяющие анализировать советское законодательство о культах в динамике и выявлять используемые в нем юридические конструкции. Применяется институциональный подход к праву, в рамках которого совокупность нормативных актов, подзаконных инструкций и правоприменительных практик рассматривается как особый режим регулирования, задающий пределы правового допущения деятельности религиозных объединений. Используются элементы доктринального анализа (обращение к трудам отечественных исследователей совет-

ского законодательства) и социологии права, позволяющие соотнести тексты актов с практикой их применения.

Режим правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви

Для анализа отношений Советского государства и Русской православной церкви представляется продуктивным использовать категорию режима правового регулирования. В данном случае под ним понимается совокупность формально закреплённых норм, подзаконных предписаний, ведомственных инструкций и устойчивых практик их применения, которые определяли объем допустимой религиозной активности, пределы институционального существования церковных структур и механизмы государственного вмешательства в религиозную сферу.

Такой подход позволяет уйти от восприятия законодательства о культах как простого набора актов и рассматривать его как целостную систему формальных правил, задававших модель допустимого поведения органов власти и религиозных организаций, а также как систему правовых ограничений, внутри которых могли действовать религиозные объединения.

Специфика советского режима правового регулирования государственно-религиозных отношений заключалась в его неоднородности. Формально на верхнем уровне иерархии нормативных правовых актов находились конституционные положения о свободе совести, отделении церкви от государства и школы от церкви⁴. Впрочем, верховенство Основного Закона СССР со строгой подчиненностью ему всего массива советского законодательства по всем его структурно-функциональным срезам⁵ было четко провозглашено лишь в Конституции СССР 1977 г. (ст. 173). В предыдущих конституциях

⁴ Советская пропаганда приводила эти конституционные положения в пример, когда на международных площадках отрицала «беспочвенные и вздорные» слухи о гонениях на религию (Правда о религии в России. М. : Московская патриархия, 1942. С. 76).

⁵ Степанов И. М. Конституция и политика. М. : Наука, 1984. С. 40.

1924 и 1936 гг. оно хотя и подразумевалось, но не было выражено напрямую⁶.

На прикладном уровне действовали постановления Совета народных комиссаров (Совета Министров) СССР, указы президиумов верховных советов (союзного и республиканских), различные союзные правовые акты, нередко засекреченные, инструкции и указания Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР; важную роль играли партийно-идеологические установки, фактически придававшие формальным нормам конкретное содержание.

При их анализе (сопоставлении между собой, попытке выстроить определенную иерархию) следует иметь в виду общие особенности системы советского права. Юридическая сила отдельных видов актов обуславливалась прежде всего характером правотворческой компетенции органов власти⁷, однако сама компетенция далеко не всегда была строго закреплена, а круг рассматриваемых органом вопросов и задач нередко очерчивался в достаточно общей фор-

ме⁸. Многие в правоприменительной практике органов государственной власти зависело от проводимой в конкретный период политики⁹.

Коммунистическая партия, названная в ст. 6 Конституции СССР 1977 г. «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы», фактически определяла вектор правотворчества и правоприменения¹⁰. Государственные органы, согласно доктрине, должны были «иметь возможность быстро и своевременно» реагировать на поставленные партией задачи¹¹, их деятельность не предполагалось ограничивать «жесткими рамками правового регулирования»¹².

В результате складывалась особая правовая конструкция, в которой конституционные гарантии свободы совести формально сохранялись, но существенно корректировались системой процедурных фильтров, ограничений и надзорных механизмов. Применительно к советской конфессиональной политике уместно говорить не столько о правовом обеспечении свободы со-

⁶ Так, в Преамбуле Конституции СССР 1924 г. говорится, что Декларация и Договор об образовании СССР составляют его Основной Закон (Конституцию). В Конституции СССР 1936 г. отмечается, что Верховный Совет как высший орган государственной власти осуществляет все права Союза, предусмотренные Конституцией (ст. 14 и 31); кроме того, предписана необходимость соответствия конституций союзных республик общесоюзной (например, ст. 60).

⁷ Общая теория советского права / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М. : Юридическая литература, 1966. С. 148.

⁸ Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативных правовых актов в СССР / отв. ред. Р. О. Халфина. М. : Наука, 1987. С. 34.

⁹ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М. : Юридическая литература, 1971. С. 69 ; Казьмин И. Ф. Подготовка научной концепции законопроекта // Советское государство и право. 1985. № 3. С. 32.

¹⁰ Поленина С. В., Сильченко Н. В. Указ. соч. С. 63.

¹¹ Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М. : Юридическая литература, 1972. С. 14.
В этот период в юридической науке активно обсуждалась возможность «для удобства практики» закрепить обобщенные принципы нормотворчества в специальном законе о нормативных актах (Поленина С. В., Сильченко Н. В. Указ. соч. С. 151). Закон так и не был принят, хотя на актуальность проблемы уже для Российской Федерации продолжают указывать отечественные авторы: Тихомиров Ю. А., Рахманина Т. Н., Хабибулин А. Г. Закон о нормативных правовых актах — актуальная повестка дня // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 88–93 ; Черногор Н. Н., Залоило М. В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2018. № 3. С. 8–21 ; Горбачев С. А., Зудов Ю. В. Совершенствование системы оценки нормативных правовых актов Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 30–38.

¹² Поленина С. В., Сильченко Н. В. Указ. соч. С. 38.

вести в современном смысле, сколько о режиме ограниченного правового допущения религиозной активности, в котором провозглашенные конституционные гарантии свободы совести выполняли преимущественно декларативную и легитимирующую функции.

Именно в этом контексте можно выделить основные блоки формальных ограничений, задававших пределы допустимого присутствия института Русской православной церкви в жизни советского общества: регистрационный режим, правовой статус культового имущества, функциональные ограничения религиозной деятельности и особый надзорно-санкционный механизм.

Ключевым правовым механизмом, от которого зависела возможность осуществления религиозной деятельности, выступала *процедура регистрации*. Религиозные общины и священнослужители могли действовать лишь при условии прохождения установленной государством процедуры, а сама регистрация носила не уведомительный, а разрешительно-контрольный характер и фактически определяла, кого государство допускает к религиозной деятельности, а кому отказывает в этом.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929 «О религиозных объединениях»¹³ устанавливало порядок обращения группы верующих в количестве не менее 20 человек в органы власти для получения разрешения начать культовую деятельность, при этом механизм принятия решения никак не был регламентирован. Священнослужитель, согласно определявшей соответствующие правоприменительные механизмы Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г.¹⁴, также мог приступить к богослужебной деятельности только после постановки на регистрационный учет у уполномоченного Совета по делам РПЦ.

Нарушение законодательства о культах влекло возможность снятия с регистрации как религиозного общества, так и конкретного священнослужителя. После выявления нарушения уполномоченные и местные органы должны были выдать предписание о его устранении, а при неисполнении или в случае повторного нарушения — внести предложение о снятии с регистрации, при необходимости поставив вопрос о привлечении виновных к ответственности.

Юридическое значение регистрационного режима тем самым выходило далеко за пределы обычного административного учета. Поскольку снятие религиозного общества с регистрации рассматривалось как одно из оснований закрытия молитвенного помещения, регистрация фактически определяла само право общины на существование в качестве легального объединения. При этом понятие нарушения законодательства о культах не получило точного исчерпывающего определения в нормативных правовых актах, что расширяло пределы административного усмотрения.

Регистрация в такой конструкции выступала универсальным ограничительным механизмом: сохраняя за собой возможность в любой момент квалифицировать те или иные действия как нарушение законодательства, государство контролировало границы допустимой религиозной деятельности. Тем самым регистрационный режим превращался не только в условие законного существования, но и в инструмент отбора по политико-идеологическим критериям, закрепляя зависимость допуска к религиозной деятельности от оценки лояльности духовенства и приходского актива государственными органами.

Не менее важным элементом режима правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви выступал *режим пользования культовыми зданиями*

¹³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

¹⁴ Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и постановлением Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16.03.1961) // Законодательство о религиозных культах. М., 1971. С. 77–87.

и имуществом. Он устанавливал зависимость общин от решений органов власти и тем самым дополнял регистрационный механизм: утрата статуса влекла не только прекращение легальной деятельности, но и потерю материальной основы существования прихода.

Исходной точкой здесь оставались положения Декрета СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», лишившего религиозные общества права собственности и статуса юридического лица¹⁵. Данная логика получила развитие в постановлениях советского правительства о порядке открытия церквей и молитвенных домов 1943–1944 гг.¹⁶, определявших условия предоставления общинам культовых зданий. Правовой статус прихода как пользователя, а не собственника храма прямо вытекал из этих решений: община получала здание для религиозных нужд, но не приобретала в его отношении полноты вещных прав.

Наиболее отчетливо ограничительный характер имущественного режима проявлялся при закрытии общин. Письмо Минфина СССР от 07.07.1961 № 242 разъясняло, что при снятии религиозного общества с регистрации и закрытии молитвенного здания культовое имущество рассматривается как бесхозяйное: драгоценности и предметы обихода подлежали распределению между местными финансовыми органами и музеями, а предметы, предназначенные для отправления культа, могли передаваться другим религиозным общинам. Тем самым любые попытки сохранить имущество за прежней общиной после ее ликвидации исключались, а связь между регистрационным статусом и имущественным положением прихода становилась принципиальной.

Таким образом, имущественные нормы не обеспечивали какой-либо автономности религиозных объединений, а, напротив, усиливали их зависимость от административных решений. Право пользования храмом и культовым имуществом оказывалось производным от регистрации общины и оценки ее деятельности органами власти. В совокупности с регистрационным режимом имущественный блок задавал жесткие пределы правового допущения: религиозная община могла сохранять и культовое здание, и материальные ресурсы лишь постольку, поскольку оставалась в рамках дозволенной деятельности и поддерживала необходимый для властей уровень лояльности и управляемости.

Следующий элемент режима правового регулирования отношений Советского государства и РПЦ — правовые границы *допустимых форм религиозной деятельности*. Советское законодательство не запрещало религию как частное дело граждан, но последовательно выстраивало правовую конструкцию, согласно которой церкви фактически разрешалась лишь богослужебная деятельность, тем самым институционально исключая РПЦ из ключевых сфер общественной жизни и закрепляя ее маргинализированный статус — лишь в пределах узко понимаемого отправления культа.

Эта линия восходит к базовым актам раннесоветского периода, сохранявшим значение и в 1940–1980-е гг. Декрет 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви, конституционные нормы и Постановление 1929 г. закрепили вывод религии из образовательной системы, запрет преподавания религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных заведениях, где преподают-

¹⁵ При этом Русская православная церковь, будучи формально лишенной прав юридического лица, на практике была наделена ими в ограниченном объеме — на основании секретных правовых актов. Например, см.: постановление СНК СССР от 22.08.1945 № 2137-546с «По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106с. Д. 153. Л. 249–250.

¹⁶ Постановление СНК СССР от 28.11.1943 № 1325 «О порядке открытия церквей» // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-3610. Оп. 5. Д. 5. Л. 74–75.

Аналогичная процедура открытия неправославных храмов, мечетей и синагог, включавшая направление ходатайства верующих и согласование с Советом по делам религиозных культов, устанавливалась

ся общеобразовательные предметы, допуская религиозное обучение лишь в частном порядке. В совокупности с отсутствием статуса юридического лица и запретом владения собственностью это означало, что религиозным организациям отводилось строго ограниченное место в общественной жизни.

В дальнейшем советское законодательство о культах конкретизировало эти установки, закрепляя допустимость преимущественно богослужебной и обрядовой деятельности в рамках зарегистрированных общин. Организованная образовательная, миссионерская, благотворительная и иная социально значимая деятельность религиозных объединений прямо ограничивалась¹⁷ и выводилась за пределы правомерного поведения, становясь основанием для преследования¹⁸, в том числе со стороны административного и уголовного законодательства¹⁹.

Тем самым советское право устанавливало жесткие ограничения для той части деятельности религиозных объединений, которая выходила за рамки узко понимаемого отправления культа, в том числе для институционального участия в образовании, социальной активности или иного присутствия в общественной жизни.

Функциональное сужение религиозной активности, однако, оставалось бы во многом декларативным без системы органов и процедур, обеспечивающих реализацию соответствующих актов. Поэтому, завершая характеристику режима правового регулирования государ-

ственно-религиозных отношений в СССР, необходимо обратиться к *надзорно-санкционному механизму*, который и превращал совокупность ограничительных норм в реально действующий правовой порядок. Речь в данном случае идет не о разрозненных контрольно-надзорных мерах, а о целостной системе органов и процедур, обеспечивавших поддержание установленных государством границ деятельности Русской православной церкви.

Центральным звеном этой системы в послевоенный и позднесоветский периоды выступали Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР²⁰, которые в 1965 г. образовали единый Совет по делам религий при Совете Министров СССР. В соответствии с положением, регулирующим его статус, Совет выполнял функцию контроля за соблюдением законодательства о культах, проверки правильности его применения, вынесения обязательных для исполнения предписаний об устранении нарушений, а также мог ставить вопрос о привлечении виновных к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности. Кроме того, он мог обращаться с представлениями об отмене актов, противоречащих законодательству, тем самым влияя и на формирование нормативной базы.

На местах функции по реализации этого надзорного механизма осуществляли уполномоченные Совета по делам РПЦ, тесно взаимо-

постановлением СНК СССР от 19.11.1944 № 1603 «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (приложение к постановлению СНК СССР от 19.11.1944 № 1603 «Предложения Совета по делам религиозных культов при СНК СССР “О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов”»). См.: ЦГА Москвы. Ф. Р-150. Оп. 24. Д. 22. Л. 117–119. Копия.

¹⁷ Ст. 17 Постановления 1929 г. ; п. 7–8 Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г.

¹⁸ П. 15 Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г.

¹⁹ Например: ст. 122–127 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1926. 6 декабря. № 80. Ст. 600 ; постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 18.03.1966 «О применении статьи 142 УК РСФСР» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. С. 601.

²⁰ Постановления СНК СССР от 14.09.1943 № 993 «Об организации Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР», от 07.10.1943 № 1095 «Об утверждении Положения о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР», от 19.05.1944 № 572 «Об организации Совета по делам религиозных культов при СНК СССР».

действовавшие с сетью местных органов власти: исполнительными комитетами советов народных депутатов, административными комиссиями, финансовыми органами, органами государственной безопасности и внутренних дел. Именно на этом уровне решались конкретные вопросы регистрации и снятия с регистрации общин и служителей культа, открытия и закрытия молитвенных зданий, применения административных взысканий за нарушение законодательства о культах; от этих решений²¹ зависели обстоятельства существования религиозных общин. Уполномоченные при этом становились важным звеном, обеспечивающим согласование политико-идеологических установок союзного центра с конкретными региональными особенностями.

Надзорная функция прокуратуры дополняла эту систему. Исходя из статуса органа высшего надзора за точным и единообразным исполнением законов, прокуратура контролировала законность решений о регистрации и ликвидации религиозных объединений, изъятии и передаче культовых зданий, участвовала в уголовном преследовании по делам, связанным с религиозной сферой, и проверяла практику применения административных санкций за нарушение законодательства о культах. Таким образом, прокурорский надзор интегрировал режим правового допущения религиозной деятельности в общую систему контроля за законностью в СССР.

Судебные органы выступали непосредственными правоприменителями специальных уголовных и административных норм. Обзоры Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР, подготовленные в середине 1960-х гг., фиксировали накопившуюся практику рассмотрения дел, касающихся религиозной деятельности, и задавали ориентиры для нижестоящих судов, в том числе в части квалификации тех или иных действий верующих и духовенства как правонарушений. Через эти разъяснения формировалось общее представление о том, какие модели поведения религиозных акторов считаются допустимыми, а какие подлежат пресечению.

В совокупности надзорно-санкционный механизм выполнял несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, он обеспечивал принудительное соблюдение установленных регистрационных, имущественных и содержательных ограничений. Во-вторых, через систему предписаний, проверок и санкций он формировал у религиозных объединений представление о границах допустимого и рисках выхода за эти границы. В-третьих, эта правоприменительная практика конкретизировала расплывчатые формулы нарушения законодательства о культах, превращая их в инструмент адресного воздействия на Русскую православную церковь и поддержания режима управляемой лояльности ее институтов и кадров.

Включенный в практику деятельности Совета по делам РПЦ, местных партийных органов, исполкомов, прокуратуры и судов, этот надзорный механизм превращал советское законодательство о культах в устойчивую систему правовых ограничений, определявших пространство допустимого существования РПЦ в Советском государстве.

Выводы

Анализ показывает, что советское законодательство о религиозных культах в 1940–1980-е гг. формировало для Русской православной церкви особый режим правового регулирования, задававший минимально допустимое пространство ее существования в рамках советского правопорядка. Этот режим строился на совокупности взаимосвязанных формально-правовых ограничений: регистрационных процедур, особого правового режима культовых зданий и имущества, нормативного сужения допустимых форм религиозной деятельности и многоуровневого надзорно-санкционного механизма.

Тем самым советское законодательство о культах выступало не только средством ограничения религиозной сферы, но и инструментом ее институционального оформления в пределах, со-

²¹ Степень участия тех или иных органов власти в принятии итогового решения различалась в конкретные периоды.

вместимых с политико-идеологическими приоритетами государства. Рассмотрение этих актов как внутренне связанной системы формальных правовых ограничений позволяет интерпретировать правовую природу отношений Советского

государства и Русской православной церкви не как нейтральное «обеспечение свободы совести», а как юридическое оформление приоритета политико-идеологических целей государства над институциональным статусом церкви.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. — М. : Юридическая литература, 1971. — 223 с.
2. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. — М., 2001. — 214 с.
3. Вольтер О. В. Русская православная церковь как социальный институт и ее церковно-административные и иерархические элиты в современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». — 2015. — Т. 11. — С. 211–218.
4. Горбачев С. А., Зудов Ю. В. Совершенствование системы оценки нормативных правовых актов Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. — 2019. — № 1 (30). — С. 30–38.
5. Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под ред. В. А. Куроедова. — М. : Юридическая литература, 1971. — 336 с.
6. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. — М. : Юридическая литература, 1972. — 280 с.
7. Общая теория советского права / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. — М. : Юридическая литература, 1966. — 491 с.
8. Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. — СПб. : Российское объединение исследователей религии, 2013. — 372 с.
9. Петюкова О. Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. — М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2012. — 350 с.
10. Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативных правовых актов в СССР / отв. ред. Р. О. Халфина. — М. : Наука, 1987. — 152 с.
11. Правда о религии в России. — М. : Московская патриархия, 1942. — 456 с.
12. Развитие российского права в 1940-е годы : монография / под ред. С. А. Боголюбова, Д. А. Пашенцева. — М. : Инфра-М, 2025. — 320 с.
13. Солдатов А. Священный «капитал» и его «олигархи» // Отечественные записки. — 2001. — № 1. — С. 39–45.
14. Степанов И. М. Конституция и политика / под ред. Ю. А. Тихомирова. — М. : Наука, 1984. — 173 с.
15. Тихомиров Ю. А., Рахманина Т. Н., Хабибулин А. Г. Закон о нормативных правовых актах — актуальная повестка дня // Журнал российского права. — 2006. — № 5. — С. 88–93.
16. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2018. — № 3. — С. 8–21.
17. Шершнева-Цитульская И. А. Государство и церковь в России в XVIII — начале XXI века : учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2020. — 189 с.

Материал поступил в редакцию 14 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. *Sotsialnaya tsennost prava v sovetskom obshchestve*. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1971. — 223 s.
2. Vasileva O. Yu. *Russkaya pravoslavnaya tserkov v politike sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* — M., 2001. — 214 s.
3. Volter O. V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov kak sotsialnyy institut i ee tserkovno-administrativnye i ierarkhicheskie elity v sovremennoy Rossii* // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*. — 2015. — T. 11. — S. 211–218.
4. Gorbachev S. A., Zudov Yu. V. *Sovershenstvovanie sistemy otsenki normativnykh pravovykh aktov Rossiyskoy Federatsii* // *Monitoring pravoprimeneniya*. — 2019. — № 1 (30). — S. 30–38.
5. *Zakonodatelstvo o religioznykh kultakh: sbornik materialov i dokumentov* / pod red. V. A. Kuroedova. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1971. — 336 s.
6. Lazarev B. M. *Kompetentsiya organov upravleniya*. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1972. — 280 s.
7. *Obshchaya teoriya sovetskogo prava* / pod red. S. N. Bratusya, I. S. Samoshchenko. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1966. — 491 s.
8. Odintsov M. I., Chumachenko T. A. *Sovet po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri SNK (SM) SSSR i Moskovskaya patriarkhiya: epokha vzaimodeystviya i protivostoyaniya. 1943–1965 gg.* — SPb.: Rossiyskoe obedinenie issledovateley religii, 2013. — 372 s.
9. Petyukova O. N. *Pravovye formy otnosheniy Sovetskogo gosudarstva i Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1917–1945 godakh*. — M.: Yuniti-Dana: Zakon i pravo, 2012. — 350 s.
10. Polenina S. V., Silchenko N. V. *Nauchnye osnovy tipologii normativnykh pravovykh aktov v SSSR* / otv. red. R. O. Khalfina. — M.: Nauka, 1987. — 152 s.
11. *Pravda o religii v Rossii*. — M.: Moskovskaya patriarkhiya, 1942. — 456 s.
12. *Razvitie rossiyskogo prava v 1940-e gody: monografiya* / pod red. S. A. Bogolyubova, D. A. Pashentseva. — M.: Infra-M, 2025. — 320 s.
13. Soldatov A. *Svyashchennyy «kapital» i ego «oligarkhi»* // *Otechestvennye zapiski*. — 2001. — № 1. — S. 39–45.
14. Stepanov I. M. *Konstitutsiya i politika* / pod red. Yu. A. Tikhomirova. — M.: Nauka, 1984. — 173 s.
15. Tikhomirov Yu. A., Rakhmanina T. N., Khabibulin A. G. *Zakon o normativnykh pravovykh aktakh — aktualnaya povestka dnya* // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2006. — № 5. — S. 88–93.
16. Chernogor N. N., Zaloilo M. V. *Pravovoy monitoring: instrumentalnaya tsennost i vektory razvitiya* // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya»*. — 2018. — № 3. — S. 8–21.
17. Shershneva-Tsitulskaya I. A. *Gosudarstvo i tserkov v Rossii v XVIII — nachale XXI veka: ucheb. posobie*. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurayt, 2020. — 189 s.

О формировании правосознания личности в контексте использования виртуальных игровых активов

Аннотация. В статье анализируется проблема правового осмысления использования виртуальных игровых активов. Такие активы, как аккаунты, персонажи, оружие, снаряжение, внешние атрибуты, валюта, недвижимость, обладают значительной потребительной стоимостью, имеют материальную и нематериальную ценность. Некоторые из них могут быть конвертированы в реальные деньги. С точки зрения права главной характеристикой виртуальных игровых активов является их материальная ценность (стоимость). Отмечается, что правовую составляющую процесса конвертации следует рассматривать через призму реагирования пользователей Сети на изменение внешней среды при их контакте друг с другом и с этой средой. В отличие от других видов виртуального имущества виртуальные игровые активы органически связаны с онлайн-играми и не могут существовать вне их. Обращается внимание на то, что нормы права регламентируют лишь небольшую часть складывающихся в Сети отношений. Fundamentом регулирования служат пользовательские соглашения и правила, сформулированные самим интернет-сообществом на основе мультистейкхолдеризма. Указывается, что в связи с интенсивным процессом развития виртуального пространства и формированием метавселенных допустима ориентация на нормы морали, общечеловеческие ценности, а также использование потенциала правовой культуры и правосознания.

Ключевые слова: право; правосознание; цифровизация; цифровая среда; виртуальное пространство; виртуальное имущество; виртуальные игровые активы (ВИА); Roblox; Роскомнадзор; широкое (философское) понимание правосознания; цифровая личность

Для цитирования: Степанов О. А., Степанов М. М. О формировании правосознания личности в контексте использования виртуальных игровых активов // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 40–47. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.040-047

© Степанов О. А., Степанов М. М., 2026

* *Степанов Олег Анатольевич*, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Большая Черемушkinsкая ул., д. 34, г. Москва, Российская Федерация, 117218
soa-45@mail.ru

** *Степанов Михаил Михайлович*, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Большая Черемушkinsкая ул., д. 34, г. Москва, Российская Федерация, 117218
stepanovtao@mail.ru

Individual Legal Consciousness Formation in the Context of the Use of Virtual Gaming Assets

Oleg A. Stepanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Principal Research Fellow, Centre for Judicial Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
soa-45@mail.ru

Mikhail M. Stepanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Research Fellow, Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
stepanovtao@mail.ru

Abstract. The paper examines the legal conceptualization of the use of virtual in-game assets (VIAs). Such assets — including accounts, characters, weapons, equipment, cosmetic items, currency, and virtual real estate — possess substantial consumer value and may have both tangible and intangible value. Some of them may be converted into real-world money. From a legal perspective, the defining characteristic of virtual in-game assets is their economic value. It is noted that the legal dimension of the conversion process should be considered through the lens of internet users' responses to changes in the external environment arising from their interaction with one another and with that environment. Unlike other forms of virtual property, VIAs are inherently connected with online games and cannot exist independently thereof. The article draws attention to the fact that legal rules govern only a limited part of the relationships emerging online. The principal regulatory framework consists of user agreements and rules developed by the internet community itself on the basis of a multistakeholder approach. In view of the rapid development of virtual space and the emergence of metaverses, the article contends that it is appropriate to orient regulation towards moral norms, universal human values, and to use the potential of legal culture and legal consciousness.

Keywords: law; legal consciousness; digitalization; digital environment; virtual space; virtual property; virtual gaming assets; virtual gaming assets (VGAs); Roblox; Roskomnadzor; broad (philosophical) understanding of legal consciousness; digital identity

Cite as: Stepanov OA, Stepanov MM. Individual Legal Consciousness Formation in the Context of the Use of Virtual Gaming Assets. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):40-47. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.040-047

С каждым годом виртуальное пространство становится всё более важным для общества. Первоначально сеть Интернет только помогала развитию различных сфер жизни общества. Однако в настоящее время цифровые технологии достигли такого уровня, что в информационной среде стала складываться альтернативная реальность со своей экономикой, культурой, образованием и пр.

Так, в Сети появилось виртуальное имущество, которое существует только в ней, обладает реальной стоимостью и может конвертироваться в реальные деньги. При этом правовая природа такого имущества или вовсе не определена, или ее определение вызывает затруднения и дискуссии в научных кругах. В настоящее время к нему относятся криптовалюта, токены и другие объекты виртуального пространства¹.

¹ Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 1. С. 81–91 ; Ситник А. А. NFT как объект правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12. С. 84–93 ; Аюшеева И. З. Гражданско-правовой режим объектов метавселенной, виртуальной и дополненной реальности // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 12. С. 48–56.

В последние годы особую значимость приобрел такой вид виртуального имущества, как виртуальные игровые активы (далее также — ВИА)². Их ценность в современном мире определяется не столько стоимостью, которая постоянно растет, сколько количеством лиц, обладающих ими, — геймеров, а также инвесторов. По показателю «количество собственников» ВИА являются самым распространенным видом виртуального имущества. Особенность виртуальных игровых активов заключается в том, что они не только имеют реальную стоимость, но и (прежде всего) обладают нематериальной составляющей. Для геймера ВИА — это в первую очередь нематериальное благо, предмет его гордости, показатель заслуг и значимости в игровом пространстве.

О распространенности виртуальных игровых активов говорят следующие цифры. В 2024 г. общее количество геймеров в мире достигло 3,42 млрд человек, увеличившись на 4,5 %. Прогнозируется рост их числа до 3,76 млрд к 2027 г.³ Учитывая, что в конце 2024 г. население Земли насчитывало 8,126 млрд человек⁴, геймеры составляют чуть более 42 % жителей планеты. Большая часть из них играет онлайн, являясь (или потенциально являясь) участниками оборота виртуальных игровых активов.

В настоящее время к ВИА относятся: аккаунты, персонажи, оружие, снаряжение, внешние атрибуты, валюта, недвижимость и др.

В отечественной юридической науке используют различные родовые понятия, включающие указанные виды виртуальных объектов: виртуальное имущество, виртуальное игровое имущество, внутриигровое имущество, виртуальная игровая собственность и др. Однако, по мнению авторов ста-

ти, наиболее точно сущность указанных объектов отражает термин «виртуальные игровые активы». Под ними понимаются нематериальные объекты, которые имеют электронную форму, обладают экономической ценностью, возникают и существуют в виртуальном пространстве онлайн-игр.

В отличие от других видов виртуального имущества виртуальные игровые активы органически связаны с онлайн-играми и не могут существовать вне их. Другой особенностью ВИА является экономическая ценность, которая обуславливает возможность их оборота и конвертации в реальные деньги (покупки за реальные деньги). Это принципиальное отличие ВИА от других внутриигровых объектов, значительная часть из которых не является активом, не участвует в обороте и нередко просто уничтожается геймерами.

Виртуальные игровые активы обладают значительной потребительной стоимостью, имеют материальную и нематериальную ценность. Некоторые из них могут быть конвертированы в реальные деньги. Для торговли ими создаются специальные площадки, как официальные (например, Steam), так и неофициальные. Оборот ВИА, а также различные возникающие в связи с этим проблемы (кража ВИА, блокировка аккаунта с ВИА и пр.) нередко вызывают серьезные последствия, в том числе юридического характера.

Нематериальная ценность ВИА определяется тем, какую значимость они имеют в онлайн-игре и как характеризуют геймера. Иногда ВИА напрямую влияют на игровой процесс («прокачанный» персонаж, высокоуровневое оружие и снаряжение и т.д.). Иногда это просто предметы, относящиеся к внешней атрибутике (красивые, необычные, а главное — редкие скины, оружие и доспехи, одеж-

² Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 10.03.2026).

³ Компьютерные и видеоигры (мировой рынок) // TAdviser. 2025. 29 октября. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Компьютерные_и_видеоигры_\(мировой_рынок\)#.D0.9A.D0.BE.D0.BB.D0.B8.D1.87.D0.B5.D1.81.D1.82.D0.B2.D0.BE_.D0.B3.D0.B5.D0.B9.D0.BC.D0.B5.D1.80.D0.BE.D0.B2_.D0.B2_.D0.BC.D0.B8.D1.80.D0.B5_.D0.B7.D0.B0_.D0.B3.D0.BE.D0.B4_.D0.B2.D1.8B.D1.80.D0.BE.D1.81.D0.BB.D0.BE_.D0.BD.D0.B0_4.2C5.25_.D0.B8_.D0.B4.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B8.D0.B3.D0.BB.D0.BE_3.2C42_.D0.BC.D0.BB.D1.80.D0.B4_.D1.87.D0.B5.D0.BB.D0.BE.D0.B2.D0.B5.D0.BA](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Компьютерные_и_видеоигры_(мировой_рынок)#.D0.9A.D0.BE.D0.BB.D0.B8.D1.87.D0.B5.D1.81.D1.82.D0.B2.D0.BE_.D0.B3.D0.B5.D0.B9.D0.BC.D0.B5.D1.80.D0.BE.D0.B2_.D0.B2_.D0.BC.D0.B8.D1.80.D0.B5_.D0.B7.D0.B0_.D0.B3.D0.BE.D0.B4_.D0.B2.D1.8B.D1.80.D0.BE.D1.81.D0.BB.D0.BE_.D0.BD.D0.B0_4.2C5.25_.D0.B8_.D0.B4.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B8.D0.B3.D0.BB.D0.BE_3.2C42_.D0.BC.D0.BB.D1.80.D0.B4_.D1.87.D0.B5.D0.BB.D0.BE.D0.B2.D0.B5.D0.BA) (дата обращения: 10.03.2026).

⁴ Население Земли // TAdviser. 2025. 5 сентября. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Население_Земли (дата обращения: 10.03.2026).

да, средства передвижения, питомцы и пр.). Большую роль в определении ценности ВИА играет способ их получения: стоимость (в реальных деньгах или внутриигровой валюте) на внутреннем аукционе или специализированной площадке (если их можно покупать-продавать); редкость дропа (лута); время и внутриигровые ресурсы, потраченные на их получение. Наряду с внутриигровыми достижениями ВИА определяют отношение к геймеру, его статус среди других игроков.

С точки зрения права главной характеристикой ВИА является их материальная ценность (стоимость). Например, глобальный рынок скинов Counter-Strike в 2025 г. составил 5,8 млрд долл. При этом покупатели рассматривают их не только как игровую косметику, но и как инструмент инвестиций и спекуляций⁵.

В ходе проведения исследования по оценке стоимости и востребованности почти 5 тыс. уникальных скинов в игре Counter-Strike: Global Offensive (CS:GO) с 2013 по 2024 г. на торговой площадке Steam выяснилось, что эти виртуальные предметы явились одним из самых эффективных активов с точки зрения соотношения риска и доходности, которая достигает 41,2 % годовых. Средняя цена скина CS:GO за рассматриваемый период составила 155 долл., а самый дорогой из них был оценен почти в 4 тыс. долл. В среднем каждый скин покупался и продавался 800 раз в месяц⁶.

В то же время, как показала практика, на оборот скинов CS:GO влияют рыночные законы —

наряду с периодами подъема их цены случаются спады. Главная особенность заключается в том, что волатильность данного рынка определяется в первую очередь политикой компании-разработчика. Из-за этого в конце 2025 г. после обвала рынка скинов для Counter Strike 2 в Китае начались самоубийства среди геймеров, причина которых связана с выпуском обновления, упростившего получение редких скинов. В итоге экономика игры, по оценкам экспертов, рухнула на 3 млрд долл., а геймеры и инвесторы потеряли значительные суммы⁷.

Продажа виртуальных игровых активов осуществляется не только в CS:GO, но и в других онлайн-играх⁸. Однако не все их можно приобрести на официальных сайтах, во внутриигровом пространстве или на специализированных торговых площадках. Поэтому продажа ВИА активно ведется самими пользователями, при этом зачастую нарушаются запреты, установленные разработчиками игр. Некоторые из совершаемых теневых сделок становятся широко известными, показывая, какую реальную стоимость могут иметь виртуальные объекты. Например, в 2007 г. один из игроков в игре World of Warcraft купил аккаунт с высокоуровневым персонажем, имеющим уникальную экипировку, за 7 тыс. евро (9,7 тыс. долл.)⁹. В той же игре в России в 2019 г. продавался аккаунт за 6 млн руб.¹⁰ А в игре World of Tanks на продажу был выставлен аккаунт за 2,7 тыс. долл.¹¹

⁵ Counter-Strike // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Counter-Strike#.D0.9E.D0.B1.D1.8A.D0.B5.D0.BC_.D1.80.D1.8B.D0.BD.D0.BA.D0.B0_.D1.81.D0.BA.D0.B8.D0.BD.D0.BE.D0.B2_.D0.B4.D0.BB.D1.8F_Counter-Strike_.D0.B4.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B8.D0.B3_.D1.80.D0.B5.D0.BA.D0.BE.D1.80.D0.B4.D0.BD.D1.8B.D1.85_.245.2C8_.D0.BC.D0.BB.D1.80.D0.B4 (дата обращения: 10.03.2026).

⁶ Dobrynskaya V., Strelnikov V. Videogame Attributes as Alternative Investments // URL: <https://ssrn.com/abstract=5209656> (дата обращения: 10.03.2026).

⁷ Counter-Strike.

⁸ Сайт компании Blizzard Entertainment. URL: <https://www.blizzard.com/ru-ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

⁹ Russell. Почти \$ 10 000 за персонажа World of Warcraft // Playground. 2007. 20 сентября. URL: https://www.playground.ru/world_of_warcraft/news/pochti_10_000_zh_personazha_world_of_warcraft-418293 (дата обращения: 10.03.2026).

¹⁰ Красноярск продает аккаунт в WoW за 6 миллионов рублей // 7 канал Красноярск. 2019. 13 августа. URL: <https://trk7.ru/news/99287.html#:~:text=Цена%лота%-%6%миллионов%рублей,а%также%паритетных%косметических%вещей> (дата обращения: 10.03.2026).

¹¹ Плюхин С. Десяток танков за \$ 50. Onliner.by побывал на черном рынке аккаунтов World of Tanks // Onliner.by. 2016. 28 марта. URL: <https://tech.onliner.by/2016/03/28/kupi-tank> (дата обращения: 10.03.2026).

Несмотря на распространенность и значительную стоимость виртуальных игровых активов, в отечественном законодательстве их правовая природа до сих пор не определена. В юридическом сообществе по этому поводу сложилось несколько точек зрения. Так, еще несколько лет назад доминировало мнение, что право не регулирует отношения, связанные с ВИА, а возникающие конфликты должны решаться на основе правил игры и соглашений с конечными пользователями. Отечественная правоприменительная практика до недавнего времени формировалась в рамках именно этого подхода, отказывая собственникам виртуальных игровых активов в защите их прав. Между тем стремительный рост значения ВИА в России в течение последних двух десятилетий, обусловленный кратным увеличением количества геймеров и стоимости приобретаемых ими внутриигровых объектов, привел к осознанию того, что отношения, возникающие в силу существования ВИА, так же как и иные отношения, касающиеся виртуального имущества, должны быть урегулированы правом¹².

В настоящее время в отечественной юридической науке высказываются различные точки зрения относительно правовой природы виртуальных игровых активов. Например, предлагается признать их вещами и распространить на них действие положений вещного права; рассматривать ВИА в контексте развития института цифровых прав; приравнивать их к цифровым финансовым активам (криптовалюты, токены); признать виртуальные игровые активы результатом интеллектуальной деятельности.

По мнению авторов статьи, наиболее перспективным является взгляд на ВИА как на иное имущество в соответствии со ст. 128 ГК РФ. Данный подход не только максимально точно отражает сущность виртуальных игровых активов

как цифровых объектов, находящихся в Сети, но и не требует разработки объемного самостоятельного регулирования. Это тем более важно, что имеющийся в настоящее время в отечественном гражданско-правовом поле пробел затрудняет регламентацию отношений, связанных с ВИА, другими отраслями права, формирование единой и непротиворечивой правоприменительной практики, а в итоге — юридическую защиту прав владельцев виртуальных игровых активов.

Ввиду того что в России правовая природа виртуальных игровых активов не определена и в то же время динамично формируется соответствующая правоприменительная практика, исследование особенностей оборота ВИА с точки зрения права весьма актуально. При этом нужно разделять особенности правового регулирования отношений в реальном и в виртуальном мире, поскольку в Сети нормы права регламентируют лишь небольшую их часть — присутствие и роль права здесь в целом ограничены. Базу регулирования отношений составляют пользовательские соглашения и правила, сформулированные самим интернет-сообществом на основе мультистейкхолдеризма, т.е. в виртуальном пространстве способы правового принуждения субъектов к правомерному и адекватному поведению существенно ограничены¹³.

Необходимо учитывать, что развитие законодательства, которое по своей природе консервативно, отстает от динамично изменяющихся общественных отношений, в том числе и в виртуальном пространстве. Вместе с тем не вызывает сомнений, что совершенствование технологий — важный фактор, инициирующий развитие механизма правового регулирования¹⁴.

Таким образом, существующая система социальных регуляторов, ядром которой является право, в настоящее время не способна в полной

¹² Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 7–29.

¹³ Степанов О. А., Степанов М. М. О правовом реагировании на последствия поведения личности в виртуальном пространстве // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 1. С. 24–33.

¹⁴ Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции : монография. М. : Норма ; Инфра-М, 2025 ; Она же. Правовые очерки технологической революции : монография. М. : Норма ; Инфра-М ; Российская академия наук, 2025.

мере справиться с задачей регламентации отношений, возникающих в Сети.

Поведение субъекта в виртуальном пространстве в известной мере определяется его общей и правовой культурой, которая обуславливает законопослушный и адекватный образ действий. Но основную роль здесь играет правосознание, которое непосредственно влияет на выбор лицом того или иного варианта поведения.

Важно отметить, что правовое сознание формируется только в реальном мире, где действует право, имеются правовые институты, осуществляется правовое воспитание личности. Однако инструменты и способы воздействия на личность в Сети с целью формирования ее правосознания и правовой культуры весьма скудны, а результаты такого воздействия минимальны. Поэтому в современных условиях уровень развития правовой культуры и правосознания субъекта — участника отношений в Сети определяется характеристиками, сформированными у него в реальном мире.

Поскольку в настоящее время развитие социума всё чаще характеризуется термином «антропологический переход» («большой антропологический переход», «глобальный антропологический переход», «антропологический цивилизационный переход»)¹⁵, то вне зависимости от понимания его содержания во всех подходах к рассматриваемому явлению отмечаются: изменение когнитивных способностей современного человека, развитие у него клипового мышления (клипового сознания); трансформация культурного кода и форм социальности, вплоть до социальной деграда-

ции; утрата морально-нравственных качеств, прежде всего эмпатии и сочувствия. Одним из результатов антропологического перехода стала негативная трансформация правосознания личности, обусловленная существованием неверных взглядов, идей, теорий о справедливом и несправедливом, законном и незаконном, правовом идеале¹⁶. В результате этого пользователь Сети нередко совершает в реальном мире правонарушения, связанные с ВИА, а также деяния, которые расцениваются в цифровом мире лишь как возможные отклонения от принятых там правил поведения из-за вседозволенности, безнаказанности, эгоизма, агрессии и пр.

Это порождается анонимностью субъекта и сложностью привлечения его к ответственности в виртуальном пространстве, которое представляет собой достаточно токсичную и стрессовую среду. Возможно, в дальнейшем при поэтапном преобразовании виртуального пространства в метавселенные поведение субъектов будет более жестко регламентироваться. При этом существующие там правила поведения будут основаны на нормах морали и права (во всяком случае, хочется на это надеяться).

Таким образом, в современных условиях ВИА допустимо рассматривать в качестве особого вида виртуального имущества, ценность которого с каждым годом увеличивается. Регулирование связанных с ним отношений и их защита приобретают в России особую актуальность, так как их правовая составляющая пока еще не является релевантной сложившимся в Сети отношениям. Особую актуальность здесь

¹⁵ Сомова И. Ю., Ипатова К. С., Амельченко А. Я. Биоцифровая конвергенция как инструмент трансгуманизма: методы и цели антропологического перехода // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/04SCSK323.pdf>; Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевые информационные революции и большой антропологический переход: эволюционный аспект // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2020. № 4. С. 40–51; Киселев А. Ф., Лубков А. В., Пахомов Н. Н. Образование в перспективе глобального антропологического перехода (педагогическая утопия для XXI века) // Высшее образование сегодня. 2019. № 3. С. 76–83; Кашкин С. Ю. Право в условиях антропологического цивилизационного перехода в цифровое общество // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2024. № 4. С. 85–96.

¹⁶ Бернацкий Г. Г. Деформированное правосознание: пути возникновения и преодоления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2025. № 1 (60). С. 43.

приобретает анализ использования всех имеющихся средств, способных позитивно повлиять на поведение субъекта в виртуальном пространстве¹⁷. Ввиду интенсивного развития метавселенных допустима ориентация на нормы

морали, общечеловеческие ценности, а также использование потенциала правовой культуры и правосознания. Опыт функционирования таких метавселенных, как Second Life¹⁸, The Sandbox¹⁹, Decentraland²⁰, это подтверждает.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевые информационные революции и большой антропологический переход: эволюционный аспект // Сложность. Разум. Постнеклассика. — 2020. — № 4. — С. 40–51.
2. Аюшеева И. З. Гражданско-правовой режим объектов метавселенной, виртуальной и дополненной реальности // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 48–56.
3. Бернацкий Г. Г. Деформированное правосознание: пути возникновения и преодоления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». — 2025. — № 1 (60). — С. 43–51.
4. Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 81–91.
5. Кашкин С. Ю. Право в условиях антропологического цивилизационного перехода в цифровое общество // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». — 2024. — № 4. — С. 85–96.
6. Киселев А. Ф., Лубков А. В., Пахомов Н. Н. Образование в перспективе глобального антропологического перехода (педагогическая утопия для XXI века) // Высшее образование сегодня. — 2019. — № 3. — С. 76–83.
7. Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. 13 июня. — URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym.
8. Ситник А. А. NFT как объект правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 84–93.
9. Сомова И. Ю., Ипатова К. С., Амельченко А. Я. Биоцифровая конвергенция как инструмент трансгуманизма: методы и цели антропологического перехода // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/04SCSK323.pdf>.
10. Степанов О. А., Степанов М. М. О правовом реагировании на последствия поведения личности в виртуальном пространстве // Правоприменение. — 2024. — Т. 8. — № 1. — С. 24–33.
11. Степанов О. А., Степанов М. М. О цифровой идентичности человека в виртуальном пространстве // Российская юстиция. — 2025. — № 10. — С. 30–35.
12. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. — 2021. — Т. 21. — № 6. — С. 7–29.
13. Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции : монография. — М. : Норма ; Инфра-М, 2025. — 168 с.
14. Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции : монография. — М. : Норма ; Инфра-М ; Российская академия наук, 2025. — 144 с.

¹⁷ Степанов О. А., Степанов М. М. О цифровой идентичности человека в виртуальном пространстве // Российская юстиция. 2025. № 10. С. 30–35 ; Stepanov O. A., Stepanov M. M. On digital identification of actions personality // State and Law. 2024. No. 7. P. 205–210.

¹⁸ Официальный сайт Second Life. URL: <https://secondlife.com/> (дата обращения: 10.03.2026).

¹⁹ Официальный сайт The Sandbox. URL: <https://www.sandbox.game/en/> (дата обращения: 10.03.2026).

²⁰ Официальный сайт Decentraland. URL: <https://decentraland.org/> (дата обращения: 10.03.2026).

15. Dobrynskaya V., Strelnikov V. Videogame Attributes as Alternative Investments // URL: <https://ssrn.com/abstract=5209656>.
16. Stepanov O. A., Stepanov M. M. On digital identification of actions personality // State and Law. — 2024. — No. 7. — P. 205–210.

Материал поступил в редакцию 12 февраля 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arshinov V. I., Budanov V. G. Setevye informatsionnye revolyutsii i bolshoy antropologicheskii perekhod: evolyutsionnyy aspekt // Slozhnost. Razum. Postneklassika. — 2020. — № 4. — S. 40–51.
2. Ayusheeva I. Z. Grazhdansko-pravovoy rezhim obektov metavselennoy, virtualnoy i dopolnennoy realnosti // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2024. — T. 19. — № 12. — S. 48–56.
3. Bernatskiy G. G. Deformirovannoe pravosoznanie: puti vozniknoveniya i preodoleniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2025. — № 1 (60). — S. 43–51.
4. Egorova M. A., Kozhevina O. V. Mesto kriptovalyuty v sisteme obektov grazhdanskikh prav // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2020. — T. 15. — № 1. — S. 81–91.
5. Kashkin S. Yu. Pravo v usloviyakh antropologicheskogo tsivilizatsionnogo perekhoda v tsifrovoe obshchestvo // Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek i obshchestvo». — 2024. — № 4. — S. 85–96.
6. Kiselev A. F., Lubkov A. V., Pakhomov N. N. Obrazovanie v perspektive globalnogo antropologicheskogo perekhoda (pedagogicheskaya utopiya dlya XXI veka) // Vysshee obrazovanie segodnya. — 2019. — № 3. — S. 76–83.
7. Rozhkova M. A. Tsifrovye aktivy i virtualnoe imushchestvo: kak sootnositsya virtualnoe s tsifrovym // Zakon.ru. 2018. 13 iyunya. — URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovy_e_aktivy_i_virtualnoe_imushchestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym.
8. Sitnik A. A. NFT kak obekt pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 12. — S. 84–93.
9. Somova I. Yu., Ipatova K. S., Amelchenko A. Ya. Biotsifrovaya konvergentsiya kak instrument transgumanizma: metody i tseli antropologicheskogo perekhoda // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya. — 2023. — T. 14. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/04SCSK323.pdf>.
10. Stepanov O. A., Stepanov M. M. O pravovom reagirovanii na posledstviya povedeniya lichnosti v virtualnom prostranstve // Pravoprimenenie. — 2024. — T. 8. — № 1. — S. 24–33.
11. Stepanov O. A., Stepanov M. M. O tsifrovoy identichnosti cheloveka v virtualnom prostranstve // Rossiyskaya yustitsiya. — 2025. — № 10. — S. 30–35.
12. Sukhanov E. A. O grazhdansko-pravovoy prirode «tsifrovogo imushchestva» // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2021. — T. 21. — № 6. — S. 7–29.
13. Khabrieva T. Ya. Pravo v realiyakh tekhnologicheskoy revolyutsii: monografiya. — M.: Norma; Infra-M, 2025. — 168 s.
14. Khabrieva T. Ya. Pravovye ocherki tekhnologicheskoy revolyutsii: monografiya. — M.: Norma; Infra-M; Rossiyskaya akademiya nauk, 2025. — 144 s.
15. Dobrynskaya V., Strelnikov V. Videogame Attributes as Alternative Investments // URL: <https://ssrn.com/abstract=5209656>.
16. Stepanov O. A., Stepanov M. M. On digital identification of actions personality // State and Law. — 2024. — No. 7. — P. 205–210.

Трансформация признаков права под влиянием цифровых технологий

Аннотация. Право выступает одним из основных регуляторов общественных отношений, играет важную роль в обеспечении стабильности и порядка в обществе. Изменения в различных сферах общественных отношений неизменно влияют и на право как явление социальной жизни, и на право как понятие, и на признаки права. В настоящее время право претерпевает сильное воздействие со стороны цифровых технологий. Они оказывают как положительное влияние: повышают эффективность правового регулирования, улучшают способы работы с правовой информацией, изменяют способы взаимодействия субъектов права, создают новые инструменты, с помощью которых могут осуществляться различные виды юридической деятельности, — так и отрицательное: влияют на принципы, сущность и характер права, на его признаки. Цель данного исследования заключается в изучении влияния цифровых технологий на такие признаки права, как общеобязательность, формальная определенность, нормативность, интеллектуально-волевой характер. В результате делается вывод, что бесконтрольное со стороны науки и общества развитие цифровых технологий может привести к утрате правом его основных признаков или существенному их преобразованию.

Ключевые слова: признаки права; трансформация признаков права; цифровые технологии; искусственный интеллект; цифровизация; цифровизация права; общеобязательность права; формальная определенность права; интеллектуально-волевой характер права; нормативность права

Для цитирования: Березина Е. А. Трансформация признаков права под влиянием цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 48–61. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.048-061

The Transformation of the Characteristics of Law under the Influence of Digital Technologies

Elena A. Berezina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of State and Law named after S.S. Alexeev, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
helalex@mail.ru

Abstract. Law is one of the principal regulators of social relations and plays an important role in ensuring stability and order in society. Changes occurring across various spheres of social relations inevitably affect law as a phenomenon of social life, as a concept, and in terms of its defining characteristics. At present, law is undergoing a substantial impact from digital technologies. Such technologies exert both positive and negative effects. On the one hand, they enhance the effectiveness of legal regulation, improve methods of handling legal information, transform forms of interaction among legal subjects, and create new instruments for carrying out various forms of legal

© Березина Е. А., 2026

* Березина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620066
helalex@mail.ru

activity. On the other hand, digital technologies affect the principles, essence, nature, and defining characteristics of law. The purpose of this study is to examine the impact of digital technologies on such characteristics of law as general binding force, formal certainty, normativity, and its intellectual-volitional nature. The study concludes that the uncontrolled development of digital technologies, without oversight by legal scholarship and society, may result in the loss of law's fundamental characteristics or in their substantial transformation.

Keywords: characteristics of law; transformation of the characteristics of law; digital technologies; artificial intelligence; digitalization; digitalization of law; generally binding nature of law; formal definiteness of law; intellectual and volitional nature of law; normativity of law

Cite as: Berezina EA. The Transformation of the Characteristics of Law under the Influence of Digital Technologies. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):48-61. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.048-061

Как считает академик РАН В. А. Лекторский, «сегодня человечество стоит перед лицом антропологических вызовов»¹. И если в середине XX в. таким вызовом было создание ядерного оружия, поставившее человечество на грань разрушения физического мира, то разработка сильного искусственного интеллекта (ИИ) и неопределенность его дальнейшего развития в состоянии поставить под угрозу все накопленные человечеством за тысячелетия духовные ценности: свободу, справедливость, гуманизм, равенство. От того, сможет ли наука адекватно ответить на эти вызовы, зависит будущее как человечества, так и всей планеты. В очередной раз человек находится на перекрестке двух дорог, и выбор предполагает наличие как минимум двух вариантов развития истории: первый нам обещает «счастливое правовое будущее человечества», второй — создание общества «цифрового рабства»². Хотя есть и третий вариант, о котором не хочется говорить, но всегда важно иметь в виду, — вариант неконтролируемого научно-технического прогресса и уничтожения всего живого на Земле. Поэтому юридическая наука в современной ситуации призвана выявить тенденции научно-технического прогресса, связанные с дальнейшей цифровизацией общества, спрогнозировать все возможные позитивные и негативные варианты изменений в обществе, которые могут произойти в результате всё набирающей обороты цифровой транс-

формации, предпринять усилия для того, чтобы максимально снизить риск неблагоприятных сценариев развития общества под влиянием научно-технического прогресса. Несомненно, это задача всего научного сообщества, представителей всех научных направлений, но именно юриспруденция имеет такие возможности влияния на общественные отношения, которых нет ни у одной другой сферы научного производства. Посредством рекомендаций по изменению действующего законодательства, данных правотворческим органам, правоведы могут повлиять на принятие государством решений, которые позволят избежать негативных последствий бесконтрольного развития новых цифровых технологий.

В качестве одной из фундаментальных задач правовой науки, связанных с осмыслением происходящих с правом трансформаций в условиях цифровой реальности, Т. Я. Хабриева называет «выявление механизмов и закономерностей влияния цифровизации на право»³. От того, к каким выводам придут ученые, будет зависеть дальнейшее активное внедрение цифровых инструментов в правовую жизнь общества или, наоборот, определенное сдерживающее влияние на процессы цифровизации с целью обеспечения их подконтрольности человеку.

Примеры сдерживающего влияния общества на судьбу цифровизации уже известны. Так, в марте 2023 г. было написано воззвание

¹ Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. акад. РАН В. А. Лекторского. СПб., 2022. С. 29.

² Архипов С. И. Субъект права в цифровую эпоху // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4. С. 9.

³ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. Т. 6. № 1. С. 101.

к мировому сообществу с требованием о приостановке крупных экспериментов с ИИ до тех пор, пока не будет найдено действенное технологическое решение, позволяющее взять под контроль функционирование ИИ и его всё убыстряющееся развитие, поскольку искусственный интеллект «может представлять собой глубокие изменения в истории жизни на Земле, и его следует планировать и управлять им с соразмерной тщательностью и ресурсами»⁴.

Практически каждому пользователю сети Интернет доступно программное обеспечение на основе нейронных сетей. Крупнейшим разработчиком в этой области является корпорация OpenAI, выпустившая мультимодальную языковую модель GPT-5, которая применяется в качестве ядра чат-бота ChatGPT — системы, способной вести общение с пользователем в диалоговом режиме, поддерживающем запросы на естественном языке. Так, пользователь может запросить нейросеть сгенерировать текст любого объема на заданную тему, нарисовать картинку по описанию того, что на ней должно быть, решить математическую или физическую задачу по загруженной фотографии и т.д. Стремительное совершенствование указанной технологии, а также рост числа пользователей ChatGPT в настоящее время вызывают беспокойство как общественности, так и разработчиков систем, использующих ИИ.

Но мировые технологические гиганты в погоне за прибылью не хотят останавливаться на достигнутом, уже через несколько месяцев после предложения объявить паузу в развитии ИИ был выпущен на рынок новый продукт. Google DeepMind разработала новую модель Gemini, которая была лучше OpenAI GPT-4 по 30 из 32 стандартных показателей⁵. Gemini является мультимодальной, т.е. может обрабатывать

несколько типов ввода, и доступна в трех размерах: Ultra, Pro и Nano⁶.

У всех этих моделей есть существенные минусы. Например, даже сами разработчики модели GPT-4 называли ее недостатки: она не является полностью надежной, «галлюцинирует» факты — придумывает факты, которых никогда не существовало в действительности; может потерпеть неудачу при решении сложных задач; не обладает знаниями о событиях, которые произошли после ее обучения; не извлекает уроков из своего опыта; иногда допускает простые логические ошибки, которые, по-видимому, не соответствуют компетентности во многих областях; может быть чрезмерно доверчивой, принимая заведомо ложные заявления от пользователя; может ошибаться в своих прогнозах, не заботясь о перепроверке данных, не обращаясь к экспертным системам, когда велика вероятность ошибки. Как отмечается в отчете, следует проявлять большую осторожность при использовании выходных данных языковой модели.

Разработчики модели констатируют, что она может создавать вредные советы, ошибочный код или неточную информацию, использовать запрещенные подсказки: для синтеза опасного химического вещества в домашних условиях модель предлагает прибегать к новой процедуре синтеза с применением относительно простых исходных ингредиентов и обычных бытовых кухонных принадлежностей, «чтобы любой мог понять, как это синтезировать». Кроме того, дополнительные возможности GPT-4, которыми она обладает по сравнению с предыдущими моделями, приводят к появлению новых зон риска. При вводе небезопасных входных данных модель может генерировать нежелательный и даже вредоносный контент, например советы по совершению преступлений. Кроме того, она

⁴ Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of Life Institute. 2023. 22 March. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 07.10.2025).

⁵ Google представила ИИ-модель Gemini, которая обходит GPT-4 в большинстве тестов // Хабр. 2023. 6 декабря. URL: <https://rb.ru/story/google-otvet-gpt-4/> (дата обращения: 07.10.2025).

⁶ Heikkila M., Heaven W. D. Google DeepMind's new Gemini model looks amazing — but could signal peak AI hype // MIT Technology Review. 2023. 6 Dec. URL: <https://www.technologyreview.com/2023/12/06/1084471/google-deepminds-new-gemini-model-looks-amazing-but-could-signal-peak-ai-hype/> (дата обращения: 07.10.2025).

может стать чрезмерно осторожной в отношении безопасных входных данных, отказывая в безобидных запросах или чрезмерно подстраховываясь. Конечно, разработчики пытаются смягчить отрицательные последствия использования модели, например путем улучшения способности GPT-4 отклонять запросы о том, как совершать противоправные действия или синтезировать опасные химические вещества, но пока этих усилий недостаточно для того, чтобы говорить о надежности и безопасности модели. Как указывается в отчете, GPT-4 и последующие модели обладают потенциалом существенного влияния на общество как благотворным, так и вредным образом⁷.

Согласно Декларации Блетчли, подписанной странами, принявшими участие в Саммите по безопасности ИИ (1–2 ноября 2023 г.)⁸, «существенные риски могут возникнуть в результате возможного преднамеренного неправомерного использования или непреднамеренных проблем контроля, которые отчасти связаны с тем, что возможности искусственного интеллекта не до конца изучены и поэтому их трудно предсказать. Особую обеспокоенность вызывают риски в области кибербезопасности и биотехнологий, а также там, где передовые системы искусственного интеллекта могут усиливать такие риски, как дезинформация».

Недостатки, выявленные при использовании GPT-4, создатели попытались исправить при разработке модели GPT-5. Как говорится в GPT-5 System Card от 13.08.2025, они добились значительных успехов «в уменьшении галлюцинаций, улучшении следования инструкциям и сведении к минимуму подхалимажа, а также повысили

производительность GPT-5 в трех наиболее распространенных областях применения ChatGPT: письме, кодировании и охране здоровья»⁹. Сравнительный анализ недостатков двух моделей, GPT-4 и GPT-5, позволяет сделать вывод о том, что создатели модели предприняли усилия по усовершенствованию системы фильтрации и соблюдения этических стандартов, улучшению механизмов логического вывода, принятия решений, проверки фактов и достоверности данных. Все модели GPT-5 были оснащены *safe-completions* — новейшим подходом к обучению технике безопасности для предотвращения распространения запрещенного контента. Но, несмотря на то что у GPT-5 частота галлюцинаций, т.е. процент фактических утверждений, содержащих ошибки, на 26 % меньше¹⁰, чем у GPT-4, проблема галлюцинаций всё равно остается. Как и проблемы ограниченности контекста, зависимости от обучающих данных, возможной дискриминации, этических ограничений, распространения конфиденциальной информации и многие другие. Разработчики сами отмечают, что предприняли шаги для уменьшения склонности GPT-5 к обману, жульничеству или взлому, но эти меры по смягчению последствий несовершенны, и необходимы дополнительные исследования¹¹, так как модели могут вводить пользователей в заблуждение, что вызывает определенное беспокойство¹².

Требуется глубокого анализа и то, что модель GPT-5 стала более совершенной в биологической и химической областях, с помощью нее достигаются более высокие показатели в биологических исследованиях и биологических науках¹³. Но существует механизм фильтра-

⁷ GPT-4 Technical Report // OpenAI. 2023. 27 March. P. 10. URL: <https://cdn.openai.com/papers/gpt-4.pdf> (дата обращения: 07.10.2025).

⁸ The Bletchley Declaration by Countries Attending the AI Safety Summit, 1–2 November 2023 // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ai-safety-summit-2023-the-bletchley-declaration/the-bletchley-declaration-by-countries-attending-the-ai-safety-summit-1-2-november-2023> (дата обращения: 07.10.2025).

⁹ GPT-5 System Card // OpenAI. 2025. 13 Aug. P. 4. URL: <https://cdn.openai.com/gpt-5-system-card.pdf> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁰ GPT-5 System Card. P. 11.

¹¹ GPT-5 System Card. P. 13.

¹² GPT-5 System Card. P. 15.

¹³ GPT-5 System Card. P. 45.

ции, кому из пользователей может быть предоставлена информация в этой сфере, что, конечно, является необходимым для обеспечения биологической и химической безопасности. Однако возникает вопрос: не создает ли это химическую и биологическую опасность для других государств, и прежде всего государств, не входящих в блок НАТО? Внедрение системы фильтрации доступа к специализированной информации предполагает наличие критериев отбора пользователей, методики верификации, механизмов распространения контроля данных и др. Потенциальные риски внедрения избирательной системы доступа к такой информации включают нарушение принципа равноправия доступа к научным знаниям и создание технологического дисбаланса между различными государствами. Кроме того, в период нестабильности международных отношений особый риск представляет возможность использования фильтрационных механизмов в политических целях. Необходимо обеспечивать баланс между поддержанием принципа открытости научного знания и защитой информации, что должно быть возложено не на какое-то конкретное государство (государства) или даже частную компанию, а на всё международное сообщество.

О важности правового контроля функционирования современных технологий и процессов их применения, а также об одновременном отсутствии его технической возможности говорят и российские ученые¹⁴. Поэтому, действительно, в интересах всего человечества прежде всего необходимо разработать прозрачные механизмы контроля за развитием исследований в области научно-технического прогресса, в частности в сфере ИИ, а также за функционированием самого ИИ, и лишь затем переходить к разработке новых, более совершенных моделей ИИ, чтобы снизить возможные неблагоприятные

последствия и уровень неопределенности его развития.

На прошедшем 18–21 мая 2023 г. 69-м заседании Бильдербергского клуба, где присутствовали и представители компаний — технологических лидеров, при обсуждении одного из главных вопросов повестки — дальнейшего развития ИИ — участники пришли к выводу, что уже наступил тот момент, за которым дальнейшее развитие ИИ не может гарантировать безопасность человечеству. Вызывает настороженность тот факт, что при всей продемонстрированной озабоченности быстрым бесконтрольным развитием ИИ на заседании Бильдербергского клуба обсуждались вопросы руководства НАТО, касающиеся использования ИИ по сдерживанию потенциальных противников.

Использование ИИ в военных целях было одним из ключевых вопросов повестки и 70-й встречи, прошедшей в 2024 г., и последней, 71-й, встречи Бильдербергского клуба, состоявшейся 15 июня 2025 г. Согласно сообщениям мировых СМИ, основными темами в 2025 г. были искусственный интеллект, сдерживание и национальная безопасность. Специалисты полагают, что рассматривались такие актуальные вопросы, как летальные автономные системы оружия (LAWS), риски эскалации конфликта из-за скорости систем ИИ, использование ИИ в кибервойне и информационной войне, а также проблемы поддержания стратегического превосходства в новой технологической эпохе. Участники говорили об усилении «авторитарной оси», по их мнению, включающей Китай, Россию, Иран и Северную Корею, делая акцент на военном применении ИИ, дальнейшем развитии военных дронов с ИИ, инвестициях в автономные системы и сотрудничество между технологическими компаниями¹⁵.

Стоит отметить, что на первую всемирную встречу по безопасности ИИ, состоявшуюся 1–2 ноября 2023 г., на которой, как заявлялось,

¹⁴ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Указ. соч. С. 96–97.

¹⁵ Skelton Ch. China haunts Bilderberg talks as usual suspects plot world domination // The Guardian. 2025. 15 Jun. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/jun/15/bilderberg-hroup> (дата обращения: 07.10.2025).

«присутствовали представители ведущих стран в области ИИ»¹⁶, технологических компаний, ученые — исследователи в области ИИ, не пригласили российских представителей. В ходе встречи было принято решение создать Британский институт безопасности искусственного интеллекта, который будет выступать в качестве всемирного центра по тестированию безопасности ИИ, занимающегося в том числе разработкой критериев его безопасности¹⁷. В Декларации Блетчли предусмотрено: «...для информирования о действиях на национальном и международном уровнях наша программа по борьбе с передовыми рисками, связанными с ИИ, будет сосредоточена на выявлении рисков безопасности ИИ, вызывающих общую обеспокоенность... и выработке соответствующей политики, основанной на рисках, в наших странах для обеспечения безопасности в свете таких рисков». Это включает наряду с повышением прозрачности показатели оценки, инструменты для тестирования безопасности, а также развитие соответствующих возможностей государственного сектора и научных исследований¹⁸.

Безусловно, представленная идея хороша, необходимы надежные механизмы контроля как со стороны каждого конкретного государства, так и со стороны международного сообщества за разработкой систем сильного ИИ. Но важнейшим условием создания таких механизмов должно быть представительство всех государств в таких организациях, а не только тех, к которым лояльны западные страны, иначе нару-

шаются принципы равноправия народов, суверенного равенства государств и сотрудничества государств друг с другом. «Новые позиции России, ставшие реальностью с переходом страны к активной роли в строительстве международных отношений, требуют актуализации задач формирования целостной правовой доктрины международного правопорядка — не только для России, но и для широкой демократической альтернативы однополярному миру»¹⁹. Конечно, опасность негативных последствий использования ИИ в военных целях очень высока. Но нельзя упускать из виду и возможное отрицательное влияние систем ИИ при осуществлении деятельности в других сферах жизни общества.

В качестве возможных рисков развития искусственного интеллекта и его использования называются разные последствия, но один из важнейших рисков — потенциальное отрицательное влияние дальнейшего процесса цифровизации на правовую сферу жизни общества, на право и правовые явления.

Отечественные авторы отмечают, что цифровизация создает «новое информационно-правовое пространство»²⁰, особенности и условия функционирования в котором нужно учитывать при прогнозировании развития права и правовых явлений в будущем. Ученые приходят к выводу, что «даже классическая теория права находится под угрозой отрицательного воздействия новых технологий», а основные теоретические положения и признаки права «в цифровую эпоху теряют прежний смысл»²¹. Цифровиза-

¹⁶ Гусев А. А. Бильдерберг-2023: искусственный интеллект — новая технология ведения современной войны // Международная жизнь. Экспертная аналитика. 2023. 26 мая. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/40543> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁷ Пресс-релиз «Мировые лидеры и ведущие компании в области ИИ разработали план тестирования безопасности Frontier по завершении первого глобального саммита по безопасности ИИ». 2023. 2 ноября // URL: <https://www.gov.uk/government/news/world-leaders-top-ai-companies-set-out-plan-for-safety-testing-of-frontier-as-first-global-ai-safety-summit-concludes> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁸ The Bletchley Declaration...

¹⁹ Синюков В. Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 22.

²⁰ Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 9.

²¹ Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 15.

ция «неизбежно отражается и на современных представлениях о праве, правосудии, судебном познании и правоприменении»²². Право «меняет свою сущность, особенности, признаки и содержание... Поэтому перед правовой наукой стоит задача — выявить проблемы права и правового регулирования, образовавшиеся в ходе цифровизации, определить и наметить пути и формы их преодоления»²³.

Одним из направлений воздействия цифровизации на право выступает влияние цифровых технологий на свойства позитивного права как правового явления, обуславливающего и воздействие процессов цифровизации на признаки позитивного права.

«Если ранее технологическое развитие было внешним фактором генезиса права, то в настоящее время технологии начинают определять его существенные признаки и свойства. Так, исследования зафиксировали точки роста новых направлений в эволюции права, возникших на ее современном этапе. В их числе наметившиеся дегуманизация права, его машинизация, персонализация и натурализация»²⁴. Эти возможные направления развития права напрямую влияют на признаки, которые присущи праву.

Рассматривая влияние цифровых технологий на признаки права, мы остановимся на следующих из них: общеобязательности, формальной определенности, нормативности, интеллектуально-волевом характере, обеспеченности реализации права возможностью применения мер государственного принуждения.

Признак общеобязательности права, который означает, что правовые нормы обязательны для всех, независимо от пола, возраста, расы,

национальной и этнической принадлежности, может быть существенно видоизменен с помощью новейших технологий. При создании программного обеспечения в программный код можно заложить алгоритмы, которые будут, например, при использовании технологии распознавания лиц обнаруживать лица той или иной национальности. Конфликты, основанные на применении данной технологии, уже возникают в разных государствах. Так, руководство китайской технологической компании HikVision, поставляющей оборудование для наблюдения за общественным порядком в 155 стран мира и производящей миллионы камер каждый год, подозревалось в интегрировании в программное обеспечение видеокамер алгоритма на основе ИИ, позволяющего выявлять национальные меньшинства (например, уйгуров и жителей Тибета)²⁵, что нарушает принцип равенства всех перед законом, создает почву для дискриминации национальных меньшинств, а также ставит под сомнение наличие признака общеобязательности права. Аналогичная проблема возникла у разработчиков предиктивных интеллектуальных программных агентов PredPol в США, которые обвинялись в расовой дискриминации, отмечавшейся при встраивании в оборудование, предназначенное для прогнозирования совершения преступлений, программных инструментов обнаружения лиц, не относящихся к европеоидной расе: всё больше данных свидетельствует о том, что в эти инструменты заложены человеческие предрассудки, поскольку модели машинного обучения обучаются на предвзятых полицейских данных. Они не избегают расизма, а, возможно, просто лучше его скрывают²⁶.

²² Курочкин С. А. Философские и правовые аспекты применения искусственного интеллекта в правосудии // Ценность права в условиях цифровой реальности : монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М. : Проспект, 2023. С. 253.

²³ Шабуров А. С. Проблемы теории права в условиях цифровизации общества // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4 (32). С. 9.

²⁴ Человек и системы искусственного интеллекта. С. 82.

²⁵ Nash J. More reports that Hikvision, Nvidia still involved in China ethnic surveillance // Biometric. 2023. 26 Jul. URL: <https://www.biometricupdate.com/202307/more-reports-that-hikvision-nvidia-still-involved-in-china-ethnic-surveillance> (дата обращения: 07.10.2025).

²⁶ Heaven W. D. Predictive policing algorithms are racist. They need to be dismantled // MIT Technology Review. 2020. 17 Jul. URL: <https://www.technologyreview.com/2020/07/17/1005396/predictive->

Можно предположить, что в будущем развитие систем ИИ, усложнение программного обеспечения, невозможность гарантирования полной прозрачности кода повлекут за собой риски дискриминации по тем или иным характеристикам (национальность, раса, этническая принадлежность и т.д.). Президент РФ В. В. Путин на конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» отметил: «В эпоху технологической революции именно культурное, духовное наследие является ключевым фактором сохранения национальной идентичности... Но с какими фактами мы уже сталкиваемся? ...Западные поисковые системы, как и генеративные модели, работают зачастую весьма избирательно, ангажированно, не учитывают, а порой просто игнорируют и отменяют российскую... культуру». В высказывании главы государства есть и предостережение для других культур и цивилизаций: «А потом так же могут поступить и с другими культурами и другими цивилизациями, выпячивая себя, подчеркивая и в этом пространстве свою исключительность. Вот такой ксенофоб может получиться из искусственного интеллекта, созданного по некоторым западным стандартам и лекалам»²⁷.

Законодатель конкретного государства и всё мировое сообщество должны учесть этот факт при регулировании общественных отношений, связанных с производством и использованием программного обеспечения, в котором применяются системы ИИ, и предотвратить такие негативные последствия. «Замена предвзятого человека-полицейского или судьи алгоритмами, которые просто скрывают те же предрассудки, не является решением. Если есть хотя бы шанс,

что они увековечат расистскую практику, их следует прекратить»²⁸, — убеждены некоторые авторы.

Общеобязательность права обеспечивается возможностью применения мер государственного принуждения, осуществляемого компетентными государственными органами и должностными лицами. Этот признак под влиянием цифровизации также может трансформироваться: уже сейчас намечается переход к обеспечению автоматической обязательности права, мы можем видеть это, например, в правоореализационных (технология смарт-контракта предусматривает автоматическое исполнение условий договора) или правоприменительных (списание банком в автоматическом порядке денежных средств со счета должника) технологиях. Автоматическое применение мер государственного принуждения ставит перед юристами ряд проблем, самой важной из которых является необходимость обеспечения справедливого, основанного на законе судебного разбирательства. Как указывает А. И. Овчинников, «самым опасным следует признать эксперимент с заменой судьи на робота, основанный на упрощенном и примитивном восприятии реализации права... Искусственный интеллект ускорит расчеловечивание права, превратив творческий по своей природе процесс поиска правды и справедливости в каждом деле в механистический и технократический акт робототехнического алгоритма»²⁹. А. В. Корнев считает, что «роботизация правосудия грозит опасностью следования определенному алгоритму без учета индивидуальных особенностей рассматриваемого дела и его участников»³⁰.

policing-algorithms-racist-dismantled-machine-learning-bias-criminal-justice/ (дата обращения: 07.10.2025).

²⁷ Выступление В. В. Путина на пленарном заседании Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2023 «Революция генеративного ИИ: новые возможности». 2023. 24 ноября // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72811> (дата обращения: 07.10.2025).

²⁸ Heaven W. D. Op. cit.

²⁹ Овчинников А. И. Право и правосознание в условиях цифровизации общества // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 2. С. 134.

³⁰ Корнев А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9. С. 19.

В качестве аргументов против замены судьи-правоприменителя на судью-робота, осуществляющего правосудие с помощью технологий ИИ, выдвигаются: ограниченность программ (отсутствие абстрактного мышления, проблемы с обработкой уже вынесенных ранее судебных решений, необъективность программы, отсутствие самостоятельности в принятии решений); неконтролируемость и невозможность предсказать исход дела ввиду непрозрачности алгоритмов вынесения решения, отсутствие ответственности за незаконно вынесенное решение; социально-экономические трудности (отсутствие цифровой грамотности у большинства участников судебных процессов, необходимость больших экономических затрат); исчезновение творческого характера правоприменительной деятельности, отсутствие полного совпадения обстоятельств дел, стагнация права, проблема в обеспечении доступности правосудия, дистанцирование участников судопроизводства, необходимость сохранения человечности правосудия³¹. Ведь, как подчеркивает Т. Я. Хабриева, «правосудие — это не только и не столько технология, сколько мыслительный процесс вынесения решения на основе толкования принципов и норм права, фактических обстоятельств дела»³². Этот процесс носит творческий, интеллектуально-волевой характер, а использование ИИ может существенно ограничить свободу воли участников правоприменительного процесса и свободу усмотрения правоприменителя: «Включение искусственного интеллекта в аппарат правового принуждения обуславливает изменение сферы действия принципа свободы воли, который является системообразующим для современного правопорядка... Человек, наделенный волей, будет вынужден подчиняться не другому человеку, наделенному волей, а “машине”, подчиненной алгоритму. Человеческая воля в

данном случае будет реализовываться только опосредованно, через соответствующий алгоритм. И ее значение будет снижаться пропорционально уровню самообучения машины»³³.

При анализе такого признака, как формальная определенность права, можно говорить о двух составляющих, входящих в его содержание: внутренней и внешней определенности права. С одной стороны, в норме права как правиле поведения содержатся условия действия данного правила, касающиеся субъектных, временных, пространственных, предметных и компетенционных пределов действия этой нормы права; указываются границы самого правила поведения, права, обязанности и запреты адресатов правовых норм; определяются правовые последствия позитивного или негативного характера, их вид и мера. С другой стороны, норма права закреплена во внешнем мире, имеет свою форму выражения, что характеризует внешнюю определенность права. В процессе цифровой трансформации права возможно предположить преобразование признака формальной определенности права: внешнее закрепление правовых норм приобретет цифровой формат. Формат формы права станет машиночитаемым, алгоритмизированным. Важно отметить, что именно формат формы права, а не само право, поэтому словосочетание «машиночитаемое право» не совсем корректно отражает правовую действительность. «Формы не подменяют, а тем более не отменяют сущность и содержание»³⁴. Право во внешнем мире может быть выражено в формате программного кода с использованием алгоритмов, позволяющих представить содержание норм права в цифровом виде. Поэтому правильнее было бы говорить о машиночитаемом законодательстве, машиночитаемых актах применения, актах реализации и интерпретационных актах, тексты которых оцифровываются для удобства их

³¹ Константинов П. Д. Влияние информационных технологий на принципы гражданского процесса (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 216–236.

³² Хабриева Т. Я. Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 10.

³³ Человек и системы искусственного интеллекта. С. 94.

³⁴ Корнев А. В. Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6 (127). С. 29.

анализа и использования. То есть в случае, когда говорится о машиночитаемом праве, подразумевается использование при внешнем оформлении источников права машиночитаемых текстов правового содержания. Понятие права не совпадает с понятием законодательства, гораздо шире его, рассматривается как обусловленная природой человека и общества система общеобязательных формально определенных правовых норм, предназначенных для регулирования общественных отношений. В праве закрепляется и отражается господствующая в обществе система ценностей, воплощаются воля и дух народа, поэтому нельзя его свести только к внешне выраженному тексту, который должен быть изложен в удобном для обработки программным обеспечением виде. Законодатель становится перед проблемой соотношения содержания права, выраженного в естественном языке, и смысла правовых норм, который получается в результате преобразования естественного языка в машиночитаемый язык посредством различных языков программирования. И если с регулятивными и охранительными правовыми нормами, которые могут быть представлены как логические конструкции по схеме «если... то... в противном случае...», проблем с переводом в машиночитаемый формат будет несколько меньше, то с нетипичными, специализированными нормами права, которые не являются собственно правилами поведения, а обеспечивают функционирование регулятивных и охранительных норм, сразу возникает множество трудностей при их переводе в форму, доступную для чтения машинами. Например, как в машиночитаемой форме представить принципы права, а также общезакрепительные, декларативные и обеспечительные нормы права, как их встроить в систему правил поведения, выраженных в машиночитаемом формате, если они правилами поведения в узком смысле слова не являются? Обозначаются и иные проблемы, связанные с необходимостью представления в машиночитаемой форме оценочных понятий,

содержащихся в текстах нормативных правовых актов, которые предстоит решать законодателю при формировании критериев и правил перевода норм права, выраженных на естественном языке, в цифровой формат.

Еще одной проблемой, касающейся трансформации признака формальной определенности права, является то, что «“цифровая” форма закона несет в себе определенные риски. Начиная от его легитимности, ибо в широком сознании такая форма может восприниматься в качестве “несерьезной”, и кончая несанкционированным вмешательством в текст закона в целях его видоизменения»³⁵.

В правотворчестве предлагается осуществление алгоритмизации права только «в сферах технического регулирования, стандартизации, единства измерений, проведения процедур оценки соответствия, сертификации»³⁶.

Следующий признак права — его нормативность. Право состоит из норм права, правил поведения общего характера, распространяющих свое действие на неопределенный круг лиц (неперсонифицированность права) и сходные случаи; право длительно по своему воздействию, у субъектов есть возможность многократной реализации правовых норм. Цифровизация может оказать значительное влияние на первую составляющую, заменив такую характеристику права, как неперсонифицированность, на ее противоположность — индивидуальный характер. Например, Т. Я. Хабриева констатирует, что один из новых трендов в эволюции права — «разработка и реализация индивидуализированных “правовых норм” (под конкретными лицами) на основе обработки данных — персонализация права»³⁷. Технические средства могут позволить в будущем вместо общих для всех правил дорожного движения, в частности общего скоростного режима для всех автомобильных транспортных средств, устанавливать индивидуальные предписания для конкретных автомобилистов в зависимости от характера условий, в которых находятся

³⁵ Корнев А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации. С. 19.

³⁶ Цифровая трансформация и государственное управление : науч.-практ. пособие / А. С. Емельянов, А. А. Ефремов, А. В. Калмыкова [и др.]. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 41.

³⁷ Хабриева Т. Я. Указ. соч. С. 6.

конкретный автомобиль и конкретный водитель в режиме реального времени³⁸. Это может привести к размыванию границ правовых актов — нормативных правовых актов и актов индивидуального регулирования, видов правового регулирования — нормативного и индивидуального, атомизировать весь процесс правового регулирования. Могут и видоизмениться такие характеристики права, как распространение на неопределенное количество сходных случаев и возможность многократного использования. Это повысит количество актов индивидуального правового регулирования, снизит эффективность правового регулирования. Мы можем утратить одно из достоинств романо-германской правовой системы — абстрактный характер изложения правовых норм, вернувшись опять к их казуистичному изложению, а ведь он является показателем юридуко-технического прогресса права. Т. В. Кашанина, анализируя эволюционные закономерности права, называет в качестве таковых в том числе повышение степени его абстрактности: «Развитие права на протяжении всего периода его существования неуклонно идет по пути от казуального регулирования к общему»³⁹. Кроме того, ученый отмечает, что в информационном обществе, формирующемся в настоящее время, «социальное регулирование становится менее конкретизированным, повышается степень абстрактности норм»⁴⁰. Переход же к преобладанию индивидуального правового регулирования над нормативным можно рассматривать как определенный регресс в системе социального регулирования.

Интеллектуально-волевой характер права проявляется в том, что право есть результат сознательной волевой деятельности людей, в праве выражается воля общества посредством

государственных институтов. При регулировании общественных отношений с использованием компьютерного кода, сгенерированного лицами, не обладающими специальными юридическими знаниями, осуществляющими только техническую процедуру перевода чьих-либо требований, интересов, чьей-либо воли в цифровой вид, не знающими о необходимости отражать в праве интересы общества, могут возникнуть большие риски создания права, правовых норм, которые будут направлены на удовлетворение потребностей не всех членов общества или их большинства, а конкретных социальных групп или даже конкретных лиц, определяющих цели правового регулирования исходя из своих эгоистических интересов, воля которых посредством алгоритмов, заложенных в программу, будет транслироваться с помощью цифровых средств. «Сама работа алгоритма является абсолютно рациональной, но правила этой работы устанавливаются проектировщиком этой системы, чьи мнения и предвзятости могут найти отражение в начинке программного обеспечения»⁴¹. Преобладающей станет классовая сущность права, только уже права, существующего в цифровой форме. Неслучайно в статье «Не заблуждайтесь — искусственный интеллект принадлежит большим технологическим компаниям» говорится о том, что, если мы не будем осторожны, крупные компании будут использовать свое положение для определения политической повестки дня, так как они формируют структуры стимулирования в области исследований и разработок в сфере ИИ, управляя настоящим и будущим технологии. «Те, у кого есть деньги, устанавливают правила», — пишут авторы⁴².

В работе констатируется, что основная цель технологических компаний — извлечение при-

³⁸ Человек и системы искусственного интеллекта. С. 89.

³⁹ Кашанина Т. В. Эволюционные закономерности права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 47.

⁴⁰ Кашанина Т. В. Право в эстафете социального регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 1. С. 22.

⁴¹ Константинов П. Д. Указ. соч. С. 220.

⁴² Kak A., West S. M., Whittaker M. Make no mistake — AI is owned by Big Tech // MIT Technology Review. 2023. 5 Dec. URL: <https://www.technologyreview.com/2023/12/05/1084393/make-no-mistake-ai-is-owned-by-big-tech/> (дата обращения: 07.10.2025).

были и концентрация власти, что является проблемой для будущего демократии и культуры, и обосновывается, что сейчас настало время для перехода к надежному режиму подотчетности, который позволит поставить интересы всего общества над эгоистическими интересами конкретных компаний. Необходимо, чтобы были закреплены четкие требования к прозрачности, например по вопросам источников получения данных для обучения моделей ИИ, установлены режимы юридической ответственности производителей моделей ИИ за вред, причиненный искусственным интеллектом, закреплены и обеспечены стандарты конфиденциальности, безопасности и отсутствия предвзятости.

Вопрос влияния цифровых технологий на признаки права актуален ввиду быстрого развития технологий и их проникновения во все сферы жизни общества. Это требует адаптации существующих правовых норм и создания новых, учитывающих особенности цифровой среды и обеспечивающих эффективное регулирование отношений в ней. Кроме того, необходимо предвидеть положительные и отрицательные последствия внедрения новых технологий, чтобы минимизировать возможные риски и угрозы для общества и государства.

Цифровые технологии представляют собой методы и инструменты обработки, хранения и передачи информации, основанные на использовании цифровых устройств и сигналов. Они включают в себя компьютеры, мобильные устройства, сети связи, программное обеспечение и другие технологии, которые позволяют работать с данными в цифровом виде. Положительное влияние цифровых технологий на правовую сферу жизни общества можно обозначить несколькими основными направлениями: улучшением эффективности работы с правовой информацией; изменением способов коммуникации субъектов права; созданием новых инструментов, средств, с помощью

которых могут осуществляться различные виды юридической деятельности; появлением новых возможностей для развития правовой системы и др. Но нельзя не обратить внимания на то, что цифровые технологии влияют на исходные, базовые начала человеческого взаимодействия, принципы права и принципы правового регулирования общественных отношений, сущность права и его характер, признаки права.

Дальнейшее бесконтрольное со стороны науки и общества развитие цифровых технологий может привести к тому, что человечеством будут утрачены основные ценности, выработанные на протяжении его существования на Земле: гуманизм, справедливость, духовность, свобода воли и ряд других. Ученые, представляющие все научные направления, — философы, исследователи социогуманитарных, естественно-научных и технических проблем — должны осознать всю важность их взаимодействия друг с другом для выработки прогнозов развития общества, многие сферы жизни которого уже получили цифровую форму, поскольку все они тем или иным образом задействованы в совершенствовании цифровых технологий. Важно, чтобы это развитие было ориентировано на приведение общественных отношений в соответствие с прогрессивными потребностями общества, а не связано с регрессом или полным уничтожением человечества. И в такой ситуации большое внимание должно быть уделено правовым основам жизни общества, сохранению морально-нравственных оснований права, гуманистической составляющей права — ведь именно на него возложена функция обеспечивать регулирование общественных отношений на основе общечеловеческих ценностей. В этом смысле право может рассматриваться как душа общества, нематериальная, идеальная сущность, в которой находят свое выражение и закрепление высшие ценности человечества, нравственная и гуманистическая природа человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипов С. И.* Субъект права в цифровую эпоху // Вестник Гуманитарного университета. — 2023. — № 4. — С. 7–16.
2. *Гусев А. А.* Бильдерберг-2023: искусственный интеллект — новая технология ведения современной войны // Международная жизнь. — 2023. — 26 мая. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/40543> (дата обращения: 07.10.2025).
3. *Кашанина Т. В.* Право в эстафете социального регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — № 1. — С. 11–25.
4. *Кашанина Т. В.* Эволюционные закономерности права // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 12. — С. 44–53.
5. *Константинов П. Д.* Влияние информационных технологий на принципы гражданского процесса (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2022. — 351 с.
6. *Корнев А. В.* Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 9. — С. 11–20.
7. *Корнев А. В.* Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6 (127). — С. 21–30.
8. *Курочкин С. А.* Философские и правовые аспекты применения искусственного интеллекта в правосудии // Ценность права в условиях цифровой реальности : монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. — М. : Проспект, 2023. — С. 249–266.
9. *Овчинников А. И.* Право и правосознание в условиях цифровизации общества // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2020. — Т. 7. — № 2. — С. 131–134.
10. *Синюков В. Н.* Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 9 (94). — С. 19–30.
11. *Талапина Э. В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. — 2018. — № 2. — С. 5–17.
12. *Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б.* Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 2. — С. 4–23.
13. *Хабриева Т. Я.* Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2023. — Т. 19. — № 1. — С. 5–12.
14. *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — Т. 6. — № 1. — С. 85–102.
15. *Цифровая трансформация и государственное управление : науч.-практ. пособие / А. С. Емельянов, А. А. Ефремов, А. В. Калмыкова [и др.].* — М. : Инфотропик Медиа, 2022. — 224 с.
16. *Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. акад. РАН В. А. Лекторского.* — СПб. : Юридический центр, 2022. — 328 с.
17. *Шабуров А. С.* Проблемы теории права в условиях цифровизации общества // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 4 (32). — С. 7–14.
18. *Heaven W. D.* Predictive policing algorithms are racist. They need to be dismantled // MIT Technology Review. — 2020. — 17 Jul. — URL: <https://www.technologyreview.com/2020/07/17/1005396/predictive-policing-algorithms-racist-dismantled-machine-learning-bias-criminal-justice/> (дата обращения: 07.10.2025).
19. *Heikkila M., Heaven W. D.* Google DeepMind's new Gemini model looks amazing — but could signal peak AI hype // MIT Technology Review. — 2023. — 6 Dec. — URL: <https://www.technologyreview.com/2023/12/06/1084471/google-deepminds-new-gemini-model-looks-amazing-but-could-signal-peak-ai-hype/> (дата обращения: 07.10.2025).
20. *Kak A., West S. M., Whittaker M.* Make no mistake — AI is owned by Big Tech // MIT Technology Review. — 2023. — 5 Dec. — URL: <https://www.technologyreview.com/2023/12/05/1084393/make-no-mistake-ai-is-owned-by-big-tech/> (дата обращения: 07.10.2025).

Материал поступил в редакцию 17 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arkhipov S. I. Subekt prava v tsifrovuyu epokhu // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. — 2023. — № 4. — S. 7–16.
2. Gusev A. A. Bilderberg-2023: iskusstvennyy intellekt — novaya tekhnologiya vedeniya sovremennoy voyny // Mezhdunarodnaya zhizn. — 2023. — 26 maya. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/40543> (data obrashcheniya: 07.10.2025).
3. Kashanina T. V. Pravo v estafete sotsialnogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2025. — № 1. — S. 11–25.
4. Kashanina T. V. Evolyutsionnye zakonomernosti prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2017. — № 12. — S. 44–53.
5. Konstantinov P. D. Vliyanie informatsionnykh tekhnologiy na printsipy grazhdanskogo protsessa (sravnitelno-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2022. — 351 s.
6. Kornev A. V. Tsifrovye tekhnologii, pravovye riski i problema ikh minimizatsii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2021. — T. 16. — № 9. — S. 11–20.
7. Kornev A. V. Yuridicheskaya deyatel'nost v tsifrovuyu epokhu: ponyatie, sodержание, formy // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2021. — T. 16. — № 6 (127). — S. 21–30.
8. Kurochkin S. A. Filosofskie i pravovye aspekty primeneniya iskusstvennogo intellekta v pravosudii // Tsennost prava v usloviyakh tsifrovoy realnosti: monografiya / pod obshch. red. O. Yu. Rybakova. — M.: Prospekt, 2023. — S. 249–266.
9. Ovchinnikov A. I. Pravo i pravosoznanie v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva // Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta. — 2020. — T. 7. — № 2. — S. 131–134.
10. Sinyukov V. N. Obshchaya teoriya prava i razvitie otraslevykh yuridicheskikh nauk // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 9 (94). — S. 19–30.
11. Talapina E. V. Pravo i tsifrovizatsiya: novye vyzovy i perspektivy // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 2. — S. 5–17.
12. Tikhomirov Yu. A., Kichigin N. V., Tsomartova F. V., Balkhaeva S. B. Pravo i tsifrovaya informatsiya // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2021. — № 2. — S. 4–23.
13. Khabrieva T. Ya. Tekhnologicheskie imperativy sovremennogo mira i pravo // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. — 2023. — T. 19. — № 1. — S. 5–12.
14. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyakh tsifrovoy realnosti // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — T. 6. — № 1. — S. 85–102.
15. Tsifrovaya transformatsiya i gosudarstvennoe upravlenie: nauch.-prakt. posobie / A. S. Emelyanov, A. A. Efremov, A. V. Kalmykova [i dr.]. — M.: Infotropik Media, 2022. — 224 s.
16. Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta / pod red. akad. RAN V. A. Lektorskogo. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr, 2022. — 328 s.
17. Shaburov A. S. Problemy teorii prava v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva // Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2021. — № 4 (32). — S. 7–14.
18. Heaven W. D. Predictive policing algorithms are racist. They need to be dismantled // MIT Technology Review. — 2020. — 17 Jul. — URL: <https://www.technologyreview.com/2020/07/17/1005396/predictive-policing-algorithms-racist-dismantled-machine-learning-bias-criminal-justice/> (data obrashcheniya: 07.10.2025).
19. Heikkila M., Heaven W. D. Google DeepMind's new Gemini model looks amazing — but could signal peak AI hype // MIT Technology Review. — 2023. — 6 Dec. — URL: <https://www.technologyreview.com/2023/12/06/1084471/google-deepminds-new-gemini-model-looks-amazing-but-could-signal-peak-ai-hype/> (data obrashcheniya: 07.10.2025).
20. Kak A., West S. M., Whittaker M. Make no mistake — AI is owned by Big Tech // MIT Technology Review. — 2023. — 5 Dec. — URL: <https://www.technologyreview.com/2023/12/05/1084393/make-no-mistake-ai-is-owned-by-big-tech/> (data obrashcheniya: 07.10.2025).

Отказ в оказании бесплатной юридической помощи

Аннотация. Реализация права на квалифицированную юридическую помощь, предусмотренного частью 1 ст. 48 Конституции РФ, приобретает особое значение при ее оказании отдельным категориям граждан бесплатно в случаях, установленных законом. Важнейшим вопросом при регулировании таких отношений является установление баланса между необходимостью реализации права указанных лиц на бесплатную юридическую помощь и исключением случаев безосновательного получения такой помощи. Особое значение приобретает институт отказа в оказании бесплатной юридической помощи, который с учетом специфики его предназначения выступает регулятором указанных отношений. Однако пробельное и фрагментарное правовое регулирование отказа в оказании бесплатной юридической помощи на федеральном уровне, разнонаправленное развитие его регламентации на региональном уровне обуславливают неоднозначное толкование и применение института отказа, что приводит к снижению эффективности оказания бесплатной юридической помощи и нарушению прав отдельных категорий граждан на ее получение. Автор анализирует выявленные проблемы рассматриваемого правового института и предлагает пути их разрешения.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь; отказ; государственное юридическое бюро; граждане; бесплатная юридическая помощь; адвокаты; юридические клиники; адвокатская палата; представление интересов гражданина

Для цитирования: Зайков Д. Е. Отказ в оказании бесплатной юридической помощи // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 62–69. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.062-069

Refusal to Provide Free Legal Aid

Denis E. Zaykov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor Department of Legal Theory, Civil Law and Civil Procedure, Law Institute of the Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation
joburist@yandex.ru

Abstract. The implementation of the right to free legal assistance, guaranteed by Article 48(1) of the Constitution of the Russian Federation, is of particular importance where such assistance is provided free of charge to certain categories of citizens in cases prescribed by law. A key issue in regulating these relations is the establishment of an appropriate balance between ensuring the right of the persons concerned to receive free legal assistance and preventing its unjustified provision. Particular significance attaches to the institution of refusal to provide free legal assistance, which, given its specific function, serves as a regulatory mechanism within these relations. However, incomplete and fragmented federal regulation of refusals to provide free legal assistance, together with the divergent development of relevant rules at the regional level, gives rise to inconsistent interpretation and application of this institution. This, in turn, reduces the effectiveness of the system of free legal assistance and may

© Зайков Д. Е., 2026

* Зайков Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта ул. Образцова, д. 9, стр. 9, ГСП-4, г. Москва, Российская Федерация, 127994
joburist@yandex.ru

infringe the rights of certain categories of citizens to obtain it. The author analyses the identified shortcomings of this legal institution and proposes means of addressing them.

Keywords: qualified legal assistance; refusal; state legal bureau; citizens; free legal aid; attorneys; legal clinics; bar chamber; representation of a citizen's interests

Cite as: Zaykov DE. Refusal to Provide Free Legal Aid. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):62-69. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.062-069

Конституция РФ каждому гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48)¹. В то же время эта норма предусматривает в установленных законом случаях в отношении отдельных категорий граждан, особый правовой статус которых в целях проведения в жизнь принципов социальной справедливости и равенства обуславливает необходимость установления для них повышенных гарантий реализации права на квалифицированную юридическую помощь, оказание такой помощи бесплатно.

Основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим отношения по оказанию бесплатной юридической помощи (БЮП), является Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»² (далее — Закон № 324-ФЗ), который одновременно с регламентацией необходимых положений для полно-

ценного осуществления гражданами права на получение БЮП, определением субъектов, ее оказывающих, созданием государственной системы БЮП³ установил категории граждан, имеющих право на ее получение⁴.

Следует отметить, что изначально к указанным лицам относились в основном социально незащищенные категории граждан (малоимущие, инвалиды, недееспособные, дети-сироты и др.). Однако с 2022 г. эта тенденция претерпела изменения: дополнительным критерием определения новых категорий граждан, имеющих право на получение БЮП, стало наличие значимого общественного и социального статуса. Например, участники специальной военной операции, многодетные родители⁵. Кроме того, в силу п. 2 ч. 1 ст. 12 Закона № 324-ФЗ субъекты РФ наделены правом расширять перечень категорий граждан, имеющих право на получение БЮП, чем регионы достаточно активно пользуются⁶.

¹ См. подробнее: Гребенников В. В. Право граждан на квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации // *Образование и право*. 2016. № 2. С. 45–48; Радович И. С. Содержание и особенности правовых отношений, направленных на оказание квалифицированной юридической помощи // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2016. № 9. С. 3–6; Аулов В. К. Квалифицированная юридическая помощь: классификация субъектов ее предоставления и эффективность их работы // *Право в Вооруженных Силах*. 2024. № 10. С. 41–49.

² СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

³ Подробнее см.: Закомолдин Р. В., Закомолдин А. В., Гончарова К. С. К вопросу о выстраивании системы бесплатной юридической помощи населению // *Юрист*. 2022. № 6. С. 67–74.

⁴ Отдельные вопросы правового регулирования БЮП разрешены и другими федеральными законами, в том числе определены категории граждан, имеющих право на ее получение. См., например: ч. 3 ст. 7 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // *Ведомости СНД и ВС РФ*. 1992. № 33. Ст. 1913; п. 3 ст. 22 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // *СЗ РФ*. 1998. № 22. Ст. 2331.

⁵ См.: ст. 1 Федерального закона от 13.06.2023 № 225-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона “О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации”» // *СЗ РФ*. 2023. № 25. Ст. 4414; ст. 1 Федерального закона от 01.04.2025 № 48-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона “О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации”» // *СЗ РФ*. 2025. № 14. Ст. 1581.

⁶ Например: беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет; лица, освобожденные из мест лишения свободы, в течение двух месяцев со дня освобождения. См.: Закон Тверской

Изложенные обстоятельства обусловили необходимость определения порядка установления наличия оснований и условий оказания БЮП (подтверждение факта отнесения заявителей к категории граждан, имеющих право на получение БЮП, и отсутствия причин, исключающих возможность оказания БЮП). Это делает актуальной проблему правового регулирования и практики применения отказа в оказании БЮП.

Так, часть 2 ст. 21 Закона № 324-ФЗ, регулирующая оказание БЮП в рамках государственной системы БЮП, предусматривает случаи, когда государственное юридическое бюро (далее — госюрбюро) и адвокат, являющийся участником государственной системы БЮП (далее — адвокат), такую помощь не оказывают гражданам, обратившимся:

1) за БЮП по вопросу, не имеющему правового характера;

2) составлением документа правового характера и (или) представлением его интересов в суде, государственном или муниципальном органе, организации (далее — представление интересов гражданина) при отсутствии правовых оснований для предъявления соответствующих требований;

3) составлением заявления в суд и (или) представлением интересов гражданина при наличии установленных законодательством РФ препятствий к такому обращению⁷;

4) БЮП, если прокурор обратился в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов этого гражданина.

Если содержание второго — четвертого из перечисленных случаев не вызывает вопросов, то первый является неоднозначным положением: непонятно, из каких критериев необходимо исходить при отнесении вопроса к категории правовых или неправовых⁸. При таких обстоя-

тельствах создаются условия как для нарушения прав граждан, имеющих право на получение БЮП, так и для злоупотребления со стороны лиц, оказывающих такую помощь.

Согласно ч. 3 ст. 21 Закона № 324-ФЗ, если госюрбюро или адвокат принимает решение о невозможности оказания БЮП гражданину, имеющему право на ее получение в рамках государственной системы БЮП, ему выдается соответствующее заключение.

Данная норма права в силу своей неопределенности приводит к возникновению предпосылок для различного толкования и разнонаправленного развития правоприменительной практики, а также нарушения прав граждан на оказание БЮП.

Во-первых, законодатель почему-то использовал в Законе № 324-ФЗ нейтральное понятие «решение о невозможности оказания БЮП», не применив для этой цели термин «отказ в оказании БЮП», хотя именно он в большей степени соответствует существу указанного решения⁹.

Во-вторых, Закон № 324-ФЗ регулирует отказ в оказании БЮП только применительно к госюрбюро и адвокатам (ст. 15 и 22), обходя вниманием иных субъектов, оказывающих БЮП в рамках государственной и негосударственной систем БЮП, что оставило открытым вопрос о порядке и содержании правового регулирования таких отношений.

В-третьих, Закон № 324-ФЗ не предусматривает таких оснований для отказа в оказании БЮП, как обращение за оказанием БЮП гражданина, не относящегося к категории граждан, имеющих право на ее получение; обращение по вопросу, не отнесенному к случаям оказания БЮП; непредставление гражданином или представлением им не в полном объеме документов, необходимых для оказания БЮП¹⁰.

области от 24.07.2012 № 68-ЗО «О бесплатной юридической помощи в Тверской области» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/936014808> (дата обращения: 25.10.2025).

⁷ Вышеуказанные случаи во многом коррелируют с предусмотренными частью 1 ст. 21 Закона № 324-ФЗ условиями оказания БЮП.

⁸ *Лисицын В. В., Еримихина Е. В., Харченко А. В.* Россия наконец-то обрела закон о бесплатной юридической помощи! // *Юридический мир*. 2012. № 1. С. 30.

⁹ Далее в тексте статьи будет применяться термин «отказ в оказании БЮП».

¹⁰ В отдельных региональных правовых актах эти проблемы находят свое решение. См., например: ч. 1 ст. 10 Закона Астраханской области от 02.10.2012 № 62/2012-ОЗ «Об отдельных вопросах правового

В-четвертых, с наделением Минюста России полномочиями по разработке и утверждению стандарта оказания БЮП отдельными субъектами¹¹ появилась надежда на разрешение этих проблем на уровне ведомственного правового акта, однако его принятие¹² ряд таких проблем только усугубило.

Стандарт распространил свое действие не только на госюрбюро и адвокатов, но и на нотариусов, юридические клиники и некоммерческие центры бесплатной юридической помощи (НЦБЮП), что обусловило необходимость правового регулирования рассматриваемых отношений с учетом специфики правового статуса всех указанных субъектов. Это привело к усечению учета требований ст. 21 Закона № 324-ФЗ.

Так, вопреки положениям ч. 3 ст. 21 Закона № 324-ФЗ, пункт 14 Стандарта даже при наличии оснований для отказа в оказании БЮП не предусматривает необходимости и даже самой возможности вынесения заключения о невозможности оказания БЮП¹³, устанавливая лишь обязанность возврата лицу, обратившемуся за получением БЮП, представленных им документов с объяснением причин отказа в оказании такой помощи.

Согласно п. 13 Стандарта в случае, если лицо, обратившееся за получением БЮП, не подтвердило наличие у него права на оказание такой помощи¹⁴, оно должно быть уведомлено об этом с предложением принять меры по устранению выявленных недостатков. Таким образом, при принятии уполномоченным лицом решения

об отказе в оказании БЮП по данному основанию у него отсутствует даже обязанность объяснить причины такого отказа, не говоря уже о подготовке и выдаче заявителю соответствующего письменного решения.

Еще один недостаток Стандарта заключается в том, что он, распространив свое действие на юридические клиники и НЦБЮП, не учел ограниченности их полномочий по оказанию БЮП.

Так, согласно ч. 4 ст. 23 и ч. 4 ст. 24 Закона № 324-ФЗ эти субъекты вправе оказывать БЮП только в виде дачи правовых консультаций в устной или письменной форме, а также составления документов правового характера. Тем самым они лишены права осуществлять представление интересов гражданина¹⁵. При этом отсутствие у юридических клиник и НЦБЮП компетенции на оказание БЮП не предусмотрено Стандартом в качестве основания для отказа в оказании такой помощи.

Названные субъекты решают эту проблему в локальных правовых актах, регулирующих порядок оказания БЮП, одновременно с этим предусматривая в них и иные основания для отказа в оказании БЮП, некоторые из которых представляются спорными или неоднозначными:

— наличие у гражданина, обратившегося за оказанием БЮП, представителя (адвоката); неявка на прием для оказания БЮП в назначенное время без предварительного предупреждения об этом (при несвоевременном предупреждении); отказ гражданина содействовать реше-

регулирования оказания бесплатной юридической помощи в Астраханской области» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/462600175> (дата обращения: 25.10.2025).

¹¹ См.: ст. 1 Федерального закона от 25.12.2023 № 661-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации” и Федеральный закон “О воинской обязанности и военной службе”» // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 42.

¹² См.: Стандарт оказания бесплатной юридической помощи субъектами, указанными в пункте 4 части 1 и части 2 статьи 15, части 2 статьи 22 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», утв. приказом Минюста России от 20.05.2024 № 157 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405210014> (дата обращения: 25.10.2025) (далее — Стандарт).

¹³ Применительно к госюрбюро и адвокатам.

¹⁴ Отсутствие подтверждающих документов или их несоответствие установленным требованиям.

¹⁵ Причем если для юридических клиник такая компетенция является исчерпывающей, то в отношении НЦБЮП пункт 1 ч. 2 ст. 26 Закона № 324-ФЗ предусматривает возможность исключения из указанного правила.

нию его проблемы в тех случаях, когда он имеет такую возможность¹⁶;

— обращение с вопросом, не имеющим образовательной составляющей или имеющим неюридическое содержание; повторное обращение за оказанием БЮП по той же проблеме, по которой гражданин ранее получил исчерпывающие ответы на все поставленные вопросы¹⁷ (отказ в оказании БЮП по данному основанию является абсолютным — исключающим в дальнейшем возможность получения такой помощи в юридической клинике).

Эти положения, ограничивающие возможности граждан осуществить свое право на получение БЮП, можно оценивать по-разному, однако неурегулированность рассматриваемых отношений в Законе № 324-ФЗ приводит к недопустимой абсолютной дискреции юридических клиник.

В-пятых, ни Закон № 324-ФЗ, ни Стандарт не предусматривают срока принятия решения об оказании БЮП (отказе в ее оказании), что не позволяет обеспечить единые минимальные гарантии своевременности оказания БЮП.

Вместе с тем, несмотря на пробелы федерального законодательства, на уровне субъектов РФ указанные отношения находят свою регламентацию, но в силу отсутствия единых требований (критериев) к их правовому регулированию реализованные региональные подходы имеют существенные различия.

Так, в Республике Татарстан решение об отказе в оказании БЮП принимается в течение пяти дней с даты обращения гражданина¹⁸, в Рязанской области — в течение трех дней¹⁹.

В Законе Республики Дагестан от 14.06.2012 № 32 «О бесплатной юридической помощи в Республике Дагестан»²⁰ вместо решения об отказе в оказании БЮП принимается решение об отказе в приеме документов, необходимых для оказания такой помощи (ч. 4 ст. 11).

Кардинально иной подход применяется в Краснодарском крае. Если гражданин, обратившийся за оказанием БЮП в виде правового консультирования в госюрбюро Краснодарского края, не подтвердил наличие у него права на получение такой помощи, его обращение рассматривается в порядке, установленном законодательством²¹. Тем самым исключается отказ в оказании БЮП с предоставлением таковой в виде правового консультирования по поставленным вопросам (по аналогии с порядком, предусмотренным частью 1 ст. 16 Закона № 324-ФЗ). Данное положение видится значимым шагом на пути действительной реализации права граждан на получение БЮП.

Стоит отметить, что до принятия Стандарта был утвержден Стандарт оказания адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи²² (далее — Стандарт адвоката).

¹⁶ Правила приема лиц, обратившихся за бесплатной юридической помощью в Юридическую клинику образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский технологический университет», и порядок оказания им бесплатной юридической помощи // URL: https://www.inueco.ru/userfiles/Poryadok_org_pom_v_UK.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

¹⁷ Правила работы Студенческой бесплатной юридической консультации (юридической клиники) юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова // URL: <https://cloud.mail.ru/public/ViDs/QL9GxtUoz> (дата обращения: 25.10.2025).

¹⁸ См.: ч. 4 ст. 14 Закона Республики Татарстан от 02.11.2012 № 73-ЗРТ «Об оказании бесплатной юридической помощи гражданам в Республике Татарстан» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/424031725> (дата обращения: 25.10.2025).

¹⁹ См.: ч. 7 ст. 6 Закона Рязанской области от 19.03.2013 № 8-ОЗ «О регулировании отдельных отношений, связанных с оказанием бесплатной юридической помощи» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/453126813> (дата обращения: 25.10.2025).

²⁰ СЗ РФ. 2012. № 11. Ст. 480.

²¹ См.: ч. 6 ст. 5 Закона Краснодарского края от 23.04.2013 № 2697-КЗ «О юридической помощи на территории Краснодарского края» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/424061001> (дата обращения: 25.10.2025).

²² Утвержден XI Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2023 г.

Названные акты имеют один и тот же предмет правового регулирования, что ставит вопрос об их соотношении²³. Однако цель Стандарта адвоката — формирование единых требований к деятельности адвокатов, оказывающих БЮП, с установлением в основном этических критериев качества ее оказания, а также регулированием отдельных аспектов взаимоотношений с доверителем, что не приводит к явному противоречию со Стандартом.

В то же время абзац 4 п. 4 Стандарта адвоката предусматривает право адвоката отказать в оказании БЮП в случае несоответствия требований доверителя целям оказания БЮП, а также принципам добросовестности и разумности. Данное положение по ряду причин представляется спорным.

Во-первых, несмотря на то что абзацы 2 и 3 п. 4 Стандарта адвоката раскрывают используемые в указанной ситуации понятия «добросовестность» и «разумность», эти категории являются оценочными, что обуславливает значительную долю усмотрения адвоката при принятии решения об отказе в оказании БЮП по рассматриваемому основанию.

Во-вторых, цели оказания БЮП нормативно не установлены, а их определение и толкование применительно к конкретному обращению

гражданина за оказанием БЮП будут относиться к дискреции адвоката с соответствующей вариативностью его решения.

В-третьих, абзац 4 п. 4 Стандарта адвоката противоречит положениям ст. 21 Закона № 324-ФЗ, устанавливая не предусмотренное ею дополнительное основание отказа в оказании БЮП.

Не менее важной видится проблема порядка обжалования решений об отказе в оказании БЮП. За исключением адвокатов, такие отношения также не нашли своего нормативного закрепления на федеральном уровне. Так, в силу ч. 9 ст. 18 Закона № 324-ФЗ жалобы граждан на действия (бездействие) адвокатов при оказании ими БЮП рассматриваются в соответствии с вышеупомянутым Законом № 63-ФЗ²⁴.

На региональном уровне также отсутствует единство позиций, существует несколько различных подходов к порядку обжалования отказа в оказании БЮП в рамках государственной БЮП²⁵ (на примере адвокатов), в том числе противоречащих требованиям ч. 9 ст. 18 Закона № 324-ФЗ:

- в адвокатской палате или в суде²⁶;
- в уполномоченном органе²⁷ (например, Администрация Главы Республики Карелия);
- в судебном порядке²⁸;
- в адвокатской палате²⁹.

²³ Согласно пп. 2.1 п. 2 ст. 36 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102) Всероссийский съезд адвокатов утверждает обязательные для всех адвокатов стандарты оказания квалифицированной юридической помощи и другие стандарты адвокатской профессии.

²⁴ Процедура регулируется Кодексом профессиональной этики адвоката (Российская газета. 05.10.2005. № 222).

²⁵ Региональные правовые акты по-разному подходят к регламентации данных отношений: применяя единый порядок обжалования отказа в оказании БЮП адвокатами и госюрбюро, определяя различный порядок таких действий в зависимости от субъекта отказа и не регулируя указанный вопрос.

²⁶ См.: ч. 2 ст. 4 Закона г. Москвы от 04.10.2006 № 49 «Об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации в городе Москве» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/3668435> (дата обращения: 25.10.2025).

²⁷ См.: ч. 7 ст. 7 Закона Республики Карелия от 28.12.2012 № 1664-ЗРК «О бесплатной юридической помощи в Республике Карелия и внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Карелия» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/919507863> (дата обращения: 25.10.2025).

²⁸ См.: ч. 5 ст. 14 Закона Республики Татарстан № 73-ЗРТ.

²⁹ См., например: ч. 5 ст. 13 Закона Архангельской области от 24.09.2012 № 536-33-ОЗ «О бесплатной юридической помощи, правовом информировании и правовом просвещении в Архангельской области» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/462600175> (дата обращения: 25.10.2025).

Подобное разночтение в правовом регулировании на региональном уровне представляется неверным, создающим разные возможности для защиты гражданами своих прав на оказание БЮП.

Так, в Республике Карелия предусмотрен порядок обжалования отказа в оказании БЮП, однако используемая при этом терминология далека от существа этой процедуры:

— гражданин, не согласный с решением об отказе в оказании БЮП, вправе направить его для рассмотрения в уполномоченный орган;

— при установлении факта необоснованного отказа в оказании БЮП уполномоченный орган направляет в госюрбюро или адвокату предложение об устранении нарушений, о чем в письменной форме уведомляет гражданина³⁰.

Так, в правовых актах, регулирующих оказание БЮП юридическими клиниками, установлены основания для отказа в оказании БЮП, но сама возможность и порядок обжалования таких отказов не предусмотрены³¹. Данная ситуация в отсутствие требований о необходимости подобной регламентации вполне объяснима, и всё же такой пробел не способствует ни реализации гражданами права на получение БЮП, ни обеспечению качества ее оказания.

Безусловно, судебный порядок для защиты или восстановления нарушенных прав при оказании БЮП не требует наличия соответствующих правовых норм в Законе № 324-ФЗ и реали-

зуется в практической деятельности достаточно активно³². Однако административный порядок в описанной ситуации представлял бы весомую альтернативу ему в силу оперативности, бесплатности и достаточной доли эффективности. При этом видится необходимым установить единый порядок в отношении всех субъектов, оказывающих БЮП³³ (за исключением адвокатов).

Полномочия по рассмотрению таких жалоб в административном порядке целесообразно возложить на территориальные органы Минюста России, которые ранее выполняли эту функцию в отношении отказов госюрбюро в оказании БЮП³⁴.

Проведенное исследование свидетельствует о значимости и актуальности института отказа в оказании БЮП, опосредующего собой отсутствие оснований (возможности) ее оказания, применение которого имеет целью установление баланса между необходимостью реализации права отдельных категорий граждан на оказание БЮП и исключением случаев безосновательного получения такой помощи. Имеющиеся недостатки, противоречия и пробелы в правовом регулировании отказа в оказании БЮП негативно влияют на фактическую возможность реализации права на БЮП и снижают ее эффективность, поэтому требуется совершенствование регламентации рассматриваемых отношений как на федеральном, так и на региональном уровне.

³⁰ См.: ч. 7 ст. 7 Закона Республики Карелия № 1664-ЗРК.

³¹ См., например: Правила работы Студенческой бесплатной юридической консультации (юридической клиники) юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.

³² См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2021 по делу № 8Г-21701/2021[88-23977/2021] ; кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2023 по делу № 8а-261/2023[88а-1503/2023] ; кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2023 по делу № 8а-27797/2023[88а-28612/2023].

³³ Целесообразно распространить такой подход и в отношении жалоб на субъектов, оказывающих БЮП, в части нарушения ими норм профессиональной этики и требований к качеству оказания БЮП.

³⁴ См.: п. 6 Положения об оказании бесплатной юридической помощи государственными юридическими бюро, утв. постановлением Правительства РФ от 25.12.2008 № 1029 (утр. силу) ; пп. 19 п. 8 Положения о Главном управлении Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту (субъектам) Российской Федерации, утв. приказом Минюста России от 21.05.2009 № 146 (утр. силу).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аулов В. К. Квалифицированная юридическая помощь: классификация субъектов ее предоставления и эффективность их работы // Право в Вооруженных Силах. — 2024. — № 10. — С. 41–49.
2. Гребенников В. В. Право граждан на квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации // Образование и право. — 2016. — № 2. — С. 45–48.
3. Закомолдин Р. В., Закомолдин А. В., Гончарова К. С. К вопросу о выстраивании системы бесплатной юридической помощи населению // Юрист. — 2022. — № 6. — С. 67–74.
4. Лисицын В. В., Еримихина Е. В., Харченко А. В. Россия наконец-то обрела закон о бесплатной юридической помощи! // Юридический мир. — 2012. — № 1. — С. 29–31.
5. Радович И. С. Содержание и особенности правовых отношений, направленных на оказание квалифицированной юридической помощи // Арбитражный и гражданский процесс. — 2016. — № 9. — С. 3–6.

Материал поступил в редакцию 26 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aulov V. K. Kvalifitsirovannaya yuridicheskaya pomoshch: klassifikatsiya subektov ee predostavleniya i effektivnost ikh raboty // Pravo v Vooruzhennykh Silakh. — 2024. — № 10. — S. 41–49.
2. Grebennikov V. V. Pravo grazhdan na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch v Rossiyskoy Federatsii // Obrazovanie i pravo. — 2016. — № 2. — S. 45–48.
3. Zakomoldin R. V., Zakomoldin A. V., Goncharova K. S. K voprosu o vystraivanii sistemy besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi naseleniyu // Yurist. — 2022. — № 6. — S. 67–74.
4. Lisitsyn V. V., Erimikhina E. V., Kharchenko A. V. Rossiya nakonets-to obrela zakon o besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi! // Yuridicheskiy mir. — 2012. — № 1. — S. 29–31.
5. Radovich I. S. Soderzhanie i osobennosti pravovykh otnosheniy, napravlennykh na okazanie kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2016. — № 9. — S. 3–6.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.070-080

Г. Э. Ханян*

Финансовое обеспечение медицинской деятельности как функция социального государства

Аннотация. В статье прослеживается становление концепции социального государства от трудов Л. фон Штайна и социального законодательства Германии до модели У. Бевериджа и советской системы здравоохранения. Обосновывается вывод о том, что социальный характер государства является содержательной, а не формально-юридической характеристикой и определяется фактической направленностью публичной политики на обеспечение социальных прав граждан. Раскрывается значение финансирования здравоохранения как показателя реализуемой государством социальной политики. Проводится сравнительный анализ моделей Бисмарка, Бевериджа и Семашко, выявляются их источники финансирования, особенности, достоинства и ограничения. Установлено, что российская система носит смешанный характер, сочетая бюджетное финансирование, обязательное медицинское страхование и государственное планирование. Формулируется вывод о модели финансового обеспечения медицинской деятельности как продукте права, содержание которого регламентируется нормами бюджетного права, законодательства об обязательном социальном страховании и финансовом контроле.

Ключевые слова: финансовое право; финансовое обеспечение медицинской деятельности; здравоохранение; медицинская деятельность; социальное государство; государство всеобщего благоденствия; модель Бисмарка; модель Бевериджа; модель Семашко; обязательное медицинское страхование; бюджетное финансирование; публичный интерес; финансовый контроль

Для цитирования: Ханян Г. Э. Финансовое обеспечение медицинской деятельности как функция социального государства // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 70–80. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.070-080

Financial Support for Medical Activities as a Function of the Welfare State

Gaik E. Khanyan, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
s2022099@edu.msal.ru

Abstract. The paper traces the development of the concept of the social state, from the works of Lorenz von Stein and German social legislation to the Beveridge model and the Soviet healthcare system. It substantiates the

© Ханян Г. Э., 2026

* Ханян Гайк Эдуардович, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
s2022099@edu.msal.ru

conclusion that the social character of a state is a substantive rather than a merely formal legal attribute and is determined by the actual orientation of public policy towards securing citizens' social rights. The paper explores healthcare financing as an indicator of the social policy pursued by the state. It provides a comparative analysis of the Bismarck, Beveridge, and Semashko models, identifying their funding sources, distinctive features, advantages, and limitations. The study establishes that the Russian system is of a mixed nature, combining budgetary funding, compulsory health insurance, and state planning. It concludes that the model for financing medical activities is a product of law, the content of which is determined by the rules of budgetary law, legislation on compulsory social insurance, and financial control.

Keywords: financial law; financial support for medical activities; healthcare; medical activities; welfare state; Bismarck model; Beveridge model; Semashko model; compulsory health insurance; budgetary financing; public interest; financial control

Cite as: Khanyan GE. Financial Support for Medical Activities as a Function of the Welfare State. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):70-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.070-080

Как было отмечено Н. И. Химичевой, социальный характер финансово-правового регулирования представляет собой один из основополагающих принципов финансового права¹. Данный принцип задает вектор регулирования для всех структурных элементов (подотраслей и институтов) названной отрасли российского права. Справедливо говорить о том, что финансовое и финансово-правовое обеспечение² медицинской деятельности — важнейшая функция Российской Федерации как социального государства. Конституция РФ прямо называет Россию социальным государством (ч. 1 ст. 7). Одним из главных проявлений этого выступает положение Основного Закона, гарантирующее охрану здоровья людей в Российской Федерации.

В научной литературе традиционно подчеркивается, что основоположником концепции социального государства является немецкий философ и ученый-юрист в области публичного права Л. фон Штайн³. Теоретические рамки концепции начинают оформляться с середины XIX в. Однако, что еще более важно, идеи социального государства (*Sozialstaat*) получили практическое воплощение в социальном законодательстве

Германии, принятом в 1880-е гг. в ходе реформ канцлера Бисмарка, причем теория и практика развивались параллельно: теоретические труды влияли на социальную политику, а введение обязательного социального страхования и его успехи повлекли популяризацию теории социального государства.

Соответствующие идеи нашли непосредственное отражение и на страницах отечественной финансово-правовой литературы того времени, что неудивительно: 1860–1880-е гг. отмечены небывалыми политическими и экономическими успехами Германии, впервые введшей обязательное социальное страхование рабочих. Так, И. И. Янжул, раскрывая вопрос о значении и сущности финансовой науки, прямо указывал на опыт Германии в «деле страхования рабочих от увечий, от болезней и от неспособности к труду»⁴. Ученый констатировал тенденцию расширения круга «забот» государства (следствие естественного роста потребностей и «постоянного запроса со стороны общества на государственные услуги»⁵) при одновременной концентрации в его руках невиданных до тех пор средств; среди вопросов, которые начало брать на себя государство, И. И. Янжул назвал и заботу о боль-

¹ Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. С. 47.

² Несмотря на сходство, данные термины следует различать.

³ С 1874 г. Л. фон Штайн являлся членом-корреспондентом Императорской академии наук в Санкт-Петербурге.

⁴ Янжул И. И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. М. : Статут, 2002. С. 43.

⁵ Янжул И. И. Указ. соч.

ных⁶. Его выдающийся ученик И. Х. Озеров также весьма комплиментарно отзывался о немецком социальном законодательстве⁷. Основываясь на этом, автор утверждал, что «люди с развитием общественной жизни как бы срастаются друг с другом, усиливается их зависимость друг от друга»⁸, а это ведет к расширению коллективных потребностей, удовлетворение которых берет на себя государство. В гуманистической традиции И. Х. Озеров высказывался о том, что в современном обществе «люди заинтересованы в умственном развитии друг друга, развитии физического здоровья»⁹ — именно это делает общественный организм устойчивым. Таким образом, концепция социального государства уже на рубеже XIX–XX вв. пустила корни в российскую финансово-правовую науку, в том числе через призму изучения немецкой социальной модели.

О. С. Забралова отмечает, что используемый в русском языке термин «социальное государство» является калькой с немецкого Sozialstaat. Вместе с тем в англоязычной литературе употребляется термин welfare state, переводимый как «государство благоденствия»¹⁰. Имеющиеся исследования показывают, что термины «социальное государство» и «государство всеобщего благоденствия» формировались параллельно¹¹, при этом именно последний получил наибольшее распространение в международном масштабе. Ключевую роль в становлении современной концепции государства всеобщего благоденствия сыграли труды английского экономиста У. Бевериджа — архитектора британ-

ской модели социального обеспечения, ставшей точкой отсчета для понимания социального государства как системы универсальных социальных гарантий. Главные постулаты концепции были представлены британскому парламенту в конце 1942 г. в докладе «Социальное страхование и сопутствующие услуги»¹². Данная модель предусматривает, что государство берет на себя ведущую роль в организации сети медицинских услуг, а важнейшими источниками финансирования здравоохранения выступают бюджет и налоги. Финансовая основа бевериджской системы опиралась на кейнсианскую экономическую теорию, в связи с чем соответствующую модель также именуют моделью Кейнса — Бевериджа¹³.

Г. М. Алпатова обращает внимание на то, что «сам Беверидж всегда сознавал и подчеркивал огромную роль в этом процессе рабочего движения, с деятелями которого он тесно общался и сотрудничал»¹⁴. При этом само рабочее движение Великобритании того периода получило свое распространение и во многом черпало идеи в опыте Советского государства. Вместе с тем с сожалением приходится констатировать, что из отечественной историографии и общественного сознания с течением времени исчезло понимание того неопценимого вклада, который наша страна внесла в развитие идеи социального государства в общемировом масштабе в начале XX в.

Следует, однако, заметить, что, хотя вектор государственной политики СССР был направлен на фактическое построение социального государства, сам термин не получил широкого рас-

⁶ Янжул И. И. Указ. соч.

⁷ Озеров И. Х. Основы финансовой науки : курс лекций, читанный в Московском университете. Вып. 1 : Учение об обыкновенных доходах. М. : Типолитография Г. И. Простакова, 1905. С. 7.

⁸ Озеров И. Х. Указ. соч. С. 8.

⁹ Озеров И. Х. Указ. соч.

¹⁰ Забралова О. С. Правовое регулирование государственных расходов в социальной сфере в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. С. 22.

¹¹ Petersen K., Petersen J. H. Confusion and divergence: Origins and meanings of the term «welfare state» in Germany and Britain, 1840–1940 // Journal of European Social Policy. 2013. Vol. 23. No. 1. P. 37–51.

¹² Beveridge W. H. Social Insurance and Allied Services: report. London : His Majesty's Stationery Office, 1942. URL: <http://pombo.free.fr/beveridge42.pdf> (дата обращения: 21.12.2025).

¹³ Алпатова Г. М. У истоков социального государства: У. Беверидж // Вестник Пермского университета. История. 2009. № 1 (8). С. 95.

¹⁴ Алпатова Г. М. Указ. соч.

пространения, а вопросы организации здравоохранения и его финансирования раскрывались через призму марксистской теории. В ее рамках медицинские институты, так же как и многие другие явления, отражают преобладающие в обществе классовые отношения: в капиталистических государствах медицинская помощь доступна в первую очередь для господствующего класса. Здоровье рассматривается как элемент воспроизводства рабочей силы, оно трактуется как социально обусловленная категория — главные массовые различия в уровне здоровья среди классов населения связаны с уровнем доходов, условий труда, жилищных условий и т.д. Таким образом, улучшение здоровья населения требует не только принятия комплекса медицинских мер, но и качественного изменения условий жизни и труда. Доступное общественное здравоохранение расценивается как результат классовой борьбы за социальные права трудящихся¹⁵.

Показательной для иллюстрации развития социальных гарантий в области медицины в

Советском государстве является трансформация содержания норм о здравоохранении в основных законах СССР. Так, если в первой Конституции СССР 1924 г. о «народном здравии» упоминается лишь в контексте распределения предметов ведения между уровнями публичной власти¹⁶, то Конституция СССР 1936 г. уже гарантирует бесплатную медицинскую помощь трудящимся¹⁷. В свою очередь, Конституция СССР 1977 г. уже гарантирует каждому гражданину СССР право на охрану здоровья, что, помимо всего прочего, включает в себя право на получение бесплатной квалифицированной медицинской помощи, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения¹⁸.

Стоит согласиться с мнением академика О. Е. Кутафина о том, что Советское государство было в полном смысле слова социальным; вместе с тем, по справедливому замечанию автора, полное подчинение социально-экономической жизни общества превратило его в тоталитарное¹⁹. Аналогичным образом С. А. Авакьян подчеркивает, что «социальным может быть

¹⁵ См. подробнее: *Waitzkin H.* A Marxist view of medical care // *Annals of Internal Medicine*. 1978. Vol. 89. No. 2. P. 264–278; *Harvey M.* The Political Economy of Health: Revisiting Its Marxian Origins to Address 21st-Century Health Inequalities // *American Journal of Public Health*. 2021. Vol. 111. No. 2. P. 293–300; *Бажан Т. А. К.* Маркс об охране здоровья рабочего класса // *Гигиена и санитария*. 1984. № 6. С. 75–77; *Бариева А. А.* Марксистская научно-исследовательская программа в западной медицинской социологии // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология»*. 2010. Т. 10. № 3. С. 32–37.

¹⁶ Согласно п. «т» ст. 1 Основного Закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 6 июля 1923 г.) (Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 2. Ст. 45) ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его верховных органов подлежали вопросы установления общих мер в области охраны народного здоровья.

¹⁷ Ст. 120 Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик (утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // *Известия ЦИК СССР и ВЦИК*. 1936. № 283.

¹⁸ Согласно ст. 42 Конституции СССР 1977 г. граждане СССР имеют право на охрану здоровья. Это право обеспечивается бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения; расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан; развитием и совершенствованием техники безопасности и производственной санитарии; проведением широких профилактических мероприятий; мерами по оздоровлению окружающей среды; особой заботой о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием; развертыванием научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, обеспечение долголетней активной жизни граждан. См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 7 октября 1977 г.) // *Ведомости ВС СССР*. 1977. № 41. Ст. 617.

¹⁹ *Кутафин О. Е.* Избранные труды : в 7 т. Т. 7 : Российский конституционализм : монография. М. : Проспект, 2011. С. 345–346.

любое государство независимо от его экономической и идеологической сути»²⁰. В то же время М. В. Баглай ограничивает понимание социального государства его «идеологической сутью», утверждая, что социальное государство — это часть концепции демократического государства²¹. Из данной позиции следует, что тоталитарное государство, пусть даже предоставляющее значительный объем социальных прав, не может рассматриваться в качестве социального. На наш взгляд, в рамках названного подхода происходит смешение понятий «социальное государство», «демократическое государство» и «правовое государство»; одновременно М. В. Баглай в полной мере оправданно относит к числу социальных ряд государств, в конституциях которых соответствующее указание не закреплено (например, США). Это подтверждает вывод о том, что социальный характер государства — в большей мере *содержательная*, а не формально-юридическая характеристика.

В. Е. Чиркин, также противопоставляя социальный порядок современной России и Советского государства, выделяет более глубинное различие: социальное государство зиждется на идее социального партнерства, в то время как для Советского государства было характерно противопоставление различных групп населения, классовая борьба²². При этом В. Е. Чиркин разграничивает социальное государство и государство всеобщего благоденствия, отмечая, что «социальное государство призвано обеспечи-

вать лишь основные нужды человека (например, прожиточный минимум)»²³, — тем самым автор ставит вопрос о пределах государственного благоденствия. О. Е. Кутафин отграничил концепцию социального государства от ее прямой противоположности — экономического либерализма, несовместимого, по его мнению, с государством, которое можно было бы назвать социальным²⁴.

Изложенное позволяет сделать ряд промежуточных выводов. Во-первых, «социальное государство» — это общепринятое наименование концепции, отражающей общую направленность государственной политики на обеспечение социальных прав граждан. Социальное государство — одновременно и конституционно-правовой принцип, и ценностная доктрина, и цель государственной политики²⁵. Рассматриваемая концепция может иметь разное наполнение в зависимости от ценностных установок раскрывающих ее суть авторов, что было наглядно проиллюстрировано А. А. Клишасом, показавшим содержательное различие концепции социального государства в зависимости от типов правопонимания²⁶.

Во-вторых, «социальное государство» — это в полном смысле слова концепция, вбирающая в себя совокупность иных политико-правовых идеалов: социальной справедливости²⁷, общего блага²⁸, социального партнерства²⁹ и т.д. Все указанные категории выражают публичный интерес, служат критерием измерения обще-

²⁰ Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. Т. 1. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2026. С. 384.

²¹ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. 14-е изд., изм. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2025. С. 132.

²² Чиркин В. Е. Конституционное право : учебник для бакалавриата. М. : Норма : Инфра-М, 2018. С. 89.

²³ Чиркин В. Е. Конституционное право : учебник для бакалавриата. С. 90.

²⁴ Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 345.

²⁵ Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата и магистратуры. М. : Статут, 2017. С. 136.

²⁶ Клишас А. А. Современная концепция социального государства : монография. М. : Норма, 2023. С. 22–44.

²⁷ Баглай М. В. Указ. соч. С. 131.

²⁸ Момотов В. В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 29–35.

²⁹ Чиркин В. Е. Конституционное право : курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов. М. : Норма : Инфра-М, 2013. С. 120.

ственного развития и нормативным основанием (как правовые принципы) вмешательства государства в общественные отношения, преследуя цель установления социально приемлемого баланса интересов в обществе. Таким образом, можно сказать, что *государство становится социальным в публичном интересе*.

В-третьих, социальное государство проактивно: его деятельность не должна сводиться к реагированию на социальные риски и угрозы — оно должно предвидеть их и купировать на ранних стадиях возникновения. Социальное государство не ограничивается материальным обеспечением нужд членов общества, но и само формирует его ценностные ориентиры, предполагая известную долю вмешательства в частные отношения³⁰.

В-четвертых, вопросы организации и финансирования здравоохранения в целом и медицинской деятельности в частности являются системообразующими для концепции социального государства: в рамках большинства теоретических подходов ведущая роль публичной власти в обеспечении социальных прав граждан раскрывается именно через вопросы организации здравоохранения.

Гарантированное частью 1 ст. 41 Конституции РФ право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь — одно из наиболее ресурсоемких социальных прав. Принимая на себя обязательство по обеспечению реализации данного права, государство берет на себя и затраты, связанные с поддержанием постоянной готовности системы здравоохранения (создание и обеспечение функционирования медицинской инфраструктуры, подготовка и удержание кадров, развитие медицинских технологий, закупка лекарственных препаратов и т.д.), что предопределяет необходимость формирования аппарата управления здравоохранением, постоянного планирования и, что еще более важно, финансирования. Как было отмечено О. Е. Кутафиным, охрана здоровья граждан является важной составной частью социальной политики

государства, а в обязанность государства входит, помимо прочего, «финансирование федеральных программ охраны и укрепления здоровья населения»³¹.

Кроме того, финансовое обеспечение здравоохранения отличается высокими темпами роста расходов, что в немалой степени связано со старением населения и переложением затрат на менее многочисленное работающее поколение. Отношения по охране здоровья граждан характеризуются также высокой степенью неопределенности как на индивидуальном уровне (болезни возникают непредсказуемо), так и на коллективном (эпидемии и пандемии), что усложняет финансовое планирование и может вызывать значительное эпизодическое повышение расходов бюджетов бюджетной системы (примером чему служит пандемия COVID-19).

Одна из центральных идей концепции социального государства — ограничение воздействия негативных факторов на жизненные шансы отдельных членов общества. По справедливому замечанию С. А. Авакьяна, «социальное государство думает о создании равных стартовых условий для всех граждан РФ; оно специально поддерживает, образно говоря, слабых и немощных, т.е. тех, кому будет трудно без помощи государства»³². Применительно к рассматриваемой сфере социальное государство стремится не допускать ситуации, когда расходы домохозяйств на оплату медицинских услуг становятся непосильными, нивелирует неравенство доступа к медицинской помощи по экономическому и территориальному критериям и в значительной мере позволяет преодолеть распространение на сферу здравоохранения рыночных механизмов, при которых объем затрат на оказание медицинской помощи напрямую связывается с финансовым результатом: коммерческие медицинские организации не заинтересованы в оказании услуг экономически невыгодным пациентам. Таким образом, социальное государство, обеспечивая должный уровень финансирования отрасли здравоохранения, гаранти-

³⁰ Клишас А. А. Указ. соч. С. 41–42.

³¹ Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 356.

³² Авакьян С. А. Указ. соч. С. 385.

рует, что доступность медицинских услуг будет определяться имеющейся потребностью, а не платежеспособностью пациента.

Сказанное позволяет констатировать, что финансирование здравоохранения выступает «витриной» социального государства: применяемая модель финансового обеспечения здравоохранения в целом и медицинской деятельности в частности отражает модель социального государства. Исходя из этого, можно выделить три основных модели финансирования здравоохранения в рамках социального государства — модели Бисмарка, Бевериджа и Семашко.

Модель Бисмарка предполагает достаточно ограниченное участие государства: основная его роль сводится к регулированию отношений, возникающих между частными субъектами. Вместе с тем значение данной модели в историческом разрезе сложно переоценить — она ознаменовала начало социальной медицины: если ранее медицинская помощь рассматривалась исключительно как частная услуга, становившаяся доступной для малоимущих слоев населения лишь в результате благотворительности, то в рамках модели Бисмарка она стала гарантированной для работников. Финансовую основу анализируемой модели составляет социальное страхование: страховые взносы работодателей аккумулируются в децентрализованных страховых фондах или кассах, выступающих «покупателями» медицинских услуг, — они заключают договоры с медицинскими организациями (как правило, частными) и покрывают их издержки, что предполагает определенную конкуренцию между медицинскими учреждениями за финансовые ресурсы. Распределение денежных средств на финансирование медицины практически не затрагивает централизованные денежные фонды, а с учетом того, что страховыми организациями оказывается финансовая услуга, можно сказать, что финансирование медицинской деятельности происходит в рамках финансового рынка. Роль государства сводится к законодательному

закреплению модели, обеспечению обязательности страхования, субсидированию медицинской помощи отдельным группам населения, не охваченным социальным страхованием, а также контролю за деятельностью страховых организаций. Считается, что на сегодняшний день модель Бисмарка применяется в Германии, Франции, Бельгии, Нидерландах, Японии и Швейцарии³³.

Модель Бевериджа уже с полным правом может относиться к числу государственных: именно государство выступает «покупателем» медицинской услуги, а кроме того, создает медицинскую инфраструктуру и владеет ею. Основным источником финансирования выступают бюджеты бюджетной системы, аккумулирующие налоги и иные обязательные платежи: граждане фактически приобретают право на получение медицинской помощи вследствие исполнения налоговой обязанности перед государством. Как указывается в литературе, модель Бевериджа обеспечивает доступность медицинской помощи и в целом приемлемый уровень качества медицинских услуг³⁴, однако является дорогой для государства, характеризуется ростом объема оказываемых услуг (из-за необоснованных обращений пациентов и необоснованных назначений врачей), а также испытывает дефицит средств, выделяемых на финансирование отрасли³⁵. Это связано с ограниченностью средств бюджетов бюджетной системы, за которые здравоохранение конкурирует с иными направлениями публичных расходов, расхождением между устанавливаемыми государством нормативами затрат и реальными издержками медицинских учреждений, объективным ростом потребности в медицинской помощи ввиду старения населения, а также ограниченными экономическими стимулами для медицинских организаций, не извлекающих прямой финансовой выгоды из экономии. Отмечается, что модель Бевериджа в настоящее время применяется в Великобритании, Испании и Новой Зеландии³⁶.

³³ Wallace L. S. A view of health care around the world // The Annals of Family Medicine. 2013. Vol. 11. No. 1. P. 84.

³⁴ Медицинское право России : учебник / отв. ред. А. А. Мохов. М. : Проспект, 2021. С. 34.

³⁵ Медицинское право России : учебник. С. 34.

³⁶ Wallace L. S. Op. cit.

Специфика модели Семашко напрямую определяется господствовавшими в социалистических государствах экономическими отношениями: в рамках административно-командной экономики отсутствует частная собственность, поэтому все медицинские учреждения являются государственными, а финансирование здравоохранения осуществляется из государственного бюджета на плановой основе: денежные средства доводятся учреждениям на основании сметы. Модель предполагает жесткую централизацию управления системой здравоохранения и территориальный принцип организации оказания медицинской помощи (население закрепляется за поликлиниками и участковыми врачами). Несомненные достоинства рассматриваемой модели — всеобщая доступность и бесплатность медицинской помощи, а также развитость системы профилактики (диспансеризация, санитарно-эпидемиологический контроль, массовая вакцинация), во многом сохраняющаяся и в современной России. Развитая профилактика положительно влияет на расходы бюджетов бюджетной системы, позволяя выявлять болезни на ранних стадиях и исключая необходимость дорогостоящего лечения в будущем; через планирование и территориальный принцип модель Семашко обеспечила и хорошую масштабируемость, особенно важную в условиях огромных территорий нашей страны. В то же время описанные применительно к модели Бевериджа негативные аспекты, связанные с недостаточным финансированием, присущи и модели Семашко, а в условиях жесткой централизации соответствующие проблемы проявляются еще отчетливее. Данная модель была характерна для СССР, стран Восточной Европы, входивших в социалистический блок, Монголии и Кубы.

Безусловно, любая модель — лишь идеальное представление об объекте, отражающее наиболее отчетливо прослеживаемые свойства и закономерности: в современном мире невозможно найти страну, применяющую какую-либо одну модель финансирования здравоохранения в чистом виде, чаще всего используется

смешанная модель. Сказанное в полной мере относится и к России, сочетающей бюджетное финансирование, обязательное и добровольное медицинское страхование, а также возможность обращения за медицинскими услугами к частным организациям с оплатой за счет средств пациента. От модели Бисмарка Россия воспринимает обязательное медицинское страхование и сопутствующее финансирование за счет страховых взносов работодателей, от модели Семашко — преимущественно централизованную систему управления здравоохранением, государственный характер медицинской инфраструктуры и установление гарантированного объема бесплатной медицинской помощи, от модели Бевериджа — финансирование части медицинских расходов за счет поступающих в бюджеты бюджетной системы налогов и иных обязательных платежей. Важный элемент применяемой в России модели — система государственных внебюджетных фондов, а также государственные программы и национальные проекты в области здравоохранения, что зачастую относят к так называемой модели национального медицинского страхования³⁷, сочетающей особенности моделей Бисмарка и Бевериджа.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд научно значимых выводов.

1. Финансовое обеспечение медицинской деятельности составляет важнейшую функцию социального государства, а финансирование здравоохранения — его «витрину»: по применяемой модели финансового обеспечения медицины можно судить о реализуемой государством модели социальной политики. При этом социальный характер государства является содержательной, а не формально-юридической характеристикой: он определяется не конституционной декларацией, а фактической направленностью государственной, в том числе финансовой, политики на обеспечение социальных прав граждан. Государство становится социальным в публичном интересе.

2. Модель финансового обеспечения медицинской деятельности представляет собой широкую категорию, изучаемую на стыке эко-

³⁷ Wallace L. S. Op. cit.

номической, юридической и философской наук. Она отражает подход к решению целого ряда вопросов: об объеме прав населения на получение медицинской помощи и категориях граждан, имеющих право на ее бесплатное получение; способах обеспечения социальной солидарности; объеме и пределах обязанностей государства по финансовому обеспечению медицинской деятельности; источниках и механизмах финансирования; правовом режиме централизованных и децентрализованных фондов; правовом статусе иных участников соответствующих отношений; видах и методах финансового контроля в рассматриваемой области.

3. Все перечисленные вопросы подлежат разрешению *посредством формального закрепления соответствующих правил пове-*

дения в нормах права. Таким образом, модель финансового обеспечения медицинской деятельности — это, помимо всего прочего, продукт права: она возникает, изменяется и прекращает свое существование на основании государственного властного веления, закреплённого в нормах права различной юридической силы. В правовой плоскости названная модель, с одной стороны, требует правового обеспечения, с другой — проявляется через механизм правового регулирования. Применяемая в России смешанная модель, сочетающая элементы моделей Бисмарка, Бевериджа и Семашко, определяет и комплексный характер ее финансово-правового регулирования, объединяющего инструментарий бюджетного права, правового регулирования обязательного социального страхования и финансового контроля.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. Т. 1. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2026. — 864 с.
2. Алпатова Г. М. У истоков социального государства: У. Беверидж // Вестник Пермского университета. История. — 2009. — № 1 (8). — С. 92–97.
3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. — 14-е изд., изм. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2025. — 704 с.
4. Бажан Т. А. К. Маркс об охране здоровья рабочего класса // Гигиена и санитария. — 1984. — № 6. — С. 75–77.
5. Бариева А. А. Марксистская научно-исследовательская программа в западной медицинской социологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». — 2010. — Т. 10. — № 3. — С. 32–37.
6. Забралова О. С. Правовое регулирование государственных расходов в социальной сфере в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2024. — 351 с.
7. Клишас А. А. Современная концепция социального государства : монография. — М. : Норма, 2022. — 288 с.
8. Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. Т. 7 : Российский конституционализм : монография. — М. : Проспект, 2011. — 544 с.
9. Медицинское право России : учебник / отв. ред. А. А. Мохов. — М. : Проспект, 2021. — 544 с.
10. Момотов В. В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. — 2022. — № 1. — С. 29–35.
11. Озеров И. Х. Основы финансовой науки : курс лекций, читанный в Московском университете. Вып. 1 : Учение об обыкновенных доходах. — М. : Типолиитография Г. И. Простакова, 1905. — 503 с.
12. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2009. — 768 с.
13. Чиркин В. Е. Конституционное право : курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов. — М. : Норма : Инфра-М, 2013. — 688 с.

14. Чиркин В. Е. Конституционное право : учебник для бакалавриата. — М. : Норма : Инфра-М, 2018. — 304 с.
15. Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата и магистратуры. — М. : Статут, 2017. — 624 с.
16. Янжул И. И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. — М. : Статут, 2002. — 555 с.
17. Beveridge W. H. Social Insurance and Allied Services: report. — London : His Majesty's Stationery Office, 1942. — 299 p. — (Cmd. 6404). — URL: <http://pombo.free.fr/beveridge42.pdf> (дата обращения: 21.12.2025).
18. Harvey M. The Political Economy of Health: Revisiting Its Marxian Origins to Address 21st-Century Health Inequalities // American Journal of Public Health. — 2021. — Vol. 111. — No. 2. — P. 293–300.
19. Petersen K., Petersen J. H. Confusion and divergence: Origins and meanings of the term «welfare state» in Germany and Britain, 1840–1940 // Journal of European Social Policy. — 2013. — Vol. 23. — No. 1. — P. 37–51.
20. Waitzkin H. A Marxist view of medical care // Annals of Internal Medicine. — 1978. — Vol. 89. — No. 2. — P. 264–278.
21. Wallace L. S. A view of health care around the world // The Annals of Family Medicine. — 2013. — Vol. 11. — No. 1.

Материал поступил в редакцию 21 декабря 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakyan S. A. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnyy kurs: v 2 t. T. 1. — 7-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2026. — 864 s.
2. Alpatova G. M. U istokov sotsialnogo gosudarstva: U. Beveridzh // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. — 2009. — № 1 (8). — S. 92–97.
3. Baglay M. V. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik. — 14-e izd., izm. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2025. — 704 s.
4. Bazhan T. A. K. Marks ob okhrane zdorovya rabocheho klassa // Gigiena i sanitariya. — 1984. — № 6. — S. 75–77.
5. Barieva A. A. Marksistskaya nauchno-issledovatel'skaya programma v zapadnoy meditsinskoy sotsiologii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Sotsiologiya. Politologiya». — 2010. — T. 10. — № 3. — S. 32–37.
6. Zabalova O. S. Pravovoe regulirovanie gosudarstvennykh raskhodov v sotsialnoy sfere v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2024. — 351 s.
7. Klislas A. A. Sovremennaya kontseptsiya sotsialnogo gosudarstva: monografiya. — M.: Norma, 2022. — 288 s.
8. Kutafin O. E. Izbrannye trudy: v 7 t. T. 7: Rossiyskiy konstitutsionalizm: monografiya. — M.: Prospekt, 2011. — 544 s.
9. Meditsinskoe pravo Rossii: uchebnik / otv. red. A. A. Mokhov. — M.: Prospekt, 2021. — 544 s.
10. Momotov V. V. Ekonomicheskaya effektivnost prava kak tsel pravovogo regulirovaniya // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2022. — № 1. — S. 29–35.
11. Ozerov I. Kh. Osnovy finansovoy nauki: kurs lektsiy, chitanny v Moskovskom universitete. Vyp. 1: Uchenie ob obyknovennykh dokhodakh. — M.: Tipolitografiya G. I. Prostakova, 1905. — 503 s.
12. Finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. N. I. Khimicheva. — 4-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, 2009. — 768 s.
13. Chirkin V. E. Konstitutsionnoe pravo: kurs dlya prepodavateley, aspirantov i magistrantov. — M.: Norma: Infra-M, 2013. — 688 s.

14. Chirkin V. E. Konstitutsionnoe pravo: uchebnik dlya bakalavriata. — M.: Norma: Infra-M, 2018. — 304 s.
15. Shakhrai S. M. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata i magistratury. — M.: Statut, 2017. — 624 s.
16. Yanzhul I. I. Osnovnye nachala finansovoy nauki: uchenie o gosudarstvennykh dokhodakh. — M.: Statut, 2002. — 555 s.
17. Beveridge W. H. Social Insurance and Allied Services: report. — London: His Majesty's Stationery Office, 1942. — 299 p. — (Cmd. 6404). — URL: <http://pombo.free.fr/beveridge42.pdf> (data obrashcheniya: 21.12.2025).
18. Harvey M. The Political Economy of Health: Revisiting Its Marxian Origins to Address 21st-Century Health Inequalities // American Journal of Public Health. — 2021. — Vol. 111. — No. 2. — P. 293–300.
19. Petersen K., Petersen J. H. Confusion and divergence: Origins and meanings of the term «welfare state» in Germany and Britain, 1840–1940 // Journal of European Social Policy. — 2013. — Vol. 23. — No. 1. — P. 37–51.
20. Waitzkin H. A Marxist view of medical care // Annals of Internal Medicine. — 1978. — Vol. 89. — No. 2. — P. 264–278.
21. Wallace L. S. A view of health care around the world // The Annals of Family Medicine. — 2013. — Vol. 11. — No. 1.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.081-093

К. К. Краулин*

Обязанность операторов цифровых сервисов по противодействию компьютерным атакам: частноправовой аспект

Аннотация. В статье исследуется влияние компьютерных атак на договорные отношения по предоставлению цифровых сервисов между их операторами и клиентами (пользователями). Автором выявлена и обоснована тенденция в российском законодательстве к возложению на операторов цифровых сервисов обязанности по противодействию компьютерным атакам и сформулировано шесть юридически значимых признаков таких атак, которые влияют на их оценку в контексте гражданско-правовой ответственности за вызванное ими нарушение обязательств. Рассматриваются позиции в доктрине и судебной практике по вопросам квалификации компьютерных атак как обстоятельств непреодолимой силы и обосновывается целесообразность дифференцированного подхода к такой квалификации в зависимости от интенсивности (мощности) атаки. По результатам анализа применения института договорного ограничения ответственности при компьютерных атаках предложено учитывать нормы публичного права, устанавливающие требования к информационной безопасности цифрового сервиса, в качестве критериев стандарта должной осмотрительности оператора цифрового сервиса при его предоставлении третьим лицам. Отдельное внимание уделено обязанностям в сфере кибербезопасности операторов цифровых сервисов, связанных с выпуском и обменом цифровых финансовых активов, и операторов товарных посреднических цифровых платформ (маркетплейсов).

Ключевые слова: компьютерные атаки; цифровые платформы; оператор информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов; оператор обмена цифровых финансовых активов; оператор посреднической цифровой платформы; оператор маркетплейса; обстоятельства непреодолимой силы; договорное ограничение ответственности; маркетплейс; информация

Для цитирования: Краулин К. К. Обязанность операторов цифровых сервисов по противодействию компьютерным атакам: частноправовой аспект // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 81–93. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.081-093

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00618.

© Краулин К. К., 2026

* Краулин Константин Константинович, ведущий специалист Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук
Мароновский пер., д. 26, г. Москва, Российская Федерация, 119049
kraulin.konstantin@yandex.ru

The Obligation of Digital Service Operators to Counter Cyberattacks: A Private Law Perspective

Konstantin K. Kraulin, Leading Specialist at the Centre for Legal Studies of Digital Technologies of the State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
kraulin.konstantin@yandex.ru

Abstract. The paper examines the impact of computer attacks on contractual relationships concerning the provision of digital services between service operators and their customers (users). The author identifies and substantiates a trend in Russian legislation towards imposing on digital service operators a duty to counter computer attacks. Six legally significant characteristics of such attacks are formulated, which affect their assessment in the context of civil liability for breaches of obligations caused thereby. The paper reviews doctrinal and judicial approaches to the classification of cyber-attacks as force majeure and substantiates the desirability of a differentiated approach depending on the intensity (severity) of the attack. Based on an analysis of the application of contractual limitations of liability in the event of computer attacks, it is proposed that public law rules establishing information-security requirements for digital services be taken into account as criteria for determining the applicable standard of due care expected of a digital service operator when providing services to third parties. Particular attention is given to the cybersecurity obligations of operators of digital services related to the issuance and exchange of digital financial assets, as well as operators of digital intermediary platforms for goods (marketplaces).

Keywords: cyberattacks; digital platforms; operator of information systems in which digital financial assets are issued; digital financial asset exchange operator; intermediary digital platform operator; marketplace operator; force majeure; contractual limitation of liability; marketplace; information

Cite as: Kraulin KK. The Obligation of Digital Service Operators to Counter Cyberattacks: A Private Law Perspective. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):81-93. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.081-093

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Grant No. 24-18-00618).

Введение

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной в 2021 г.¹ (п. 50), и Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.² (п. 15) констатировалось увеличение числа компьютерных атак на российские государственные и частные информационные ресурсы. По оценкам провайдеров решений в

сфере информационной безопасности, в 2025 г. количество хакерских атак на бизнес выросло на 46 % и в абсолютном значении превысило 100 тыс., при этом каждая пятая атака могла привести к недоступности сервисов и многомиллионным убыткам³.

Объектом атак часто становятся операторы цифровых сервисов⁴, под которыми для целей статьи предлагается понимать операторов цифровых платформ и иных информационных

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

³ Более 105 000 с начала 2025-го: число кибератак на бизнес в России выросло почти вдвое // URL: <https://www.comnews.ru/content/242214/2025-11-06/2025-w45/1009/bolee-105-000-nachala-2025-go-chislo-kiberatak-biznes-Rossii-vyroslo-pochti-vdvoe> (дата обращения: 01.03.2026).

⁴ Россия под атакой. Хакеры поменяли стиль и нацелились на уничтожение ИТ-инфраструктуры страны // URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-12-24_hakery_pomenyali_stil_i_pereshli (дата обращения: 01.03.2026).

систем, доступ к функционалу которых предоставляется пользователям через сеть Интернет (например, в сфере цифровых финансов, электронной торговли и пр.), а также лиц, оказывающих облачные и телекоммуникационные услуги (операторы связи, провайдеры хостинга и др.). В таких случаях ущерб причиняется не только самой компании, но и ее контрагентам, например приобретателям цифровых финансовых активов, партнерам-продавцам и пользователям-покупателям на товарных посреднических цифровых платформах (маркетплейсах), поскольку сервис становится для них недоступным, что порождает их требования о возмещении убытков к его оператору.

Поэтому наряду с предложениями по ужесточению уголовной ответственности для хакеров⁵ не менее важным видится формирование доктринального представления об обязанности операторов цифровых сервисов по противодействию компьютерным атакам с точки зрения частного права, что и является целью статьи. Для этого дана характеристика компьютерных атак

через их юридически значимые признаки, рассмотрены законодательство о противодействии таким атакам и его развитие, а также исследованы вопросы о возможности квалификации компьютерных атак в качестве обстоятельства непреодолимой силы и об эффективности договорного ограничения ответственности в таких случаях.

1. Юридически значимые признаки компьютерной атаки

Компьютерные атаки в законодательстве определяются как «целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты... в целях нарушения и (или) прекращения их функционирования и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации»⁶. В доктрине встречаются также термины «хакерские атаки»⁷ и «кибератаки»⁸, однако по своему содержанию они очень близки к приведенному определению.

01.03.2026) ; Более 105 000 с начала 2025-го: число кибератак на бизнес в России выросло почти вдвое ; Эксперты назвали самые атакуемые хакерами сферы в России // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69455f539a79473ded3514cf> (дата обращения: 01.03.2026).

⁵ См., например: законопроект № 1071997-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части установления административной ответственности за нарушение правил эксплуатации объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации)» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1071997-8> (дата обращения: 01.03.2026) ; Минюст предлагает расширить уголовную ответственность за DDoS-атаки // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/05/19/1111078-ugolovnuyu-otvetstvennost-ddos-ataki> (дата обращения: 01.03.2026).

⁶ П. 4 ст. 2 Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4736. См. также сходные определения: п. 2.3 Методики расчета показателя «снижение времени реагирования по блокировке распространения фишинговых сайтов, имитирующих работу сайтов органов государственной власти», утв. приказом Минцифры России от 28.02.2022 № 143 // СПС «КонсультантПлюс» ; п. 3.11 ГОСТ Р 51275-2006 «Защита информации. Объект информатизации. Факторы, воздействующие на информацию. Общие положения», утв. и введен в действие приказом Ростехрегулирования от 27.12.2006 № 374-ст // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Образование и занятость: правовые вопросы новой цифровой реальности : монография / Н. С. Волкова, О. Ю. Еремина, О. В. Моцная [и др.] ; отв. ред. Н. С. Волкова, Н. В. Путило ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М. : Юриспруденция, 2025. С. 160.

⁸ См., например: Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере : монография / Н. С. Волкова, А. А. Ефремов, С. М. Зырянов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. М. :

Можно выделить следующие юридически значимые признаки компьютерной атаки⁹. Во-первых, это внешний характер: такая атака не связана с действиями или волей оператора цифрового сервиса. Исключение могут составлять только тестирования устойчивости сервисов компании «белыми» хакерами¹⁰.

Во-вторых, умышленный характер действий: компьютерная атака возникает из-за умышленных противоправных действий третьих лиц, целью которых являются причинение вреда атакуемому лицу и его контрагентам и (или) причинение вреда экономике государства в целом и создание напряженности в обществе (при атаке на B2C или государственные сервисы). Такие действия в определенной степени можно назвать террористическим актом¹¹.

В-третьих, сопряженность с риском парализации бизнес-процессов компании — объекта атаки. Так, например, атака на ИТ-инфраструктуру авиакомпании «Аэрофлот» привела к отмене более 100 рейсов и убыткам свыше 200 млн руб.¹²

В-четвертых, возможность минимизации риска компьютерных атак при «должной осмотрительности» в организации информационной безопасности: чем выше уровень информаци-

онной безопасности у оператора цифрового сервиса, тем больше атак он сможет отразить без влияния на его функционирование.

В-пятых, невозможность абсолютной защиты от любых компьютерных атак. Некоторые атаки являются непредотвратимыми ввиду сверхвысокой мощности, опережающей возможности даже передовых ИБ-решений. Если продолжить аналогию с террористическими актами, то даже при высокоэффективной организации системы охраны правопорядка и перманентной охране всех социально значимых объектов гарантировать полную антитеррористическую защищенность невозможно.

В-шестых, отсутствие прямой обязанности по противодействию таким атакам в законодательстве для большинства операторов цифровых сервисов. Помимо общих требований по обеспечению информационной безопасности и конфиденциальности информации, предусмотренных Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹³ и Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»¹⁴, в нормативных правовых актах долгое время отсутствовали требования о противодействии компьютерным атакам.

Инфотропик Медиа, 2024. С. 19 ; Швырев Б. А., Тищенко Ю. Ю. Кибератаки: иммерсионная образовательная среда и ее формирование // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 1. С. 30–33.

⁹ Некоторые из них были ранее сформулированы автором применительно к DDoS-атакам: Краулин К. К. Сбой на сайте из-за DDoS-атаки. Можно ли взыскать убытки? // Шортрид. URL: <https://shortread.ru/sboj-na-sajte-iz-za-ddos-ataki-mozhno-li-vzyskat-ubytki/> (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁰ Жижина М. В., Завьялова Д. В. Личность субъекта преступлений в сфере компьютерной информации как системообразующий элемент криминалистической характеристики (по материалам российских и зарубежных источников) // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 152.

¹¹ Компьютерные атаки отнесены к разновидностям терроризма, в частности, в пп. «в» п. 37 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г. (Российская газета. 2009. № 198). См. также о кибертерроризме: Кудинов В. В., Минаев А. В. Кибертерроризм: основные угрозы и проблемы правового регулирования национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 53–56.

¹² Россия под атакой. Хакеры поменяли стиль и нацелились на уничтожение ИТ-инфраструктуры страны.

¹³ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

¹⁴ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

2. Тенденция возложения на операторов цифровых сервисов обязанности по противодействию компьютерным атакам в российском законодательстве

Формирование представления об обязанности оператора по противодействию компьютерным атакам на его цифровые сервисы на государственном уровне происходило постепенно. Соответствующие требования впервые появились только в 2017 г. — в приказе ФСТЭК России от 25.12.2017 № 239, в котором устанавливалась обязанность владельцев значимых объектов критической информационной инфраструктуры по предотвращению компьютерных атак¹⁵.

В 2020 г. были приняты первые специальные нормативные правовые акты, возлагающие обязанности по противодействию компьютерным атакам на операторов отдельных цифровых сервисов. Так, на оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, в специальном Законе была возложена обязанность обеспечить «бесперебойность и непрерывность функционирования информационной системы, в том чис-

ле наличие и надлежащее функционирование дублирующих (резервных) технологических и операционных средств»¹⁶. Одновременно предусмотрена и ответственность в виде полного возмещения убытков пользователям, если они возникнут из-за технических сбоев и пр.¹⁷

Уже через год на таких субъектов наряду с операторами обмена цифровых финансовых активов Банк России возложил дополнительные обязанности в области обеспечения информационной безопасности, в том числе по анализу трафика сетевого взаимодействия¹⁸. Аналогичные требования одновременно были установлены и для операторов финансовых платформ¹⁹.

В 2023 г. внимание законодателя привлекла деятельность операторов других цифровых сервисов — провайдеров хостинга. Для них установили обязанность соблюдать требования о защите информации²⁰, полномочия по определению которых были возложены на Минцифры России. В первом проекте таких требований в числе прочего содержалась обязанность «обеспечить устойчивость к распределенным атакам, направленным на отказ в обслуживании (DDoS-атакам)»²¹, и «принимать меры по обнаружению

¹⁵ П. 22 Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, утв. приказом ФСТЭК России от 25.12.2017 № 239 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ П. 2 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

¹⁷ См. подробнее все основания ответственности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов: ст. 9 Закона о цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации.

¹⁸ П. 3.3 положения Банка России от 20.04.2021 № 757-П «Об установлении обязательных для некредитных финансовых организаций требований к обеспечению защиты информации при осуществлении деятельности в сфере финансовых рынков в целях противодействия осуществлению незаконных финансовых операций» // Вестник Банка России. 2021. № 42.

¹⁹ Ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4737.

²⁰ П. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2023 № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и Федеральный закон “О связи”» // СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6138.

Указанным Законом была введена часть 2 ст. 10.2-1 Закона об информации, информационных технологиях и о защите информации.

²¹ Проект приказа Минцифры России «Об утверждении требований о защите информации при предоставлении вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно

вторжений»²². Фактически эти положения обязывали отражать любые компьютерные атаки. После длительных обсуждений проекта между представителями бизнеса и отраслевыми регуляторами с учетом технической невозможности предотвращения всех возможных компьютерных атак приведенные положения были заменены на компромиссный вариант: «с целью обеспечения контроля и фильтрации входящего и исходящего сетевого трафика провайдер хостинга *при наличии технических средств* должен принимать меры по обнаружению и предотвращению вторжений *в случае их обнаружения*»²³ (курсив наш. — К. К.). Однако саму попытку закрепить столь строгую обязанность можно рассматривать как подтверждение намерений государства ужесточить требования в области противодействия компьютерным атакам.

В 2024–2025 гг. введены новые требования о защите информации в государственных информационных системах²⁴, в том числе в области противодействия атакам, направленным на от-

каз в обслуживании²⁵. Кроме того, в 2025 г. после ряда массированных DDoS-атак на интернет-провайдеров, которые привели к многочасовой недоступности Интернета на территориях целых кварталов Москвы, Роскомнадзор выступил с инициативой нормативно закрепить требования по противодействию компьютерным атакам на сети операторов связи²⁶.

Изложенное свидетельствует о формировании тенденции возложения на операторов цифровых сервисов обязанности по противодействию компьютерным атакам в российском законодательстве. При этом некоторые виды цифровых сервисов пока продолжают функционировать без каких-либо специальных требований к их бесперебойности. Так, маркетплейсы Ozon и Wildberries всё чаще становятся объектом компьютерных атак²⁷, но даже в Федеральном законе от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»²⁸ этот вопрос остался без внимания²⁹.

подключенной к сети “Интернет”» (по состоянию на 9 октября 2023 г.) (подготовлен Минцифры России, ID проекта 02/08/09-23/00141794) // СПС «КонсультантПлюс».

См.: п. 7 Требований в проекте приказа Минцифры России «Об утверждении требований о защите информации...».

²² См.: п. 6 Требований в проекте приказа Минцифры России «Об утверждении требований о защите информации...».

²³ П. 6 приказа Минцифры России от 01.11.2023 № 936 «Об утверждении требований о защите информации при предоставлении вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См.: приказ ФСТЭК России от 11.04.2025 № 117 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Под атаками, направленными на отказ в обслуживании, понимаются в том числе DDoS-атаки.

²⁶ РКН: законодательство РФ нужно усовершенствовать для борьбы с DDoS-атаками // URL: <https://tass.ru/obschestvo/23501547> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁷ Россияне массово жалуются на сбои в работе популярного маркетплейса // URL: <https://news.ru/society/rossiyane-massovo-zhaluyutsya-na-sboi-v-rabote-populyarnogo-marketplejsa> (дата обращения: 01.03.2026); Кибератака или инсайдер: почему произошел сбой в работе Wildberries // URL: <https://www.forbes.ru/biznes/459557-kiberataka-ili-insajder-pocemu-proizosel-sboj-v-rabote-wildberries> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁸ СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4643.

²⁹ За исключением общей обязанности соблюдать законодательство об информации и о персональных данных, которая дублируется в пп. «г» п. 4 ч. 1 ст. 4 Закона об отдельных вопросах регулирования плат-

3. Компьютерная атака как обстоятельство непреодолимой силы

Вместе с тем касательно отнесения компьютерных атак, которые могут вызвать такие сбои, к форс-мажору в юридической науке и правоприменительной практике единая позиция отсутствует, что обуславливает необходимость более глубокого исследования данного вопроса.

Так, в деле № А15-1085/2022 суд освободил от ответственности по государственному контракту исполнителя, который нарушил сроки отпуска на автозаправочных станциях из-за DDoS-атаки на инфраструктуру его оператора связи, признав ее форс-мажором применительно к обязательствам по контракту³⁰. Однако предмет договора, нарушение которого возникло из-за компьютерной атаки, не был связан с информационными технологиями, а объектом компьютерной атаки была инфраструктура не исполнителя, а его интернет-провайдера.

Применительно к обязательствам именно операторов цифровых сервисов суды в основном занимают более строгую позицию. По мнению некоторых судов, «сама по себе хакерская атака, учитывая современный уровень развития

информационно-компьютерных услуг и технологий, не отвечает признаку неотвратимости и неизбежности»³¹, а соответствующие риски являются «обычными коммерческими рисками», которые «в современных условиях хозяйственного оборота относятся к рискам, характерным для предпринимательской деятельности в сфере IT и телекоммуникаций»³². Несмотря на рациональность сформулированных судами тезисов, приведенные дела имеют один существенный недостаток: суды никак не исследовали технические параметры конкретной компьютерной атаки, послужившей причиной разбирательства, а основывались на абстрактных представлениях о них как социально-экономическом явлении в целом, что видится неверным. Поэтому далее предлагается дать такую оценку самостоятельно.

Оценивая возможность квалификации того или иного события как форс-мажора, необходимо проверять его на соответствие обязательным признакам обстоятельств непреодолимой силы³³, сформулированным Пленумом Верховного Суда РФ: непредотвратимости — невозможности избежать наступления этого обстоятельства или его последствий для любого участника оборота³⁴ — и чрезвычайности — исклю-

форменной экономики в Российской Федерации, хотя оператор посреднической цифровой платформы и так обязан соблюдать соответствующее законодательство как оператор информационной системы и оператор персональных данных.

³⁰ Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.08.2023 № 16АП-1758/2023 по делу № А15-1085/2022.

³¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14.12.2012 по делу № А40-104765/10-98-918 (оставлено без изменения постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.04.2013 № 09АП-7660/2013-ГК).

³² Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 01.06.2025 по делу № А56-85885/2024 (на дату написания статьи это решение было отменено постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2025, дело находится на рассмотрении в кассационной инстанции).

³³ См. о признаках форс-мажора, например: *Байбак В. В.* Непреодолимая сила (форс-мажор) как основание освобождения от договорной ответственности (сравнительно-правовой очерк) // Закон. 2025. № 6. С. 166–180 ; *Курбатов А. Я.* Обстоятельства непреодолимой силы: разграничение со смежными понятиями // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 1. С. 56–57.

³⁴ П. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 15.

чительности рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях.

Многочисленные публикации СМИ свидетельствуют, что за последние несколько лет все цифровые сервисы на какое-то время становились недоступными из-за DDoS-атак, включая сервисы ФНС³⁵, «Честный знак» и портал «Госуслуги»³⁶, в которых вопросам информационной безопасности уделяется особое внимание ввиду их значимости для государства. Это может свидетельствовать о том, что компьютерные атаки высокой интенсивности (мощности) являются непредотвратимыми, на что обращали внимание даже, например, спецслужбы Великобритании³⁷.

Переходя к признаку чрезвычайности, необходимо отметить, что хакеры как явление и их атаки давно стали «одной из классических угроз безопасности интернет-сайта»³⁸. Поэтому компьютерные атаки сами по себе уже не носят чрезвычайного характера — как ранее утратили свою чрезвычайность пандемия COVID-19³⁹ и санкции иностранных государств⁴⁰. Между тем, как и в случае с критерием непредотвратимости, видится не совсем верным пытаться дать категоричную квалификацию всем компьютерным атакам в целом без учета их многообразия. Атаки, существенно превышающие мощности

предыдущих атак или технические возможности доступных на российском рынке ИБ-решений, уже позволяют говорить об их чрезвычайности.

В свете изложенного любые категоричные суждения о том, что все компьютерные атаки являются обстоятельством непреодолимой силы⁴¹ или, наоборот, в любом случае не могут признаваться таковыми⁴², едва ли учитывают специфику этого явления. Представляется, что компьютерная атака по умолчанию не должна признаваться форс-мажором, однако в исключительных случаях, когда оператор цифрового сервиса принял меры по обеспечению информационной безопасности, установленные в отношении него законом для противодействия таким внешним воздействиям (если предусмотрены), или разумно ожидаемые от него меры исходя из обычаев делового оборота для такого рода сервисов (в отсутствие законодательных требований), но интенсивность (мощность) компьютерной атаки позволила ей обойти такие меры и выделяется из общей статистики подобных атак, такая компьютерная атака в конкретном споре может быть признана обстоятельством непреодолимой силы.

Вероятно следуя той же логике, В. В. Байбак и А. Г. Карапетов допускают квалификацию в качестве форс-мажора «масштабной цифровой атаки на российскую банковскую систему»⁴³, где клю-

³⁵ ФНС подверглась масштабной кибератаке // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7736483> (дата обращения: 01.03.2026).

³⁶ Минцифры сообщило о DDoS-атаках на «Госуслуги» со стороны Украины // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/06/2022/62b43ea09a79471246251381 (дата обращения: 01.03.2026).

³⁷ Telegraph: спецслужбы Великобритании не могут полностью защитить страну от кибератак РФ // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5148364> (дата обращения: 01.03.2026).

³⁸ Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2020. С. 343.

³⁹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21.06.2023 № Ф03-1892/2023.

⁴⁰ См., например: решение Арбитражного суда Республики Мордовия от 08.02.2023 по делу № А39-7372/2022 ; решение Арбитражного суда Забайкальского края от 27.02.2023 по делу № А78-11132/2022 и др.

⁴¹ Дадалко В. А., Благодаров Д. Н. Влияние безопасности интернет-банкинга на конкурентоспособность банка // Международное публичное и частное право. 2013. № 4. С. 19–22.

⁴² Савельев А. И. Указ. соч. С. 343.

⁴³ Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (Электронное издание. Редакция 2.0) / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022. С. 856.

чевым фактором, как видится, является именно ее масштабность. Усилить позицию оператора цифрового сервиса относительно форс-мажорности произошедшей атаки может ссылка на другие компьютерные атаки сопоставимой мощности⁴⁴, которые ранее приводили к сбоям в государственных или финансовых сервисах, а значит, он, обладая существенно меньшими ресурсами, также не смог противостоять такой атаке.

Оценка возможности квалификации компьютерной атаки как обстоятельства непреодолимой силы должна осуществляться судом — как это происходит и при квалификации любых иных событий в качестве таковых — с учетом заключений экспертов и консультаций специалистов в соответствующей области. При этом сдерживающим фактором от уклонения оператором цифрового сервиса от имущественной ответственности станут репутационные риски при ссылках на непредотвратимость для него компьютерных атак.

В то же время сразу в нескольких арбитражных спорах об ответственности оператора цифрового сервиса перед клиентом за инцидент, вызванный компьютерной атакой, суды встали на сторону оператора, мотивировав это не форс-мажорностью атаки, а отсутствием в договоре с клиентом обязательств оператора по защите от неправомерных действий третьих лиц⁴⁵. Возникает вопрос: а не должно ли принятие соответ-

ствующих мер входить в стандарт должной осмотрительности оператора цифрового сервиса?

4. Обязанность по противодействию компьютерным атакам как должная осмотрительность

Операторы цифровых сервисов в отношениях со своими контрагентами широко используют институт договорного ограничения ответственности. Условия, исключающие ответственность оператора цифрового сервиса при недоступности сервиса из-за компьютерных атак, содержатся в офертах крупнейших цифровых сервисов в своей отрасли⁴⁶. Это может говорить как о дисбалансе договорных условий⁴⁷, так и о неготовности операторов таких сервисов гарантировать их бесперебойность.

Однако, как верно замечает М. А. Церковников, «судебная практика по конкретным делам даже при наличии допустимой по п. 4 ст. 401 ГК РФ оговорки об ограничении ответственности может констатировать наличие умысла, если должник значительно отступил от требуемого стандарта поведения»⁴⁸. Рассматривая спор о пределах ответственности исполнителя по договору возмездного оказания услуг, Верховный Суд в 2024 г. сформулировал правило, согласно

⁴⁴ Такие сведения часто публикуют СМИ или сами потерпевшие компании в пресс-релизах по результатам атаки. Без сопоставления технических атак предложенная аргументация видится менее эффективной.

⁴⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.12.2023 № Ф05-28661/2023 по делу № А40-293189/2022 ; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2025 по делу № А56-85885/2024.

⁴⁶ П. 2.14 Правил информационной системы АО «Альфа-Банк» // URL: https://alfabank.servicecdn.ru/site-upload/7a/6e/7579/pravila_informacionnoi_sistemy_v3_11062025.pdf (дата обращения: 01.03.2026) ; п. 8.1 Пользовательского соглашения сайта оператора финансовой платформы «Финуслуги» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и мобильного приложения «Финуслуги» // URL: <https://assets.finuslugi.ru/mp-assets/user-agreement.pdf> (дата обращения: 01.03.2026) ; п. 9.9.10 Оферты о реализации товаров на сайте Wildberries // URL: <https://static-basket-02.wbbasket.ru/vol20/offers/prd/product/88/4a5d9eaa-0fdc-4845-b987-d9426b4cb64f.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).

⁴⁷ См. об этом, например: *Зубарев Н. С.* Оферта как инструмент правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием маркетплейсов: опыт «Озона» и «Вайлдберриз» // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 6. С. 95.

⁴⁸ *Церковников М. А.* Об ограничении ответственности cedenta за недействительность уступаемого права: комментарий к абз. 2 п. 1 ст. 390 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. 2024. № 6. С. 255.

которому «исполнитель... не вправе ссылаться на оговорку об исключении или ограничении ответственности, если выполненные им действия или осуществленная им деятельность были столь упречными (непрофессиональными), что затронули само существо исполняемого обязательства и лишили полезного смысла заключение договора для заказчика»⁴⁹.

Представляется, что, если оператор цифрового сервиса не принял обязательных мер кибербезопасности, которые установлены в отношении его сервиса специальным законодательством, стандарт «минимальной степени заботливости и осмотрительности»⁵⁰ должен считаться невыполненным, а ответственность — наступать в полном объеме⁵¹. В этом смысле публично-правовые нормы информационного законодательства будут влиять на частноправовые отношения, что, по мнению автора, не вызывает противоречий, а, наоборот, способствует большей правовой определенности при прогнозировании «минимально достаточных мер».

И всё же, что, если такие обязанности в отраслевом законодательстве пока отсутствуют (как, например, для посреднических цифровых платформ)? Несомненно, это не может быть интерпретировано как дозволение оператору цифрового сервиса не принимать никаких мер по противодействию компьютерным атакам в принципе, ограничивая свою ответственность договором. Ведь содержание их обязательств перед клиентами включает работоспособность

и доступность предоставляемых сервисов, иное противоречило бы самой сути экономических отношений сторон. В практике арбитражных судов встречается тезис, что «обеспечение компьютерной безопасности организации является обязанностью самой организации, в противном случае риск наступления неблагоприятных последствий в результате такого бездействия несет указанное лицо»⁵². Более того, операторов цифровых сервисов можно считать профессиональными участниками рынка и требовать от них повышенных стандартов кибербезопасности.

Заключение

Как показало исследование, в российском законодательстве прослеживается тенденция возложения на операторов цифровых сервисов обязанности по противодействию компьютерным атакам. Законодатель выбрал путь отраслевого регулирования (по видам сервисов), что вполне оправданно ввиду разной социальной значимости и специфики отдельных сервисов.

Компьютерные атаки, за исключением атак высокой интенсивности (мощности), уже не являются форс-мажором, а стали объективной реальностью и обычным предпринимательским риском для ИТ-рынка. Недостаток и существующей судебной практики, и отдельных доктринальных представлений по вопросам возможности квалификации компьютерных атак как обстоятельств непреодолимой силы — непринятие во внима-

⁴⁹ П. 26 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 апреля 2025 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁰ Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства... С. 1365–1366. См. также: *Логинов Е. А.* К вопросу о содержании обязательства исполнителя в договоре возмездного оказания услуг. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 13.02.2024 № 305-ЭС23-18507 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 7. С. 12–31.

⁵¹ Абз. 2 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7. Важно учитывать, что в договорах с потребителями условие об ограничении ответственности оператора цифрового сервиса при компьютерных атаках будет признано недействительным как ущемляющее права потребителя в силу пп. 4 п. 2 ст. 16 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140).

⁵² Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2020 № 15АП-15249/2020 по делу № А53-18497/2020 ; решение Арбитражного суда г. Москвы от 21.09.2022 по делу № А40-98900/22-189-752.

ние интенсивности (мощности) конкретной компьютерной атаки. Хотя такая дифференциация видится наиболее справедливой и соответствующей специфике этого явления.

Современные реалии правоприменения свидетельствуют о том, что даже при отсутствии специальных обязанностей по противодействию компьютерным атакам в законодательстве оператор цифрового сервиса всё равно не может не принимать таких мер, ограничив свою ответственность за сбои в сервисе в договоре. Такая обязанность с частноправовой точки зрения будет существовать для него априори в рамках выработанного судебной практикой и доктриной стандарта минимальной степени заботливости и осмотрительности, а ее игнорирование приведет к ничтожности договорных условий об ограничении ответственности при сбоях и инцидентах, которые содержатся практически в каждой оферте крупного цифрового сервиса. В то же время запрет договорного ограничения ответственности за сбои в сервисе в предпринимательских договорах⁵³ будет ущемлять как добросовестного оператора цифрового сервиса,

так и его клиентов — у участников цифрового рынка должна быть возможность согласовывать ограниченную ответственность за счет более низкой цены сервиса.

Публично-правовые по своему характеру нормы, устанавливающие требования к информационной безопасности цифрового сервиса, было бы рационально использовать в качестве критериев упомянутого стандарта должной осмотрительности в договорных отношениях по предоставлению цифрового сервиса его оператором. Такой подход обеспечит большую прозрачность для участников рынка, а отраслевые регуляторы уже обладают необходимыми компетенциями для формирования сбалансированных и конкретных мер по противодействию компьютерным атакам. Отсутствие же соответствующих норм в отношении операторов посреднических цифровых платформ и других субъектов создает правовую неопределенность, предпосылки для противоречивого правоприменения и злоупотреблений как в частноправовом, так и в публично-правовом поле.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Байбак В. В. Непреодолимая сила (форс-мажор) как основание освобождения от договорной ответственности (сравнительно-правовой очерк) // Закон. — 2025. — № 6. — С. 166–180.
2. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере : монография / Н. С. Волкова, А. А. Ефремов, С. М. Зырянов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. — М. : Инфотропик Медиа, 2024. — 352 с.
3. Дадалко В. А., Благодаров Д. Н. Влияние безопасности интернет-банкинга на конкурентоспособность банка // Международное публичное и частное право. — 2013. — № 4. — С. 19–22.
4. Жижина М. В., Завьялова Д. В. Личность субъекта преступлений в сфере компьютерной информации как системообразующий элемент криминалистической характеристики (по материалам российских и зарубежных источников) // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 5. — С. 149–158.
5. Зубарев Н. С. Оферта как инструмент правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием маркетплейсов: опыт «Озона» и «Вайлдберриз» // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 86–96.
6. Кудинов В. В., Минаев А. В. Кибертерроризм: основные угрозы и проблемы правового регулирования национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 4. — С. 53–56.

⁵³ Харитонова Ю. С. Ответственность владельца за некорректную работу цифровой платформы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 12. С. 24.

7. Курбатов А. Я. Обстоятельства непреодолимой силы: разграничение со смежными понятиями // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2025. — № 1. — С. 56–61.
8. Логинов Е. А. К вопросу о содержании обязательства исполнителя в договоре возмездного оказания услуг. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 13.02.2024 № 305-ЭС23-18507 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 7. — С. 12–31.
9. Образование и занятость: правовые вопросы новой цифровой реальности : монография / Н. С. Волкова, О. Ю. Еремина, О. В. Моцная [и др.] ; отв. ред. Н. С. Волкова, Н. В. Путило ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М. : Юриспруденция, 2025. — 192 с.
10. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (Электронное издание. Редакция 2.0) / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2022. — 1582 с.
11. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2020. — 920 с.
12. Харитонова Ю. С. Ответственность владельца за некорректную работу цифровой платформы // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2023. — № 12. — С. 19–24.
13. Церковников М. А. Об ограничении ответственности cedenta за недействительность уступаемого права: комментарий к абз. 2 п. 1 ст. 390 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. — 2024. — № 6. — С. 239–259.
14. Швырев Б. А., Тищенко Ю. Ю. Кибератаки: иммерсионная образовательная среда и ее формирование // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2024. — № 1. — С. 30–33.

Материал поступил в редакцию 25 марта 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Baybak V. V. Nepreodolimaya sila (fors-mazhor) kak osnovanie osvobozhdeniya ot dogovornoy otvetstvennosti (sravnitel'no-pravovoy ocherk) // Zakon. — 2025. — № 6. — S. 166–180.
2. Gosudarstvo, obshchestvo i lichnost: puti preodoleniya vyzovov i ugroz v informatsionnoy sfere: monografiya / N. S. Volkova, A. A. Efremov, S. M. Zyryanov [i dr.]; отв. ред. L. K. Tereshchenko. — M.: Infotropik Media, 2024. — 352 s.
3. Dadalko V. A., Blagodarov D. N. Vliyanie bezopasnosti internet-bankinga na konkurentosposobnost banka // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. — 2013. — № 4. — S. 19–22.
4. Zhizhina M. V., Zavyalova D. V. Lichnost subekta prestupleniy v sfere kompyuternoy informatsii kak sistemoobrazuyushchiy element kriminalisticheskoy kharakteristiki (po materialam rossiyskikh i zarubezhnykh istochnikov) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 5. — S. 149–158.
5. Zubarev N. S. Oferta kak instrument pravovogo regulirovaniya predprinimatelskoy deyatel'nosti s ispolzovaniem marketpleysov: opyt «Ozona» i «Vayldberriz» // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2025. — T. 20. — № 6. — S. 86–96.
6. Kudinov V. V., Minaev A. V. Kiberterrorizm: osnovnye ugrozy i problemy pravovogo regulirovaniya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 4. — S. 53–56.
7. Kurbatov A. Ya. Obstoyatelstva nepreodolimoy sily: razgranichenie so smezhnymi ponyatiymi // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2025. — № 1. — S. 56–61.
8. Loginov E. A. K voprosu o soderzhanii obyazatelstva ispolnitelya v dogovore vozmezdnoy okazaniya uslug. Kommentariy k opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 13.02.2024 № 305-ES23-18507 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2024. — № 7. — S. 12–31.

9. Obrazovanie i zanyatost: pravovye voprosy novoy tsifrovoy realnosti: monografiya / N. S. Volkova, O. Yu. Eremina, O. V. Motsnaya [i dr.]; otv. red. N. S. Volkova, N. V. Putilo; Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve Rossiyskoy Federatsii. — M.: Yurisprudentsiya, 2025. — 192 s.
10. Peremena lits v obyazatelstve i otvetstvennost za narushenie obyazatelstva: kommentariy k statyam 330–333, 380–381, 382–406.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (Elektronnoe izdanie. Redaktsiya 2.0) / otv. red. A. G. Karapetov. — M.: M-Logos, 2022. — 1582 s.
11. Savelev A. I. Elektronnyaya kommertsiya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2020. — 920 s.
12. Kharitonova Yu. S. Otvetstvennost vladeltsa za nekorrektnuyu rabotu tsifrovoy platformy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2023. — № 12. — S. 19–24.
13. Tserkovnikov M. A. Ob ogranichenii otvetstvennosti tsedenta za nedeystvitelnost ustupaemogo prava: kommentariy k abz. 2 p. 1 st. 390 Grazhdanskogo kodeksa RF // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2024. — № 6. — S. 239–259.
14. Shvyrev B. A., Tishchenko Yu. Yu. Kiberataki: immersionnaya obrazovatel'naya sreda i ee formirovanie // Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. — 2024. — № 1. — S. 30–33.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.094-101

Д. А. Кудашкин*

Новые правовые риски операторов персональных данных

Аннотация. В статье анализируются изменения в Федеральном законе «О персональных данных», вступившие в силу в 2025 г. Отмечается, что реформа носит системный характер и направлена на кардинальное ужесточение требований к операторам персональных данных. Ключевыми новациями являются введение дифференцированных административных штрафов за утечки данных, размер которых зависит от количества пострадавших субъектов, и ужесточение уголовной ответственности. Подробно рассматриваются новые правила получения действительного согласия на обработку данных, которые с 1 сентября 2025 г. должны быть оформлены в виде отдельного документа. Затрагиваются также вопросы регулирования обезличивания данных и запрета трансграничной передачи до первичного размещения в России. Делается вывод о значительном повышении правовых и финансовых рисков для операторов, что требует от них принятия незамедлительных комплексных организационно-технических мер для приведения деятельности в соответствие с обновленным законодательством.

Ключевые слова: право; Роскомнадзор; безопасность; информация; персональные данные; обработка персональных данных; оператор; правовые риски; административная ответственность; утечка данных

Для цитирования: Кудашкин Д. А. Новые правовые риски операторов персональных данных // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 94–101. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.094-101

New Legal Risks for Personal Data Operators

Dmitriy A. Kudashkin, Postgraduate Student, Central Russian Institute of Management,
Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Orel, Russian Federation
dima_kudashkin@vk.com

Abstract. The paper analyses amendments to the Federal Law «On Personal Data» that entered into force in 2025. It notes that the reform is systemic in nature and is aimed at substantially tightening the requirements imposed on personal data operators. The principal innovations include the introduction of differentiated administrative fines for data breaches, the amount of which depends on the number of affected data subjects, as well as stricter criminal liability. The paper examines in detail the new requirements for obtaining valid consent to personal data processing: from 1 September 2025, such consent must be executed as a separate document. It also addresses the regulation of data anonymization and the prohibition on cross-border data transfers prior to the initial storage of data in Russia. The article concludes that the amendments significantly increase legal and financial risks for personal

© Кудашкин Д. А., 2026

* Кудашкин Дмитрий Александрович, аспирант Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Октябрьская ул., д. 12, г. Орел, Российская Федерация, 302028
dima_kudashkin@vk.com

data operators, requiring them to adopt without delay comprehensive organizational and technical measures to bring their activities into compliance with the updated legislation.

Keywords: law; Roskomnadzor; security; information; personal data; personal data processing; operator; legal risks; administrative liability; data breach

Cite as: Kudashkin DA. New Legal Risks for Personal Data Operators. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):94-101. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.094-101

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»¹ на протяжении почти двух десятилетий является основным правовым актом, регулирующим обращение информации о физических лицах. Динамичное развитие цифровых технологий, увеличение объемов данных и частота случаев их незаконного использования обуславливают постоянную эволюцию законодательства в этой сфере. 2025 год стал знаковым в этом процессе: в Закон о персональных данных внесен ряд фундаментальных изменений, которые кардинально ужесточают требования к операторам и значительно повышают уровень их ответственности.

Как справедливо отмечал в своих работах В. Ф. Бадюков, еще в 2020 г. эмпирические исследования констатировали высокую степень общественной опасности, сопряженную с перспективой увеличения числа утечек персональных данных. Ученый подчеркивал, что недостаточная развитость нормативно-правового регулирования в этой сфере являлась ключевым фактором, предопределившим низкий интерес со стороны российских коммерческих организаций².

Актуальность проблем обеспечения конфиденциальности и безопасности персональных данных острее всего просматривается в финансовом секторе, что обусловлено концентрацией в нем значительных массивов чувствительной информации. В последний период наблюдается устойчивая тенденция к росту числа инцидентов, связанных с компрометацией таких данных, что наглядно демонстрируют масштабные

утечки в ряде системообразующих кредитно-финансовых организаций (Сбербанк, Альфа-Банк, Совкомбанк). Указанный тренд свидетельствует о наличии системных вызовов в области защиты информационных ресурсов³.

Системная уязвимость информационных инфраструктур. Наблюдается устойчивая тенденция к увеличению масштабов кибератак, следствием которых являются масштабные утечки персональных данных. Эти инциденты свидетельствуют о структурной дефектности существующих систем хранения и обработки информации, что ставит под сомнение работоспособность действующих моделей безопасности и деликтного права.

Кризис трансграничной прозрачности и необходимость ребалансировки правомочий. В настоящее время существует значительный дисбаланс в отношениях «субъект персональных данных — оператор». Пользователи зачастую лишены действенного инструментария для реализации своего права на контроль над информацией, предусмотренного, в частности, статьей 14 Закона о персональных данных. В этой связи актуализируется задача по выработке правовых механизмов, обеспечивающих, с одной стороны, предоставление субъекту интуитивно понятных и эффективных средств управления согласием, а с другой — установление для бизнеса четких и пропорциональных процедур информирования, минимизирующих избыточные административные обременения.

Формирование этико-правового регулятора для технологий искусственного интеллекта. Интенсивное внедрение алгоритмов машин-

¹ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

² Бадюков В. Ф., Докучаев М. Н. Риски цифровой экономики: особенности и перспективы развития киберстрахования в России // Страховое право. 2021. № 1 (90). С. 42–44.

³ Швыряев П. С. Утечки конфиденциальных данных: главный враг внутри // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 91. С. 226–241.

ного обучения порождает новую плоскость юридической ответственности. Вопрос о распределении бремени ответственности между разработчиками и операторами систем искусственного интеллекта за противоправную или этически недопустимую обработку данных требует незамедлительной доктринальной проработки и последующей легализации. В качестве перспективной модели может рассматриваться презумпция виновности владельца алгоритма, если не доказано иное⁴.

Таким образом, развитие законодательства о персональных данных является прямым ответом на современные угрозы безопасности. Вводимые правовые нормы создают значительно обновленные правовые рамки для всех организаций, работающих с персональными данными. Единые требования применяются как к крупным корпорациям, так и к малому бизнесу, а их нарушение влечет за собой серьезные правовые последствия и значительные штрафные санкции. Однако эти изменения порождают определенные риски для операторов персональных данных.

Так, в 2025 г. проведена масштабная законодательная реформа регулирования в области персональных данных, которая затронула как материальные, так и процессуальные нормы Закона. Изменения носят не точечный, а системный характер, направлены на усиление контроля за оборотом данных и максимизацию их обработки на территории Российской Федерации.

Наиболее существенным изменением, вступившим в силу 30 мая 2025 г., стало радикальное увеличение размеров административных штрафов за нарушения при обработке персональных данных, а также введение новых составов административных правонарушений.

Центральный элемент новой системы наказаний — введение градуированных штрафов за утечку персональных данных, размер которых теперь напрямую зависит от масштаба инцидента.

Утечка данных 1 тыс. — 10 тыс. субъектов или 10 тыс. — 100 тыс. идентификаторов:

- 1) граждане: 100 тыс. — 200 тыс. руб.;
- 2) должностные лица: 200 тыс. — 400 тыс. руб.;
- 3) юридические лица: 3 млн — 5 млн руб.

Утечка данных 10 тыс. — 100 тыс. субъектов или 100 тыс. — 1 млн идентификаторов:

- 1) граждане: 200 тыс. — 300 тыс. руб.;
- 2) должностные лица: 300 тыс. — 500 тыс. руб.;
- 3) юридические лица: 5 млн — 10 млн руб.

Утечка данных свыше 100 тыс. субъектов или свыше 1 млн идентификаторов:

- 1) граждане: 300 тыс. — 400 тыс. руб.;
- 2) должностные лица: 400 тыс. — 600 тыс. руб.;
- 3) юридические лица: 10 млн — 15 млн руб.

Отдельно и в еще более крупных размерах установлена ответственность за утечку данных специальных категорий (о здоровье, политических взглядах и т.д.) и биометрических данных. Штраф за утечку биометрии для юридических лиц может достигать 15 млн — 20 млн руб., а для граждан 400 тыс. — 500 тыс. руб.

Были ужесточены также санкции за неупоминание Роскомнадзора о начале обработки персональных данных и, что особенно важно, о самом факте утечки. За несообщение об утечке оператору грозит штраф от 1 млн до 3 млн руб., что в 10 раз превышает предыдущие санкции⁵.

Норма ч. 1 ст. 22 Закона о персональных данных устанавливает императивную обязанность оператора уведомить уполномоченный орган (Роскомнадзор) о начале осуществления обработки персональных данных. Однако в соответствии с ч. 2 той же статьи указанная обязанность не распространяется на случаи, когда обработка осуществляется исключительно без использования средств автоматизации.

Возникает сложность однозначного отнесения конкретного процесса обработки к автоматизированному или неавтоматизированному.

⁴ Чернышов К. Д. Актуальные подходы к обработке персональных данных: анализ и развитие законодательства // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 1 (82). С. 431–435.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступившими в силу с 6 сентября 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

Основная проблема — отсутствие в законодательстве детализированного и исчерпывающего определения как средств автоматизации, так и критериев, позволяющих квалифицировать обработку как осуществляемую *исключительно* без таковых.

Отмеченный терминологический дефицит приводит к правовой неопределенности: оператор вынужден самостоятельно интерпретировать границы применимости исключения, что сопряжено с высоким риском ошибочной оценки. Неверная квалификация, в свою очередь, влечет за собой неприменение уведомительного порядка в случаях, когда он является обязательным, что образует состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 13.11 КоАП РФ.

Таким образом, сохраняющаяся законодательная неточность в определении важнейших понятий создает устойчивую зону регуляторного риска, требуя от оператора повышенной осмотрительности и способствуя необходимости обращения к доктринальному толкованию и сложившейся правоприменительной практике Роскомнадзора для минимизации потенциальной ответственности⁶.

Поправки затронули и уголовное законодательство. Были ужесточены санкции по ст. 137 УК РФ⁷ «Нарушение неприкосновенности частной жизни», а также внесена поправка в ч. 1 этой статьи, а именно — она была дополнена: «за исключением случаев, предусмотренных статьей 272.1 настоящего Кодекса».

До недавнего времени в Уголовном кодексе отсутствовала отдельная норма, непосредственно криминализирующая неправомерные действия с компьютерными данными, содержащими персональную информацию. В связи с этим правоприменительная практика вынуж-

дена была использовать совокупность статей о нарушении неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) и о компьютерных преступлениях, что зачастую осложняло точную юридическую квалификацию противоправных деяний. Введенная 11 декабря 2024 г. статья 272.1 УК РФ направлена на устранение этого правового пробела. Теперь за незаконное распространение персональных данных в преступных целях грозит лишение свободы на срок до четырех лет, а если преступление совершено в отношении несовершеннолетнего — до пяти лет⁸. Если же действия привели к тяжким последствиям или совершены организованной группой, максимальное наказание достигает 10 лет лишения свободы со штрафом до 3 млн руб.

По нашему мнению, все эти изменения были необходимы для создания механизма дополнительной защиты от утечки и неправомерного использования личной информации в цифровой среде. Этот довод подтверждается также словами других представителей экспертного сообщества, что позволяет констатировать: ключевым фактором для реформирования законодательства в сфере защиты персональных данных послужила прогрессирующая криминализация информационного пространства, выражающаяся в значительном увеличении количества киберпреступлений. Предыдущая редакция КоАП РФ в части, касающейся ответственности операторов, характеризовалась недостаточной степенью их ответственности. Штрафные санкции не выполняли в полной мере превентивной функции, а отклонение установленных размеров санкций от потенциального объема ущерба, наносимого субъектам персональных данных в результате инцидентов безопасности, сводило на нет сдерживающий эффект от их применения⁹.

⁶ Булочников С. Ю. О правотворчестве и правовых новациях в части защиты от утечек персональных данных // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2025. № 1. С. 6–15.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁸ Петрова К. А. Защита конфиденциальности данных и прав личности в цифровой среде: правовое регулирование и практические механизмы // Научные записки молодых исследователей. 2025. № 2. С. 46–53.

⁹ Шичанин М. Штрафы за утечку персональных данных повысят до 15 млн руб.: к чему еще готовиться бизнесу? // URL: <https://www.garant.ru/article/1746375/> (дата обращения: 06.10.2025).

Еще одно из нововведений с 1 сентября 2025 г. — принципиально новые правила получения согласия на обработку персональных данных. В соответствии с изменениями в ст. 9 Закона о персональных данных согласие должно быть оформлено в виде отдельного документа и не может быть включено в текст договора, пользовательского соглашения или политики конфиденциальности. Это требование направлено на обеспечение осознанного и добровольного волеизъявления субъекта, исключая ситуации, когда согласие «спрятано» в основном документе и дается пользователем автоматически.

Содержание нового согласия стало более детализированным и должно включать развернутый перечень сведений: полные данные оператора и субъекта персональных данных (в том числе паспортные данные субъекта и юридический адрес оператора); конкретные цели обработки; исчерпывающий перечень обрабатываемых данных и действий с ними (таких как сбор, хранение, уточнение, использование, передача); сведения о третьих лицах, которым могут быть переданы данные; срок действия согласия и четкий порядок его отзыва. Важно отметить, что для передачи данных третьим лицам необходимо получать отдельное согласие, в котором будут указаны наименования этих лиц и цели передачи¹⁰.

Рассматриваемая поправка в первую очередь нацелена на устранение правовой неопределенности и защиту граждан от недобросовестных операторов, которые на практике часто включали условия о согласии в объемные тексты договоров, что приводило к путанице и неосознанному предоставлению согласия на обработку данных. Отдельное оформление согласия позволит более четко определить усло-

вия и цели обработки, а также повысит уровень информированности граждан о том, каким образом и с какой целью будут использоваться их персональные данные.

Мнения экспертов и практиков сводятся к тому, что для соблюдения новых требований бизнесу и организациям необходимо предпринять ряд шагов. Рекомендуется провести внутренний аудит всех процессов, связанных с обработкой персональных данных; проверить все договоры, пользовательские соглашения и другие документы на наличие «скрытых» согласий; разработать и внедрить отдельные формы согласия для каждого вида обработки; подать уведомление в Роскомнадзор (если это не было сделано ранее), а также обучить сотрудников, работающих с персональными данными, новым правилам¹¹.

Еще одним важным изменением является усиление регуляторного контроля за обезличенными данными. С 1 сентября 2025 г. операторы обязаны по запросу Минцифры России передавать в государственные информационные системы обезличенные массивы персональных данных. При этом установлен запрет на передачу результатов обработки таких данных некоторым категориям иностранных лиц.

Введение в действие постановления Правительства РФ от 01.08.2025 № 1154¹², призванного унифицировать процедуру обезличивания персональных данных, актуализировало вопрос о методологической достаточности применяемых технических средств. Как показывает сравнительно-правовой анализ, перечень методов, предложенных в новом нормативном акте, практически полностью репродуцирует подходы, изложенные в утратившем актуальность приказе Роскомнадзора от 05.09.2013 № 996.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 15.09.2008 № 687 «Об утверждении Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2008. № 38. Ст. 4320.

¹¹ Согласие на обработку персональных данных с 1 сентября 2025 года: новые правила оформления и штрафы до 700 тыс. руб. за их нарушение // URL: <https://www.garant.ru/article/1862510/> (дата обращения: 06.10.2025).

¹² Постановление Правительства РФ от 01.08.2025 № 1154 «Об утверждении требований к обезличиванию персональных данных, методов обезличивания персональных данных и Правил обезличивания персональных данных» // СЗ РФ. 2025. № 32. Ст. 4929.

Основное различие состоит в целях и правовых последствиях использования этих методов. Постановление № 1154 было разработано для конкретной цели — регулирования процесса передачи обезличенных данных в государственную информационную систему ЕИП НСУД (Единая информационная платформа национальной системы управления данными) по требованию Минцифры России. В отличие от приказа № 996, который носил более общий характер, новое Постановление устанавливает обязательные для исполнения требования, согласованные с ФСБ России.

Это различие в цели порождает и главное технологическое различие — требование необратимости обезличивания. При использовании методов Постановления № 1154 для передачи данных в государственную систему должна быть гарантирована невозможность преобразования обезличенных данных обратно в исходный вид, позволяющий идентифицировать субъекта. В то время как для внутренних нужд оператора, регулируемых в том числе новым приказом Роскомнадзора, сохраняется возможность деанонимизации (деобезличивания) с помощью специальных ключей или справочников.

Таким образом, фокус сместился с технологического обновления на формализацию и детализацию самого процесса обезличивания. Установлены строгие требования к выбору метода, его документированию, организации хранения обезличенных массивов информации и устранению угроз повторной идентификации. Безусловно, это способствует повышению системности и ответственности при обработке данных.

Тем не менее проблемой, остающейся без разрешения, является соответствие методик современному уровню развития информационных технологий. В силу рисков, порождаемых сложными алгоритмами анализа связанных данных и повышения вычислительных мощностей, необходимо применение более прогрессивных и устойчивых к реидентификации методов. Следовательно, несмотря на прогресс в области процессуального регулирования, вопрос об эффективности и адекватности самих методов обезличивания в современных условиях оста-

ется открытым и нуждается в дальнейшей научной проработке.

Указанные законодательные изменения формируют новый, более высокий уровень правовых рисков для операторов. Эти риски носят комплексный характер и требуют незамедлительного принятия превентивных мер.

Ключевой риск, возникающий после 1 сентября 2025 г., — недействительность полученных согласий. Если согласие интегрировано в договор или политику конфиденциальности, оно не будет соответствовать нормам закона, что означает фактическое отсутствие правового основания для обработки данных. Это влечет за собой административную ответственность по ч. 2 ст. 13.11 КоАП РФ (штраф для юридических лиц до 700 тыс. руб.) и делает всю обработку данных незаконной.

Пути минимизации:

1. Разработка отдельной формы согласия, соответствующей всем новым требованиям ст. 9 Закона о персональных данных.

2. Пересмотр всех существующих процессов сбора данных (на сайте, в мобильном приложении, в офлайн-точках) для обеспечения получения нового согласия.

3. Ведение реестра согласий с фиксацией даты, способа получения и версии формы.

С 1 июля 2025 г. вступили в силу поправки, ужесточающие правила трансграничной передачи. Запрещена передача персональных данных на зарубежные сервисы до их первичного размещения в России. На практике это означает, что использование популярных иностранных инструментов, таких как Google Analytics, Google Forms, reCAPTCHA, виджеты WhatsApp и Telegram, а также ряда SaaS-сервисов, которые передают данные напрямую за рубеж, может быть признано нарушением.

Пути минимизации:

1. Аудит сайта и ИТ-инфраструктуры на предмет наличия запрещенных интеграций и внешних подключений.

2. Замена иностранных сервисов на отечественные аналоги (например, «Яндекс.Метрика» вместо Google Analytics).

3. Настройка прокси-серверов или иных механизмов, обеспечивающих первичное сохра-

нение данных на российских серверах перед их возможной передачей за границу (если такая передача правомерна).

Новая градация штрафов за утечки делает как никогда важным инвестирование в системы защиты данных. Риск многомиллионных штрафов становится материальным даже для среднего бизнеса. Кроме того, крайне опасным является риск несвоевременного уведомления Роскомнадзора об утечке.

Пути минимизации:

1. Внедрение современных средств защиты информации, в частности шифрования, систем обнаружения вторжений и DLP-систем.

2. Разработка и внедрение регламента действий при инцидентах, включающего четкий порядок уведомления Роскомнадзора в установленные сроки.

3. Регулярный инструктаж сотрудников, работающих с персональными данными, о новых размерах ответственности и правилах безопасности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что законодательные изменения 2025 г. в Законе о персональных данных существенно трансформируют правовое поле для всех операторов. Основной тенденцией является резкое увеличение стоимости нарушений,

будь то несоблюдение процедурных требований (оформление согласия, уведомление регулятора) или непринятие адекватных мер безопасности, приведшее к утечке.

Новые правовые риски носят комплексный финансовый, регуляторный и репутационный характер. В этих условиях пассивная или формальная позиция оператора становится невозможной. Для соблюдения обновленного законодательства необходимы активные и целенаправленные действия: проведение внутреннего аудита процессов обработки данных, пересмотр всей документации, модернизация ИТ-инфраструктуры и внедрение эффективных систем защиты.

Таким образом, для минимизации новых правовых рисков операторам следует незамедлительно приступить к реализации комплекса организационно-технических мер, ориентированных на полное приведение своей деятельности в соответствие с актуализированными требованиями Закона. Развитие законодательства в этой сфере, вероятно, будет продолжено в направлении усиления контроля и ответственности, что делает задачу построения устойчивой и законной системы работы с персональными данными одной из ключевых для любого субъекта экономической деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бадюков В. Ф., Докучаев М. Н. Риски цифровой экономики: особенности и перспективы развития киберстрахования в России // *Страховое право*. — 2021. — № 1 (90). — С. 42–44.
2. Булочников С. Ю. О правотворчестве и правовых новациях в части защиты от утечек персональных данных // *Новизна. Эксперимент. Традиции*. — 2025. — № 1. — С. 6–15.
3. Петрова К. А. Защита конфиденциальности данных и прав личности в цифровой среде: правовое регулирование и практические механизмы // *Научные записки молодых исследователей*. — 2025. — № 2. — С. 46–53.
4. Согласие на обработку персональных данных с 1 сентября 2025 года: новые правила оформления и штрафы до 700 тыс. руб. за их нарушение // URL: <https://www.garant.ru/article/1862510/>.
5. Чернышов К. Д. Актуальные подходы к обработке персональных данных: анализ и развитие законодательства // *Вестник науки*. — 2025. — Т. 2. — № 1 (82). — С. 431–435.
6. Швыряев П. С. Утечки конфиденциальных данных: главный враг внутри // *Государственное управление. Электронный вестник*. — 2022. — № 91. — С. 226–241.
7. Шичанин М. Штрафы за утечку персональных данных повысят до 15 млн руб.: к чему еще готовиться бизнесу? // URL: <https://www.garant.ru/article/1746375/>.

Материал поступил в редакцию 8 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Badyukov V. F., Dokuchaev M. N. Riski tsifrovoy ekonomiki: osobennosti i perspektivy razvitiya kiberstrakhovaniya v Rossii // Strakhovoe pravo. — 2021. — № 1 (90). — S. 42–44.
2. Bulochnikov S. Yu. O pravotvorchestve i pravovykh novatsiyakh v chasti zashchity ot utechk personalnykh dannykh // Novizna. Eksperiment. Traditsii. — 2025. — № 1. — S. 6–15.
3. Petrova K. A. Zashchita konfidentsialnosti dannykh i prav lichnosti v tsifrovoy srede: pravovoe regulirovanie i prakticheskie mekhanizmy // Nauchnye zapiski molodykh issledovateley. — 2025. — № 2. — S. 46–53.
4. Soglasie na obrabotku personalnykh dannykh s 1 sentyabrya 2025 goda: novye pravila оформleniya i shtrafy do 700 tys. rub. za ikh narushenie // URL: <https://www.garant.ru/article/1862510/>.
5. Chernyshov K. D. Aktualnye podkhody k obrabotke personalnykh dannykh: analiz i razvitie zakonodatelstva // Vestnik nauki. — 2025. — T. 2. — № 1 (82). — S. 431–435.
6. Shvyryaev P. S. Utechki konfidentsialnykh dannykh: glavnyy vrag vnutri // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik. — 2022. — № 91. — S. 226–241.
7. Shichanin M. Shtrafy za utechku personalnykh dannykh povysyat do 15 mln rub.: k chemu eshche gotovitsya biznesu? // URL: <https://www.garant.ru/article/1746375/>.

Комиссионные сделки с недвижимостью и защита приобретателя: условное обязательство и право ожидания

Аннотация. В статье обосновывается допустимость комиссионных сделок с недвижимостью с учетом п. 1 ст. 996 ГК РФ и предлагаются механизмы защиты приобретателя по комиссионной сделке. Выделение нескольких моделей комиссионного поручения позволяет очертить границы дискуссии о допустимости таких сделок и показать, что речь должна идти не об их абсолютном запрете, а о допустимости распоряжения комиссионером недвижимостью комитента. Аргументируется, что такое распоряжение возможно при передаче комитентом распорядительной власти, что предполагается, если договор комиссии закрепляет модель, когда комиссионер не только заключает договор, но и самостоятельно совершает распорядительную сделку. В отношении комиссии на покупку обосновывается, что регистрация недвижимости непосредственно за комитентом отражает политико-правовые соображения, тогда как промежуточная регистрация на комиссионера подрывает публичную достоверность реестра. Высший Арбитражный Суд РФ оставляет без внимания риск невозможности исполнения комиссионером обязательства в натуре и ставит под угрозу интересы приобретателя. Для разрешения данных вопросов предлагается использовать конструкцию условного обязательства комиссионера и право ожидания в виде регистрируемого обременения недвижимости, включая возможность его предварительной регистрации в пользу будущего неопределенного лица с последующей конкретизацией. Сделан вывод о том, что такие подходы обеспечивают баланс интересов сторон и устойчивость гражданского оборота.

Ключевые слова: договор комиссии; договор купли-продажи; недвижимость; собственность; распорядительная сделка; условное обязательство; условная сделка; право ожидания; государственная регистрация; защита приобретателя

Для цитирования: Чикунов Д. В. Комиссионные сделки с недвижимостью и защита приобретателя: условное обязательство и право ожидания // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 102–115. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.102-115

© Чикунов Д. В., 2026

* Чикунов Дмитрий Викторович, аспирант кафедры гражданского права и процесса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), ведущий юрист юридической фирмы «Гуричев, Малинин и партнеры»
просп. Вернадского, д. 84, корп. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119571
chikunov.dmitriy@mail.ru

Commission-Based Real Estate Transactions and Purchaser Protection: Contingent Obligations and Expectant Rights

Dmitry V. Chikunov, Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA);
Leading Lawyer, «Gurichev, Malinin & Partners» Law Firm, Moscow, Russian Federation
chikunov.dmitriy@mail.ru

Abstract. The paper substantiates the admissibility of commission transactions involving real property, taking into account Article 996(1) of the Civil Code of the Russian Federation, and proposes mechanisms for protecting an acquirer under such a transaction. Distinguishing among several models of a commission mandate makes it possible to delineate the scope of the debate concerning the permissibility of such transactions and to demonstrate that the issue should not be framed as one of their absolute prohibition, but rather as the admissibility of a commission agent's disposition of the principal's real property. It is argued that such disposition is possible where the principal confers dispositive authority upon the commission agent; this may be presumed where the commission agreement adopts a model under which the commission agent not only concludes the contract but also independently enters into the dispositive transaction. With respect to a commission for the purchase of real property, the article maintains that registration of title directly in the name of the principal reflects policy considerations, whereas interim registration in the name of the commission agent undermines the public reliability of the register. The Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation has failed to address the risk that a commission agent may be unable to perform its obligation in kind, thereby jeopardizing the acquirer's interests. To resolve these issues, the study proposes using the construct of the commission agent's conditional obligation and an expectancy right in the form of a registrable encumbrance over real property, including the possibility of its provisional registration in favor of a future unidentified person, followed by subsequent identification. It concludes that these approaches ensure a balance of the parties' interests and the stability of civil transactions.

Keywords: commission agency agreement; contract of sale; real estate; ownership; dispositive transaction; contingent obligation; conditional transaction; expectant right; state registration; purchaser protection

Cite as: Chikunov DV. Commission-Based Real Estate Transactions and Purchaser Protection: Contingent Obligations and Expectant Rights. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):102-115. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.102-115

1. Постановка проблемы

В отечественной цивилистической доктрине высказывается позиция о принципиальной невозможности совершения комиссионных сделок с недвижимостью. Аргументацией для данного вывода, как правило, служат особенности правового режима недвижимой вещи, связанные с необходимостью государственной регистрации прав на нее¹, а также предусмотренное пунк-

том 1 ст. 996 ГК РФ регулирование отношений собственности на комиссионный товар. В частности, как указывает Е. А. Суханов, «комиссионер, в силу п. 1 ст. 996 ГК РФ не являющийся и не становящийся собственником недвижимого имущества комитента, не в состоянии зарегистрировать переход права собственности на отчуждаемую или приобретаемую недвижимость (п. 1 ст. 551 ГК РФ), т.е. совершить для комитента соответствующую сделку»².

¹ См., например: Гражданское право : учебник : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. М. : Статут, 2023. Т. 1 : Общая часть. С. 380–383 (автор — Е. А. Суханов) ; Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд. М. : Проспект, 2020. Т. 2. С. 700 (автор — В. Б. Чуваков).

² Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. С. 93.

Определяющее влияние на приведенные рассуждения, несомненно, оказала правовая позиция Высшего Арбитражного Суда РФ, исходившего из невозможности самостоятельного исполнения комиссионером сделки по продаже недвижимости комитента путем подачи от своего имени заявления о регистрации перехода права собственности³. Примечательно, что уже при ее обсуждении озвучивались соображения о невозможности заключения комиссионных сделок с недвижимостью. Как отмечал Г. Е. Авилов, говоря о комиссии на покупку, «сам механизм приобретения права собственности на недвижимость, установленный публичными актами, не позволяет использовать комиссию для такого приобретения»⁴. Для разрешения практической проблемы некоторые цивилисты предлагают наделять комиссионера полномочиями действовать от имени комитента при исполнении сделки с недвижимостью⁵.

Представляется, что существующий в доктрине подход не может быть признан убедительным, поскольку неоправданно ограничивает участников оборота в выборе посреднических договоров, фактически сводя их к договору поручения. Правовая позиция ВАС РФ не устраняет проблему, а, напротив, порождает дополнительные вопросы, связанные с неопределенностью распределения рисков между комиссионером, комитентом и приобретателем недвижимости, а также с обеспечением защиты их интересов.

В доктрине остается спорным и вопрос о допустимости промежуточной регистрации права собственности за комиссионером при комиссии на покупку, при этом высказывается мнение, что пункт 1 ст. 996 ГК РФ следует рассматривать в качестве исключения из принципа внесения⁶. В этих условиях требуется поиск таких конструкций, которые, не подрывая публичную достоверность реестра, обеспечивали бы баланс интересов сторон и устойчивость оборота. Разрешению указанных вопросов посвящены дальнейшие разделы статьи.

2. Аргументация в пользу допустимости комиссионных сделок

2.1. Исторический аспект

Проблема допустимости комиссионных сделок с недвижимостью была известна дореволюционному отечественному праву, не признававшему недвижимость товаром и объектом торговых сделок⁷. Подобный запрет был продиктован стремлением государства сохранить положение класса землевладельцев⁸. И действительно, первоначально договор комиссии использовался для оборота движимых вещей. Однако последующее развитие поземельного оборота, увеличение спекуляций на рынке недвижимости свидетельствуют о том, что товарную функцию может выполнять не только движимая, но и недвижимая вещь. С учетом этого уже абзац 1

³ См.: п. 23 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.11.2004 № 85 «Обзор практики разрешения споров по договору комиссии» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2005. № 1 (далее — Обзор № 85).

⁴ Обсуждение проблемных вопросов договора комиссии (стенограмма заседания НКС) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 9. С. 142.

⁵ См., например: Кузнецова Л. В. Особенности защиты прав участников фидуциарных правоотношений // Защита гражданских прав: избранные аспекты : сборник статей / под ред. М. А. Рожковой. М. : Статут, 2017. С. 54.

⁶ См.: Чупрунов И. С. Симулятивные сделки. Ч. 2 : анализ дела Балаяна // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 10. С. 178–204.

⁷ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. 4-е изд. СПб. : Изд. бр. Башмаковых, 1908. Т. 2 : Товар. Торговые сделки. С. 3–4.

⁸ Ельшенин В. Б. Очерк развития форм поземельного оборота на Западе. 2-е изд., перераб. СПб. : Правда, 1913. С. 8.

§ 406 Германского торгового уложения 1897 г. распространил правила о комиссионных сделках на другие договоры, включая договоры купли-продажи недвижимости⁹.

2.2. Модели комиссионного поручения

Допустимость комиссионных сделок с недвижимостью может быть обоснована также с помощью догматического анализа положений Гражданского кодекса РФ, предусматривающих несколько моделей комиссионного поручения, выделение которых, на наш взгляд, позволяет очертить границы обозначенной проблематики.

Первая модель следует из *causa* договора комиссии: исходя из буквального толкования п. 1 ст. 990 ГК РФ обязанность комиссионера перед комитентом состоит лишь в совершении сделки с третьим лицом. Иными словами, комиссионер, действуя в соответствии с указаниями комитента и сложившимся в обороте стандартом осмотрительности заботливого хозяина, должен приложить максимальные усилия для совершения сделки на наиболее выгодных для комитента условиях, а затем передать ему приобретенные права и обязанности в порядке цессии и перевода долга. Заметим, что Гражданский кодекс РФ прямо не предусматривает общей нормы, которая предоставляла бы комитенту возможность требовать от комиссионера передачи прав и перевода обязанностей по совершенной с третьим лицом сделке, а лишь регламентирует отдельные частные случаи их перехода (например, п. 2 ст. 993, ст. 1002). Несмотря на свои недостатки в виде возможности для третьего лица выдвигать против требования комитента возражения, которые он имел в отношениях с комиссионером; необходимости получения согласия данного лица на перевод долга; наконец, простой незаинтересованности комитента в ее использовании (например, намерение воспользоваться профессионализмом комиссионера), упомянутая модель рассматривалась Высшим Арбитражным Судом РФ в качестве действующей по умолчанию для определения момента

возникновения у комиссионера права на вознаграждение (п. 3 Обзора № 85).

Вторая модель комиссионного поручения, не ограничиваясь обязанностью комиссионера по совершению сделки, предполагает, что права и обязанности по ней будут соответственно осуществлены и исполнены комиссионером. Указанное вытекает из системного толкования норм гл. 51 ГК РФ. Как представляется, о том, что Гражданским кодексом РФ предусмотрена возможность согласования участниками оборота рассматриваемой модели комиссионного поручения, свидетельствуют положения ст. 996–1000, регламентирующие внутренние отношения сторон договора комиссии по поводу передачи комитенту поступивших к комиссионеру вещей, вопросы собственности на них, возмещения комиссионеру расходов за исполнение поручения и пр. В противном случае, если бы законодатель исходил только из первой модели, отсутствовала бы необходимость детально регламентировать вышеупомянутые вопросы, а следовало бы ограничиться положением о том, что права и обязанности по совершенной комиссионером сделке должны быть переданы комитенту.

Гипотетически рядом с первой моделью комиссионного поручения мыслима особая, промежуточная модель, при которой комиссионер лишь осуществляет принадлежащие ему субъективные права. Подобная гипотеза находит поддержку в ст. 1000 ГК РФ, согласно которой комитент обязан не только принять от комиссионера результат по заключенной с третьим лицом сделке, но и освободить его от возникших из данной сделки обязательств. Стоит отметить, что в доктрине освобождение от обязательств понимается двояко: как перевод долга комиссионера и как его исполнение комитентом — последняя трактовка и рассматривается в качестве общего правила¹⁰. Подобные способы исполнения обязанности комитента выделял и Высший Арбитражный Суд РФ (п. 2 Обзора № 85), хотя ими не ограничивался. Однако даже

⁹ Brox H. Handelsrecht und Wertpapierrecht. 14. Neubearb. Aufl. München : Beck, 1999. S. 185.

¹⁰ См.: Егоров А. В. Предмет договора комиссии // Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей. Вып. 5. М. : Статут, 2002. С. 86–146.

предпочтительный в доктрине подход, на наш взгляд, требует уточнения и должен пониматься как содействие комитента в исполнении обязательств комиссионера, что соответствует природе косвенного представительства.

Гражданский кодекс РФ прямо не указывает, какая модель комиссионного поручения должна действовать по умолчанию, по-видимому, оставляя данный вопрос на усмотрение сторон. Хотя это решение законодателя можно приветствовать, думается, что в качестве диспозитивного правила должна применяться модель, предполагающая обязанность комиссионера самостоятельно исполнить совершенную им сделку. К слову, такой подход известен как российскому¹¹, так и германскому праву (§ 384 Германского торгового уложения). Напротив, М. И. Брагинский подчеркивал, что обязанность комиссионера сводится к заключению сделки и передаче ее результата комитенту, считая недопустимым возложение на него исполнения сделки с третьим лицом¹². Как бы то ни было, если допустим спор относительно того, какая из моделей комиссионного поручения должна действовать по умолчанию, не подлежит сомнению одно — *признание правом указанных моделей*.

Таким образом, вопрос о допустимости комиссионных сделок с недвижимостью возникает только тогда, когда в содержание обязанности комиссионера включается *самостоятельное исполнение совершенной им сделки*. В иных случаях подобный вопрос не стоит, поскольку такое исполнение должно производиться собственником недвижимости. Отсюда следует несостоятельность тех доктринальных подходов,

которые придают рассматриваемой проблеме абсолютный характер. Примечательно, что правовая позиция ВАС РФ, приводимая сторонниками невозможности комиссионных сделок с недвижимостью, не содержит прямого запрета на совершение данных сделок, а лишь указывает на особенности их исполнения. При этом в процессе обсуждения проекта обзора предлагался противоположный вариант, допускавший самостоятельное исполнение комиссионером договора купли-продажи при условии передачи ему владения на недвижимость¹³. Представляется, что в основе и указанного варианта, и окончательной позиции Президиума ВАС РФ лежала общая идея — *о необходимости легализации комиссионных сделок с недвижимостью*.

2.3. Судебная практика

Дополнительным практическим аргументом в пользу допустимости рассматриваемых сделок, с нашей точки зрения, является судебная практика. Так, один из судов кассационной инстанции вовсе указал на отсутствие законодательного запрета заключать договор купли-продажи недвижимости на комиссионных началах¹⁴. Судебной практике известны случаи заключения на комиссионных началах договора аренды недвижимости¹⁵.

Анализ судебной практики показывает, что основные споры складываются в части особенностей исполнения комиссионером договора купли-продажи недвижимости, заключенного в интересах и за счет комитента. Суды, следуя духу правовой позиции ВАС РФ, подчеркивают, что с заявлением о государственной регистрации права собственности на недвижимость

¹¹ См.: Гражданское уложение : проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Кн. 5 : Обязательства. Т. 3. Ст. 505–718 с объяснениями. СПб. : Гос. тип., 1899. С. 139.

¹² Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 3 : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2011. С. 443, 454 (автор — М. И. Брагинский).

¹³ Обсуждение проблемных вопросов договора комиссии (стенограмма заседания НКС) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 8. С. 198.

¹⁴ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 06.07.2007 по делу № А67-7365/2006 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁵ См.: постановления ФАС Северо-Западного округа от 03.09.2012 по делу № А56-61353/2011 ; Пятого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2012 по делу № А51-7501/2011.

должен обращаться комитент, а не комиссионер¹⁶. Помимо прочего, суды, руководствуясь пунктом 1 ст. 996 ГК РФ, выступают против промежуточной регистрации недвижимости на имя комиссионера, что, по их мнению, отличает договор комиссии от договора купли-продажи¹⁷.

Если исходить из позиции ВАС РФ, то видится целесообразным применение ст. 1000 ГК РФ, возлагающей на комитента обязанность освободить комиссионера от обязательств, принятых в его интересах. Здесь содействие комитента в рамках сделок с недвижимостью может заключаться либо в самостоятельной подаче заявления о регистрации права, либо в выдаче комиссионеру доверенности для представительства в регистрирующем органе. Последний вариант фактически является компромиссом судебной практики¹⁸. Однако в таком случае, на наш взгляд, договор комиссии теряет индивидуальные характеристики, превращаясь в смешанный договор, что свидетельствует о необходимости поиска иного решения, позволяющего комиссионеру самостоятельно распоряжаться недвижимостью комитента.

3. Распорядительная сделка: вводные соображения

Содержание обязанности комиссионера составляет совершение сделки, в качестве которой обычно указывается обязывающая сделка (например, договор купли-продажи). В отличие от распорядительной такая сделка лишь порождает новые обязательственные права и обязанности, а потому обязаться по ней может в принципе любое лицо. Напротив, совершение

распорядительной сделки по общему правилу доступно только обладающему распорядительной властью управомоченному лицу, такая сделка представляет собой акт распоряжения имеющимся правом. В этой связи с учетом принципа разделения совершение распорядительной сделки не охватывается содержанием обязывающей сделки, заключение которой еще не свидетельствует о распоряжении управомоченным лицом своим правом.

В случае с недвижимостью в качестве распорядительной сделки выступает заявление о государственной регистрации перехода права собственности. Хотя соответствующая терминология Президиумом ВАС РФ прямо не используется, именно такая сделка подразумевается в п. 23 Обзора № 85, где подчеркивается невозможность подачи комиссионером заявления от имени комитента. В доктрине совершенное перед регистратором заявление о внесении записи в реестр уже предлагалось рассматривать в качестве частноправового распорядительного волеизъявления¹⁹. Отметим, что оно само по себе не влечет вещного эффекта, поскольку с учетом принципа внесения (п. 2 ст. 8.1 ГК РФ) переход права собственности на недвижимость связывается с внесением записи в ЕГРН, что является элементом фактического состава распорядительной сделки.

Таким образом, совершение комиссионером обязывающей сделки не затрагивает вопроса о правомочии распоряжения. Если допустимость комиссионных сделок с недвижимостью в целом не вызывает сомнений, то вопрос о распоряжении комиссионером недвижимостью комитента остается дискуссионным, а позиция ВАС РФ требует критической оценки.

¹⁶ См.: постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 12.04.2023 по делу № А55-35592/2021 ; от 22.03.2018 по делу № А57-21826/2017 ; Десятого арбитражного апелляционного суда от 02.11.2010 по делу № А41-1108/08.

¹⁷ См.: постановления Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24.12.2024 по делу № А19-6537/2019 ; Арбитражного суда Поволжского округа от 04.02.2025 по делу № А12-25330/2022.

¹⁸ См., например: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.12.2016 по делу № А50-22933/2015.

¹⁹ См. об этом: Бевзенко Р. С. Правовая природа заявления о внесении записи в реестр недвижимости // Цивилистика. 2023. № 6. С. 117–150.

3.1. Комиссия на продажу

Prima facie может показаться, что отсутствие легитимации комиссионера лишает его возможности самостоятельно распорядиться недвижимостью комитента. Обоснованием этому будет римский принцип правопреемства: *nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet*. Поскольку комиссионер не приобретает права собственности на недвижимость, у него отсутствует и распорядительная власть, необходимая для отчуждения соответствующего права.

Однако в некоторых случаях допускается как ограничение или исключение законом распорядительной власти, так и ее передача правообладателем иному лицу. Последняя идея лежит в основе параграфа 185 Германского гражданского уложения, который признает действительным распоряжение неуправомоченного лица, совершенное от собственного имени, если оно последовало с предварительного (разрешения) или последующего (одобрения) согласия правообладателя. В германской литературе указывается, что комитент не нуждается в защите, поскольку его согласие рассматривается так, как если бы он сам распорядился²⁰.

Отечественной цивилистике также известны случаи распоряжения чужим правом с правовыми последствиями для правообладателя при наличии соответствующего согласия последнего²¹. Еще Б. Б. Черепяхин констатировал, что «комиссионер и залогодержатель отчуждают чужую вещь на основании управомочия, полученного от собственника, хотя они и не обладают полномочием действовать от имени последнего»²².

Несмотря на имеющуюся в доктрине критику²³, возможность передачи правообладателем распорядительной власти иному лицу позво-

ляет догматически обосновать заложенный в п. 1 ст. 996 ГК РФ механизм перехода права собственности от комитента к покупателю. Нам представляется, что в отечественном праве возможность передачи распорядительной власти при отчуждении вещи вытекает из п. 2 ст. 209 ГК РФ, позволяющего собственнику передать другому лицу правомочие распоряжения имуществом. Применительно к договору комиссии такое управомочие на отчуждение недвижимости комитента может быть выражено в самом договоре, если его условия предполагают самостоятельное исполнение комиссионером сделки, совершенной в интересах комитента. Такой подход не только позволяет признать допустимым совершение комиссионером распорядительной сделки в отношении недвижимости в отсутствие права собственности на нее, но и не противоречит вышеупомянутому римскому принципу, лишь уточняя его.

С учетом изложенного мы не можем разделить опасения профессора Е. А. Суханова, который, ссылаясь на германского цивилиста Ларенца, указывает, что «смысл выделения категории “распорядительная сделка” заключается в особой защите управомоченного субъекта от необоснованного вмешательства третьего лица в его правовое положение»²⁴. Усматривается ли такое вмешательство в случае с договором комиссии? Думается, что нет, поскольку основанием для распоряжения комиссионером недвижимостью комитента является не произвольное вмешательство, а волеизъявление собственника (комитента), содержащееся в договоре комиссии.

Эффективным способом выражения воли комитента на отчуждение его недвижимости комиссионером, на наш взгляд, может также

²⁰ Brox H., Walker W.-D. Allgemeiner Teil des BGB. 45. Aufl. München : Vahlen, 2021. S. 236.

²¹ См., например: Крашенинников Е. А. Распорядительные сделки // Сборник статей памяти М. М. Агаркова / под ред. Е. А. Крашенинникова. Ярославль : ЯрГУ, 2007. С. 22–32 ; Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 95.

²² Черепяхин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву // Труды по гражданскому праву. 2-е изд. М. : Статут, 2020. С. 321.

²³ См. об этом: Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2023. С. 409.

²⁴ Суханов Е. А. О видах сделок в германском и в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6. № 2. С. 13.

выступать внесение специальных отметок в ЕГРН. В сочетании с требованием нотариальной формы договора комиссии это позволит не только защитить интересы комитента, но и обеспечить устойчивость оборота, устраняя неопределенность относительно его согласия на распоряжение.

Напротив, использование последующего согласия комитента представляется дискуссионным, поскольку может способствовать злоупотреблениям в виде недобросовестного сокрытия имущества комитента и расходится с позицией, согласно которой договор комиссии должен предшествовать самой обязывающей сделке (п. 6 Обзора № 85) и, следовательно, сделке распорядительной. К тому же публичный режим недвижимости исключает возможность распоряжения без предварительного согласия комитента. Разумный и осмотрительный приобретатель, полагаясь на данные реестра, вряд ли согласится на сделку с лицом, не являющимся собственником.

3.2. Комиссия на покупку

В силу п. 1 ст. 996 ГК РФ комитент признается собственником не только при комиссионной продаже, но и при комиссионной покупке недвижимости. Как указывалось выше, судебная практика не допускает промежуточной регистрации недвижимости на имя комиссионера. Такой подход *prima facie* вызывает вопросы, поскольку, с одной стороны, не соответствует сущности косвенного представительства, с другой стороны, более последовательным видится решение германского права, где собственником приобретаемых для комитента вещей первоначально становится комиссионер.

Попытки догматически обосновать механизм перехода права собственности от продавца недвижимости к комитенту минуя комиссионера сопряжены с трудностями, обусловленными

публичным режимом недвижимой вещи. В этой связи вполне объяснимы упомянутые ранее попытки трактовать п. 1 ст. 996 ГК РФ как исключение из принципа внесения.

В германской доктрине выдвигалась гипотеза о возможности аналогичного применения § 185 Германского гражданского уложения к приобретательной сделке, в рамках которой одно лицо от своего имени приобретает вещьное право на движимую вещь с согласия и в интересах другого, исключая необходимость осуществления вторичной передачи²⁵. Но даже там подобный подход подвергается критике как излишний и подрывающий ясность правовых отношений²⁶. Для российского права, на наш взгляд, он требует тщательной оценки с учетом того, что оборот недвижимости в обоих правовых порядках организован по принципу публичности.

Ключ к пониманию п. 1 ст. 996 ГК РФ нам видится в следующем. Комиссионное отношение служит средством расширения юридической личности хозяина дела. Поскольку комиссионер совершает сделку от своего имени, но в интересах и за счет комитента, экономический результат по ней должен принадлежать последнему. Поэтому перед правом ставится задача обеспечить возникновение этого эффекта у лица, выдавшего поручение. Такая задача может быть решена с помощью различных правовых конструкций. Прежде всего она требует предоставления комитенту обязательственного права требования к комиссионеру, например требования уступки прав либо передачи всего полученного по сделке. Однако в наибольшей мере интерес комитента удовлетворяется в случае признания за ним вещных прав²⁷. Признавая за комитентом право собственности на товар минуя комиссионера, норма п. 1 ст. 996 ГК РФ служит юридическим оформлением экономических интересов, лежащих в основе рассматриваемых отноше-

²⁵ *Tuhr A. von.* Der Allgemeine Teil des Deutschen Bürgerlichen Rechts. Bd. 2. H. 2. Unveränderter Nachdruck der 1. Aufl. 1918. Berlin : Duncker & Humblot, 1957. S. 350.

²⁶ *Flume W.* Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. Bd. 2. Das Rechtsgeschäft. 4. unveränderte Aufl. Berlin ; Heidelberg ; New York : Springer-Verlag, 1992. S. 905–908.

²⁷ *Эннекцерус Л.* Курс германского гражданского права : пер. с нем. / под ред. Д. М. Генкина, И. Б. Новицкого. М. : Изд-во иностранной литературы, 1950. Т. 1. П/т 2 : Введение и общая часть. С. 235.

ний. Эта же идея отражена в ст. 1002 ГК РФ, в силу которой при банкротстве комиссионера права и обязанности по сделке, совершенной для комитента, переходят к последнему.

С учетом данной политико-правовой идеи решение российского права следует признать предпочтительным, а саму норму — императивной. Оно имеет и практическое значение при определении принадлежности имущества на случай банкротства комитента или комиссионера. Отечественный законодатель совершенно обоснованно отдает приоритет политико-правовым соображениям перед догматической стройностью конструкции.

Таким образом, думается, что при комиссионной покупке недвижимость подлежит регистрации непосредственно на имя комитента, который вправе принять исполнение без приобретения права требования к продавцу. Такая конструкция представляет собой переадресацию исполнения и основывается на абз. 2 п. 1 ст. 990 ГК РФ. Промежуточная регистрация недвижимости на имя комиссионера приводит к недопустимому расщеплению права собственности и подрывает публичную достоверность реестра, поскольку в силу п. 1 ст. 996 ГК РФ реальным собственником является комитент, а не комиссионер.

4. Условная сделка (обязательство) и право ожидания

4.1. Какова роль условной сделки при комиссионной купле-продаже недвижимости? Прежде всего, с ее помощью можно теоретически обосновать механизм перехода права собственности от комитента к приобретателю, поскольку, как полагает А. Г. Гойхбарг, право в момент отчуждения переходит к комиссионеру при условии действительности совершенной между ним и приобретателем сделки отчуждения²⁸.

Хотя подобная конструкция, несомненно, может быть применена при обороте движимых вещей, для отчуждения недвижимости

она сталкивается с серьезными затруднениями, вызванными действием принципов внесения и публичной достоверности реестра. Ведь если допустить фикцию перехода права собственности к комиссионеру даже на логическую секунду, то для этого необходима государственная регистрация, в отсутствие которой нельзя утверждать, что право когда-либо перешло к комиссионеру, пусть даже мгновенно на момент отчуждения. К тому же условные распорядительные сделки с недвижимостью подрывают правовую определенность, поэтому в германском праве они запрещены (абз. 2 § 925 Германского гражданского уложения).

4.2. Оставляя в стороне вопрос о возможности наделения комиссионера распорядительной властью (по аналогии с § 185 Германского гражданского уложения), правовая позиция ВАС РФ порождает проблему, связанную с риском невозможности исполнения комиссионером обязательства по передаче чужой недвижимости в собственность приобретателя. Исполнение комиссионером подобного обязательства зависит от последующих действий комитента. Отсутствие у комиссионера владения недвижимостью и зарегистрированного права собственности на нее исключает для приобретателя предъявление требования о понуждении комиссионера к исполнению обязательств в натуре, в том числе совершению действий по регистрации перехода права. Предъявление данных требований напрямую к комитенту также невозможно, поскольку последний формально не связан договором купли-продажи. В итоге приобретатель ограничен лишь правом на возврат уплаченных денежных средств и возмещение убытков.

Положение приобретателя недвижимости усугубляется в случаях двойной продажи недвижимости. Используя комиссионную модель, комитент получает денежные средства от покупателя, однако может недобросовестно уклоняться от содействия комиссионеру в совершении действий по передаче недвижимости и/или регистрации перехода права собственности. Более того, формально комитент вправе в лю-

²⁸ Гойхбарг А. Г. Торговая комиссия. Практический комментарий к закону о договоре торговой комиссии. СПб. : Издание Юридического книжного склада «Право», 1914. С. 86.

бой момент отказаться от исполнения договора комиссии, отменив комиссионное поручение (п. 1 ст. 1003 ГК РФ), после чего продать недвижимость иному лицу.

Разрешение этой проблемы, как представляется, может быть достигнуто, во-первых, посредством применения конструкции условного обязательства. В договоре купли-продажи возникновение у комиссионера обязательства по передаче недвижимости в собственность приобретателя может быть поставлено под отлагательное условие, зависящее от действий комитента, например передачи недвижимости во владение комиссионера либо совершения перед регистратором распорядительного волеизъявления о переносе собственности или установлении в пользу приобретателя ограниченного вещного права (об этом ниже). К тому же договором купли-продажи может быть вовсе предусмотрена регистрация права собственности без предварительной передачи недвижимости, например, если она находится во владении комитента или арендатора. До наступления оговоренных условий исполнение сделки со стороны комиссионера откладывается и находится в подвешенном состоянии. Указанная конструкция, на наш взгляд, позволяет снизить риск недобросовестного поведения комитента за счет применения фикции наступления условия (п. 3 ст. 157 ГК РФ). Отдельно отметим, что она не влечет автоматического внесения записи в ЕГРН, но создает основу для защиты прав комиссионера, который по аналогии с пунктом 3 ст. 551 ГК РФ может требовать замещения судебным актом воли комитента (в случае с переходом права собственности) либо установления ограниченного вещного права в пользу приобретателя.

Во-вторых, данная ситуация требует предоставления правовой защиты самому приобретателю, особенно в случаях, когда он уже произвел свое встречное предоставление (предварительно уплатил цену), совершил иные приготовления (предпринял действия по принятию объекта и пр.).

В отечественной судебной практике указывалось, что с момента передачи недвижимости во владение покупателя и до регистрации перехода права собственности последний является законным владельцем, хотя и не наделен правомочием распоряжения. Однако для более полной правовой защиты интересов приобретателя видится целесообразным признание за ним вещного права, аналогичного германскому праву ожидания (*Anwartschaftsrecht*).

Хотя правовая природа данного права в германской доктрине выступает предметом дискуссии, господствующее мнение признает за ним вещный характер²⁹. Это обеспечивает приобретателю устойчивое положение по отношению к вмешательству со стороны собственника или третьих лиц. Представляется, что ряд особенностей *Anwartschaftsrecht*, проявляющихся в германском праве, может быть использован в российском праве при коммиссионной продаже недвижимости.

Прежде всего, важнейшее значение имело бы свойство следования, которое позволило бы при отчуждении комитентом недвижимости третьему лицу сохранять обременение в виде права ожидания первоначального приобретателя. Такой эффект может быть обеспечен путем подчинения указанного права принципу публичности — посредством государственной регистрации права и внесения соответствующей записи в ЕГРН.

В германском праве право ожидания является передаваемым правом, а потому может быть отчуждено, заложено, передано по наследству и пр. С учетом этого приобретатель, не дожидаясь перехода к нему права собственности от комитента, имел бы возможность опосредованно распоряжаться недвижимостью в своих интересах. При этом имущественная ценность *Anwartschaftsrecht*, на наш взгляд, должна соотноситься с объемом уже предпринятых действий, необходимых для приобретения права собственности. Иными словами, чем больше таких действий выполнено приобретателем (уплата

²⁹ *Wieling H. J. Sachenrecht. 2. Aufl. Berlin ; Heidelberg : Springer, 2006. Bd. 1 : Sachen, Besitz und Rechte an beweglichen Sachen. S. 800.*

цены, вступление во владение и пр.), тем выше стоимость указанного права.

Таким образом, если конструкция условного обязательства позволяет обеспечить гибкость исполнения сделки комиссионером, то *Anwartschaftsrecht* служит эффективным инструментом защиты интересов приобретателя, снижая его риски от недобросовестного поведения комитента. Нельзя утверждать, что российскому праву неизвестен данный институт, черты которого имеет, например, право приобретателя предприятия распоряжаться имуществом до перехода права собственности (п. 3 ст. 564 ГК РФ). Более того, в отечественном праве в качестве аналога категории *Anwartschaftsrecht* может рассматриваться право приобретения чужой недвижимой вещи, которое, как справедливо отмечает И. А. Емелькина, сформировалось под влиянием данной категории и признание которого в качестве вещного права предусмотрено проектом концепции развития гражданского законодательства³⁰.

Наконец, мы считаем, что теоретически допустима и практически могла бы быть реализована модель, при которой комитент при заключении договора комиссии осуществлял бы регистрацию права ожидания (права приобретения чужой недвижимости) в качестве обременения недвижимости в пользу будущего неопределенного лица (*persona futura*, аналог *persona incerta* в римском праве). Основаниями возникновения такого права могли бы служить либо сам договор комиссии, предполагающий самостоятельное отчуждение комиссионером недвижимости комитента, либо юридический состав из договоров комиссии и купли-продажи. Но в первом случае возникает проблема неопределенности субъекта, поскольку в период между заключением указанных договоров будущий приобретатель неизвестен, что образует подвешенное состояние права ожидания.

По нашему мнению, может быть выделено несколько способов разрешения этой неопределенности. Во-первых, возможна первоначальная регистрация права ожидания на имя самого комитента — собственника обременяемой недвижимости с последующей его передачей приобретателю (по аналогии с известной отечественной доктрине регистрацией ипотеки на собственника, *Eigentümerhypothek*³¹). Во-вторых, комитент может оговорить условия подачи заявления о регистрации права ожидания, например при условии заключения комиссионером договора купли-продажи и появления приобретателя. В-третьих, запись о праве ожидания могла бы вноситься в ЕГРН комитентом без указания лица, в пользу которого устанавливается обременение, при этом с появлением приобретателя и внесением записи о нем в ЕГРН у приобретателя *ipso iure* возникало бы право ожидания как право конкретного лица.

Хотя изложенные идеи требуют дальнейшего исследования, сама по себе возможность регистрации права ожидания (права приобретения чужой недвижимости) в пользу будущего неопределенного лица заслуживает внимания. Аналогия может быть проведена с проектом федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³², в котором предусматривалось установление независимой ипотеки собственником без указания залогодержателя (ст. 303.1, 303.2 ГК РФ в редакции проекта). На наш взгляд, некоторое сходство усматривается и с действующим правом, допускающим внесение записи об ипотеке заранее, тогда как права залогодержателя возникают лишь при появлении обеспеченного обязательства (п. 3 ст. 11 Закона об ипотеке³³; п. 2 ст. 341 ГК РФ).

³⁰ Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. 2-е изд., испр. и доп. М. : Инфотропик Медиа, 2013. С. 290, 292.

³¹ См. об этом: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М. : Статут, 2020. С. 218.

³² Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в первом чтении 27 апреля 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³³ Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке» // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

Заметим, что в упомянутом проекте предусматривалась возможность возникновения права приобретения чужой недвижимой вещи при заключении договоров специально оговоренных видов, предусматривающих ее отчуждение (ст. 304.1 ГК РФ в редакции проекта). Представляется, что к числу таких договоров может быть отнесен и договор комиссии, если его условия предполагают самостоятельное отчуждение комиссионером недвижимости комитента, т.е. совершение им распорядительной сделки.

Заключение

В завершение статьи следует не согласиться с позицией о ненужности договора комиссии в обороте недвижимости. Действительно, его применение осложнено особенностями

правового режима недвижимости и нередко заменяется более привычными правовыми конструкциями, например договором поручения, с помощью которого достигается тот же экономический результат. Однако, во-первых, правовую цель недопустимо отождествлять с экономическим результатом, что подтверждается многообразием посреднических конструкций. Во-вторых, ограниченность применения договора комиссии во многом обусловлена позицией ВАС РФ. Мы видели выше, что передача распорядительной власти комиссионеру позволяет ему распоряжаться от своего имени чужим правом, а использование конструкций вещного права (права ожидания, права приобретения чужой недвижимости) и условного обязательства, по нашему мнению, способно обеспечить устойчивость гражданского оборота и защиту интересов сторон.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бевзенко Р. С. Правовая природа заявления о внесении записи в реестр недвижимости // *Гражданское право*. — 2023. — № 6. — С. 117–150.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 3 : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — 2-е изд., стер. — М. : Статут, 2011. — 1055 с.
3. Гойхбарг А. Г. Торговая комиссия. Практический комментарий к закону о договоре торговой комиссии. — СПб. : Издание Юридического книжного склада «Право», 1914. — 256 с.
4. Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. Т. 2. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2020. — 880 с.
5. Гражданское право : учебник : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. Т. 1 : Общая часть. — 3-е изд. — М. : Статут, 2023. — 624 с.
6. Гражданское уложение : проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Кн. 5 : Обязательства. Т. 3. Ст. 505–718 с объяснениями. — СПб. : Гос. тип., 1899. — 574 с.
7. Егоров А. В. Предмет договора комиссии // *Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей*. Вып. 5. — М. : Статут, 2002. — С. 86–146.
8. Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // *Вестник гражданского права*. — 2019. — № 6. — С. 51–107.
9. Ельшевич В. Б. Очерк развития форм поземельного оборота на Западе. — 2-е изд., перераб. — СПб. : Правда, 1913. — 79 с.
10. Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Инфотропик Медиа, 2013. — 416 с.
11. Защита гражданских прав: избранные аспекты : сборник статей / под ред. М. А. Рожковой. — М. : Статут, 2017. — 432 с.
12. Крашенинников Е. А. Распорядительные сделки // *Сборник статей памяти М. М. Агаркова* / под ред. Е. А. Крашенинникова. — Ярославль : ЯрГУ, 2007. — С. 22–32.

13. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — 8-е изд. — М. : Статут, 2020. — 351 с.
14. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. — 6-е изд., испр. и доп. — М. : Статут, 2023. — 894 с.
15. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. — М. : Статут, 2017. — 560 с.
16. Суханов Е. А. О видах сделок в германском и в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. — 2006. — Т. 6. — № 2. — С. 5–26.
17. Черепяхин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву // Труды по гражданскому праву. — 2-е изд. — М. : Статут, 2020. — С. 307–442.
18. Чупрунов И. С. Симулятивные сделки. Ч. 2 : анализ дела Балааяна // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 10. — С. 178–204.
19. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 2 : Товар. Торговые сделки. — 4-е изд. — СПб. : Изд. бр. Башмаковых, 1908. — 624 с.
20. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права : пер. с нем. / под ред. Д. М. Генкина, И. Б. Новицкого. Т. 1. П/т 2 : Введение и общая часть. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1950. — 483 с.
21. Brox H. Handelsrecht und Wertpapierrecht. — 14. neubearb. Aufl. — München : Beck, 1999. — 388 S.
22. Brox H., Walker W.-D. Allgemeiner Teil des BGB. — 45. Aufl. — München : Vahlen, 2021. — 408 S.
23. Flume W. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. Bd. 2. Das Rechtsgeschäft. — 4. unveränderte Aufl. — Berlin ; Heidelberg ; New York : Springer-Verlag, 1992. — 989 S.
24. Tuhr A. von. Der Allgemeine Teil des Deutschen Bürgerlichen Rechts. Bd. 2. H. 2. — Unveränderter Nachdruck der 1. Aufl. 1918. — Berlin : Duncker & Humblot, 1957. — 652 S.
25. Wieling H. J. Sachenrecht. Bd. 1: Sachen, Besitz und Rechte an beweglichen Sachen. — 2. Aufl. — Berlin ; Heidelberg : Springer, 2006. — 876 S.

Материал поступил в редакцию 6 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bevzenko R. S. Pravovaya priroda zayavleniya o vnesenii zapisi v reestr nedvizhimosti // Tsivilistika. — 2023. — № 6. — С. 117–150.
2. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. Dogovornoe pravo. Kn. 3: Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug. — 2-е изд., ster. — М.: Статут, 2011. — 1055 с.
3. Goykhbarg A. G. Torgovaya komissiya. Prakticheskiy kommentariy k zakonu o dogovore torgovoy komissii. — SPb.: Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 1914. — 256 с.
4. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. / pod red. A. P. Sergeeva. T. 2. — 2-е изд. — М.: Prospekt, 2020. — 880 с.
5. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. / pod red. E. A. Sukhanova. T. 1: Obshchaya chast. — 3-е изд. — М.: Статут, 2023. — 624 с.
6. Grazhdanskoe ulozhenie: proekt Vysochayshe uchrezhdennoy Redaktsionnoy komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo ulozheniya. Kn. 5: Obyazatelstva. T. 3. St. 505–718 s obyasneniyami. — SPb.: Gos. tip., 1899. — 574 с.
7. Egorov A. V. Predmet dogovora komissii // Aktualnye problemy grazhdanskogo prava: sbornik statey. Vyp. 5. — М.: Статут, 2002. — С. 86–146.
8. Egorov A. V. Rasporyaditelnye sdelki: vyyti iz sumraka // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2019. — № 6. — С. 51–107.
9. Elyashevich V. B. Ocherk razvitiya form pozemel'nogo oborota na Zapade. — 2-е изд., pererab. — SPb.: Pravda, 1913. — 79 с.
10. Emelkina I. A. Sistema ogranichennykh veshchnykh prav na zemel'nyy uchastok. — 2-е изд., ispr. i dop. — М.: Infotropik Media, 2013. — 416 с.

11. Zashchita grazhdanskikh prav: izbrannye aspekty: sbornik statey / pod red. M. A. Rozhkovoy. — M.: Statut, 2017. — 432 s.
12. Krashennikov E. A. Rasporyaditelnye sdelki // Sbornik statey pamyati M. M. Agarkova / pod red. E. A. Krashennikova. — Yaroslavl: YarGU, 2007. — S. 22–32.
13. Pokrovskiy I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. — 8-e izd. — M.: Statut, 2020. — 351 s.
14. Sklovskiy K. I. Sobstvennost v grazhdanskom prave. — 6-e izd., ispr. i dop. — M.: Statut, 2023. — 894 s.
15. Sukhanov E. A. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatelnyy ocherk. — M.: Statut, 2017. — 560 s.
16. Sukhanov E. A. O vidakh sdelok v germanskom i v rossiyskom grazhdanskom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2006. — T. 6. — № 2. — S. 5–26.
17. Cherepakhin B. B. Pravopreemstvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu // Trudy po grazhdanskomu pravu. — 2-e izd. — M.: Statut, 2020. — S. 307–442.
18. Chuprunov I. S. Simulyativnye sdelki. Ch. 2: analiz dela Balayana // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2024. — № 10. — S. 178–204.
19. Shershenevich G. F. Kurs torgovogo prava. T. 2: Tovar. Torgovye sdelki. — 4-e izd. — SPb.: Izd. br. Bashmakovyykh, 1908. — 624 s.
20. Ennektserus L. Kurs germanskogo grazhdanskogo prava: per. s nem. / pod red. D. M. Genkina, I. B. Novitskogo. T. 1. P/t 2: Vvedenie i obshchaya chast. — M.: Izd-vo inostrannoy literatury, 1950. — 483 s.
21. Brox H. Handelsrecht und Wertpapierrecht. — 14. neubearb. Aufl. — München: Beck, 1999. — 388 S.
22. Brox H., Walker W.-D. Allgemeiner Teil des BGB. — 45. Aufl. — München: Vahlen, 2021. — 408 S.
23. Flume W. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. Bd. 2. Das Rechtsgeschäft. — 4. unveränderte Aufl. — Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag, 1992. — 989 S.
24. Tuhr A. von. Der Allgemeine Teil des Deutschen Bürgerlichen Rechts. Bd. 2. H. 2. — Unveränderter Nachdruck der 1. Aufl. 1918. — Berlin: Duncker & Humblot, 1957. — 652 S.
25. Wieling H. J. Sachenrecht. Bd. 1: Sachen, Besitz und Rechte an beweglichen Sachen. — 2. Aufl. — Berlin; Heidelberg: Springer, 2006. — 876 S.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.116-128

Р. Р. Бикбаев*

Проблемы использования искусственного интеллекта при принятии судебных решений на примере рассмотрения дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей

Аннотация. Автор исследует вопрос использования искусственного интеллекта в судебной системе. Приводится описание способов использования искусственного интеллекта как для принятия судебных решений, так и для выполнения других, более технических задач. Автор рассматривает зарубежный опыт и российскую дискуссию. В статье делается упор на преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта для принятия судебных решений. В частности, освещается ряд потенциальных проблем такого использования при принятии решений о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей. По мнению автора, обсуждаемые проблемы возникают из-за невозможности искусственного интеллекта надлежащим образом работать с оценочными суждениями, например с такой правовой категорией, как публичный порядок. Более того, современная практика осложняется санкционным давлением, которое затрудняет рассмотрение дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей. В частности, появляются новые понятия: лица из недружественных государств, новый публичный порядок и т.д. При этом устоявшиеся институты (например, принцип взаимности) в современных реалиях могут применяться судами иначе, что также недоступно искусственному интеллекту для полноценного понимания.

Ключевые слова: признание и приведение в исполнение решений иностранных судов и арбитражей; искусственный интеллект; судебная система; принятие решений; предиктивное правосудие; интернет-суды; цифровизация правосудия; автоматизация судопроизводства; ответственность ИИ

Для цитирования: Бикбаев Р. Р. Проблемы использования искусственного интеллекта при принятии судебных решений на примере рассмотрения дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 116–128. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.116-128

© Бикбаев Р. Р., 2026

* Бикбаев Руслан Рястямович, аспирант кафедры международного частного и гражданского права имени С.Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), юрист практики разрешения споров юридической фирмы «Алруд»
просп. Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
ruslan.bikbaev.dn@bk.ru

Challenges of Using Artificial Intelligence in Judicial Decision-Making: The Case of Recognition and Enforcement of Foreign Judgements and Arbitral Awards

Ruslan R. Bikbaev, Postgraduate Student, Department of International Private and Civil Law named after S.N. Lebedev MGIMO University, Associate, Dispute Resolution Practice, Alrud Law Firm, Moscow, Russian Federation
ruslan.bikbaev.dn@bk.ru

Abstract. The author explores the use of artificial intelligence in the judicial system. The paper describes ways in which artificial intelligence can be used both for judicial decision-making and for performing other, more technical tasks. The author examines foreign experience and Russian domestic discourse. The paper focuses on the advantages and disadvantages of using artificial intelligence for judicial decision-making. In particular, a number of potential problems of such use are identified when making decisions on the recognition and enforcement of foreign court and arbitral awards. According to the author, the problems under discussion arise from the inability of artificial intelligence to properly process value judgments, for example, with such a legal category as public order. Moreover, modern practice is complicated by sanctions pressure, which only adds to the difficulty of considering cases on the recognition and enforcement of decisions of foreign courts and arbitrations. In particular, new concepts are emerging, such as persons from unfriendly states, a new public order, etc. At the same time, established institutions (for example, the principle of reciprocity) in modern realities can be applied by courts differently, which, in our opinion, is also inaccessible to full understanding by artificial intelligence.

Keywords: recognition and enforcement of foreign judgements and arbitral awards; artificial intelligence; judicial system; decision making; predictive justice; online courts; digitalization of justice; automation of legal proceedings; AI liability

Cite as: Bikbaev RR. Challenges of Using Artificial Intelligence in Judicial Decision-Making: The Case of Recognition and Enforcement of Foreign Judgements and Arbitral Awards. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):116-128. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.116-128

Введение

В настоящее время развитие искусственного интеллекта (ИИ) происходит в геометрической прогрессии. Согласно статистическим данным, бизнес всё активнее внедряет инструменты ИИ в деятельность. Так, на 2023 г. около 70 % опрошенных компаний так или иначе использовали ИИ в операционной деятельности. Сходный процент компаний намеревается увеличить финансирование процессов по внедрению таких систем. При этом ИИ зачастую занимается автоматизацией рутинных операций, аналитикой и прогнозированием, маркетингом и т.д.¹

Развитие новых технологий не обошло стороной и судебные системы многих государств.

Всё чаще имеют место дискуссии об использовании искусственного интеллекта в судебной сфере. Более того, некоторые государства уже внедрили ряд схем по применению систем ИИ в своих судебных системах. В рамках статьи мы рассмотрим примеры внедрения ИИ в судебные системы иностранных государств, проанализируем дискуссию по данному вопросу в российском правовом поле, а также исследуем ряд проблем при внедрении систем ИИ для принятия судебных решений на примере конкретного вида споров.

Впрочем, перед рассуждением о российских реалиях стоит обратиться к опыту зарубежных стран, где ИИ так или иначе применяется в деятельности судов.

¹ Автоматизация, прогнозы, креатив: как большой бизнес использует искусственный интеллект // СберПро. URL: <https://sber.pro/publication/avtomatizatsiya-prognozi-kreativ-kak-bolshoi-biznes-ispolzuet-iskusstvennii-intellekt/> (дата обращения: 15.09.2025).

1. Применение ИИ в правосудии зарубежных стран

Начнем исследование с опыта Китая. Так, в Китае с 2017 г. существуют так называемые интернет-суды, дела в которых решает ИИ, а физическое присутствие сторон в процессе абсолютно не обязательно. В таких судах возможно рассматривать самые различные дела, включая споры, касающиеся интеллектуальной собственности, электронной торговли (e-commerce), займов (полученных или исполняемых онлайн), домов, имущественных прав (возникших в связи с использованием сети Интернет), ответственности производителя (за товары, приобретенные через Интернет), и даже некоторые административные споры.

Споры в «умных судах» разрешаются, как правило, в течение 40 дней. При этом в такие суды обращаются в основном физические лица, соотношение которых с компаниями составляет примерно 80 и 20 %. Решение такого суда может быть оспорено в апелляционном порядке, однако в суде апелляционной инстанции дело уже будет рассмотрено судом с участием живых судей².

На данный момент уже имеются правила разбирательств с учетом особенностей интернет-судов³. Согласно изданному Верховным судом КНР Мнению о регулировании и расширении применения искусственного интеллекта

в судебной сфере 2022 г. суды Китая должны до 2025 г. подготовить инфраструктуру и внедрить в деятельность системы ИИ⁴.

Совсем иначе используется искусственный интеллект в судебной системе Франции. Так, в 2020 г. была запущена система ИИ DataJust, которая использовалась для определения размера компенсации за причиненный ущерб. Она была доступна судьям, адвокатам, страховым компаниям и направлена на более точное определение размера компенсации в тех или иных обстоятельствах, что, по мнению разработчиков, должно было способствовать росту числа случаев внесудебного урегулирования таких споров. В качестве эксперимента система была введена на два года⁵.

В 2022 г. власти Франции отказались от продолжения эксперимента по ряду причин: в частности, система была достаточно предвзята, а вопрос определения компенсации требовал, как правило, индивидуального подхода⁶. Стоит отметить, что российские авторы, помимо уже указанной проблемы, полагали, что такая система может ненадлежащим образом воздействовать на судей при принятии решений⁷.

В США ситуация с использованием искусственного интеллекта в судебной системе несколько иная. Так, ИИ напрямую не применяется при принятии решений, однако Центр безопасности и новейших технологий (Center for Security

² Vasdani Tara. Robot justice: China's use of Internet courts // LexisNexis. URL: <https://www.lexisnexis.ca/en-ca/ihc/2020-02/robot-justice-chinas-use-of-internet-courts.page> (дата обращения: 16.09.2025).

³ Zhou Qiang urges improvement of internet judicial model with Chinese characteristics // Official website of the Supreme People's Court of the People's Republic of China. URL: https://english.court.gov.cn/2022-11/07/c_861571.htm (дата обращения: 30.08.2025).

⁴ The Supreme People's Court. The Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields (2022) // China Laws Portal — CJO. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/the-supreme-people-s-court-the-opinions-on-regulating-and-strengthening-the-applications-of-artificial-intelligence-in-the-judicial-field-20221208> (дата обращения: 01.09.2025).

⁵ DataJust: Towards a predictive Justice? // Soulier Avocats. URL: <https://www.soulier-avocats.com/en/datajust-towards-a-predictive-justice/> (дата обращения: 16.09.2025).

⁶ The Ministry of Economy abandons the development of DataJust, the algorithm that should help calculate compensation for personal injury // ActualA. URL: <https://www.actuia.com/english/the-ministry-of-economy-abandons-the-development-of-datajust-the-algorithm-that-should-help-calculate-compensation-for-personal-injury/> (дата обращения: 18.09.2025).

⁷ Черноусов Д. А., Юзефович Ж. Ю. Использование искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации: pro et contra // Гражданское право. 2023. № 3. С. 19–24.

and Emerging Technology, CSET) разработал Политику использования ИИ судьями. В данном документе обозначены основные направления и способы использования ИИ в американских судах. Речь идет, в частности, о допустимости использования искусственного интеллекта при принятии определенных решений, например относительно освобождения под залог или условно-досрочного освобождения. При этом судьи должны использовать только публичные и открытые системы ИИ⁸.

Другим документом, который касается использования ИИ в судебной системе США, является Введение в ИИ для судов, разработанное Объединенным комитетом по технологиям (Joint Technology Committee, JTC). В указанном документе идет речь об использовании ИИ в судебной системе для выполнения технических функций, таких как предоставление информации, сортировка документов, поиск сведений и т.д., т.е. не о принятии судебных решений ИИ⁹.

Небезынтересный документ по вопросам использования искусственного интеллекта судами был издан также в Великобритании, а именно Руководство по использованию искусственного интеллекта для судей. В нем изложены случаи, когда рекомендуется использовать ИИ в судебной профессиональной деятельности и когда нет. В частности, ИИ может применяться для обработки больших объемов текста, подготовки презентаций, исполнения административных задач (рассылки электронных писем и т.д.), при этом что не рекомендуется использовать системы ИИ при проведении исследований по вопросам права, а также при анализе юридической информации¹⁰. Как следует из документа, речь

о принятии судебных решений при помощи систем ИИ также не идет.

Таким образом, ИИ так или иначе внедряется в различные правовые системы, однако по преимуществу для каких-либо технических задач. В настоящее время не так много стран готовы использовать ИИ при принятии решений по существу спора.

2. Применение систем ИИ в российском правосудии

Далее необходимо рассмотреть вопросы, поднятые в отношении использования систем ИИ в российской доктрине. Так, в рамках российской дискуссии отмечается, что система ИИ не существует и не учится чему-либо в вакууме. Для обучения ей требуется определенный набор данных, среди которых в любом случае будут встречаться отклонения и/или неточности. Подобного рода проблемы следует выявлять и исправлять, однако человек физически не может отслеживать весь объем данных, изучаемых системой ИИ.

Следующая потенциальная проблема возникает с конфиденциальностью информации. Несмотря на гласность правосудия, даже в арбитражных судах имеют место закрытые разбирательства, а в судах общей юрисдикции в принципе обезличивают судебные акты. Вся чувствительная информация в любом случае будет выгружаться в систему ИИ для принятия решений.

При этом даже подготовка достоверной и полной базы данных судебных решений не устранил проблему неоднозначности разреше-

⁸ CSET Policy Brief AI for Judges // Official website of the Court of Appeal for the Armed Forces. URL: <https://www.armfor.uscourts.gov/ConfHandout/2022ConfHandout/Baker2021DecCenterForSecurityAndEmergingTechnology1.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

⁹ JTC Resource Bulletin: Introduction to AI for Courts // Official website of the National Center for State Courts. URL: https://www.ncsc.org/_data/assets/pdf_file/0027/98910/JTC-AI-paper-update-3.5.24.pdf (дата обращения: 02.09.2025).

¹⁰ Artificial Intelligence (AI) — Judicial Guidance // Courts and Tribunals Judiciary. URL: <https://www.judiciary.uk/guidance-and-resources/artificial-intelligence-ai-judicial-guidance/> (дата обращения: 03.09.2025).

¹¹ LegalTech в сфере предпринимательской деятельности : монография / отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2023.

ния отдельных правовых вопросов, по которым единообразная судебная практика отсутствует¹². Например, до разъяснений Верховного Суда РФ в 2020 г.¹³ таким был вопрос субординации требований аффилированных кредиторов в банкротстве.

Стоит также упомянуть так называемую проблему «черного ящика», которая заключается в непрозрачности правосудия, вершимого системами ИИ, и о которой пойдет речь далее. Так, Европейский Суд по правам человека отмечал, что гласность и справедливость обеспечивают прозрачность судебного разбирательства¹⁴.

Например, согласно п. 3 ст. 2 АПК РФ к задачам судопроизводства в арбитражных судах относится справедливое публичное судебное разбирательство¹⁵. Вопрос в том, способен ли ИИ понять, что есть справедливость. Не совсем ясно, возможно ли обучить машину такому концепту. Если вернуться к теме обучения системы ИИ, возникают сомнения относительно возможности проконтролировать, чтобы система ИИ обучалась именно на справедливых материалах. Отсюда же следуют потенциальные проблемы предубежденности системы ИИ с учетом проанализированной ей информации. Изложенное является потенциальным препятствием для реализации еще одного важного конституционного принципа — равенства всех перед законом и судом¹⁶.

Сложность использования системой ИИ оценочных суждений и составляет так называемую проблему «черного ящика». В любом случае система ИИ потенциально должна обладать теми или иными алгоритмами по использованию таких суждений, однако даже их опубликование, на наш взгляд, не способно решить проблему прозрачности правосудия, поскольку с большой долей вероятности такие алгоритмы будут непонятны среднестатистическому юристу.

Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов также отмечал необходимость внедрения ИИ в судебную систему. При этом он акцентировал внимание на том, что ИИ в любом случае не заменит судью, поскольку решения, затрагивающие судьбы людей, должны также приниматься человеком¹⁶. Д. А. Туманов тоже в своей статье отмечает недопустимость замены судьи на систему ИИ в силу существования ряда основополагающих принципов правосудия, которые, по его мнению, недоступны для понимания системами ИИ¹⁷.

Достаточно серьезной представляется проблема ответственности систем ИИ за результат работ. В данном контексте стоит иметь в виду, что речь не идет об ответственности за отмену судебных актов, поскольку отмена судебного акта вышестоящим судом не является основанием для привлечения судьи к какой-либо ответственности¹⁸. При этом за серьезные наруше-

¹² Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

¹³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 июля 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 3, 4.

¹⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

¹⁵ Черноусов Д. А., Юзефович Ж. Ю. Указ. соч. С. 19–24.

¹⁶ Игорь Краснов дал поручение ускорить внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2025/11/05/igor-krasnov-dal-poruchenie-uskorit-vnedrenie-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnuiu-deiatelnost.html> (дата обращения: 07.12.2025).

¹⁷ Туманов Д. А. Может ли искусственный интеллект заменить судью-человека? // Цифровое право. 2024. № 5 (4). С. 25–26.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 06.12.2018 № 3105-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Дорофеева Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 295 и 298, частью первой статьи 401.2 и частью первой статьи 412.1 Уголовно-процессуального

ния правил рассмотрения дел судья может быть привлечен к дисциплинарной ответственности¹⁹, а за вынесение заведомо неправосудных судебных актов — к уголовной²⁰. В настоящий момент ИИ не является субъектом права, поэтому ответственность на него возложить невозможно²¹.

Некоторые авторы выделяют проблемы достоверности представляемых доказательств. При этом данный вопрос может быть разрешен путем использования в подобных процессах только «сертифицированных» доказательств (например, заверенных нотариусом или иными государственными системами)²². Однако полагаем, что необходимость «сертификации» абсолютно всех доказательств может значительно увеличить издержки сторон на такой процесс без значительного вклада в улучшение его качества.

При этом в российской дискуссии также встречаются разные мнения касательно возможности применения ИИ в судебной системе при принятии решений.

Один из авторов видит две модели применения систем ИИ в правосудии: суррогатного правосудия, где ИИ сам анализирует материалы дела и принимает решения, которые контролируются уже человеком, и дополненного правосудия, где ИИ также анализирует материалы дела, но предлагает лишь вариант решения, который может быть принят или не принят человеком.

В пользу изложенного приводится ряд аргументов. Во-первых, система ИИ даже в

настоящий момент способна анализировать документы, вычленять оттуда правовые проблемы, подбирать нормы и судебную практику. Во-вторых, большинство доказательств по делу, которые ложатся в основу судебных решений, представляются в письменной форме, т.е. ИИ даже не требуется анализировать речь и звук. В-третьих, как уже говорилось, системы ИИ уже принимают судебные решения за рубежом (в Китае).

Что касается единообразия и корректности составления базы данных, то автор отсылает к п. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»²³, где прямо указано, что Верховный Суд РФ отвечает за единообразие судебной практики²⁴.

При этом, как отмечается в литературе, имеет смысл начать внедрение систем ИИ для целей принятия судебных решений именно с упрощенных производств. По сути, дела в таких производствах и так рассматриваются исключительно на основании формальных письменных доказательств²⁵.

Применение ИИ в судебной системе может быть реализовано не только в рамках принятия судебных решений. Так, ИИ может использоваться для выполнения технических задач: извлекать и систематизировать данные о лицах, участвующих в деле, из поступающих процессуальных документов; рассылать судебные уведомления; распределять корреспонденцию в

кодекса Российской Федерации» (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁹ Ст. 12.1 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская юстиция. 1995. № 11.

²⁰ Ст. 305 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²¹ Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 98–99.

²² Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / под ред. Е. Г. Стрельцова. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 159.

²³ Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

²⁴ Незнамов А. В. Искусственный интеллект, единообразие судебной практики и творческий характер судебной деятельности // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 99–101.

²⁵ Фетисов А. К. Регуляторный эксперимент по внедрению системы искусственного интеллекта в сферу разрешения споров // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 7. С. 4–5.

рамках аппарата суда и т.д. Более того, исследователи полагают, что ИИ мог бы потенциально работать с документами до принятия их судом, указывая, например, на формальные недостатки²⁶.

В. А. Лаптев также отмечает ряд технических задач, которые могут выполняться искусственным интеллектом: распознавание текста процессуальных документов, цифровое протоколирование судебных заседаний, распределение дел между судьями с учетом специализации, администрирование и выдачу исполнительных листов с последующим отслеживанием их судьбы, определение категории сделки, вычисление фальсификаций и т.д.²⁷ Данная точка зрения встречается в работах и других авторов²⁸. И. Н. Лукьянова в качестве примера такой практики приводит сервис с системой ИИ, который экспериментально используется в Амурской области для считывания информации и автозаполнения карточек судебного делопроизводства²⁹.

При этом применение систем ИИ в правосудии может также значительно упрощать деятельность экспертов. В частности, система ИИ может потенциально отвечать за направление запросов, проверку информации в различных базах данных, сбор и анализ дополнительных материалов, содействие в поиске имущества и иных объектов экономической деятельности и т.д.³⁰

Стоит отметить, что представители Верховного Суда РФ видят перспективы в использовании систем ИИ при составлении судебных актов³¹.

Резюмируем вышесказанное: имеются различные мнения относительно использования систем ИИ при принятии судебных решений, а также при выполнении иных судебных задач. Что касается применения систем ИИ при принятии полноценных судебных решений, нам представляется такое использование преждевременным в силу ряда обстоятельств, которые мы наглядно рассмотрим на примере дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей.

3. Проблемы применения систем ИИ в спорах о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей

Для понимания того, с какими проблемами может столкнуться ИИ при разрешении споров о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей, стоит разобраться, с какими спорными вопросами сталкиваются судьи и юристы в принципе в данной категории дел.

В Российской Федерации иностранные решения могут быть признаны исходя из международного договора, взаимности или международной вежливости. При этом если первое основание устанавливается напрямую в законе (например, ст. 241 АПК РФ), то следующие появляются уже в судебной практике³².

При наличии международного договора проблем возникнуть не должно, однако в противном

²⁶ Черноусов Д. А., Юзефович Ж. Ю. Указ. соч. С. 19–24.

²⁷ Лаптев В. А. Искусственный интеллект в суде: как он будет работать // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/opinion/232129/> (дата обращения: 30.07.2025).

²⁸ Латышева Н. А. На пути к искусственному интеллекту в организации судебного делопроизводства // Администратор суда. 2020. № 3. С. 8–11.

²⁹ Лукьянова И. Н. Обращение в российский суд в эпоху электронного правосудия // Цифровое право. 2024. № 5 (4). С. 106–107.

³⁰ Аюпов А. Д. Назначение судебной экспертизы в арбитражном процессе и оценка ее результатов // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 155–156.

³¹ Куликов В. Суды планируют подключить искусственный интеллект к составлению решений // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/05/25/robot-pomozhet-rassudit.html> (дата обращения: 28.08.2025).

³² См., например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.06.2024 № Ф05-9463/2024 по делу № А40-204812/2021.

случае возможен ряд неоднозначных ситуаций. Например, случаи признания и приведения в исполнение решений судов на основании международной вежливости могут быть проблемными не только для ИИ, но и для живого человека. Так, Высший Арбитражный Суд РФ понимал данное явление следующим образом: «общепризнанный принцип международной вежливости, предписывающий государствам относиться к иностранному правопорядку вежливо и обходительно»³³.

При этом даже суды не всегда корректно отражают понятие международной вежливости в актах; иногда суды в принципе приравнивают международную вежливость к принципу взаимности, как, например, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в деле № А63-7553/2022 («доказательств того, что, следуя принципам международной вежливости и международной взаимности при рассмотрении заявления в отсутствие международного договора, подобные решения российских судов при указанных выше обстоятельствах приводятся в исполнение на территории указанного государства, не представлено»)³⁴. В деле № А81-11096/2018 Арбитражный суд Западно-Сибирского округа просто отмечает, что международная вежливость направлена «на эффективную защиту прав участников гражданского, экономического оборота»³⁵, без раскрытия самого понятия.

Таким образом, четкая дефиниция международной вежливости законодательно не закреплена, в судебной практике также не выведены единообразные ее определение и цели. Куда такой подход может завести ИИ и как система разрешит тот или иной спор? Сможет ли ИИ корректно применить данный институт с учетом всех тонкостей, непонятно.

Далее в спорах о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей суду предстоит установить наличие

или отсутствие оснований для отказа в признании. Суды отказывают в признании, если 1) решение суда не вступило в силу; 2) одна из сторон не была извещена о процессе или по иным причинам не могла представить в суд свои возражения; 3) рассмотрение дела относится к исключительной компетенции российских судов; 4) имеется аналогичное вступившее в законную силу решение суда на территории России; 5) в производстве российского суда находится аналогичное дело, при условии что такое дело было принято к производству раньше; 6) истек срок давности (три года) и 7) исполнение иностранного решения противоречит публичному порядку России (ст. 244 АПК РФ).

В данном контексте проблемы возникают с самого начала, а именно с пункта о вступлении решения в силу. Так, согласно ч. 1 ст. 180 АПК РФ решение суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении месячного срока со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба. В случае подачи апелляционной жалобы решение, если оно не отменено и не изменено, вступает в законную силу со дня принятия постановления арбитражного суда апелляционной инстанции. Именно с этого момента судебный акт подлежит принудительному исполнению. В случае необходимости суд кассационной инстанции может приостановить исполнение судебного акта (ст. 283 АПК РФ).

При этом в англо-американской правовой семье совсем иначе работает институт приостановления исполнения (*stay of execution*). В частности, даже направление в суд апелляционной жалобы не является безусловным основанием для приостановления исполнения судебного акта (например, п. 52.16 Правил гражданского судопроизводства Великобритании³⁶).

Более того, в отличие от российского правопорядка установление таких последствий явля-

³³ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 07.12.2009 № ВАС-13688/09 по делу № А41-9613/2009.

³⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.05.2023 № Ф08-15065/2022 по делу № А63-7553/2022.

³⁵ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.09.2019 № Ф04-3350/2019 по делу № А81-11096/2018.

³⁶ UK Civil Procedure Rules // URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part52#52.16> (дата обращения: 25.08.2025).

ется скорее исключительной мерой, необходимость которой должна быть проанализирована судом. В рамках анализа согласно одному из ключевых прецедентов суд должен найти баланс интересов сторон и прийти к выводу о том, какие риски понесет удовлетворение или отказ в удовлетворении соответствующих требований (например, невозможность исполнить решение суда в последующем)³⁷.

С какого момента такое решение вступает в силу в понимании российского АПК? Если его можно исполнить, значит, в теории оно вступило в силу. Но если английский суд удовлетворяет ходатайство о приостановлении исполнения судебного акта, как это влияет на вступление решения в силу? Данные вопросы являются ключевыми не только для понимания соответствия требованию о вступлении в силу решения иностранного суда, но и для исчисления сроков давности. Как известно, судебные процессы в странах общего права длятся значительно дольше, чем в России³⁸. Могут потребоваться годы, чтобы дойти до высшей судебной инстанции. С какого момента отсчитывать срок исполнительской давности? Здесь потребуется детально изучить материалы дела и положения иностранного правопорядка, для чего судье необходима особая квалификация, которой, как представляется, не удастся наделить ИИ.

Достаточно тонким также видится вопрос публичного порядка. Под публичным порядком суды понимают фундаментальные и основополагающие принципы права, которые обладают императивностью и универсальностью и лежат

в основе построения политической, правовой и экономической систем государства³⁹. Суды склонны расширительно толковать данное понятие и временами использовать его очень гибко.

В современных реалиях стоит также отдельно упомянуть санкционный контекст, который так или иначе пронизывает все судебные процессы с иностранными гражданами и организациями. Для дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей это особенно важно, поскольку большая часть заявителей по данной категории дел являются иностранными лицами. Сложности вызывает сам факт существования такой категории иностранных лиц, как лица из недружественных юрисдикций. С одной стороны, простое резидентство иностранного лица в недружественном государстве не является основанием для ущемления его прав в российском процессе, что отражено, например, в решении Арбитражного суда Московского округа⁴⁰ и согласуется с общими принципами правосудия. С другой — даже профессиональные судьи не всегда следуют такой логике по тем или иным основаниям⁴¹. Мы относимся скептически к тому, что система ИИ способна будет надлежащим образом анализировать подобного рода правовые тонкости. Ведь очевидно, что не все лица указанной категории связаны с осуществлением недружественных действий по отношению к Российской Федерации. При этом стоит учитывать, что сам факт исполнения санкционных предписаний уже формально является нарушением публичного порядка⁴².

³⁷ Hammond Suddard Solicitors v. Agrichem International Holdings Ltd. [2001] // British and Irish Legal Information Institute. URL: <https://knyvet.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2001/2065.html> (дата обращения: 25.08.2025).

³⁸ Luigi B. The five stages of the English litigation process // B&M Law LLP. URL: <https://www.bandmlaw.co.uk/site/blog/bandm-blog/the-five-stages-of-the-english-litigation-process> (дата обращения: 25.08.2025).

³⁹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

⁴⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.06.2024 № Ф05-10809/2024 по делу № А41-2429/2024.

⁴¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.07.2023 № Ф07-8640/2023 по делу № А21-11451/2021.

⁴² См., например: постановления Арбитражного суда Московского округа от 04.12.2024 № Ф05-26081/2024 по делу № А40-212303/2023 ; Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.07.2024 № 09АП-30118/

Даже если не затрагивать вышеупомянутое, стоит отдельно иметь в виду, что суд должен отказать в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда или арбитража в случае, если действительной целью обращения в суд являлись создание видимости гражданско-правового спора и получение законного основания для перечисления денежных средств из иностранных юрисдикций и наоборот⁴³. В данных случаях требуется не только формальный анализ правоотношений сторон (поскольку внешняя сторона правоотношений будет, скорее всего, соответствовать всем нормам закона), но также и более сущностный, что, на наш взгляд, система ИИ в настоящий момент сделать неспособна.

Что интересно, проблема использования ИИ при признании и приведении в исполнение решений иностранных судов уже рассматривалась в зарубежной литературе, а именно судьей Харьюского уездного суда Эстонии Кай Херманд. В своей работе автор пришел к аналогичным выводам о том, что в ближайшей перспективе не предвидится такой развитой системы ИИ, которую можно было бы использовать при разрешении столь сложного вопроса, в частности с учетом необходимости установления соблюдения в иностранном государстве надлежащей правовой процедуры, а также ряда иных аспектов, большая часть из которых покрывалась настоящей статьей⁴⁴.

Заключение

Таким образом, на наш взгляд, преждевременно говорить о том, что система ИИ способна заменить судью, в частности по сложным правовым спорам. Исследование на примере дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей наглядно показывает, что достаточно часто исключительно формального анализа документов недостаточно, а требуется более сущностное погружение в правоотношения сторон и, как правило, в законодательство иностранных государств.

В частности, изложенное касается оценочных суждений и категорий, которые в любом случае встречаются при рассмотрении данных споров. К таким категориям, как было указано ранее, относится, например, публичный порядок. В настоящий момент разрешение споров, в которых фигурирует ссылка на нарушение публичного порядка, значительно осложнено внешним санкционным давлением и появлением новых и постоянно изменяющихся понятий как в российском, так и в зарубежных правовых порядках.

Более того, система ИИ, обученная для разрешения споров по определенному праву, вряд ли сможет надлежащим образом учитывать тонкости иного, иностранного права, что довольно часто необходимо в рассматриваемой категории дел. В судах такая проблема решается представлением правовых заключений, которые суд также должен критически оценить и, в случае сомнений, обратиться в компетентный орган за дополнительными разъяснениями.

При этом мы всё же видим достаточно перспектив у использования систем ИИ в судах для выполнения технических задач и поручений.

2024-ГК по делу № А40-199775/2023 ; Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.11.2024 по делу № А56-128561/2023.

⁴³ П. 10 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 8 июля 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 12.

⁴⁴ *Härmand K. AI Systems' Impact on the Recognition of Foreign Judgements: The Case of Estonia* // *Juridica International*. 2023. No. 32. P. 118.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Автоматизация, прогнозы, креатив: как большой бизнес использует искусственный интеллект // Сбер-Про. — URL: <https://sber.pro/publication/avtomatizatsiya-proгноzi-kreativ-kak-bolshoi-biznes-ispolzuet-iskusstvennii-intellekt/>.
2. Аюпов А. Д. Назначение судебной экспертизы в арбитражном процессе и оценка ее результатов // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 11. — С. 149–159.
3. Игорь Краснов дал поручение ускорить внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2025/11/05/igor-krasnov-dal-poruchenie-uskorit-vnedrenie-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnuiu-deiatelnost.html> (дата обращения: 07.12.2025).
4. Куликов В. Суды планируют подключить искусственный интеллект к составлению решений // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2023/05/25/robot-pomozhet-rassudit.html>.
5. Лаптев В. А. Искусственный интеллект в суде: как он будет работать // Право.ру. — URL: <https://pravo.ru/opinion/232129/>.
6. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 2. — С. 79–102.
7. Латышева Н. А. На пути к искусственному интеллекту в организации судебного делопроизводства // Администратор суда. — 2020. — № 3. — С. 8–11.
8. Лукьянова И. Н. Обращение в российский суд в эпоху электронного правосудия // Цифровое право. — 2024. — № 5 (4). — С. 96–113.
9. Незнамов А. В. Искусственный интеллект, единообразие судебной практики и творческий характер судебной деятельности // Вестник гражданского процесса. — 2024. — № 2. — С. 90–106.
10. Туманов Д. А. Может ли искусственный интеллект заменить судью-человека? // Цифровое право. — 2024. — № 5 (4). — С. 10–27.
11. Фетисов А. К. Регуляторный эксперимент по внедрению системы искусственного интеллекта в сферу разрешения споров // Арбитражный и гражданский процесс. — 2024. — № 7. — С. 3–6.
12. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / под ред. Е. Г. Стрельцова. — М. : Инфотропик Медиа, 2022. — 336 с.
13. Черноусов Д. А., Юзефович Ж. Ю. Использование искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации: pro et contra // Гражданское право. — 2023. — № 3. — С. 19–24.
14. LegalTech в сфере предпринимательской деятельности : монография / отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. — М. : Проспект, 2023. — 200 с.
15. Artificial Intelligence (AI) — Judicial Guidance // Courts and Tribunals Judiciary. — URL: <https://www.judiciary.uk/guidance-and-resources/artificial-intelligence-ai-judicial-guidance/>.
16. Bernardis L. The five stages of the English litigation process // B&M Law LLP. — URL: <https://www.bandmlaw.co.uk/site/blog/bandm-blog/the-five-stages-of-the-english-litigation-process>.
17. DataJust: Towards a predictive Justice? // Soulier Avocats. — URL: <https://www.soulier-avocats.com/en/datajust-towards-a-predictive-justice/>.
18. Härmand K. AI Systems' Impact on the Recognition of Foreign Judgements: The Case of Estonia // Juridica International. — 2023. — No. 32. — P. 107–118.
19. JTC Resource Bulletin: Introduction to AI for Courts // Official website of the National center for State Courts. — URL: https://www.ncsc.org/__data/assets/pdf_file/0027/98910/JTC-AI-paper-update-3.5.24.pdf.
20. The Ministry of Economy abandons the development of DataJust, the algorithm that should help calculate compensation for personal injury // ActualA. — URL: <https://www.actuaia.com/english/the-ministry-of-economy-abandons-the-development-of-datajust-the-algorithm-that-should-help-calculate-compensation-for-personal-injury/>.
21. The Supreme People's Court. The Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields (2022) // China Laws Portal — CJO. — URL: <https://www.chinajusticeobserver.com>.

com/law/x/the-supreme-people-s-court-the-opinions-on-regulating-and-strengthening-the-applications-of-artificial-intelligence-in-the-judicial-field-20221208.

22. Vasdani Tara. Robot justice: China's use of Internet courts // LexisNexis. — URL: <https://www.lexisnexis.ca/en-ca/ihc/2020-02/robot-justice-chinas-use-of-internet-courts.page>.
23. Zhou Qiang urges improvement of internet judicial model with Chinese characteristics // Official website of the Supreme People's Court of the People's Republic of China. — URL: https://english.court.gov.cn/2022-11/07/c_861571.htm.

Материал поступил в редакцию 1 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avtomatizatsiya, prognozy, kreativ: kak bolshoy biznes ispolzuet iskusstvennyy intellekt // SberPro. — URL: <https://sber.pro/publication/avtomatizatsiya-prognozi-kreativ-kak-bolshoi-biznes-ispolzuet-iskusstvennii-intellekt/>.
2. Ayupov A. D. Naznachenie sudebnoy ekspertizy v arbitrazhnom protsesse i otsenka ee rezultatov // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2022. — № 11. — S. 149–159.
3. Igor Krasnov dal poruchenie uskorit vnedrenie iskusstvennogo intellekta v sudebnuyu deyatel'nost' // Rossiyskaya gazeta. — URL: <https://rg.ru/2025/11/05/igor-krasnov-dal-poruchenie-uskorit-vnedrenie-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnuyu-deyatelnost.html> (data obrashcheniya: 07.12.2025).
4. Kulikov V. Sudy planiruyut podklyuchit iskusstvennyy intellekt k sostavleniyu resheniy // Rossiyskaya gazeta. — URL: <https://rg.ru/2023/05/25/robot-pomozhet-rassudit.html>.
5. Laptev V. A. Iskusstvennyy intellekt v sude: kak on budet rabotat // Pravo.Ru. — URL: <https://pravo.ru/opinion/232129/>.
6. Laptev V. A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2019. — № 2. — S. 79–102.
7. Latysheva N. A. Na puti k iskusstvennomu intellektu v organizatsii sudebnogo deloproizvodstva // Administrator suda. — 2020. — № 3. — S. 8–11.
8. Lukyanova I. N. Obrashchenie v rossiyskiy sud v epokhu elektronnoy pravosudiya // Tsifrovoye pravo. — 2024. — № 5 (4). — S. 96–113.
9. Neznamov A. V. Iskusstvennyy intellekt, edinoobrazie sudebnoy praktiki i tvorcheskiy kharakter sudebnoy deyatel'nosti // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2024. — № 2. — S. 90–106.
10. Tumanov D. A. Mozhno li iskusstvennyy intellekt zamenit sudyu-cheloveka? // Tsifrovoye pravo. — 2024. — № 5 (4). — S. 10–27.
11. Fetisov A. K. Regulyatornyy eksperiment po vnedreniyu sistemy iskusstvennogo intellekta v sferu razresheniya sporov // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2024. — № 7. — S. 3–6.
12. Tsifrovyye tekhnologii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: praktika, analitika, perspektivy / pod red. E. G. Streltsova. — M.: Infotropik Media, 2022. — 336 s.
13. Chernousov D. A., Yuzefovich Zh. Yu. Ispolzovanie iskusstvennogo intellekta v sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii: pro et contra // Grazhdanskoe pravo. — 2023. — № 3. — S. 19–24.
14. LegalTech v sfere predprinimatelskoy deyatel'nosti: monografiya / otv. red. I. V. Ershova, O. V. Sushkova. — M.: Prospekt, 2023. — 200 s.
15. Artificial Intelligence (AI) — Judicial Guidance // Courts and Tribunals Judiciary. — URL: <https://www.judiciary.uk/guidance-and-resources/artificial-intelligence-ai-judicial-guidance/>.
16. Bernardis L. The five stages of the English litigation process // B&M Law LLP. — URL: <https://www.bandmlaw.co.uk/site/blog/bandm-blog/the-five-stages-of-the-english-litigation-process>.

17. DataJust: Towards a predictive Justice? // Soulier Avocats. — URL: <https://www.soulier-avocats.com/en/datajust-towards-a-predictive-justice/>.
18. Härmand K. AI Systems' Impact on the Recognition of Foreign Judgements: The Case of Estonia // *Juridica International*. — 2023. — No. 32. — P. 107–118.
19. JTC Resource Bulletin: Introduction to AI for Courts // Official website of the National center for State Courts. — URL: https://www.ncsc.org/__data/assets/pdf_file/0027/98910/JTC-AI-paper-update-3.5.24.pdf.
20. The Ministry of Economy abandons the development of DataJust, the algorithm that should help calculate compensation for personal injury // ActualA. — URL: <https://www.actuia.com/english/the-ministry-of-economy-abandons-the-development-of-datajust-the-algorithm-that-should-help-calculate-compensation-for-personal-injury/>.
21. The Supreme People's Court. The Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields (2022) // China Laws Portal — CJO. — URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/the-supreme-people-s-court-the-opinions-on-regulating-and-strengthening-the-applications-of-artificial-intelligence-in-the-judicial-field-20221208>.
22. Vasdani Tara. Robot justice: China's use of Internet courts // LexisNexis. — URL: <https://www.lexisnexis.ca/en-ca/ihc/2020-02/robot-justice-chinas-use-of-internet-courts.page>.
23. Zhou Qiang urges improvement of internet judicial model with Chinese characteristics // Official website of the Supreme People's Court of the People's Republic of China. — URL: https://english.court.gov.cn/2022-11/07/c_861571.htm.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.129-139

П. Д. Жукова*,
М. М. Zubovich**

Трансформация и репрезентация средств доказывания в гражданском судопроизводстве Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются логика и пределы трансформации средств доказывания в гражданском судопроизводстве РФ и разграничение этой категории с репрезентацией доказательственной информации. Показано, что изменение процессуальной формы при сохранении содержания (например, переход объяснений из документальной формы в процессуальное средство «объяснения сторон и третьих лиц», использование протокола и официальной аудиозаписи заседания в проверочных инстанциях как письменных/электронных доказательств процессуальных нарушений) влияет на правила допустимости и оценки. Особое внимание уделено цифровой среде: распечатки переписки, скриншоты, файлы, метаданные и частные аудио- и видеозаписи в практике ситуативно квалифицируются как письменные, вещественные либо аудио- и видеодоказательства, что порождает риски утраты признаков подлинности, искажений производных образов и непредсказуемости правоприменения. Обосновывается необходимость нормативного выделения электронных доказательств как самостоятельного вида и установления требований к их представлению, идентификации, заверению, хранению и исследованию (включая работу с метаданными с участием специалиста и судебные компьютерно-технические экспертизы), а также разграничения первоначальных и производных электронных форм. Делается вывод о полезности четкого различия трансформации и репрезентации для унификации судебной практики, повышения технологической и правовой определенности и недопущения подмены трансформации простой сменой носителя.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; трансформация средств доказывания; репрезентация доказательств; электронные доказательства; объяснения сторон и третьих лиц; показания свидетелей; письменные доказательства; вещественные доказательства; заключения экспертов; досудебные экспертные исследования; электронные данные; электронное правосудие

Для цитирования: Жукова П. Д., Zubovich M. M. Трансформация и репрезентация средств доказывания в гражданском судопроизводстве Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 129–139. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.129-139

© Жукова П. Д., Zubovich M. M., 2026

* Жукова Полина Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
pdzhukova@msal.ru

** Zubovich Михаил Мстиславович, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, самозанятый исследователь
а/я 126, г. Краснодар, Российская Федерация, 350002
mzubov@mail.ru

Благодарности. Статья выполнена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Transformation and Representation of Means of Proof in Russian Civil Justice

Polina D. Zhukova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure named after M.S. Shakaryan, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
pdzhukova@msal.ru

Mikhail M. Zubovich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Self-Employed Researcher, Krasnodar, Russian Federation
mzubov@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the logic and limits of the transformation of means of proof in civil proceedings in the Russian Federation, and draws a distinction between this category and the representation of evidentiary information. It is shown that a change in the procedural form while the content remains unchanged (for example, the transition of explanations from documentary form to the procedural means of «explanations of the parties and third parties», the use of the record of the hearing and the official audio recording in appellate instances as written/electronic evidence of procedural violations) affects the rules of admissibility and evaluation. Particular attention is given to the digital environment: printouts of correspondence, screenshots, files, metadata, and private audio-video recordings are, in practice, situationally classified as written, physical, or audio-video evidence, which creates risks of loss of authenticity, distortion of derivative images, and unpredictability of law enforcement. The need for the regulatory identification of electronic evidence as an independent type and the establishment of requirements for its presentation, identification, certification, storage and research (including work with metadata with the participation of a specialist and forensic computer-technical examinations), as well as the distinction between original and derivative electronic forms, is substantiated. The authors conclude that a clear distinction between transformation and presentation is useful for unifying judicial practice, increasing technological and legal certainty, and preventing the substitution of transformation by a mere change of medium.

Keywords: civil proceedings; transformation of evidence; representation of evidence; electronic evidence; explanations of the parties and third parties; witness testimony; written evidence; material evidence; expert opinions; pre-trial expert examinations; electronic data; e-justice

Cite as: Zhukova PD, Zubovich MM. Transformation and Representation of Means of Proof in Russian Civil Justice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):129-139. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8. 129-139

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Доказательства в гражданском судопроизводстве — это сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон. Средства доказывания представляют собой процессуальные формы, посредством которых эти сведения вводятся в процесс и исследуются

судом. Современное технологическое развитие, дифференциация процессуальных форм и широкое использование цифровых носителей породили новое для теории явление — трансформацию средств доказывания, т.е. изменение их процессуальной формы при сохранении доказательственного содержания. Выявление границ трансформации и ее отличий от смеж-

ного явления — репрезентации¹ — позволяет точнее описать механизм судебного познания и повысить эффективность правового регулирования.

На практике сложности проявляются, в частности, в упрощенном производстве. У судей возникают серьезные затруднения в применении норм об упрощенном производстве, которое редко используется: по данным судебной статистики за 2024 г., в упрощенном порядке рассмотрено 162 647 гражданских и административных дел², что составляет около 0,4 % от числа дел, рассмотренных с вынесением решения. Между тем увеличение количества дел упрощенного производства — существенный резерв сокращения судейской нагрузки. Глава 21.1 ГПК РФ формулирует особый порядок исследования материалов: согласно абз. 2 ч. 5 ст. 232.3 суд исследует изложенные в представленных документах объяснения, возражения и доводы участников и принимает решение на основании доказательств, представленных в установленные сроки. Буквальное прочтение этой нормы позволяет видеть различие между объяснениями как содержанием документов и доказательствами, на которых основывается решение. При переходе к рассмотрению по общим правилам искового производства содержащиеся в документах объяснения сторон и третьих лиц получают форму соответствующего процессуального средства (в письменном виде), тогда как объяснения иных лиц, участвующих в деле, остаются в правовом статусе письменных доказательств, поскольку в перечне средств доказывания (абз. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ) самостоятельного вида «объяснения иных лиц» до сих пор не предусмотрено. В этой ситуации одно и то

же информационное содержание в зависимости от процессуального режима приобретает различную форму и режим оценки — это и есть проявление трансформации.

Трансформация средств доказывания проявляется, когда исходное доказательство по техническим характеристикам или способу восприятия относится к одному виду, но в процессе представления/оценки приобретает признаки другого. Судебная практика подтверждает гибкость подходов к квалификации доказательственных средств: суды нередко исходят не из внешней формы, а из существа доказательственной информации. Так, материалы из сети Интернет (распечатки страниц сайтов, переписки в мессенджерах и соцсетях) оцениваются наравне с иными доказательствами (ст. 67 ГПК РФ). Несмотря на электронно-цифровую природу первичных данных, суды квалифицируют их преимущественно как письменные доказательства при наличии сведений об источнике и времени получения, т.е. при обеспеченной идентификации и возможности человеческого восприятия содержания³.

Процессуальные кодексы прямо относят к письменным доказательствам протоколы процессуальных действий, протоколы судебных заседаний и приложения к ним (ч. 1 ст. 71 ГПК РФ). Большинство исследователей вслед за законодателем признает судебный протокол письменным доказательством, оговаривая, что он возникает «после возбуждения гражданского дела в суде и в связи с ним»⁴. Вместе с тем еще Е. А. Нефедьев отмечал применительно к объяснениям сторон, что многие действия сторон и суда «оставляют след на письме», но это не влияет то, какое начало положено в основание

¹ Термин «репрезентация» (от лат. *repraesentatio*, где *re-* — «пере-», «воз-/вос-» — и *praesetare* — «представлять») используется как доктринальное обозначение смены носителя/формата без изменения вида доказательства.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2024 г. // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 15.10.2025).

³ См.: п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

⁴ См., например: Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе. М. : Юрайт, 2012. С. 194, 203–205.

процесса: значение имеет форма, в которой ведутся состязания сторон по существу спора⁵.

Ранее в литературе была высказана позиция, в соответствии с которой протокол судебного заседания, строго говоря, по содержанию представляет собой «систему различных доказательств»; действительно, он важный источник доказательственной информации различного характера, но не для первой инстанции суда, а прежде всего для проверочных судебных инстанций и при новом разбирательстве⁶. А. В. Юдин также указывает, что протокол судебного заседания выступает а) средством описания доказательств (фиксации информации), не приобретая самостоятельного доказательственного значения в суде первой инстанции, поскольку не подменяет собой сами доказательства (показания свидетеля, вещественный объект и др.); б) доказательством в части непосредственного восприятия судом фактов процессуального поведения, а также в судах вышестоящих инстанций — для доказывания нарушений, являющихся основаниями отмены/изменения судебных актов⁷. Следовательно, в первой инстанции протокол — это инструмент процессуальной фиксации, в проверочных инстанциях — письменный/электронный источник проверки соблюдения процессуальной формы⁸. Трансформация здесь функциональная, вид доказательства по ГПК РФ остается прежним. Аналогичная функциональная трансформация

возможна и в отношении судебного решения (например, при отсутствии надлежащей подписи).

В литературе встречается утверждение, что протоколы обеспечения доказательств используются как производные письменные доказательства, заменяя первоначальные, если последние нельзя исследовать по делу непосредственно⁹. Однако трансформации вида не происходит: осуществляется репрезентация доказательственной информации. Иное позволяло бы обходить запрет ссылаться на свидетельские показания (ч. 1 ст. 162 ГК РФ), подменяя их «производным письменным доказательством».

Аналогичный подход применим к официальной аудио- и видеозаписи судебного заседания. По смыслу п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ отсутствие письменного протокола может компенсироваться аудио- или видеозаписью, что придает им значение источника проверки соблюдения процессуальных правил. Официальная аудиозапись заседания — предусмотренный законом элемент процессуальной фиксации именно в цифровом формате¹⁰, а не доказательство обстоятельств материально-правового спора. Вместе с тем при рассмотрении жалоб в вышестоящем суде аудиопротокol функционирует как аудиозапись на электронном носителе (ст. 55, 77 ГПК РФ). При этом вряд ли корректно рассматривать аудиопротокol в качестве вещественного доказательства¹¹. В отличие от офици-

⁵ Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М. : Типография Московского императорского университета, 1908. С. 148.

⁶ Шкурова П. Д. Письменные доказательства в цивилистическом процессе : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 57.

⁷ Юдин А. В. К вопросу о доказательственном значении протокола судебного заседания в цивилистическом процессе // Администратор суда. 2025. № 2. С. 16.

⁸ Васяев А. А., Пальчикова М. В. Протокол судебного заседания — доказательство? // Современное право. 2010. № 4. С. 116–119.

⁹ Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М. : Городец, 2016. С. 132.

¹⁰ См.: п. 2.3 Регламента организации ведения протоколирования с использованием средств аудиозаписи (аудиопротолколирования) хода судебного заседания, а также при совершении отдельного процессуального действия вне судебного заседания в федеральных судах общей юрисдикции (утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 09.01.2025 № 2) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497379/b33306dbe9d7d6d6eb52be0d0c0178d375ffa368/ (дата обращения: 15.10.2025).

¹¹ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М. : Статут, 2020 (автор комментария к ст. 75 — И. В. Решетникова).

альной аудиозаписи заседания частные аудио- и видеозаписи, представленные участниками, при соблюдении требований относимости и допустимости оцениваются как самостоятельные доказательства по делу (ст. 55, ч. 1 ст. 231 ГПК РФ). Примечательно, что в УПК РФ предлагалось внести изменение, предусматривающее процессуальную конструкцию «протокол, состоящий из аудиоэлектронной и письменной частей»¹². В науке уголовного процесса выделяют 12 функций аудиопротоколирования, однако аудиопротокол функционирует в качестве доказательства в суде первой инстанции лишь в ситуации уголовного преследования за отказ от дачи показания и заведомо ложное показание¹³.

Суды вправе переопределять вид представленного доказательственного материала, руководствуясь законом и признаками объекта. Так, акт (отчет) досудебного экспертного исследования обычно квалифицируется как письменное доказательство, но в судебных актах встречается вывод о том, что заключение досудебного исследования, подготовленное финансовым уполномоченным¹⁴, по содержанию и форме соответствует требованиям ст. 86 ГПК РФ и поэтому может оцениваться судом как заключение эксперта¹⁵. Такая дискретность позволяет гибко реагировать на технологические новации, но порождает разнородность практики и риски для предсказуемости правоприменения. В то же время само заключение эксперта — самостоятельный вид доказательства с жестко регламентированной процессуальной формой;

оно не превращается в иной вид доказательств в зависимости от носителя (бумажный оригинал или электронный документ, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью — УКЭП). Специфика экспертного доказательства в том, что оно создается на основе специальных знаний, а материалами для исследования нередко служат письменные, вещественные и электронные доказательства. Таким образом, сведения из иных процессуальных средств опосредованно реализуется в новой процессуальной форме — заключении эксперта. Это не трансформация исходных доказательств, а создание нового доказательства на их основе.

Наибольшую сложность вызывает электронная форма доказательственной информации. ГПК РФ не выделяет электронные доказательства как отдельный вид, вследствие чего суды ситуативно относят цифровые объекты (файлы, скриншоты, логи, метаданные) к письменным, вещественным доказательствам либо аудио- и видеозаписям. В доктрине их также часто рассматривают как производные письменные доказательства¹⁶ либо — в зависимости от способа исследования — как вещественные доказательства или аудио- и видеозаписи. Между тем специфика электронного доказательства заключается не только в электронной оболочке, но и в информационно-технической природе: для непосредственного восприятия и идентификации зачастую требуется электронное устройство и специальные знания для извлечения и интерпретации метаданных. Это отличает первона-

¹² См.: законопроект № 850452-8 «О внесении изменений в статьи 259 и 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об уточнении порядка ведения протокола в ходе судебного заседания, а также порядка подачи и удостоверения замечаний на протокол судебного заседания)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/850452-8> (дата обращения: 15.10.2025).

¹³ См.: Епихин А. Ю., Гришина Е. П. Аудиопротоколирование судебного заседания как гарантия прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. Т. 34. № 3. С. 513–514.

¹⁴ См.: п. 130 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.

¹⁵ Подробнее см.: Zubovich M. M., Коршакова К. В., Томбулова Е. Г. Об использовании досудебных экспертных исследований по гражданским делам // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 4. С. 77.

¹⁶ Гражданское процессуальное право : учебник : в 2 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2020. Т. 1 : Общая часть. С. 170, 190–191.

чальные электронные объекты от их производных бумажных образов, достоверность которых зависит от способа формирования и заверения. Риск искажений при воспроизведении содержания первоисточника усиливается легкостью модификации данных и распространенностью технологий генерации контента.

Е. А. Нахова правильно отмечает: с учетом специфики электронного документа наряду с электронной оболочкой решающее значение имеет его информационная природа¹⁷, следовательно, доказательства на электронных носителях образуют самостоятельный вид средств доказывания, понятие которого нуждается в законодательном закреплении¹⁸. Профессор А. К. Сергун указывала, что каждому виду доказательств в процессуальных кодексах посвящена группа норм, определяющая порядок получения и исследования судом, и рассматривала «документы ЭВМ» как письменные доказательства, подчеркивая, что такие доказательства воспринимаются посредством прочтения, предполагающего «грамотность соответствующего вида» письма¹⁹. В современных условиях подобная характеристика неприменима к машинным форматам: даже квалифицированный специалист не прочитает код напрямую, без специального электронного устройства. Поэтому трудно согласиться с авторами, отрицающими специфику электронных доказательств при исследовании

и настаивающими на отсутствии оснований для их выделения или утверждающими, что оппонентами игнорируется способ исследования в качестве критерия выделения видов средств доказывания²⁰. Существенным признаком первоначальных электронных доказательств является их восприятие судом с помощью электронного устройства (компьютера, смартфона и т.п.), а метаданные — «данные о данных», которые идентифицируют электронный документ (дата и время создания или изменения, автор, отправитель, дата и время отправки), — часто недоступные напрямую, могут потребовать привлечения специалиста.

Прочтение распечатки переписки в мессенджере или по электронной почте судьи обычно осуществляют непосредственно, «с бумажного листа». Однако такая распечатка — это лишь имеющий производный характер образ (копия) самого электронного доказательства²¹, причем без электронной цифровой подписи этот образ для суда сомнителен с точки зрения достоверности. Неслучайно на практике всё шире используются сервисы дистанционного удостоверения электронной переписки²². Об осторожном отношении к производным доказательствам, которые лишь воспроизводят содержание другого доказательства, писала и А. К. Сергун, указывая, что «наличие посредствующих звеньев может привести к искажению сведений»²³.

¹⁷ Нахова Е. А. Проблемы электронных доказательств в гражданском процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 303.

¹⁸ Нахова Е. А. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4. С. 85.

¹⁹ Гражданское процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. М. : ТК Велби, Проспект, 2004. С. 164, 189 (автор главы — А. К. Сергун).

²⁰ См., например: Казиханова С. С. Технологические инновации в судебном доказывании и принципы гражданского процессуального права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2. С. 82–90.

²¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

²² См., например, сервис «Вебджастис» по дистанционному созданию нотариальных протоколов осмотра информации и протоколов по автоматической фиксации доказательств в сети Интернет (URL: <https://www.shotapp.ru/about> (дата обращения: 15.10.2025)).

²³ Гражданское процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. С. 179 (автор главы — А. К. Сергун).

И. В. Решетникова, анализируя переход от первоначальных к производным доказательствам, относит скриншот веб-страницы к производным: «первичным остается сама информация в Сети»²⁴. Это оправданно: скриншот — визуальная репрезентация (электронный образ) машиночитаемых данных, которая, как правило, является копией, пока не подтверждена ее тождественность исходному источнику. Суд вправе требовать представления *исходных электронных данных* (оригинальных файлов, логов, выгрузок и др.) либо доступа к информационной системе, если без этого спор неразрешим или копии расходятся. Скриншоты допускаются в судебной практике, но их доказательственная сила зависит от проверки подлинности и целостности исходных данных; при необходимости суд истребует данные из первичного источника. Аналогия со свидетельскими показаниями²⁵ ограничена: показания — это продукт человеческой памяти и речи, для которой нет надежных научных методик верификации (полиграф не признается допустимым доказательством²⁶), тогда как электронные данные и их носители доступны *воспроизводимой* компьютерно-технической экспертизе. Скриншот не является «носителем факта»: это моментальная фиксация визуального состояния интерфейса, зависящая от браузера, кеша, масштаба и времени. Следовательно, скриншот — это лишь *репрезентация* первичных электронных данных.

Современные исследователи верно отмечают, что природа электронных доказательств сопряжена с природой виртуальных следов: как виртуальный след не является ни чисто мате-

риальным, ни чисто идеальным, так и электронное доказательство не тождественно ни письменному, ни вещественному²⁷. Электронные доказательства аккумулируют всё электронное, что имеется в письменных и вещественных доказательствах²⁸. Действительно, электронные доказательства не сводятся к иным видам: они добавляют электронный слой — признак цифровой фиксации, который может присутствовать в письменных, вещественных доказательствах, а также в аудио- и видеозаписях. Именно поэтому некорректно создавать на основании общего критерия способа исследования (воспроизведение информации техническим устройством) средство доказывания вроде «аудио- и видеозаписи, электронные данные».

Показательным примером самостоятельности электронного доказательства является голосовое сообщение, отправленное через мессенджер. Оно не может быть адекватно квалифицировано ни как письменное, ни как вещественное доказательство, поскольку существует исключительно в цифровой среде, требует для восприятия технического устройства и сопровождается системой метаданных. Его исследование возможно лишь с использованием специальных программных средств и при необходимости компьютерно-технической или фоноскопической экспертизы. Голосовое сообщение — не просто аудиозапись в классическом понимании, а электронный объект с признаками цифровой аутентичности.

С. С. Казиханова верно рекомендует аналитикам дифференцированно описывать электронные доказательства и учитывать их подвиды

²⁴ Гражданский процесс : учебник / под ред. В. В. Яркова. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. С. 160 (автор главы — И. В. Решетникова).

²⁵ См.: Казиханова С. С. Электронные доказательства в теории судебных доказательств // Цифровое право. 2024. Т. 5. № 4. С. 86.

²⁶ Шкурова П. Д., Zubovich M. M., Томбулова Е. Г. Сведения, полученные с помощью полиграфа, как недопустимые доказательства в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 128–133.

²⁷ Малык А. В. Формирование и природа электронных доказательств // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 3. С. 49.

²⁸ Поляков М. П., Смолин А. Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 144.

при выборе способа исследования²⁹. При этом следует принимать во внимание оригинальность доказательственной информации: подходы к исследованию электронного документа с УКЭП и к оценке судом данных из сети Интернет существенно различаются. Если необходимо, электронные доказательства исследуются при помощи программно-технических комплексов в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы, например для установления модификаций программного обеспечения по сравнению с исходным состоянием и их проявлений. Так, перед программно-компьютерной экспертизой судом может быть поставлен вопрос: «Подвергался ли алгоритм программного средства модификации по сравнению с исходным состоянием? В чем это нашло отражение?»³⁰

Современное регулирование не отвечает информационным потребностям общества, достижения правовой науки в описании цифровой реальности пока ограничены, многие выводы и прогнозы требуют верификации³¹. При преобразовании электронной записи (информации, зафиксированной в машинном коде) в человекочитаемый текст утрачиваются технические признаки, подтверждающие происхождение. Важной проблемой становится сегодня выявление *deerfake*-контента — фальшивого контента (видео, аудио или изображений), созданного с помощью искусственного интеллекта. С развитием искусственного интеллекта эти технологии становятся массово доступными. В результате модель реальности, воссоздаваемая в электронных носителях, может не соответствовать действительности, а возможности человека отделить

правду от подделки минимизируются³². При этом в ряде судов общей юрисдикции сохраняются сложности в исследовании электронных доказательств из-за отсутствия необходимых программно-технических комплексов³³. Отсутствие унифицированных процедур верификации и аутентификации приводит к тому, что суды вынуждены оценивать такие доказательства преимущественно на основе внутреннего убеждения, снижая предсказуемость правоприменения. Отсюда вытекает потребность в нормативном закреплении самостоятельной категории электронных доказательств и процедур их представления, хранения, идентификации и исследования, включая работу с метаданными и использование программно-технических средств, а также в четком разграничении первоначальных и производных электронных форм.

Несмотря на обозначенные проблемы, сама возможность трансформации средств доказывания свидетельствует о гибкости и адаптивности российского гражданского процессуального права. Оно в состоянии приспосабливаться к изменениям в обществе и технологиях, при этом информационные технологии не изменяют концептуальные основы правоприменительной деятельности³⁴.

Итак, трансформация средств доказывания — это переход сведений о фактах из одного вида доказательства в другой в рамках закрытого перечня ГПК РФ (объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключение эксперта). Дополнение перечня электронными доказательствами будет

²⁹ Казиханова С. С. Технологические инновации в судебном доказывании и принципы гражданского процессуального права. С. 98.

³⁰ Царев Е. О. Судебная компьютерно-техническая экспертиза, виды, вопросы // URL: <https://rtmtech.ru/articles/sudebnaya-kompyuterno-tehnicheskaya-ekspertiza/> (дата обращения: 15.10.2025).

³¹ См., например: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

³² Киселева К. Э., Хатухова А. Р. Проблема использования электронных доказательств: сравнительно-правовая характеристика зарубежного и российского подходов // Общество и право. 2023. № 4. С. 70.

³³ Бегичева Е. В., Примаков В. Г. К вопросу об определении места электронных доказательств в системе средств доказывания в гражданском и арбитражном процессе // Образование и право. 2022. № 10. С. 145.

³⁴ Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего по гражданским делам / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. М. : Статут, 2022. С. 59.

соответствовать распространенной практике и задаст единые требования к их представлению и исследованию.

От трансформации доказательств следует отличать их репрезентацию: это изменение формы фиксации / носителя информации без смены вида доказательства. Так, нотариально удостоверенный перевод документа на русский язык (ст. 71 ГПК РФ) — производное письменное доказательство, обеспечивающее восприятие содержания судом и допустимость его исследования, но не создающее новый вид доказательства.

Репрезентация доказательств без изменения их юридической природы наблюдается во многих процессуальных ситуациях: заключение эксперта, представленное на бумаге и в виде электронного документа (в формате PDF, с УКЭП эксперта), остается таковым; устные и письменные объяснения сторон и третьих лиц — при всей разнице фиксации — относятся к одному и тому же средству доказывания, когда речь идет именно о процессуальной категории «объяснения сторон и третьих лиц», и т.д.

Проведенный анализ подтверждает: *трансформация* меняет вид доказательства и тем самым правила допустимости и оценки; *репрезентация* лишь переносит те же сведения на иной носитель / в иной формат. Их смешение дезориентирует правоприменителя и снижает предсказуемость решений. Судебная прак-

тика демонстрирует функциональную изменчивость одних и тех же объектов (протокол и официальная аудиозапись — фиксация в первой инстанции и доказательства процессуальных нарушений в проверочных), а также ситуативную квалификацию цифровых материалов как письменных, вещественных доказательств либо аудио- и видеозаписей. Наибольшие риски связаны с производными электронными образами (распечатки, скриншоты): утрата признаков подлинности и уязвимость к модификациям при отсутствии единых правил идентификации и заверения ведут к опоре на внутреннее убеждение. Для технологической определенности требуется нормативно выделить электронные доказательства как самостоятельный вид, установить требования к представлению, хранению, идентификации, работе с метаданными, форматам и заверению, закрепить цепочку сохранности, а также разграничить *первоначальные* и *производные* электронные формы, распределить бремя доказывания подлинности и критерии допустимости. Четкое разведение трансформации и репрезентации и легализация электронных доказательств обеспечат единообразие практики, снизят подмену трансформации простой сменой носителя и повысят достоверность доказательств — в итоге возрастет эффективность гражданского судопроизводства в условиях цифровизации правосудия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бегичева Е. В., Примаков В. Г. К вопросу об определении места электронных доказательств в системе средств доказывания в гражданском и арбитражном процессе // Образование и право. — 2022. — № 10. — С. 143–148.
2. Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. — М. : Проспект, 2014. — 613 с.
3. Васяев А. А., Пальчикова М. В. Протокол судебного заседания — доказательство? // Современное право. — 2010. — № 4. — С. 116–119.
4. Гражданский процесс : учебник / под ред. В. В. Яркова. — 10-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2017. — 702 с.
5. Гражданское процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. — М. : ТК Велби, Проспект, 2004. — 584 с.
6. Гражданское процессуальное право : учебник : в 2 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. — Т. 1 : Общая часть. — М. : Статут, 2020. — 489 с.

7. Дмитриева А. А., Пастухов П. С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — № 1. — С. 270–294.
8. Епихин А. Ю., Гришина Е. П. Аудиопротоколирование судебного заседания как гарантия прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2024. — Т. 34. — № 3. — С. 510–516.
9. Зубович М. М., Коршакова К. В., Томбулова Е. Г. Об использовании досудебных экспертных исследований по гражданским делам // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 4. — С. 76–85.
10. Казиханова С. С. Технологические инновации в судебном доказывании и принципы гражданского процессуального права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. — № 2. — С. 82–90.
11. Казиханова С. С. Электронные доказательства в теории судебных доказательств // Цифровое право. — 2024. — Т. 5. — № 4. — С. 79–95.
12. Киселева К. Э., Хатухова А. Р. Проблема использования электронных доказательств: сравнительно-правовая характеристика зарубежного и российского подходов // Общество и право. — 2023. — № 4. — С. 67–72.
13. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. — 4-е изд., испр. и перераб. — М. : Статут, 2020. — 1071 с.
14. Малык А. В. Формирование и природа электронных доказательств // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». — 2023. — № 3. — С. 45–51.
15. Нахова Е. А. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе и административном судопроизводстве // Закон. — 2018. — № 4. — С. 81–90.
16. Нахова Е. А. Проблемы электронных доказательств в гражданском процессе // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 4. — С. 301–312.
17. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. — М. : Типография Московского императорского университета, 1908. — 403 с.
18. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — № 2. — С. 135–145.
19. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе. — М. : Юрайт, 2012. — 388 с.
20. Треушников М. К. Судебные доказательства. — 5-е изд., доп. — М. : Городец, 2016. — 304 с.
21. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–102.
22. Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего по гражданским делам / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. — М. : Статут, 2022. — 328 с.
23. Шкурова П. Д. Письменные доказательства в гражданском процессе : монография. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 159 с.
24. Шкурова П. Д., Зубович М. М., Томбулова Е. Г. Сведения, полученные с помощью полиграфа, как недопустимые доказательства в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. — 2020. — Т. 17. — № 1. — С. 128–133.
25. Юдин А. В. К вопросу о доказательственном значении протокола судебного заседания в гражданском процессе // Администратор суда. — 2025. — № 2. — С. 16–21.

Материал поступил в редакцию 23 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Begicheva E. V., Primak V. G. K voprosu ob opredelenii mesta elektronnykh dokazatelstv v sisteme sredstv dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse // Obrazovanie i pravo. — 2022. — № 10. — S. 143–148.

2. Bonner A. T. Traditsionnye i netraditsionnye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse. — M.: Prospekt, 2014. — 613 s.
3. Vasyaev A. A., Palchikova M. V. Protokol sudebnogo zasedaniya — dokazatelstvo? // Sovremennoe pravo. — 2010. — № 4. — S. 116–119.
4. Grazhdanskiy protsess: uchebnik. — 10-e izd., pererab. i dop. / pod red. V. V. Yarkova. — M.: Statut, 2017. — 702 s.
5. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo: uchebnik / pod red. M. S. Shakaryan. — M.: TK Velbi, Prospekt, 2004. — 584 s.
6. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo: uchebnik: v 2 t. / pod red. P. V. Krashennnikova. — T. 1: Obshchaya chast. — M.: Statut, 2020. — 489 s.
7. Dmitrieva A. A., Pastukhov P. S. Kontseptsiya elektronnoy dokazatelstva v ugolovnom sudoproizvodstve // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — № 1. — S. 270–294.
8. Epikhin A. Yu., Grishina E. P. Audioprotokolirovaniye sudebnogo zasedaniya kak garantiya prav i zakonnykh interesov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». — 2024. — T. 34. — № 3. — S. 510–516.
9. Zubovich M. M., Korshakova K. V., Tombulova E. G. Ob ispolzovanii dosudebnykh ekspertnykh issledovaniy po grazhdanskim delam // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 4. — S. 76–85.
10. Kazikhanova S. S. Tekhnologicheskie innovatsii v sudebnom dokazyvanii i printsipy grazhdanskogo protsessualnogo prava // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2025. — № 2. — S. 82–90.
11. Kazikhanova S. S. Elektronnye dokazatelstva v teorii sudebnykh dokazatelstv // Tsifrovoye pravo. — 2024. — T. 5. — № 4. — S. 79–95.
12. Kiseleva K. E., Khatukhova A. R. Problema ispolzovaniya elektronnykh dokazatelstv: sravnitel'no-pravovaya kharakteristika zarubezhnogo i rossiyskogo podkhodov // Obshchestvo i pravo. — 2023. — № 4. — S. 67–72.
13. Kommentariy k Arbitrazhnomu protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy) / pod red. V. V. Yarkova. — 4-e izd., ispr. i pererab. — M.: Statut, 2020. — 1071 s.
14. Malyk A. V. Formirovaniye i priroda elektronnykh dokazatelstv // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2023. — № 3. — S. 45–51.
15. Nakhova E. A. Problemy primeneniya elektronnykh dokazatelstv v tsivilisticheskom protsesse i administrativnom sudoproizvodstve // Zakon. — 2018. — № 4. — S. 81–90.
16. Nakhova E. A. Problemy elektronnykh dokazatelstv v tsivilisticheskom protsesse // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2015. — № 4. — S. 301–312.
17. Nefedev E. A. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. — M.: Tipografiya Moskovskogo imperatorskogo universiteta, 1908. — 403 s.
18. Polyakov M. P., Smolin A. Yu. Kontseptologicheskiy analiz fenomena elektronnykh dokazatelstv // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. — 2019. — № 2. — S. 135–145.
19. Reshetnikova I. V. Dokazyvaniye v grazhdanskom protsesse. — M.: Yurayt, 2012. — 388 s.
20. Treushnikov M. K. Sudebnye dokazatelstva. — 5-e izd., dop. — M.: Gorodets, 2016. — 304 s.
21. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyakh tsifrovoy realnosti // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 1. — S. 85–102.
22. Tsifrovyye tekhnologii i yurisdiktsionnaya deyatelnost: obraz budushchego po grazhdanskim delam / pod red. K. L. Branovitskogo, V. V. Yarkova. — M.: Statut, 2022. — 328 s.
23. Shkurova P. D. Pismennyye dokazatelstva v tsivilisticheskom protsesse: monografiya. — M.: YurLitinform, 2020. — 159 s.
24. Shkurova P. D., Zubovich M. M., Tombulova E. G. Svedeniya, poluchennyye s pomoshchyu poligrafa, kak nedopustimyye dokazatelstva v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. — 2020. — T. 17. — № 1. — S. 128–133.
25. Yudin A. V. K voprosu o dokazatelstvennom znachenii protokola sudebnogo zasedaniya v tsivilisticheskom protsesse // Administrator suda. — 2025. — № 2. — S. 16–21.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.140-147

Г. Э. Гусейнова*

Восстановление корпоративного контроля косвенным участником: перспективы и ограничения

Аннотация. С учетом последних тенденций в правоприменительной практике к расширению прав бенефициаров компаний рассматривается вопрос, обладают ли косвенные участники правом подачи исков о так называемом восстановлении корпоративного контроля (п. 3 ст. 65.2 ГК РФ). Чтобы оценить перспективы использования данной нормы для защиты интересов бенефициарных владельцев, были проанализированы три кейса, в которых косвенными участниками были заявлены иски о возвращении доли участия, утраченной помимо воли. Автор приходит к выводу, что осторожное отношение судов к удовлетворению таких исков обоснованно, поскольку в противном случае возникала бы опасность размывания принципа имущественной обособленности юридического лица. Тем не менее неправильно было бы и полностью ограничить возможности бенефициаров по предъявлению такого рода требований, однако их удовлетворение должно допускаться лишь в исключительных ситуациях — в отсутствие возможности прибегнуть к другим средствам защиты. Иными словами, при предъявлении косвенными участниками исков о восстановлении корпоративного контроля судам следует руководствоваться логикой, высказанной Верховным Судом РФ в деле Куфмана.

Ключевые слова: восстановление корпоративного контроля; бенефициарный владелец; косвенный иск; опосредованное участие; дело Куфмана; иск о признании права; цепочка аффилированных лиц; оспаривание решений органов управления; конечный бенефициар; фактический владелец; злоупотребление правом контроля

Для цитирования: Гусейнова Г. Э. Восстановление корпоративного контроля косвенным участником: перспективы и ограничения // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 140–147. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.140-147

© Гусейнова Г. Э., 2026

* Гусейнова Гюльшан Эльданизовна, аспирант кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, Российская Федерация, 119991
giulshan.guseinova@gmail.com

Restoring Corporate Control by an Indirect Participant: Prospects and Limitations

Giulshan E. Guseinova, Postgraduate Student, Department of Business Law, Faculty of Law,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
giulshan.guseinova@gmail.com

Abstract. In light of recent trends in law enforcement practice towards expanding the rights of company beneficiaries, the paper examines whether indirect participants have the right to file claims for the so-called restoration of corporate control (clause 3 of Article 65.2 of the Civil Code of the Russian Federation). To assess the prospects for using this rule to protect the interests of beneficial owners, the author analyzed three cases in which indirect participants filed claims for the return of a shareholding lost against their will. The author concludes that the courts' cautious attitude towards satisfying such claims is justified, since otherwise there would be a danger of eroding the principle of property separateness of a legal entity. Nevertheless, it would also be wrong to completely restrict the ability of beneficiaries to bring such claims; however, their satisfaction should only be permitted in exceptional situations, for example in the absence of the possibility of resorting to other remedies. In other words, when indirect participants file claims for the restoration of corporate control, courts should be guided by the logic set out by the Supreme Court of the Russian Federation in the Kufman case.

Keywords: restoration of corporate control; beneficial owner; derivative claim; indirect participation; Kufman case; claim for recognition of rights; chain of affiliates; challenging decisions of management bodies; ultimate beneficiary; actual owner; abuse of control

Cite as: Guseinova GE. Restoring Corporate Control by an Indirect Participant: Prospects and Limitations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):140-147. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.140-147

В силу прямого указания закона пункт 3 ст. 65.2 ГК РФ устанавливает, что право требовать возвращения доли участия, утраченной в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц, принадлежит только участнику коммерческой корпорации. В литературе и судебной практике данный механизм обычно именуется восстановлением корпоративного контроля¹.

В этой связи возникает вопрос, имеет ли право предъявления данного иска лицо, непосредственно не обладающее статусом участника

в корпорации, однако в силу корпоративной структуры опосредованно владеющее долями/акциями в ней (косвенный участник, бенефициар).

Размышления о возможности распространения иска о возвращении доли участия, предусмотренного пунктом 3 ст. 65.2 ГК РФ, навеяны расширением признания в российской правоприменительной практике так называемых двойных (опосредованных) косвенных исков, в других случаях именуемых представительскими исками косвенного участника².

¹ Подробнее о данной норме см.: Чупрунов И. С. Иск по п. 3 ст. 65.2 ГК в. восстановление корпоративного контроля // *Цивилистика*. 2022. № 2. С. 52–81.

² Следует, однако, отметить, что удовлетворение исков косвенных участников является скорее исключением из правил в актуальной российской правоприменительной практике. Так, одним из широко обсуждаемых случаев данной категории является рассмотренное Верховным Судом РФ дело «Разрез Аршановский» (дело № А74-5847/2018), в котором косвенному участнику было отказано в удовлетворении требований о возмещении убытков, причиненных компании ее органами управления и лицами, осуществляющими фактический контроль. В деле Куфмана Верховный Суд РФ также отметил, что предъявление таких исков допустимо лишь в случаях заведомой невозможности защиты своих прав косвенным участником посредством способов защиты в рамках общества, в котором он имеет прямой экономический интерес.

В частности, российскими судами признается право на предъявление косвенными участниками исков:

— о предоставлении информации о деятельности общества в исключительных случаях³;

— о признании ничтожных решений собраний недействительными (дело «Аспект-Финанс»⁴). При этом рядом ученых⁵ справедливо высказывается мнение о том, что данное дело отнюдь не свидетельствует о расширении прав косвенных участников, поскольку право обращаться в суд с иском имеют также и любые заинтересованные третьи лица, в том числе косвенные участники⁶;

— о признании недействительными решений собраний участников (дело Куфмана⁷, которое, по мнению И. С. Чупрунова, свидетельствует о том, «что в российском праве теперь точно принципиально допускается подача представительских исков не только непосредственными участниками корпорации, но и ее косвенными участниками»⁸).

С учетом последних тенденций судебной практики необходимо проанализировать, могут ли косвенные участники и бенефициары предъявлять иски, направленные на восстановление

корпоративного контроля, особенно с учетом того, что данное средство защиты как бы вбирает в себя все другие способы защиты, такие как виндикация, признание права собственности и признание недействительными сделок и корпоративных актов⁹.

Следует отметить, что иски о восстановлении корпоративного контроля заявляются косвенными участниками довольно редко. В рамках данной статьи мы проанализируем три кейса (в двух случаях бенефициарам было отказано в иске по п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, но в одном деле требования косвенного участника всё же были удовлетворены) и постараемся оценить аргументацию судов и перспективы использования данной нормы для защиты интересов бенефициарных владельцев.

Дело Любомского (дело № А40-169075/16)

В. В. Любомский обратился в суд с иском к компаниям «Луимата» и «Терэйд», ООО «Эверест» и ООО «Инвестком» (компании третьего уровня), требуя признать недействительными сделки по отчуждению акций, а также признать права

³ П. 7 Обобщения судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.03.2016 по делу № 305-ЭС15-14197, А40-104595/2014 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

⁵ Егоров А. В. Пределы проникновения за корпоративную вуаль в пользу участников многоуровневой корпоративной структуры. Анализ дела Постригайло v. «Разрез Аршановский» // Журнал РШЧП. 2019. № 2. С. 115–166.

См. также: Чупрунов И. С. Представительский иск косвенного участника корпорации : комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 16 ноября 2023 года № 305-ЭС23-13487 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 4. С. 21.

⁶ П. 106 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.11.2023 № 305-ЭС23-13487 по делу № А40-219032/2022.

⁸ Чупрунов И. С. Представительский иск косвенного участника корпорации. С. 22.

⁹ См.: Сарбаш С. В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 75 ; Суханов Е. А. О достоинствах и недостатках новой редакции главы 4 Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2014. № 9 (452). С. 7.

истца на долю в уставных капиталах компаний третьего уровня.

По утверждению истца, он являлся бенефициарным собственником 100 %-ной доли в компании «Дрим Юнайтед Лтд» («ДримКо», компания первого уровня). В свою очередь, «ДримКо» владела акциями в компаниях «Примавел» и «Гунком» (компании второго уровня).

В 2011 г. А. А. Рыжков через принадлежащее ему общество стал миноритарным владельцем акций в компаниях второго уровня. Кроме того, он имел доверенность «для осуществления полномочий по представлению интересов В. В. Любомского в управлении “Примавел” и “Гунком”... без права распоряжения (отчуждения) акциями компаний» (исходя из этой формулировки, можно предположить, что доверенность была выдана «ДримКо»).

«Примавел» стала владельцем 33 %-ной доли в ООО «Инвестком» (компания третьего уровня) при учреждении последней. «Гунком» получила 50 %-ную долю вновь учрежденного ООО «Эверест» (компания третьего уровня).

В соответствии с Единым государственным реестром юридических лиц (ЕГРЮЛ) на дату предъявления иска «Примавел» и «Гунком» уже не были участниками ООО «Инвестком» и ООО «Эверест». Участниками числились компании «Луимата» и «Терэйд» (ответчики) с долями 33 и 50 % соответственно.

Истец утверждал, что Рыжков, действуя с превышением указанных в доверенности полномочий, передал все акции «ДримКо» компании «Примавел», а «Гунком» — компании «Вектра». Соответственно, истец утратил косвенное право владения компаниями третьего уровня.

На дату подачи иска компании второго уровня были ликвидированы, «ДримКо» тоже.

Суд рассматривал иск Любомского как требование о восстановлении корпоративного контроля. Однако на основании декларации об учреждении доверительной собственности (на английском языке) суд сделал вывод, что истец был не бенефициарным собственником

«ДримКо», а лишь доверительным управляющим (в апелляции истец оспаривал данное обстоятельство, но безуспешно).

Кроме того, в суд не было представлено доказательств того, что акции компаний второго уровня были переданы компании «Вектра», равно как и подтверждения наличия оснований для возникновения у истца права на доли в компаниях третьего уровня¹⁰. В этой связи истцу было отказано в удовлетворении требований.

В данном случае решение суда представляется правомерным. Если истец действительно являлся лишь доверительным управляющим «ДримКо», оснований для оспаривания сделок по отчуждению долей в компаниях второго уровня, а после их ликвидации — прав на доли в компаниях третьего уровня у него не возникло.

Смоделируем ситуацию, в которой истцу действительно принадлежали 100 % акций «ДримКо». По общему правилу оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество ликвидированной компании передается его учредителям (участникам) (п. 8 ст. 63 ГК РФ). Аналогичные нормы есть и в иностранных правопорядках (например, § 72 немецкого Закона об обществах с ограниченной ответственностью (Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung, GmbHG)). Соответственно, истец становился бы непосредственным владельцем акций компаний второго уровня — «Примавел» и «Гунком» — и косвенным участником ООО «Инвестком» и ООО «Эверест».

Кроме того, у истца была бы возможность оспаривать сделки А. А. Рыжкова по передаче акций компаний второго уровня компании «Вектра» как совершенные с превышением полномочий (п. 2 ст. 174 ГК РФ) (что, собственно говоря, и было сделано), однако при этом в любом случае возникла бы необходимость предъявления доказательств передачи акций компаний второго уровня компании «Вектра».

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.08.2018 № Ф05-12405/2018 по делу № А40-169075/16 (определением Верховного Суда РФ от 06.12.2018 № 305-ЭС18-20190 в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам отказано).

Последующая ликвидация компаний второго уровня сделала бы истца непосредственным владельцем долей в компаниях третьего уровня. Соответственно, требование о восстановлении корпоративного контроля было бы предъявлено непосредственным, а не косвенным участником.

Дело «Бизнес-парка» (дело № А07-12937/2012)

В 2011 г. компания «Башкорт АБ» продала 99 % долей в ООО «Бизнес-парк» покупателю 1, а 1 % — покупателю 2 (генеральному директору покупателя 1). Новые участники были внесены в ЕГРЮЛ. Спустя полгода первоначальные покупатели вновь продали 99 и 1 % долей в обществе соответственно, однако в ЕГРЮЛ данные изменения внесены не были.

В 2012 г. ООО «Бизнес-парк» было реорганизовано путем присоединения к ООО «Глобинторг», участниками которого на 2014 г. числились покупатель 1 (25 %), покупатель 2 (25 %) и третье лицо (50 %). В 2015 г. в ЕГРЮЛ уже было указано, что ООО «Глобинторг» имеет лишь одного участника — третье лицо.

С требованиями о восстановлении корпоративного контроля, помимо первоначального продавца — компании «Башкорт АБ», которая уже находилась в стадии банкротства, обратились два ее участника и кредитор — банк, залогодержатель 100 % акций компании.

Истцы просили восстановить корпоративный контроль «Башкорт АБ» над ООО «Бизнес-парк» путем признания недействительными первоначальных договоров купли-продажи долей общества с покупателями 1 и 2.

Они просили признать недействительными решения регистрирующего органа о включении в состав участников ООО «Бизнес-парк» покупателей 1 и 2 и о внесении в ЕГРЮЛ сведений о прекращении деятельности общества путем реорганизации в форме присоединения.

Стоит отметить, что требования об оспаривании данных договоров купли-продажи и о признании за «Башкорт АБ» права на 100 %-ную долю ООО «Бизнес-парк» уже заявлялись теми же лицами в рамках другого дела. Три инстанции отказали в удовлетворении данных требований, однако Верховный Суд РФ направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

На втором круге (при рассмотрении иска о восстановлении корпоративного контроля) суды первой и апелляционной¹¹ инстанций прекратили производство по требованиям непосредственного участника ООО «Бизнес-парк» на том основании, что ранее аналогичные требования заявлялись им в рамках другого дела. В удовлетворении требований участников и кредитора компании «Башкорт АБ» также было отказано, поскольку они не являлись участниками ООО «Бизнес-парк», а восстановить корпоративный контроль может только лицо, ранее обладавшее им.

В отличие от нижестоящих инстанций кассация¹² посчитала, что участники «Башкорт АБ» и ее кредитор являются надлежащими истцами по делу о восстановлении корпоративного контроля, поскольку в результате утраты компанией 100 %-ной доли ООО «Бизнес-парк» они лишились возможности удовлетворения своих законных требований, в том числе путем обращения взыскания на спорную долю.

Кассационная инстанция признала оспариваемые договоры купли-продажи ничтожными со ссылкой на ст. 10 ГК РФ как заключенные по значительно заниженной стоимости, направленные на незаконный вывод активов компании, при явном злоупотреблении правом со стороны лиц, подписавших данные договоры, действовавших с целью причинения вреда «Башкорт АБ», ее акционерам и кредитору.

Впрочем, Верховный Суд РФ не согласился с данной логикой. Он указал на невозможность восстановления корпоративного контроля в рассматриваемом деле, поскольку истцы не обладают присущими участнику корпорации

¹¹ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.04.2016 № 18АП-15961/2015, 18АП-15591/2015 по делу № А07-12937/2012.

¹² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.08.2016 № Ф09-959/14 по делу № А07-12937/2012.

правами¹³, даже при наличии у них очевидно-го экономического интереса в возврате доли в ООО «Бизнес-парк» первоначальному владельцу.

В отличие от первого кейса здесь не было оснований сомневаться в том, что истцы являются косвенными участниками общества. Вдобавок тот факт, что в рамках восстановления корпоративного контроля договоры купли-продажи доли оспаривались со ссылкой на ст. 10 и 168 ГК РФ, говорит о том, что соответствующие требования могли быть предъявлены не только сторонами сделок, но и лицами, имеющими законный интерес в признании их недействительными (абз. 2 п. 3 ст. 166 ГК РФ).

Тем не менее Верховный Суд РФ не посчитал требования истцов заслуживающими удовлетворения. Можно предположить одну из причин этого: аналогичные требования уже предъявлялись истцами в рамках другого дела, соответственно, правоприменитель мог счесть предъявление требований о восстановлении корпоративного контроля попыткой преодолеть преюдициальность ранее вынесенных судебных решений.

Дело «Экоархитектуры» (дело № А60-53969/2022)

В 2020 г. единственный участник ООО «Экоархитектура» А. М. Архипова (далее — продавец) и ООО «Ева» заключили соглашение о предоставлении опциона на заключение договора купли-продажи 100 %-ной доли в уставном капитале ООО «Экоархитектура» (далее — соглашение). В течение срока действия соглашения Архипова продала 100 %-ную долю в ООО «Экоархитектура» И. Ю. Денисенко (далее — покупатель).

ООО «Ева» и его единственный участник — ООО «Вэбмастер» — просили признать данную сделку ничтожной на основании ст. 10 и п. 2 ст. 168 ГК РФ и признать право собственности

на 100 %-ную долю в уставном капитале ООО «Экоархитектура» за продавцом.

В ходе рассмотрения дела выяснилось, что 50 %-ной долей в ООО «Вэбмастер» владел покупателем. Оставшиеся 50 % принадлежали другому физическому лицу — Г. Е. Пакалину. Более того, до приобретения доли в ООО «Экоархитектура» продавцом 50 % долей в этом обществе также принадлежали Г. Е. Пакалину.

Схематично данная ситуация может быть изображена следующим образом:

Истцы утверждали, что соглашение обеспечивало баланс интересов Г. Е. Пакалина и покупателя, а приобретение последним 100 %-ной доли ООО «Экоархитектура» привело к корпоративному конфликту.

Суд первой инстанции¹⁴ посчитал ООО «Вэбмастер» ненадлежащим истцом, не имеющим интереса в признании договора купли-продажи ничтожной сделкой и не доказавшим своих прав на 100 %-ную долю ООО «Экоархитектура». Поскольку оферта по соглашению о предоставлении опциона не была акцептована ООО «Ева», то и второй истец, по мнению суда, не имел права на предъявление требований.

Впрочем, апелляционная инстанция¹⁵ сделала вывод, что продавец был лишь номинальным собственником и, по сути, являлся представителем как покупателя, так и Пакалина. Суд посчитал: заключение оспариваемого договора продавцом нанесло ущерб интересам представляемого (Пакалина), о чем продавцу и покупате-

¹³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.04.2017 по делу № 309-ЭС14-923, А07-12937/2012.

¹⁴ См.: решение Арбитражного суда Свердловской области от 10.03.2023 по делу № А60-53969/2022.

¹⁵ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2023 № 17АП-4791/2023-ГК по делу № А60-53969/2022.

лю было заведомо известно. В этой связи сделка была признана недействительной на основании ст. 174 ГК РФ.

Кассация поддержала решение суда апелляционной инстанции, добавив, что соглашение было заключено с целью обеспечения неизменного состава участников и сложившегося распределения долей участия, а значит, могло рассматриваться как неформализованный в письменной форме корпоративный договор, сторонами которого являлись как Пакалин, так и продавец с покупателем.

В этой связи отчуждение доли «с очевидным нарушением ранее достигнутых соглашений [т.е. того самого неформализованного корпоративного договора] порождает право на иск, направленный на восстановление положения, существовавшего до совершения нарушения, в том числе путем предъявления реституционного требования на основании статей 65.2 и 67.2 ГК РФ. С этой точки зрения вопрос о непосредственном (путем подачи иска от имени участника) либо косвенном (от имени общества, через участие в котором его стороны выражают свое волеизъявление) не является определяющим и не может рассматриваться в качестве препятствия для реализации права на судебную защиту»¹⁶.

Данное дело является единственным из рассмотренных, где корпоративный контроль бенефициара над обществом был восстановлен. Однако логика судов может вызывать вопросы, в частности в отношении оценки соглашения о предоставлении опциона в качестве неформализованного корпоративного договора. Тем не менее данный кейс демонстрирует, что в случае потери бенефициаром корпоративного контроля при наличии явных нарушений или

злоупотреблений требования косвенного участника могут быть удовлетворены.

Таким образом, анализ правоприменительной практики показывает, что суды крайне осторожно относятся к требованиям о восстановлении корпоративного контроля, предъявляемым косвенными участниками. Аналогичная тенденция наблюдается и в случае с так называемыми двойными (опосредованными) косвенными исками бенефициаров.

Представляется, что данный подход заслуживает одобрения. Создание именно такой многоступенчатой корпоративной структуры является проявлением автономности воли бенефициаров, их сознательным выбором (скорее всего, в значительной мере обусловленным желанием ограничить свою ответственность по долгам компаний), а значит, и риски создания таких структур должны быть возложены на них. Кроме того, ничем не ограниченное право бенефициаров по восстановлению корпоративного контроля над дочерними, внучатыми и тому подобными обществами вело бы к размыванию принципа имущественной обособленности юридического лица.

Вместе с тем, на наш взгляд, несправедливо в полной мере запретить предъявление исков о восстановлении корпоративного контроля косвенными участниками для защиты их экономических интересов. Представляется, что, как и в случае с представительскими исками косвенного участника, необходимо придерживаться логики, высказанной Верховным Судом РФ в деле Куфмана: удовлетворение таких требований должно допускаться в тех исключительных случаях, когда у бенефициара отсутствуют возможности применения альтернативных средств защиты.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.01.2024 № Ф09-8468/23 по делу № А60-53969/2022 (определением Верховного Суда РФ от 14.03.2024 № 309-ЭС24-2976 в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам отказано).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Егоров А. В. Пределы проникновения за корпоративную вуаль в пользу участников многоуровневой корпоративной структуры. Анализ дела Постригайло в. «Разрез Аршановский» // Журнал РШЧП. — 2019. — № 2. — С. 104–122.
2. Сарбаш С. В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. — 2008. — № 4. — С. 70–79.
3. Суханов Е. А. О достоинствах и недостатках новой редакции главы 4 Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. — 2014. — № 9 (452). — С. 3–23.
4. Чупрунов И. С. Иск по п. 3 ст. 65.2 ГК в. восстановление корпоративного контроля // Цивилистика. — 2022. — № 2. — С. 52–81.
5. Чупрунов И. С. Представительский иск косвенного участника корпорации. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 16 ноября 2023 года № 305-ЭС23-13487 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 4. — С. 4–25.

Материал поступил в редакцию 14 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Egorov A. V. Predely proniknoveniya za korporativnuyu vual v polzu uchastnikov mnogourovnevoy korporativnoy struktury. Analiz dela Postrigaylo v. «Razrez Arshanovskiy» // Zhurnal RShChP. — 2019. — № 2. — S. 104–122.
2. Sarbash S. V. Vosstanovlenie korporativnogo kontrolya // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2008. — № 4. — S. 70–79.
3. Sukhanov E. A. O dostoinstvakh i nedostatkakh novoy redaktsii glavy 4 Grazhdanskogo kodeksa RF // Khozyaystvo i pravo. — 2014. — № 9 (452). — S. 3–23.
4. Chuprunov I. S. Isk po p. 3 st. 65.2 GK v. vosstanovlenie korporativnogo kontrolya // Tsivilistika. — 2022. — № 2. — S. 52–81.
5. Chuprunov I. S. Predstavitel'skiy isk kosvennogo uchastnika korporatsii. Kommentariy k opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 16 noyabrya 2023 goda № 305-ES23-13487 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2024. — № 4. — S. 4–25.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.148-161

В. С. Киченина*

Общее наследие человечества: эволюция концепции и ее значение в современном международном праве

Аннотация. В исследовании рассматриваются концепция общего наследия человечества и ее роль в современном международном праве. Анализируется исторический контекст становления данной концепции, прослеживается ее развитие с середины XX в. и выявляются причины поддержки развивающимися странами, которые выступают за новый международный экономический порядок. Методология предполагает анализ важнейших международных документов, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. и Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. Исследуются также научные подходы, позволяющие определить правовую природу общего наследия человечества. Основные выводы показывают, что данная концепция, хотя и влияет на формирование международного правового дискурса, сталкивается с трудностями при практическом применении и не имеет всеобщего признания в качестве нормы международного обычного права. Делается заключение о том, что изначально основанная на стремлении к справедливому распределению ресурсов концепция эволюционирует в сторону «общей озабоченности», подчеркивающей общую ответственность и устойчивое управление ресурсами, в то время как ее будущее в качестве обязательной правовой нормы остается неопределенным из-за проблем реализации и существования прагматичных экономических подходов в деятельности государств.

Ключевые слова: общее наследие человечества; концепция; обычай; международное право; договор; новый международный экономический порядок; ресурсы; космическое пространство; международный район морского дна; концепция общей озабоченности

Для цитирования: Киченина В. С. Общее наследие человечества: эволюция концепции и ее значение в современном международном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 148–161. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.148-161

© Киченина В. С., 2026

* Киченина Виктория Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Средний просп. В. О., д. 57/43, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199178
vskichenina@yandex.ru

Common Heritage of Mankind: The Evolution of the Concept and Its Significance in Contemporary International Law

Victoria S. Kichenina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of International and Humanitarian Law, Northwestern Institute of Management (Branch), RANEPA, St. Petersburg, Russian Federation
vskichenina@yandex.ru

Abstract. The study examines the concept of the common heritage of mankind (CHM) and its role in contemporary international law. The historical context of the development of this concept is analyzed, its development since the mid-20th century and the reasons for its support by developing countries advocating for a new international economic order are traced. The methodology involves the analysis of key international documents, including the 1982 UN Convention on the Law of the Sea and the 1979 Agreement Governing the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies. Scientific approaches that allow us to determine the legal nature of the CHM are also being explored. The main findings show that the concept of CHM, although influential in shaping international legal discourse, faces difficulties in practical application and is not universally accepted as customary international law. It is concluded that, initially based on the desire for a fair distribution of resources, the concept is evolving towards a «common concern» that emphasizes shared responsibility and sustainable resource management, while its future as a binding legal norm remains uncertain due to problems in implementation and the existence of pragmatic economic approaches in state activities.

Keywords: common heritage of mankind; concept; custom; international law; treaty; new international economic order; resources; outer space; international seabed area; concept of common concern

Cite as: Kichenina VS. Common Heritage of Mankind: The Evolution of the Concept and Its Significance in Contemporary International Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):148-161. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.148-161

Концепция общего наследия человечества (ОНЧ) занимает особое место в теории международного права, оставаясь, по замечанию одного из комментаторов, одной из самых дискуссионных в доктрине и неоднозначных в правоприменительной практике¹. Несмотря на то что ряд авторов находит корни этой концепции в XIX в., мы полагаем, что ее появление в современном международном праве можно связать с рядом ключевых факторов мировой политики середины XX в., прежде всего с появлением на международной арене в результате деколонизации большого числа государств, которые стали себя ассоциировать с

третьим миром, т.е. не принадлежащих к социалистическому или капиталистическому блоку. Получение этими странами в 1966 г. устойчивого большинства в Генеральной Ассамблее ООН давало им, как они полагали, мощный политико-правовой инструмент для переформатирования международного правопорядка². Требования стран третьего мира включали перераспределение мировых ресурсов, а также признание совместного наследия в отношении достижений науки, техники и культуры (что подразумевало доступ этих стран к знаниям и технологиям)³. Венцом проводимой ими политики в части более справедливого распределения доходов от

¹ Орлов А. С. Концепция общего наследия человечества и ее влияние на развитие международного права // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. Вып. 6. С. 99.

² Исполинов А. С. Несколько жизней доктрины императивных норм (jus cogens) в международном праве // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 1 (53). С. 77.

³ Engel S., Mabefam M. The 50th anniversary of the New International Economic Order: introduction to the special issue // Development in Practice. 2025. No. 35 (6). P. 879; Fioretos O. Rhetorical Appeals and Strategic Cooptation in the Rise and Fall of The New International Economic Order // Global Policy. 2020. Vol. 11. P. 73.

природных ресурсов стало принятие Генеральной Ассамблеей Декларации об установлении нового международного экономического порядка⁴ и Хартии экономических прав и обязанностей государств⁵.

Другим фактором, повлиявшим на появление концепции ОНЧ, стало широко распространенное в конце 1960-х гг. представление о больших объемах природных ресурсов морского дна и космоса, а также о том, что бурное развитие технологий уже позволяет или скоро позволит начать их промышленную разработку⁶.

Суть концепции ОНЧ заключается в особом режиме использования ресурсов отдельных пространств, при котором управление этими ресурсами и их эксплуатация должны осуществляться в интересах всего человечества, с учетом текущих потребностей и перспектив для будущих поколений. Несмотря на наличие большого количества исследований⁷, академическое сообщество до сих пор не пришло к единому мнению о ее значении в современном международном праве, правовых характеристиках и природе.

Содержание концепции

Впервые концепция ОНЧ на современном этапе развития международного права была выдвинута послом Мальты Арвидом Пардо в знаменитом выступлении на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 1967 г. Он предложил рассматривать морское дно за пределами национальной юрисдикции как ОНЧ, предусматривающее использование этих ресурсов в интересах всего человечества, а не отдельных государств, в силу того что указанные территории являлись единственными районами планеты, которые еще не были присвоены для национального использования из-за недоступности по технологическим причинам⁸.

В документе, представленном А. Пардо на рассмотрение в ООН, были сформулированы четыре базовых положения, которые впоследствии уточнялись и дополнялись, но при этом сохраняли значение фундаментальных ориентиров при формировании концепции ОНЧ:

а) запрет на присвоение в любой форме морского дна за пределами действия национальной юрисдикции;

б) проведение исследований Района морского дна с соблюдением принципов и целей Устава ООН;

⁴ Декларация об установлении нового международного экономического порядка (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 01.05.1974 3201 (S-VI)) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/econ_order.shtml (дата обращения: 25.11.2025).

⁵ Хартия экономических прав и обязанностей государств (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.1974 3281 (XXIX)) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rights_and_duties.shtml (дата обращения: 25.11.2025).

⁶ Noyes E. J. The Common Heritage of Mankind: Past, Present, and Future // Denver Journal of International Law and Policy. 2011. Vol. 40. P. 457.

⁷ Только в отечественной литературе буквально за последние годы появилось несколько исследований, посвященных либо общим вопросам концепции ОНЧ, либо проблемам ее имплементации в различные отрасли международного права: Мирзая С. Концепция общего наследия человечества в современном международном праве : монография. М. : РУДН, 2019 ; Орлов А. С. Указ. соч. ; Савченко М. С. Эволюция Концепции общего наследия человечества в контексте цивилизационного подхода к правопониманию на примере Соглашения о Луне 1979 г. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 3 (60). С. 16–21 ; Она же. Концепция общего наследия человечества в контексте цивилизационного и культурологического подходов к правопониманию // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 2 (55). С. 30–34 ; Шинкаревецкая Г. Г. Концепция «общее наследие человечества» и проблемы охраны окружающей среды в Международном районе морского дна // Современное право. 2023. № 7. С. 118–124.

⁸ Орлов А. С. Указ. соч. С. 101.

в) использование ресурсов Района и их экономическая разработка с учетом интересов всего человечества, причем чистый финансовый доход от эксплуатации ресурсов Района должен направляться главным образом на содействие развитию бедных стран;

г) резервирование на неопределенный срок Района для использования исключительно в мирных целях.

Первоначально концепция была связана исключительно с морским правом, но затем была расширена до других областей, таких как космическое пространство, Луна и, по мнению ряда исследователей, Антарктика, геном человека и генетические ресурсы растений⁹.

Предложение о применении концепции ОНЧ к космическому пространству и небесным телам было впервые сформулировано примерно в то же время аргентинским юристом Альдо Армандо Коккой, который в речи в июне 1967 г. во время обсуждений в Комитете ООН по космосу заявил, что «международное сообщество наделило новый субъект международного права — человечество — необъятным общим имуществом — космическим пространством»¹⁰. А. Кокка видел необходимость рассматривать всё человечество как единый субъект и стремился конкретизировать положения космического права, опираясь на концепцию *jus humanitatis* — «право человечества»¹¹.

Идеи о применении концепции ОНЧ к морскому дну и к космосу встретили непонимание со стороны развитых стран. Так, США утверждали, что общее наследие человечества — это

просто еще одна формулировка, обозначающая режим свобод, действующих на территории *res communis*, при котором ни одна страна не обладает суверенитетом над общим пространством, но может приобретать исключительные права собственности на добытые там ресурсы¹². СССР также последовательно возражал против ОНЧ¹³. В советской правовой среде идея общего наследия, особенно применительно к космосу, вызывала значительное недоверие. Она считалась больше политической, лишенной конкретного юридического содержания¹⁴.

Стоит отметить, что на сегодняшний день не сформировано какого-либо судебного толкования со стороны международных или национальных судов из-за отсутствия споров, связанных с внедрением ОНЧ.

Исследование значения термина «общее наследие человечества» приводит к следующим выводам. «Общее» подразумевает нечто, принадлежащее всем без исключения¹⁵. Такой объект является единым, неделимым¹⁶. При этом важно, что значение слова «общий» само по себе не устанавливает формы собственности или режима управления объектом, а также ограничений на использование, запрета на присвоение или отчуждение. Все указанные элементы появляются лишь при последующем правовом наполнении термина в нормативных актах или доктрине.

Что касается понятия «наследие», то в 1974 г. на XVII Коллоквиуме по космическому праву в Амстердаме Р. В. Деканозов подчеркнул, что оно по своей природе чрезвычайно общее и охва-

⁹ Орлов А. С. Указ. соч. С. 103.

¹⁰ Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Legal Sub-Committee. 6th session. Summary record of the 75th (opening) meeting. Doc. A/AC.105/C.2/SR.75. 13 Nov. 1967 // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4042840> (дата обращения: 25.11.2025).

¹¹ Buono S. S. *Governing the Moon: A History*. Washington, DC : NASA, 2025. P. 14.

¹² Noyes E. J. *Op. cit.* P. 451.

¹³ Gabrynowicz J. I. The «province» and «heritage» of mankind reconsidered: new beginning // 2nd Conference on lunar bases and space activities. NASA, 1992. Vol. 2. P. 692. URL: <https://nss.org/wp-content/uploads/Lunar-Bases-conference-2-805-Province-And-Heritage.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).

¹⁴ Gangale T. *Myths of the Moon Agreement* // AIAA SPACE 2008 Conference & Exposition. NASA, 2008. P. 10.

¹⁵ Gorove S. The Concept of «Common Heritage of Mankind»: A Political, moral or legal innovation // *San Diego law review*. 1972. Vol. 9. P. 398.

¹⁶ Arnold R. P. The Common Heritage of Mankind as a Legal Concept // *International Lawyer*. 1975. Vol. 9. P. 154.

тывает широкий спектр явлений — от духовного и интеллектуального достояния, включающего научные знания и религиозные традиции, до материальных объектов, таких как культурные памятники и природные богатства¹⁷.

Словарь Вебстера определяет «наследие» как то, что передается или может быть унаследовано¹⁸, а также закреплено за человеком по праву рождения. «Наследие» подразумевает особое ценностное содержание объекта и принадлежность не только нынешнему, но и будущим поколениям. Такая ценность может быть природной, научной, культурной или стратегической, но в любом случае она рассматривается как имеющая фундаментальное значение для существования и развития всего человечества, причем признается таковой международным сообществом. Из этого следует запрет на истощение, необратимое разрушение или экологически опасное использование — таким образом возникает обязанность сохранения. Должны приниматься меры по защите объекта от деградации, загрязнения, уничтожения, обеспечиваться его устойчивое и рациональное использование.

Актуальным также является вопрос о правовом статусе человечества в современном международном праве. Человек как представитель всего человечества признается адресатом международных норм. При этом коллективное единство человечества представлено различными нациями мира¹⁹, но его реальная возможность действовать находится в стадии становления.

Попытки дать точное и всеобъемлющее определение категории «человечество» на протяжении долгого времени сталкивались с рядом трудностей. Главными препятствиями стали две

взаимосвязанные проблемы. Первая заключается в том, что данное понятие часто сводили к простому перечислению всех существующих государств, что значительно ограничивало его смысловое наполнение. Вторая проблема — длительное игнорирование прав и интересов будущих поколений. В результате «человечество» нередко воспринималось как синоним выражения «совокупность всех народов».

Под человечеством следует понимать не только государства, но и совокупность людей, культур, социальных групп, политических режимов и иных элементов²⁰. При этом оно не может рассматриваться в качестве носителя международных обязанностей, а значит, не обладает статусом, сопоставимым с государствами или международными организациями. Замена государств абстрактным понятием «человечество» не приведет к формированию легитимной международной структуры, способной представлять интересы всего рода человеческого без посредничества государств²¹, и потребует создания международной организации, наделенной легитимностью, чтобы представлять человечество как таковое без вмешательства государств²².

Таким образом, буквальное значение термина «общее наследие человечества» подразумевает, что такие объекты принадлежат всем без исключения и являются неделимыми, а также содержат ценности, значимые для нынешнего и будущих поколений. При этом предполагаются охрана и защита таких объектов государствами в целях устойчивого использования. Человечество в международном праве не признается самостоятельным субъектом, и его непосредственное участие в международных отношениях возможно лишь через соответствующую между-

¹⁷ *Buono S. S.* Op. cit. P. 44.

¹⁸ URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/heritage> (дата обращения: 05.02.2026).

¹⁹ *Arnold R. P.* Op. cit. P. 154.

²⁰ *Мурзау С.* Концепция общего наследия человечества в современном международном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2018. С. 45.

²¹ *Simon-Butler A. G.* Bifurcated sovereignty and the territorial conception of «the providence of all mankind» // *Journal of space law.* 2019. Vol. 43. No. 1. P. 39–40.

²² *Wolfrum R.* The Principle of the Common Heritage of Mankind // URL: https://www.zaoerv.de/43_1983/43_1983_2_a_312_337.pdf (дата обращения: 05.02.2026). P. 319.

народную организацию, если вообще создание такой структуры целесообразно.

Договорное закрепление концепции

Современная договорная практика государств показывает, что явным образом Концепция нашла отражение только в двух международных договорах: Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (далее — Соглашение о Луне) и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

В Соглашении о Луне концепция нашла выражение в следующих положениях. Во-первых, была закреплена невозможность национального присвоения Луны. В пункте 3 ст. 11 провозглашалось, что поверхность или недра Луны, а также участки ее поверхности или недр или природные ресурсы там, где они находятся, не могут быть собственностью какого-либо государства, международной межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или любого физического лица. Во-вторых, ОНЧ распространяется не только на небесные тела, но и на их ресурсы (п. 1 ст. 11). В-третьих, эксплуатация природных ресурсов Луны станет возможной только тогда, когда будет установлен соответствующий международный режим, элементами которого должны быть упорядоченное и безопасное освоение ресурсов Луны; рациональное управление этими ресурсами; справедливое распределение выгод, получаемых от этих ресурсов, между всеми государствами-участниками, с особым учетом интересов и нужд развивающихся стран, а также вклада тех стран, которые непосредственно или косвенно участвовали в исследовании Луны (п. 5 и 7 ст. 11). В-четвертых, Луна должна использоваться исключительно в мирных целях (ст. 3).

В Конвенции по морскому праву концепция ОНЧ нашла отражение только применительно к правовому статусу Района морского дна, который охватывает дно морей и океанов и его недра за пределами национальной юрисдикции. Согласно ст. 137 данной Конвенции уста-

новлен особый правовой режим для Района и его ресурсов. Прежде всего, закрепляется принцип, согласно которому ни одно государство не обладает правом заявлять о своем суверенитете или суверенных правах в отношении какой-либо части Района или его ресурсов. Управление Районом проводится через Международный орган по морскому дну (ст. 156–185). Деятельность в Районе должна осуществляться на благо всего человечества, независимо от географического положения государств (как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю). Закреплено, что финансовые и иные экономические выгоды, получаемые от деятельности в Районе, должны справедливо распределяться между государствами — участниками Конвенции, а особое внимание должно уделяться интересам и потребностям развивающихся государств и народов, не достигших полной независимости или иного статуса самоуправления (ст. 140). Район должен использоваться исключительно в мирных целях всеми государствами (ст. 141).

Принятый окончательный текст Конвенции по морскому праву вызвал критику. Чтобы обеспечить поддержку ее вступления в силу со стороны большинства государств, в 1994 г. было принято Соглашение об осуществлении Части XI Конвенции по морскому праву (далее — Соглашение 1994 г.), которое рассматривается как составная часть Конвенции. В случае возникновения разночтений приоритет имеют нормы Соглашения 1994 г., а его юридическая обязательность наступает для государств только после ратификации ими Конвенции по морскому праву, т.е. присоединение к Соглашению 1994 г. невозможно без одновременного принятия самой Конвенции. Основной целью Соглашения 1994 г. было устранение положений Конвенции по морскому праву, вызвавших критику со стороны промышленно развитых стран. Среди таких положений обязательная передача технологий, требования по подготовке специалистов и порядок принятия решений Международным органом по морскому дну. Были также пересмотрены финансовые механизмы контрактов, сняты ограничения на объем производства и введены меры по созданию фонда экономической поддержки для производителей, рабо-

тающих на суше²³. Соглашение 1994 г. отражало быстро меняющуюся глобальную политическую ситуацию, при которой многие развивающиеся государства к концу XX в. были менее привержены положениям нового международного экономического порядка (НМЭП). Это позволило согласовать изменения для того, чтобы убедить развитые государства, включая Россию, принять Конвенцию по морскому праву буквально за несколько месяцев до того, как она должна была вступить в силу в ноябре 1994 г. Можно сказать, что изменения, внесенные Соглашением 1994 г., вместо того чтобы касаться реализации Конвенции по морскому праву, фактически стали ее модификацией, существенно изменив в интересах развитых стран ряд положений, где наиболее ярко проявлялась концепция ОНЧ.

Правовая природа ОНЧ

Возвращаясь к анализу правовой природы ОНЧ, можно отметить, что ряд исследователей рассматривают его как норму обычного международного права (Р. Волфрум, Л. Голди, Д. Нойес).

Например, согласно Сеульской декларации Конференции Ассоциации международного права концепция ОНЧ как общий правовой принцип вошла в свод международного публичного права, а принцип общего наследия в том, что касается использования общих пространств, является частью международного обычного права²⁴. Д. Нойес считает, что почти всеобщее участие государств в Конвенции по морскому праву может быть истолковано как форма признания общего наследия в качестве обычной нормы, но лишь в контексте между-

народного морского права²⁵. Л. Голди указал, что поддержка 108 государствами Декларации принципов, регулирующих режим дна морей и океанов и его недр за пределами действия национальной юрисдикции, 1970 г. уже свидетельствует о формировании нормы обычного права. Те государства, которые воздержались от голосования, хотя и не высказали никаких возражений, впоследствии выразили, прямо или косвенно, поддержку этим принципам, как и другие государства — члены международного сообщества, признав таким образом наличие соответствующей обычной нормы²⁶.

Отмечается также, что нет ни одной страны, которая бы постоянно возражала против этой концепции, поэтому ряд исследователей считают, что ОНЧ как норма обычного права имеет обязательную силу для всех стран, когда речь идет о соответствующих объектах и пространствах²⁷. Так, И. О. Анисимов и Е. Е. Гуляева указывают, что концепция ОНЧ является частью международного обычного права, отмечая при этом, что формируется нормативная основа, закрепляющая общие юридические ориентиры для регулирования деятельности в зонах, находящихся за пределами национальной юрисдикции. По их мнению, эти положения носят общий характер и не конкретизируют детализированные обязанности государств, но при этом задают рамки допустимого использования таких территорий²⁸.

Критики квалификации концепции ОНЧ как нормы международного обычного права указывают на отсутствие как определенности формулировки, так и практики государств по ее применению и их *opinio juris*, необходимых для признания ее в качестве обычной нормы²⁹. На важность этих факторов указывает Комис-

²³ Мирзаи С. Концепция общего наследия человечества в современном международном праве : монография. С. 65.

²⁴ Noyes E. J. Op. cit. P. 450.

²⁵ Noyes E. J. Op. cit. P. 456.

²⁶ Goldie L. F. E. A note on some diverse meaning of the common heritage of mankind // Syracuse Journal of International Law and Commerce. 1983. Vol. 10. No. 1. P. 74.

²⁷ Merdekawati A., Triatmodjo M., Hasibuan I. A. T. Common Heritage of Mankind beyond Treaty Provisions: Customary or General Principle? // Indonesian Journal of International Law. 2024. Vol. 21. No. 3. P. 515–516.

²⁸ Анисимов И. О., Гуляева Е. Е. Общее наследие человечества и всемирное наследие: соотношение понятий // Евразийский юридический журнал. 2024. № 8 (195). С. 19.

сия международного права в выводах 2018 г. по идентификации норм международного обычного права, отмечая, что, во-первых, содержание обычной нормы должно быть четко определено. Во-вторых, практика государств должна подтверждаться конкретными доказательствами, отражающими ее распространенность, единообразие, согласие с ней и соблюдение данного принципа. И наконец, необходимо наличие *opinio juris* государств в отношении обязательности для них этого правила. Только эти факторы позволяют говорить о концепции ОНЧ как об уже сложившейся норме обычного международного права³⁰. Кроме того, концепция ОНЧ не может рассматриваться как норма обычного международного права, поскольку в положениях Конвенции по морскому праву и Соглашения о Луне прямо указано, что она применяется исключительно в рамках этих соглашений³¹. Иными словами, ОНЧ получает четкое определение и правовую конкретизацию лишь в контексте целей и предмета данных договоров. При этом если Конвенция по морскому праву комплексно рассматривает режим использования глубоководных районов морского дна, то Соглашение о Луне лишь предусматривает необходимость создания подобного механизма в перспективе. Таким образом, даже если согласиться с точкой зрения о трансформации концепции ОНЧ в норму обычного права, то действие этой нормы ограничено лишь сферой регулирования упомянутых международных актов и не может распространяться автоматически на иные области международного права.

В ходе 60-й сессии Комитета по космосу ООН был представлен доклад, содержащий вывод, значимый для теории международного права и исследования его источников. В этом документе

подчеркивалось, что возможность отнесения правовых положений, закрепленных в международных соглашениях, к категории международных обычаев определяется в первую очередь масштабом их принятия государствами. Иными словами, чем больше стран присоединилось к конкретному договору, тем выше вероятность того, что содержащиеся в нем нормы будут рассматриваться как отражающие устоявшуюся практику и признаваться элементами обычного международного права. Таким образом, количество участников международного соглашения выступает ключевым индикатором того, может ли его содержание приобрести статус нормы, действующей независимо от самого договора, и восприниматься как общий правовой стандарт в межгосударственных отношениях³². При этом очень ограниченное количество участников Соглашения о Луне не дает никаких оснований для признания обычно-правового характера концепции ОНЧ в сфере освоения ресурсов космоса. Кроме того, США последовательно возражают против придания нормам Соглашения о Луне статуса обычно-правовых.

В академической среде высказывалось также мнение о том, что общее наследие человечества является концепцией, а не нормой обычного права, т.е. относится скорее к нормам «мягкого» права, не имеющим обязательной силы. В качестве аргумента для такого предположения отмечалось то, что понятие ОНЧ, пусть и включенное в два международных соглашения, не может при этом рассматриваться как устоявшаяся и единообразно понимаемая категория современного международного права. Подобного мнения придерживаются Б. Бреннан и Б. Лэйшэн, отмечая, что общее наследие человечества не приобрело статуса действующего права *erga*

²⁹ Kudirat Magaji W. Owolabi. The principle of the common heritage of mankind // Nnamdi Azikiwe University Journal of International Law and Jurisprudence. 2013. Vol. 4. P. 53–54.

³⁰ Доклад Комиссии международного права. 70-я сессия (30 апреля — 1 июня и 2 июля — 10 августа 2018 г.) // URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2018/> (дата обращения: 25.11.2025).

³¹ П. 1 ст. 11 Соглашения о Луне; ст. 136 Конвенции по морскому праву.

³² Формирование современной международно-правовой концепции исследования и использования космического пространства: монография / А. Я. Капустин, В. Р. Авхадеев, А. А. Головина [и др.]; отв. ред. А. Я. Капустин; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Инфра-М, 2021. С. 132.

omnes, оставаясь политической концепцией³³, к тому же достаточно расплывчатой³⁴. Р. Арнольд утверждал, что концепция ОНЧ представляет собой лишь форму политического, философского или морального обязательства и связано это с отсутствием ее четкого юридического определения³⁵. К. Баслар³⁶ и С. Горов³⁷ придерживались такой же точки зрения. Принцип общего наследия получил подтверждение, в частности, в 18 резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, в двух резолюциях ЮНКТАД, одновременно в ряде этих резолюций отвергается односторонний подход к деятельности на морском дне³⁸.

Если же рассматривать концепцию как общий принцип права, то нужно отметить, что в выпущенном в 1984 г. Секретариатом ООН докладе общее наследие человечества было представлено как новый принцип права, предусматривающий новую формулу использования международного достояния³⁹.

Был период, когда несколько государств настаивали на признании концепции ОНЧ в качестве нормы *jus cogens* в ходе переговорного процесса по Конвенции по морскому праву, хотя их доводы и не были подкреплены убедительными доказательствами. Утверждалось, что эта концепция направлена на создание соответствующего институционального механизма или других механизмов сотрудничества для осуществления такого управления, что означает установление императивной нормы, не допускающей отступлений от нее⁴⁰. Однако анализ Конвенции

по морскому праву, в частности ст. 136, указывает на то, что разработчики не намеревались объявить концепцию ОНЧ императивной нормой. Как отмечается в литературе, сам по себе договор не может создавать или провозглашать норму *jus cogens*, т.к. обязателен только для государств, которые дали согласие на его обязательность. Для того чтобы стать императивной нормой международного права, она должна признаваться международным сообществом в целом, независимо от причастности к конкретному договору⁴¹. В этом отношении можно привести мнение А. С. Исполинова, который отмечает сложность формирования норм *jus cogens* и то, что на сегодняшний день отсутствует понимание, как вообще они появляются, кто и в какой момент фиксирует и провозглашает их императивный характер, а правовая природа, содержание и правовой эффект данных норм остаются неубедительно сформулированными и спорными⁴².

Практические сложности в имплементации концепции

Практику имплементации концепции можно наблюдать только на примере деятельности Международного органа по морскому дну, созданного в рамках Конвенции по морскому праву. Несмотря на то что был заключен ряд контрактов на разведку полезных ископаемых

³³ Цит. по: *Авахадеев В. Р.* Антарктика и концепция общего наследия человечества // Социально-экономические и технические системы. 2006. № 13. С. 6.

³⁴ *Авахадеев В. Р.* Указ. соч.

³⁵ *Arnold R. P.* Op. cit. P. 154.

³⁶ *Baslar K.* The Concept of the Common Heritage of Mankind in International Law. Martinus Nijhoff Publishers, 1998. P. 8.

³⁷ *Gorove S.* Op. cit. P. 402.

³⁸ *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 102.

³⁹ Progressive development of the principles and norms of international law relating to the new international economic order : report of the Secretary-General, A/39/504/Add.1, 23 October 1984 // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/71137?v=pdf> (дата обращения: 05.12.2025). P. 85.

⁴⁰ *Noyes E. J.* Op. cit. P. 454–451.

⁴¹ *Merdekawati A., Triatmodjo M., Hasibuan I. A. T.* Op. cit. P. 510.

⁴² *Исполинов А. С.* Указ. соч. С. 93.

в определенных частях Района, добыча полезных ископаемых так и не началась. Это, наряду с неудачей в создании предприятия, побудило некоторых комментаторов говорить о сокращенном внедрении ОНЧ. Другие авторы указывают на серьезные недостатки, которые уже проявились: неэффективное представительство человечества в процессах принятия решений в рамках органа и отсутствие консенсуса в отношении понимания термина «справедливый» как атрибута системы совместного использования выгод⁴³. Как отмечает Г. Г. Шинкарецкая, концепция ОНЧ, полвека назад казавшаяся такой ясной и привлекательной, вылилась в новые грандиозные проблемы, с которыми с трудом справляется современная бюрократия⁴⁴.

Все эти обстоятельства демонстрируют, что на данный момент концепция ОНЧ не обладает достаточной эффективностью для полноценного регулирования использования ресурсов. Она лишь позволяет государствам вести деятельность на территориях, входящих в сферу ОНЧ, но пока не обеспечивает ясных и исчерпывающих правовых рамок такой деятельности⁴⁵.

При этом парадоксальным образом в российской доктрине международного права преобладает благожелательное отношение к концепции ОНЧ. Наиболее полно идеалистический подход представлен в монографии С. Мирзай, который исходит из ее естественно-правового происхождения. Отмечая, что проблема идентификации режимов общего наследия человечества чрезвычайно спорная, поскольку она влечет за собой серьезные посягательства на национальный суверенитет⁴⁶, он видит в этой концепции огромный потенциал и предлагает

наделить Совет по опеке ООН компетенцией в целях идентификации подопечных территорий⁴⁷. На наш взгляд, реализация этого предложения полностью исключена и идет вразрез с современными действиями государств как в Районе морского дна, так и в космическом пространстве.

Другие отечественные авторы видят в концепции даже инструмент для решения проблемы распространения ядерного оружия, отмечая, что она может стать основой для решения многих проблем. Озабоченность по поводу использования ядерных технологий и ресурсов в военных и мирных целях также привела к предложению, чтобы ядерные ресурсы находились в совместном владении и управлении и не принадлежали ни одному государству⁴⁸. Однако такая инициатива полностью противоречит национальным интересам России.

Выводы

Появление концепции ОНЧ, в которой подчеркивалось наделение правами всего человечества и распределение выгод среди развивающихся государств, независимо от степени их участия, было связано с активно продвигаемыми развивающимися государствами идеями НМЭП. По мере угасания интереса к таким идеям со стороны этих стран в результате их расслоения на успешные и менее успешные, они также теряли согласованный интерес к продвижению концепции ОНЧ. Именно поэтому наиболее спорный момент ОНЧ, а именно справедливое распределение выгод от получаемых ресурсов

⁴³ Ferrajolo O. The Common Heritage of Mankind in International Law: A Great Past but No Future? // *Maritime Safety and Security Law Journal*. 2018–2019. Iss. 5. Special Issue on Ocean Commons. P. 119.

⁴⁴ Шинкарецкая Г. Г. Указ. соч.

⁴⁵ Guntrip E. The Common Heritage of Mankind: an Adequate Regime for Managing the Deep Seabed? // *Melbourne Journal of International Law*. 2003. Vol. 4.

⁴⁶ Мирзай С. Концепция общего наследия человечества в современном международном праве : монография. С. 38.

⁴⁷ Мирзай С. Концепция общего наследия человечества в современном международном праве : монография.

⁴⁸ Орлов А. С. Указ. соч. С. 105.

между всеми странами независимо от их участия, может не сохраниться в новых условиях⁴⁹.

Как уже было указано, концепция широко обсуждалась на международных форумах, нашла отражение в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и в доктрине, была закреплена в ряде международных договоров. При этом такие элементы ОНЧ, как международное управление, справедливое распределение выгод, реализованы на практике только в отношении морского дна через Конвенцию по морскому праву, правда, с существенными оговорками и модификацией. Применительно к Луне, Антарктике и др. универсального механизма управления добычей ресурсов на этих территориях не было создано, и главным препятствием является требование справедливого распределения выгод, что до сих пор является острым и дискуссионным вопросом для всех государств.

Что касается мирного использования, то только Договор об Антарктике 1959 г. предусматривает запрет на любые мероприятия военного характера и испытание любых видов оружия.

Кроме того, как показывает пример Международного органа по морскому дну, передача в рамках концепции ОНЧ территорий под управление международного сообщества существенно тормозит, если не блокирует, разработку ресурсов этих территорий и делает на практике доступность этих ресурсов для нужд человечества очень проблематичной. Это дает основания для пессимистических взглядов. Так, К. Бакстон делает вывод о том, что человек, к сожалению, руководствуется в основном эгоистическим потреблением, поэтому развитые страны не чувствуют себя обязанными согласовывать свое мышление и действия с концепцией общего

наследия, а развивающиеся также в перспективе откажутся от нее, поскольку разработают необходимые технологии и заново откроют для себя преимущества теории собственности *first in time, first in right*⁵⁰.

Отсутствие устойчивой практики государств в части применения концепции в отношении Района морского дна и их *opinio juris* указывает на то, что она не стала частью международного обычного права и как максимум ее можно рассматривать как отраслевой обычай. В большей степени ее можно обозначить всё же как политическую концепцию и инструмент НМЭП, с помощью которого развивающиеся государства хотели перераспределить в свою пользу природные ресурсы. При этом актуальность концепции ОНЧ резко снизилась вместе с общим уменьшением интереса к идеям НМЭП. Более того, по мнению ряда исследователей, уже на текущий момент можно говорить о трансформации концепции ОНЧ в «общую озабоченность»⁵¹, которая имеет более ограниченный нормативный охват, поскольку не предполагает интернационализации территорий или ресурсов. Концепция общей озабоченности подразумевает определенную гибкость и более уважительна к суверенитету⁵², а также предполагает создание правовой основы для защиты общих ресурсов, которым угрожают глобальные риски, равенство между поколениями и справедливое распределение ответственности⁵³.

Таким образом, заявленная в 1960-е гг. как новаторская и способная изменить текущий миропорядок концепция ОНЧ по факту столкнулась с проблемами детализации при практической реализации. Наиболее ярко эти

⁴⁹ Noyes E. J. Op. cit. P. 470.

⁵⁰ Buxton R. C. Property in Outer Space: The Common Heritage of Mankind Principle vs. the First in Time, First in Right, Rule of Property // Journal of Air Law and Commerce. 2004. Vol. 69. P. 706.

⁵¹ П. 3 преамбулы Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. ; п. 1 преамбулы Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. ; п. 11 преамбулы Парижского соглашения 2015 г.

⁵² Ferrajolo O. Op. cit. P. 129–130.

⁵³ Bowling C., Pierson E., Ratté S. The Common Concern of Humankind: A Potential Framework for a New International Legally Binding Instrument on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity in the High Seas // URL: http://www.un.org/depts/los/biodiversity/prepcom_files/BowlingPiersonandRatte_Common_Concern.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

вопросы отразились в сфере морского права, при этом применительно к космосу и Луне она не получила признания со стороны большинства государств, включая все космические державы. В условиях усиливающейся конкуренции

за ресурсы и доминирования среди государств прагматичных экономических подходов концепция ОНЧ в перспективе рискует остаться преимущественно декларацией из прошлого без современного правового наполнения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авхадеев В. Р. Антарктика и концепция общего наследия человечества // Социально-экономические и технические системы. — 2006. — № 13. — С. 1–8.
2. Анисимов И. О., Гуляева Е. Е. Общее наследие человечества и всемирное наследие: соотношение понятий // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 8 (195). — С. 18–23.
3. Исполинов А. С. Несколько жизней доктрины императивных норм (*jus cogens*) в международном праве // Международное правосудие. — 2025. — Т. 15. — № 1 (53). — С. 70–97.
4. Мирзаи С. Концепция общего наследия человечества в современном международном праве : монография. — М. : РУДН, 2019. — 169 с.
5. Мирзаи С. Концепция общего наследия человечества в современном международном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. — М., 2018. — 173 с.
6. Орлов А. С. Концепция общего наследия человечества и ее влияние на развитие международного права // Вестник Удмуртского университета. — 2017. — Т. 27. — Вып. 6. — С. 99–106.
7. Формирование современной международно-правовой концепции исследования и использования космического пространства : монография / А. Я. Капустин, В. Р. Авхадеев, А. А. Головина [и др.] ; отв. ред. А. Я. Капустин ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. — М. : Инфра-М, 2021. — 262 с.
8. Шинкарецкая Г. Г. Концепция «общее наследие человечества» и проблемы охраны окружающей среды в Международном районе морского дна // Современное право. — 2023. — № 7. — С. 118–124.
9. Arnold R. P. The Common Heritage of Mankind as a Legal Concept // *International Lawyer*. — 1975. — Vol. 9. — P. 153–158.
10. Baslar K. The Concept of the Common Heritage of Mankind in International Law. — Martinus Nijhoff Publishers, 1998. — 427 p.
11. Bowling C., Pierson E., Ratté S. The Common Concern of Humankind: A Potential Framework for a New International Legally Binding Instrument on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity in the High Seas // URL: http://www.un.org/depts/los/biodiversity/prepcom_files/BowlingPiersonandRatte_Common_Concern.pdf.
12. Buono S. S. Governing the Moon: A History. — Washington, DC : NASA, 2025. — 98 p.
13. Engel S., Mabefam M. The 50th anniversary of the New International Economic Order: introduction to the special issue // *Development in Practice*. — 2025. — No. 35 (6). — P. 879–890.
14. Ferrajolo O. The Common Heritage of Mankind in International Law: A Great Past but No Future? // *Maritime Safety and Security Law Journal*. — 2018–2019. — Iss. 5. — Special Issue on Ocean Commons. — P. 114–133.
15. Fioretos O. Rhetorical Appeals and Strategic Cooptation in the Rise and Fall of The New International Economic Order // *Global Policy*. — 2020. — Vol. 11. — P. 73–82.
16. Gabrynowicz J. I. The «province» and «heritage» of mankind reconsidered: new beginning // 2nd Conference on lunar bases and space activities. Vol. 2. — NASA, 1992. — URL: <https://nss.org/wp-content/uploads/Lunar-Bases-conference-2-805-Province-And-Heritage.pdf>.
17. Gangale T. Myths of the Moon Agreement // AIAA SPACE 2008 Conference & Exposition. — NASA, 2008.
18. Goldie L. F. E. A note on some diverse meaning of the common heritage of mankind // *Syracuse Journal of International Law and Commerce*. — 1983. — Vol. 10. — No. 1.

19. *Gorove S.* The Concept of Common Heritage of Mankind: A Political, moral or legal innovation // San Diego law review. — 1972. — Vol. 9. — P. 390–403.
20. *Guntrip E.* The Common Heritage of Mankind: an Adequate Regime for Managing the Deep Seabed? // Melbourne Journal of International Law. — 2003. — Vol. 4.
21. *Kudirat Magaji W. Owolabi.* The principle of the common heritage of mankind // Nnamdi Azikiwe University Journal of International Law and Jurisprudence. — 2013. — Vol. 4. — P. 51–56.
22. *Merdekawati A., Triatmodjo M., Hasibuan I. A. T.* Common Heritage of Mankind beyond Treaty Provisions: Customary or General Principle? // Indonesian Journal of International Law. — 2024. — Vol. 21. — No. 3. — P. 503–526.
23. *Noyes E. J.* The Common Heritage of Mankind: Past, Present, and Future // Denver Journal of International Law and Policy. — 2011. — Vol. 40. — P. 448–471.
24. *Simon-Butler A. G.* Bifurcated sovereignty and the territorial conception of «the providence of all mankind» // Journal of Space Law. — 2019. — Vol. 43. — No. 1. — P. 39–40.
25. *Wolfrum R.* The Principle of the Common Heritage of Mankind // URL: https://www.zaoerv.de/43_1983/43_1983_2_a_312_337.pdf P. 319.

Материал поступил в редакцию 17 марта 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avkhadeev V. R. Antarktika i kontseptsiya obshchego naslediya chelovechestva // Sotsialno-ekonomicheskie i tekhnicheskie sistemy. — 2006. — № 13. — S. 1–8.
2. Anisimov I. O., Gulyaeva E. E. Obshchee nasledie chelovechestva i vseмирное наследие: sootnoshenie ponyatiy // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2024. — № 8 (195). — С. 18–23.
3. Ispolinov A. S. Neskolko zhizney doktriny imperativnykh norm (jus cogens) v mezhdunarodnom prave // Mezhdunarodnoe pravosudie. — 2025. — Т. 15. — № 1 (53). — S. 70–97.
4. Mirzai S. Kontseptsiya obshchego naslediya chelovechestva v sovremennom mezhdunarodnom prave: monografiya. — М.: RUDN, 2019. — 169 s.
5. Mirzai S. Kontseptsiya obshchego naslediya chelovechestva v sovremennom mezhdunarodnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.10. — М., 2018. — 173 s.
6. Orlov A. S. Kontseptsiya obshchego naslediya chelovechestva i ee vliyanie na razvitie mezhdunarodnogo prava // Vestnik Udmurtskogo universiteta. — 2017. — Т. 27. — Vyp. 6. — S. 99–106.
7. Formirovanie sovremennoy mezhdunarodno-pravovoy kontseptsii issledovaniya i ispolzovaniya kosmicheskogo prostranstva: monografiya / A. Ya. Kapustin, V. R. Avkhadeev, A. A. Golovina [i dr.]; otv. red. A. Ya. Kapustin; Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF. — М.: Infra-M, 2021. — 262 s.
8. Shinkaretskaya G. G. Kontseptsiya «obshchee nasledie chelovechestva» i problemy okhrany okruzhayushchey sredy v Mezhdunarodnom rayone morskogo dna // Sovremennoe pravo. — 2023. — № 7. — S. 118–124.
9. Arnold R. P. The Common Heritage of Mankind as a Legal Concept // International Lawyer. — 1975. — Vol. 9. — P. 153–158.
10. Baslar K. The Concept of the Common Heritage of Mankind in International Law. — Martinus Nijhoff Publishers, 1998. — 427 p.
11. Bowling C., Pierson E., Ratté S. The Common Concern of Humankind: A Potential Framework for a New International Legally Binding Instrument on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity in the High Seas // URL: http://www.un.org/depts/los/biodiversity/prepcom_files/BowlingPiersonandRatte_Common_Concern.pdf.
12. Buono S. S. Governing the Moon: A History. — Washington, DC: NASA, 2025. — 98 p.

13. Engel S., Mabefam M. The 50th anniversary of the New International Economic Order: introduction to the special issue // *Development in Practice*. — 2025. — No. 35 (6). — P. 879–890.
14. Ferrajolo O. The Common Heritage of Mankind in International Law: A Great Past but No Future? // *Maritime Safety and Security Law Journal*. — 2018–2019. — Issue 5. — Special Issue on Ocean Commons. — P. 114–133.
15. Fioretos O. Rhetorical Appeals and Strategic Cooptation in the Rise and Fall of The New International Economic Order // *Global Policy*. — 2020. — Vol. 11. — P. 73–82.
16. Gabrynowicz J. I. The «province» and «heritage» of mankind reconsidered: new beginning // 2nd Conference on lunar bases and space activities. Vol. 2. — NASA, 1992. — URL: <https://nss.org/wp-content/uploads/Lunar-Bases-conference-2-805-Province-And-Heritage.pdf>.
17. Gangale T. Myths of the Moon Agreement // AIAA SPACE 2008 Conference & Exposition. — NASA, 2008.
18. Goldie L. F. E. A note on some diverse meaning of the common heritage of mankind // *Syracuse Journal of International Law and Commerce*. — 1983. — Vol. 10. — No. 1.
19. Gorove S. The Concept of Common Heritage of Mankind: A Political, moral or legal innovation // *San Diego law review*. — 1972. — Vol. 9. — P. 390–403.
20. Guntrip E. The Common Heritage of Mankind: an Adequate Regime for Managing the Deep Seabed? // *Melbourne Journal of International Law*. — 2003. — Vol. 4.
21. Kudirat Magaji W. Owolabi. The principle of the common heritage of mankind // *Nnamdi Azikiwe University Journal of International Law and Jurisprudence*. — 2013. — Vol. 4. — P. 51–56.
22. Merdekawati A., Triatmodjo M., Hasibuan I. A. T. Common Heritage of Mankind beyond Treaty Provisions: Customary or General Principle? // *Indonesian Journal of International Law*. — 2024. — Vol. 21. — No. 3. — P. 503–526.
23. Noyes E. J. The Common Heritage of Mankind: Past, Present, and Future // *Denver Journal of International Law and Policy*. — 2011. — Vol. 40. — P. 448–471.
24. Simon-Butler A. G. Bifurcated sovereignty and the territorial conception of «the providence of all mankind» // *Journal of Space Law*. — 2019. — Vol. 43. — No. 1. — P. 39–40.
25. Wolfrum R. The Principle of the Common Heritage of Mankind // URL: https://www.zaoerv.de/43_1983/43_1983_2_a_312_337.pdf P. 319

Публично-правовые аспекты защиты нефтегазового комплекса от вторичных санкций

Аннотация. В статье исследуются механизмы публично-правовой защиты нефтегазового сектора России от вторичных санкций — экстерриториальных ограничительных мер, вводимых иностранными государствами и затрагивающих права третьих лиц. Актуальность темы обусловлена беспрецедентными санкционными ограничениями 2022–2025 гг., нацеленными на российский нефтегазовый комплекс, а также необходимостью адаптации национального законодательства для нейтрализации косвенного воздействия таких мер. В работе анализируются международно-правовая природа вторичных санкций и проблемы их легитимности, современная судебная практика и юрисдикционные споры, возникающие вследствие столкновения иностранных санкций с российским правовым порядком. Особое внимание уделено национальным блокирующим мерам и контрсанкционному законодательству, направленным на защиту суверенных интересов: от запрета исполнения иностранного санкционного законодательства до установления исключительной компетенции российских судов по спорам с санкционным элементом. На основе комплексного анализа нормативных актов, решений судов и научных позиций делаются выводы о формировании в России особого санкционно устойчивого правового режима, призванного обеспечить стабильность нефтегазовой отрасли перед лицом вторичных санкций, и предлагаются рекомендации по его совершенствованию.

Ключевые слова: санкции; вторичные санкции; нефтегазовый комплекс; публичное право; суверенитет; блокирующее законодательство; юрисдикционные иммунитеты; контрмеры; санкционное право; международное право

Для цитирования: Попов В. А., Сахибгареев Э. В. Публично-правовые аспекты защиты нефтегазового комплекса от вторичных санкций // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 162–172. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.162-172

© Попов В. А., Сахибгареев Э. В., 2026

* *Попов Василий Александрович*, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
Лермонтовский просп., д. 44, лит. А, каб. 409, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190020
vasilisporov@gmail.com

** *Сахибгареев Эмиль Вилевич*, аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
Лермонтовский просп., д. 44, лит. А, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190020
emil.02@ya.ru

Public Law Aspects of Protecting the Oil and Gas Sector from Secondary Sanctions

Vasiliy A. Popov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russian Federation
vasilispopov@gmail.com

Emil V. Sakhibgareev, Postgraduate Student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russian Federation
emil.02@ya.ru

Abstract. The paper examines the mechanisms of public law protection of the Russian oil and gas sector from secondary sanctions — extraterritorial restrictive measures introduced by foreign states and affecting the rights of third parties. The relevance of this topic is determined by the unprecedented sanctions restrictions from 2022 to 2025, targeting the Russian oil and gas sector, as well as the need to adapt national legislation to neutralize the indirect impact of such measures. The paper analyzes the international legal nature of secondary sanctions and the problems of their legitimacy, modern judicial practice and jurisdictional disputes arising from the clash of foreign sanctions with the Russian legal order. Particular attention is given to national «blocking» measures and counter-sanctions legislation aimed at protecting sovereign interests: from prohibiting the enforcement of foreign sanctions legislation to establishing the exclusive jurisdiction of Russian courts in disputes involving sanctions. Based on a comprehensive analysis of regulations, court decisions, and scientific opinions, the authors draw conclusions regarding the formation of a special sanctions-resistant legal regime in Russia, designed to ensure the stability of the oil and gas industry in the face of secondary sanctions, as well as suggest recommendations for its improvement.

Keywords: sanctions; secondary sanctions; oil and gas industry; public law; sovereignty; blocking legislation; jurisdictional immunities; countermeasures; sanctions law; international law

Cite as: Popov VA, Sakhibgareev EV. Public Law Aspects of Protecting the Oil and Gas Sector from Secondary Sanctions. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):162-172. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.162-172

Нефтегазовый комплекс Российской Федерации — стратегическая отрасль экономики и ключевой источник бюджетных поступлений — в последние годы оказался в эпицентре глобальной санкционной политики. Наряду с прямыми ограничениями значительную угрозу представляют так называемые вторичные санкции, посредством которых иностранные государства пытаются распространить свое юрисдикционное влияние на третьи страны и компании. Вторичные санкции представляют собой меры, направленные против субъектов, которые сотрудничают с основным

санкционным адресатом, например с российскими нефтегазовыми предприятиями, но сами не являются резидентами государства — инициатора санкций¹. Таким образом, санкционный режим приобретает экстерриториальный характер, затрагивая права третьих лиц и порождая коллизию юрисдикций². Подобная практика ставит острые вопросы о пределах государственного суверенитета и допустимых границах применения национального права во внешне-экономических отношениях.

Международно-правовая легитимность вторичных санкций является предметом дискуссии.

¹ Блинова Ю. В. О понятии и видах международных санкций // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 1. С. 57–61.

² Rhades M. Extraordinary, Extraterritorially: A New Category of EU-Sanctions against Russia? // *Völkerrechtsblog*. 13.12.2023. DOI: 10.17176/20231213-111100-0. URL: <https://voelkerrechtsblog.org/extraordinary-extraterritorially/> (дата обращения: 09.10.2025).

С одной стороны, государства, вводящие такие меры, апеллируют к доктринам экстерриториальной юрисдикции и защитительным мотивам (например, ссылаются на принцип защиты национальной безопасности). С другой — страны-мишени и их партнеры указывают, что подобные ограничения нарушают суверенное равенство и принципы невмешательства во внутренние дела государств³. Генеральная Ассамблея ООН неоднократно осуждала односторонние экономические санкции, введенные в обход Совета Безопасности, как противоречащие целям Устава ООН и международному праву⁴. Российская Федерация официально квалифицирует подобные меры как незаконные и не признает их в качестве санкций в юридическом смысле, рассматривая их скорее как реторсии или неправомерные контрмеры со стороны иностранных государств.

В условиях усиливающегося санкционного давления (по количеству введенных против России ограничительных мер страна вышла на первое место в мире — 30 159 санкций на 18 июня 2025 г.⁵) проблема защиты ключевых отраслей экономики, прежде всего нефтегазовой, приобретает особую значимость. Публично-правовые аспекты данной защиты включают меры государства, направленные на нейтрализацию или минимизацию негативного воздействия иностранных санкций внутри национальной юрисдикции. К таким мерам относятся принятие специального блокирующего законодательства, запрещающего исполнение на территории РФ иностранного санкционного режима; установление особых правил юрисдикционной подсудности споров, связанных с санкциями; контрсанкции и ответные ограничительные шаги; механизмы поддержки санкционно затронутых отраслей.

Цель настоящего исследования — провести комплексный анализ развития публично-правовых механизмов защиты нефтегазового комплекса РФ от вторичных санкций в 2022–2025 гг., оценить их эффективность, а также выявить возникающие правовые коллизии и проблемы правоприменения. Новизна работы состоит в соединении международно-правового и внутригосударственного ракурсов: рассматриваются как вопросы соответствия вторичных санкций нормам международного права, так и эволюция российского законодательства и судебной практики, формирующих санкционно устойчивый режим в топливно-энергетическом секторе.

С точки зрения классического международного права односторонние экономические санкции формально подпадают под понятие реторсий либо контрмер, если они принимаются без санкции Совета Безопасности ООН⁶. Контрмеры допускаются лишь в ответ на международно-противоправное деяние и при соблюдении условий пропорциональности и временного характера, тогда как реторсии — недружественные, но легальные акты (например, прекращение сотрудничества, визовые ограничения) в ответ на недружественные шаги другого государства. Вторичные санкции, однако, не укладываются в эти классические рамки, поскольку затрагивают третьих субъектов, не являющихся непосредственными нарушителями международного права. По сути, они представляют собой экстерриториальное применение национальной юрисдикции: государство-санкционер стремится контролировать поведение иностранных компаний и государств, грозя им мерами наказания за сотрудничество с основной целью санкций⁷.

Национальное законодательство США традиционно включает механизмы вторичных санк-

³ Köchler H. Sanctions and International Law // International Organisations Research Journal. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 27–47.

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.2019 74/154 «Права человека и односторонние принудительные меры» (док. ООН A/RES/74/154, 24.01.2020).

⁵ Количество санкций против России превысило 30 тысяч // URL: <https://ria.ru/20250720/strany-2030232496.html> (дата обращения: 01.10.2025).

⁶ Тимофеев И. Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Санкционная политика: цели, стратегии, инструменты : хрестоматия / под ред. А. А. Дынкина. М. : ИМЭМО РАН, 2023. С. 27–46.

⁷ Rhades M. Op. cit.

ций. Например, Countering America's Adversaries Through Sanctions Act предусматривает санкционные меры в отношении иностранных лиц, вступающих в «значительные сделки» с российским энергетическим или оборонным сектором⁸. Подобные положения фактически распространяют действие американских запретов на компании из третьих стран под угрозой отключения от американских рынков или финансовой системы. Европейский Союз долгое время избегал прямых вторичных санкций, ограничиваясь санкциями *in personam* в пределах своей юрисдикции. Однако в 2022–2023 гг. ЕС прибег к беспрецедентным мерам, например механизму ограничения цен на российскую нефть (oil price cap), который был согласован G7 и обязует любые компании мира, желающие пользоваться европейскими услугами (страхование, фрахт), не приобретать российскую нефть дороже установленного потолка⁹. Подробный анализ появления данной экстраординарной категории санкций ЕС против России представлен в работе М. Rhades¹⁰. Указанная мера направлена на косвенное влияние на торговлю России с третьими странами и также носит экстерриториальный характер, ставя под сомнение ее соответствие международно-правовым принципам юрисдикции.

Принцип недопустимости вмешательства во внутренние дела ограничивает возможность государства навязывать свою власть вне пределов собственной территории или национальной принадлежности. В доктрине международного права общепризнано, что для осуществления юрисдикции за рубежом требуется существенная связь (*nexus*) — территориальная, личная (по гражданству) либо иная (например, защитный принцип при угрозе жизненно важным

интересам государства)¹¹. Вторичные санкции зачастую не отвечают этим критериям, т.к. нацелены на деяния, совершаемые за пределами территории санкционирующего государства и без участия его граждан. Именно поэтому многие юристы квалифицируют экстерриториальные экономические санкции как нарушение принципа суверенного равенства и невмешательства. В качестве примера можно привести иранский иск против США в Международном суде ООН (дело о санкциях 2018 г.), где Тегеран утверждал, что восстановленные США ограничительные меры нарушают Договор о дружбе 1955 г. и принципы международного права¹². Хотя спор носил двусторонне-договорной характер, он отражает более широкую проблему — отсутствие универсального разрешения конфликта юридических позиций по вторичным санкциям.

Таким образом, вторичные санкции находятся в «серой зоне» международного права. Их инициаторы рассматривают их как продолжение внутренней юрисдикции (например, защита финансовой системы США от попадания под санкционные риски), а затронутые государства — как противоправные акты экономической войны. В отсутствие эффективных наднациональных механизмов контроля (Совет Безопасности ООН парализован правом вето великих держав, механизмы Всемирной торговой организации малоэффективны из-за возможности ссылаться на исключение из соображений национальной безопасности) разрешение вопроса смещается в плоскость публичного права отдельных государств. Далее рассмотрим, какими способами государства — прежде всего Россия — защищают свои публичные интересы и бизнес от экстерриториальных ограничений,

⁸ Section 231 of the Countering America's Adversaries Through Sanctions Act of 2017 // URL: <https://www.state.gov/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act-of-2017/sections-231-and-235/> (дата обращения: 15.09.2025).

⁹ Rhades M. Op. cit.

¹⁰ Rhades M. Op. cit.

¹¹ Rhades M. Op. cit.

¹² Международный суд ООН признал незаконной заморозку США части активов Ирана и потребовал выплатить компенсацию Тегерану // URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1439397> (дата обращения: 02.10.2025).

вступая тем самым в своеобразное правовое противостояние с санкционными режимами.

Одним из ключевых инструментов защиты суверенной юрисдикции от экстерриториальных посягательств является блокирующее законодательство — нормы, прямо запрещающие лицам под национальной юрисдикцией подчиняться иностранным санкциям. Российская Федерация начала формировать такой механизм в 2018 г., когда против нее были введены первые крупномасштабные односторонние санкции: был принят Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»¹³. Этот нормативный акт (известный как Закон о контрсанкциях) предоставил Президенту и Правительству РФ полномочия вводить ограничительные меры в различных сферах — от запрета ввоза/вывоза товаров до прекращения сотрудничества — в ответ на недружественные действия иностранных государств¹⁴. Хотя напрямую Закон не устанавливал ответственности российских субъектов за соблюдение иностранных санкций, одновременно в Государственной Думе ФС РФ прорабатывались поправки об уголовном наказании за подобное поведение. Первоначально предлагалось ввести новую статью УК РФ, карающую за нарушение санкций (проект 2018 г., ст. 284.2 УК РФ)¹⁵. В окончательной редакции от этой идеи временно отказались, однако сигнал бизнесу был четким: следование чужим санкциям нежелательно и потенциально противоправно.

Новый виток противосанкционной политики пришелся на 2022–2023 гг., когда санкционное давление на Россию резко возросло. В 2022 г. вступили в силу поправки к КоАП РФ, предусматривающие штрафы за отказ выполнять сделки

с российскими санкционными лицами по мотивам иностранных санкций. Одновременно правоохранительные органы получили ориентировки квалифицировать необоснованный разрыв контрактов или отказ сотрудничать с российскими компаниями, мотивированный лишь зарубежными санкциями, как злоупотребление полномочиями либо иной состав преступления. Так, отмечается, что статья 201 УК РФ («Злоупотребление полномочиями») может применяться к руководителю компании, который в ущерб организации отказывается от сделки, ссылаясь на иностранные ограничения. В 2022 г. был внесен новый законопроект о введении прямой уголовной ответственности за соблюдение санкций недружественных стран, предложивший считать такое деяние квалифицированным составом той же статьи 201 УК РФ¹⁶. Эта мера фактически была нацелена на крупных менеджеров и предпринимателей, ставя их перед выбором: или исполнять российские законы и продолжать работать с отечественными партнерами, или, поддавшись иностранному давлению, нести ответственность уже по российскому праву. Повторилась ситуация 2018 г. со ст. 284.2 УК РФ в окончательной редакции: было принято решение перенести рассмотрение проекта федерального закона по ст. 201 УК РФ на более поздний срок.

Помимо запретов, Закон о контрсанкциях и связанные акты наделили Правительство инструментами активной защиты отраслей. Так, сразу после начала санкционной кампании 2022 г. был издан Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 172, установивший специальный порядок расчетов за экспорт российского природного газа с недружественными странами — фактически требование оплаты в рублях через счета в уполномоченном банке (ПАО «Газпром-

¹³ СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3400.

¹⁴ Bychkov A., Efremov V., Voitishkin S., Kalinin M. Russia Introduces New Counter-Sanctions // URL: <https://sanctionsnews.bakermckenzie.com/russia-introduces-new-counter-sanctions/> (дата обращения: 09.10.2025).

¹⁵ Законопроект № 558345-7 «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/558345-7> (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁶ Законопроект № 102053-8 «О внесении изменения в статью 201 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/102053-8> (дата обращения: 20.09.2025).

банк»)¹⁷. Эта мера позволила обходить ограничения на валютные операции и защитила экспортеров газа от риска неплатежей или заморозки выручки за рубежом. Аналогично Указ Президента РФ от 27.12.2022 № 961 запретил поставки российской нефти и нефтепродуктов иностранным покупателям, если в контракте прямо или косвенно используется механизм предельной цены, навязанный западными странами¹⁸. Данная контрсанкция была призвана нейтрализовать эффект ценового потолка G7, обеспечив суверенное решение России не продавать энергоресурсы себе в убыток.

Таким образом, российская реакция на вторичные санкции выражается в комплексе мер: правовых запретов для своих резидентов (чтобы они не становились проводниками чужих санкций) и ответных ограничений для нерезидентов (чтобы экономически наказать инициаторов и компенсировать ущерб). Следует отметить, что эффективность таких мер во многом зависит от их реализации: например, случаи привлечения к ответственности за «следование санкциям» пока единичны, но сам факт уголовно-правового риска дисциплинирует компании. В нефтегазовом секторе важным элементом стало активное использование государством регуляторного ресурса — от валютного контроля до директив госкомпаниям — для сохранения экспорта и импорта критически важных технологий, несмотря на внешние запреты.

Другим направлением публично-правовой защиты является юрисдикционное реагирование, т.е. создание правовых условий, препятствующих применению иностранной юрисдикции в ущерб российским лицам, затронутым

санкциями. В июне 2020 г. был принят важнейший акт — Федеральный закон № 171-ФЗ¹⁹, внесший изменения в АПК РФ. Им введены статьи 248.1 и 248.2 Кодекса, установившие:

— исключительную компетенцию российских арбитражных судов по спорам с участием лиц, находящихся под иностранными санкциями;

— возможность российских судов запрещать ведение судебных разбирательств за рубежом (anti-suit injunction), если эти разбирательства затрагивают санкционированное лицо либо нарушение запретов в отношении него²⁰.

По сути, Закон дал санкционно затронутым российским компаниям и гражданам право отказаться от иностранного форума (суда или арбитража), даже если он ранее был предусмотрен договором, и перенести спор на рассмотрение в Россию, при условии что санкции мешают им защитить свои интересы за рубежом.

Практика применения этих норм подтверждает серьезность намерений российского правосудия защитить юрисдикционный суверенитет. Так, известен прецедент с компанией Wintershall Dea (крупная немецкая нефтегазовая корпорация): в 2024 г. она инициировала международный арбитраж против РФ, требуя компенсацию за утрату инвестиций, однако Генеральная прокуратура РФ обратилась в Арбитражный суд г. Москвы с требованием запретить компании и арбитрам продолжать разбирательство в Гааге. В сентябре 2025 г. судья Арбитражного суда г. Москвы полностью удовлетворил этот иск, запретив Wintershall Dea вести или поддерживать арбитражное разбирательство против России по вопросам, связанным с санкционными указами Президента РФ. Более того, за нарушение запре-

¹⁷ Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. 31.03.2022.

¹⁸ Указ Президента РФ от 27.12.2022 № 961 «О применении ответных мер в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации при установлении предельных цен на российскую нефть и нефтепродукты» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. 27.12.2022.

¹⁹ Федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц...» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. 08.06.2020.

²⁰ Нижник Д., Каменская Р. Антиисковые запреты в международном арбитраже: актуальные тенденции и перспективы исполнения // URL: <https://pravo.ru/story/260069/> (дата обращения: 12.10.2025).

та суд установил астрономическую неустойку — взыскание до 7,5 млрд евро солидарно с компании, ее юридических представителей и даже с арбитров, если они не прекратят процесс²¹. Данное решение беспрецедентно по строгости и отражает готовность российских властей применить юрисдикционный иммунитет в максимальной форме. В обоснование суд сослался на нормы национального законодательства и принципы международного права: было указано, что иностранные санкции не могут ограничивать судебную защиту прав российских лиц внутри России, со ссылкой на Декларацию ООН о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета 1965 г. По сути, российский суд объявил спор не подлежащим разбирательству за рубежом, поскольку санкции создали риск предвзятости, и взял его под свою исключительную юрисдикцию.

Другой аспект — непризнание в России иностранных судебных актов, основанных на санкциях. Здесь также прослеживается линия защиты публичного порядка. Российские суды отказывают в исполнении решений иностранных судов и арбитражей, если считают, что оно противоречило бы основам правопорядка РФ из-за санкционного элемента. Эта практика получила развитие: Верховный Суд РФ в своих разъяснениях подчеркнул, что защитой публичного порядка могут охраняться, в частности, права российских граждан и компаний, ограниченные ввиду иностранного санкционного законодательства²². Таким образом, любое требование, вытекающее исключительно из исполнения санкций (например, о расторжении договора в связи с санкциями, о взыскании штрафов за нарушение санкционного режима и т.п.), в российских судах перспектив не имеет: оно будет признано необоснованным, поскольку санкции

не признаются законными в российской юрисдикции.

Стоит отметить, что российские суды стараются подходить взвешенно к распределению коммерческих рисков, связанных с санкциями. Так, в январе 2024 г. Верховный Суд РФ впервые рассмотрел спор о взыскании убытков с российского банка по причине блокировки средств иностранным корреспондентским банком из-за санкций. В деле «“ИС Текс” против ПАО “Промсвязьбанк”» клиент требовал вернуть 59,4 тыс. долл., которые «застряли» на счете в Bank of New York Mellon при попытке перевода через казахстанский банк (перевод не прошел из-за американских санкций против российского банка). Нижестоящие инстанции удовлетворили иск, посчитав вину российского банка доказанной. Однако Верховный Суд отменил эти решения, указав, что при оценке ответственности необходимо учитывать действие непреодолимой силы — запретов иностранного государства — и проверить, принял ли клиент меры для разморозки средств (например, обращался ли за лицензией Управления по контролю за иностранными активами (Office of Foreign Assets Control, OFAC))²³. По сути, высшая судебная инстанция переложила часть санкционного риска на клиента, признав санкции видом форс-мажора для банка. Этот прецедент свидетельствует о том, что, хотя публичный порядок РФ не признает законности иностранных санкций, их фактическое воздействие может рассматриваться судами как объективное препятствие, снимающее вину с российской стороны при исполнении обязательств. Такой гибкий подход соответствует задаче минимизации негативных последствий санкций для отечественного бизнеса, не превращаясь при этом в неоправданное ущемление прав контрагентов.

Противостояние вторичным санкциям характерно не только для России. Другие государства

²¹ Wintershall Dea запретили вести разбирательство против России за рубежом // URL: <https://pravo.ru/news/260276/> (дата обращения: 12.10.2025).

²² *Старженецкий В., Бутырина В., Драгунова Ю.* Экономические санкции глазами российских судей: между защитой публичного порядка и интересов бизнеса // *Международное правосудие*. 2018. № 4 (28). С. 126–141.

²³ ВС РФ защитил российский банк от претензий клиента из-за санкций // URL: <https://pravo.ru/story/250801/> (дата обращения: 12.10.2025).

и интеграционные объединения, чьи интересы затрагиваются экстерриториальными мерами, также вырабатывают публично-правовые защитные механизмы. Наиболее известен пример Европейского Союза, который еще в 1996 г. принял Blocking Statute — Регламент ЕС № 2271/96²⁴, направленный против экстерриториальных санкций США (изначально против ограничений по Кубе и Ирану). Регламент запрещает компаниям из ЕС выполнять некоторые иностранные санкции и не признает за рубежом действие решений, принятых на их основе; пострадавшим от соблюдения санкций лицам предоставлено право требовать компенсации ущерба. Долгое время этот механизм носил скорее декларативный характер, однако ситуация изменилась после выхода США из ядерной сделки с Ираном в 2018 г. и восстановления американских санкций. ЕС обновил Blocking Statute, включив туда списки американских санкционных актов, и европейские компании оказались перед дилеммой, содержащей две противоположные юридические обязанности: соблюдать американское право (рискуя санкциями США) или европейское (рискуя исками и штрафами в ЕС).

В 2021 г. Суд Европейского Союза впервые вынес решение по вопросам действия Blocking Statute (дело Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland GmbH). Иранский Bank Melli, находящийся под санкциями США, оспорил в немецком суде одностороннее прекращение контракта компанией Telekom, указав, что это сделано по причине американских санкций и нарушает Регламент № 2271/96. Дело дошло до Суда ЕС, который в декабре 2021 г. поддержал истца: было разъяснено, что европейская компания не вправе прекращать деловые отношения исключительно из страха перед иностранными санкциями, иначе это противоречит цели блокирующего Регламента. Ответчик обязан доказать, что разрыв договора был по независящим от санк-

ций причинам, иначе ему грозит возмещение убытков и понуждение к продолжению исполнения контракта²⁵. Это решение закрепило примат публично-правовых установлений ЕС над экстерриториальными требованиями третьих стран на внутреннем рынке Союза.

Китайская Народная Республика в последние годы также активно развивает правовые инструменты противодействия иностранным санкциям, видя в них угрозу своему суверенитету и развитию. В 2021 г. принят Закон КНР «О противодействии иностранным санкциям» (Anti-Foreign Sanctions Law), который позволяет китайским властям применять ответные меры к организациям и лицам, причастным к введению санкций против Китая, а также дает право китайским гражданам и компаниям обращаться в суд за компенсацией ущерба, понесенного вследствие применения иностранного санкционного акта. Еще ранее, в январе 2021 г., Министерство коммерции КНР издало Правила, препятствующие несправедливому экстерриториальному применению иностранного законодательства и мер, по сути, блокирующий порядок, обязывающий компании сообщать о случаях давления иностранного права и позволяющий правительству Китая выдавать запрет на исполнение конкретных иностранных ограничений. Эти нормы сходны с европейскими: пострадавшие от соблюдения иностранной санкции могут взыскать убытки в судах КНР, а за нарушение запрета китайским субъектам грозит наказание. Применение китайского антисанкционного законодательства пока ограничено (прецедентов немного), но его наличие уже повлияло на поведение транснациональных компаний: они вынуждены учитывать и китайские правовые риски, балансируя между требованиями разных юрисдикций.

Совокупный опыт ЕС, Китая и России демонстрирует формирование своеобразного права

²⁴ Council Regulation (EC) No. 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/2271/oj/eng> (дата обращения: 15.09.2025).

²⁵ C-124/20, Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland GmbH, Judgment of the Court (Grand Chamber) of 21 December 2021, ECLI:EU:C:2021:1035 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=celex:62020CJ0124> (дата обращения: 15.09.2025).

сопротивления санкциям. Государства, не согласные с экстерриториальной санкционной политикой США и ряда союзников, создают национальные режимы, призванные ограничить действие чужих санкций на своей территории и защитить своих граждан и бизнес. Эти режимы включают блокирующие запреты, антитоварищеские (retaliatory) списки лиц, симметричные санкции против инициаторов, специальные юрисдикционные правила и т.д. В итоге глобальные компании оказываются между несколькими системами права, накладывающими противоположные обязанности. Например, банк, действующий в ЕС, не может без разрешения Европейской комиссии закрыть счет российскому клиенту под санкциями США — иначе он нарушит право ЕС; но продолжая обслуживание, он рискует подпасть под меры США. Такие ситуации ведут к сложным юридическим казусам и требуют тонкой стратегии комплаенса.

Для российского нефтегазового комплекса, традиционно тесно интегрированного в мировую экономику, крайне важно сотрудничество с партнерами из стран Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки. Вторичные санкции нацелены как раз на отсечение этих связей. Поэтому укрепление правовых отношений с государствами, разделяющими позицию о нелегитимности экстерриториальных санкций, — еще одно направление публично-правовой защиты. Идет работа по переводу торговых расчетов в национальные валюты, созданию независимых от западных платежных систем механизмов (Система передачи финансовых сообщений Банка России, китайская Cross-Border Interbank Payment System), заключению межправительственных соглашений о взаимной защите инвесторов от санкций. Эти меры дополняют национальное законодательство и создают предпосылки для формирования, возможно, нового международного режима, признающего незаконность вторичных санкций. Примером может служить сотрудничество России, Китая, Ирана, Турции по линии ООН: их представители регулярно иницируют резолюции и заявления, осуждающие односторонние санкции как неправомерное экономическое принуждение.

В 2020-х гг. в ответ на жесткое санкционное давление в России формируется целостный публично-правовой механизм защиты стратегических отраслей, таких как нефтегазовая. Его ключевые элементы — блокирующие нормы, юрисдикционные барьеры для иностранного вмешательства и продуманная политика контрмер — направлены на обеспечение устойчивости национальной экономики перед лицом экстерриториальных ограничений. По сути, речь идет о становлении особого санкционно устойчивого правового режима, который сочетает традиционные инструменты (суверенные иммунитеты, публичный порядок) с новыми правовыми решениями, продиктованными беспрецедентностью текущей ситуации.

Россия четко декларирует непризнание иностранного санкционного права и запрещает своим резидентам следовать ему под угрозой ответственности. Это подчеркивает приоритет национального суверенитета: экономика РФ не должна добровольно подчиняться чужим политико-правовым решениям. Одновременно Россия оставляет за собой право на асимметричные ответы — от экономических контрмер до расширения сотрудничества с альтернативными партнерами, — компенсируя потери от санкций.

Судебная власть в РФ заняла проактивную позицию в защите прав российских лиц: предоставлен инструмент перевода споров в российские суды при санкционных препятствиях за рубежом; создается практика отказа в признании иностранных судебных актов, если они основаны на санкциях; разъясняются условия освобождения от ответственности российских сторон, столкнувшихся с непреодолимым действием санкций. В ряде случаев (например, дело *Wintershall Dea*) российские суды идут на прямое столкновение с иностранными юрисдикциями, вводя запреты и санкции на их действия, — это беспрецедентный шаг, отражающий юрисдикционный протекционизм в условиях санкционной войны.

Международный контекст свидетельствует, что Россия не одинока в подобной правовой борьбе. ЕС и КНР также развивают свои режимы противодействия экстерриториальным санкциям. Это открывает возможности для коорди-

нации усилий на многосторонней основе. Хотя сейчас каждая юрисдикция действует главным образом своими средствами, перспективна идея согласования общих принципов, например признания права не выполнять санкции, не одобренные Советом Безопасности ООН, и взаимной правовой помощи пострадавшим от них компаниям.

Безусловно, остаются нерешенные проблемы. Санкционное противоборство порождает ситуацию правовой неопределенности для бизнеса, усложняет контрактные отношения (необходимость включения санкционных оговорок в договоры, пересмотра юрисдикционных и арбитражных оговорок в пользу нейтральных площадок). Российскому законодательству предстоит далее совершенствовать механизмы компенсации убытков своим компаниям, пострадавшим от санкций, возможно за счет фонда, сформированного из изъятых активов недружественных стран, и т.п. Важно также обеспечить баланс между защитой государственного интереса и сохранением привлекательности российского юрисдикционного режима для иностранных

инвесторов, не допуская излишней криминализации добросовестных решений бизнеса.

Публично-правовые аспекты защиты нефтегазового комплекса от вторичных санкций — это фактически новая сфера правового регулирования международного и национального права. Ее развитие в 2022–2025 гг. свидетельствует о стремлении государства вооружиться правовыми средствами для противодействия беспрецедентному давлению, при этом сохранить верховенство права и обеспечить устойчивость экономики. Продолжение глубоких научных исследований в данной области необходимо для выработки оптимальных юридических подходов, сочетающих защиту суверенитета с соблюдением международных обязательств и эффективным управлением санкционными рисками. Опыт последних лет может стать основой для формирования доктрины санкционного права — комплексной отрасли, регламентирующей порядок введения, исполнения и нейтрализации санкций, что позволит праву адекватно отвечать на вызовы глобальной политической конфронтации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Блинова Ю. В. О понятии и видах международных санкций // Российско-азиатский правовой журнал. — 2024. — № 1. — С. 57–61.
2. Старженецкий В. В., Бутырина В. А., Драгунова Ю. В. Экономические санкции глазами российских судей: между защитой публичного порядка и интересов бизнеса // Международное правосудие. — 2018. — Т. 8. — № 4 (28). — С. 126–139.
3. Тимофеев И. Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Санкционная политика: цели, стратегии, инструменты : хрестоматия / под ред. А. А. Дынкина. — М. : ИМЭМО РАН, 2023. — С. 27–46.
4. Köchler H. Sanctions and International Law // International Organisations Research Journal. — 2019. — Vol. 14. — No. 3. — P. 27–47.
5. Rhades M. Extraordinary, Extraterritorially: A New Category of EU-Sanctions Against Russia? // Völkerrechtsblog. — 13.12.2023. — DOI: 10.17176/20231213-111100-0. — URL: <https://voelkerrechtsblog.org/extraordinary-extraterritorially/>.

Материал поступил в редакцию 17 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Blinova Yu. V. O ponyatii i vidakh mezhdunarodnykh sanktsiy // Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal. — 2024. — № 1. — S. 57–61.
2. Starzhenetskiy V. V., Butyrina V. A., Dragunova Yu. V. Ekonomicheskie sanktsii glazami rossiyskikh sudey: mezhdz zashchitoi publichnogo poryadka i interesov biznesa // Mezhdunarodnoe pravosudie. — 2018. — T. 8. — № 4 (28). — S. 126–139.
3. Timofeev I. N. Politika sanktsiy v menyayushchemsya mire: teoreticheskaya refleksiya // Sanktsionnaya politika: tseli, strategii, instrumenty: khrestomatiya / pod red. A. A. Dynkina. — M.: IMEMO RAN, 2023. — S. 27–46.
4. Köchler H. Sanctions and International Law // International Organisations Research Journal. — 2019. — Vol. 14. — No. 3. — P. 27–47.
5. Rhades M. Extraordinary, Extraterritorially: A New Category of EU-Sanctions Against Russia? // Völkerrechtsblog. — 13.12.2023. — DOI: 10.17176/20231213-111100-0. — URL: <https://voelkerrechtsblog.org/extraordinary-extraterritorially/>.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.173-182

А. А. Головина*

Соблюдение международных правил предупреждения столкновений морских судов в море в условиях внедрения автономного судоходства

Аннотация. В работе приводятся результаты исследования соблюдения международных правил предупреждения столкновения морских судов в части требований об огнях и знаках в условиях внедрения автономного судоходства. Автором рассмотрена международная конвенция, устанавливающая соответствующие правила, а также национальное законодательство Российской Федерации, регулирующее их соблюдение, в том числе на этапе проектирования и постройки морских судов. В статье исследуются вопросы, возникающие в связи с отсутствием подхода к применению указанных норм к автономным судам, основной особенностью которых является использование оборудования и систем, снижающих влияние человеческого фактора или полностью исключающих его посредством автоматизации. При этом за основу взят тезис о необходимости обеспечения эквивалентного соблюдения автономными морскими надводными судами требований международных конвенций, которые регулировали соответствующие отношения в области классического, неавтономного судоходства. По результатам исследования выработан ряд предложений по совершенствованию системы правовых инструментов, обеспечивающих безопасность морского судоходства, в части обеспечения выставления огней и знаков на автономных судах путем реализации необходимых технических и технологических решений, использование которых в настоящее время сопряжено с рядом проблем правоприменительного характера.

Ключевые слова: автономное судоходство; предупреждение столкновения; огни; знаки; международные правила; автономное судно; навигационное оборудование; сертификация; требования

Для цитирования: Головина А. А. Соблюдение международных правил предупреждения столкновений морских судов в море в условиях внедрения автономного судоходства // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 173–182. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.173-182

© Головина А. А., 2026

* Головина Анастасия Алексеевна, старший преподаватель кафедры публичного права Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
просп. Ленина, д. 93, г. Новороссийск, Российская Федерация, 353924
a.a.golovina@mail.ru

Compliance with International Regulations for Preventing Collisions at Sea in the Context of the Introduction of Autonomous Shipping

Anastasia A. Golovina, Senior Lecturer, Department of Public Law, Admiral Ushakov Maritime State University, Novorossiysk, Russian Federation
a.a.golovina@mail.ru

Abstract. The paper presents the results of a study on compliance with international regulations for preventing collisions at sea in terms of requirements for lights and signs in the context of the introduction of autonomous shipping. The author examined the international convention establishing the relevant rules, as well as the national legislation of the Russian Federation regulating compliance therewith, including at the stage of designing and constructing sea vessels. The paper examines issues arising from the lack of an approach to applying these standards to autonomous vessels, the main feature of which is the use of equipment and systems that reduce the influence of the human factor or completely eliminate it through automation. The starting point is the thesis that autonomous maritime surface vessels must ensure equivalent compliance with the requirements of international conventions that previously regulated the corresponding relations in the field of «classical», non-autonomous shipping. Based on the results of the study, the author developed a number of proposals for improving the system of legal instruments that ensure the safety of maritime navigation. They particularly concern ensuring the display of lights and signs on autonomous vessels through the application of the necessary technical and technological solutions, the use of which is currently associated with a number of law enforcement problems.

Keywords: autonomous navigation; collision avoidance; lights; signs; international rules; autonomous vessel; navigation equipment; certification; requirements

Cite as: Golovina AA. Compliance with International Regulations for Preventing Collisions at Sea in the Context of the Introduction of Autonomous Shipping. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):173-182. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.173-182

Введение

Автоматизация морского транспорта в настоящее время является одним из приоритетных направлений развития транспортной отрасли, давно перейдя из области технологий будущего в современные реалии¹. Ключевой причиной повышенного внимания к области автономного транспорта является снижение влияния на его основные процессы человеческого фактора — одной из главных причин аварийности на море². Таким образом, планируется повысить безопасность осуществления различных операций на морском транспорте, что должно способство-

вать повышению степени защищенности человеческой жизни и здоровья на флоте, сохранности грузов, судов, окружающей среды, а также объектов транспортной инфраструктуры.

Вместе с тем ввиду пересмотра классических принципов управления судами внедрение морских автономных надводных судов (МАНС) в практику морского судоходства влечет за собой много сложностей. Часть из них связана с техническими и технологическими решениями, которые должны эффективно и безопасно обеспечить реализацию в автоматическом режиме функций, ранее осуществлявшихся экипажем на борту судна. Однако не меньше проблемных

¹ Епихин А. И., Хекерт Е. В., Модина М. А. Анализ безопасности безэкипажных судов на основе структуры модели риска с использованием сети байеса // Морские интеллектуальные технологии. 2021. № 2-4 (52). С. 38–46.

² Zaslouov V. V. Automated system for diagnosing the structural failures of the unmanned vessel // International Conference on Actual Issues of Mechanical Engineering (AIME 2021), Novorossiysk, 15–16 June 2021. Novorossiysk, 2021. P. 012082. (Journal of Physics: Conference Series, vol. 2061).

вопросов возникает в связи с правовым регулированием соответствующих общественных отношений: область морского судоходства исторически сопряжена с большим количеством рисков и опасностей. Указанный фактор привел к тому, что сегодня данная сфера является одной из наиболее урегулированных как на международном уровне, так и на уровне законодательств отдельных государств, к числу которых относится и Российская Федерация, имеющая объемную систему морского права.

Правоведами в некоторой степени исследованы вопросы правового статуса МАНС³, членов экипажа МАНС и иных участников соответствующих отношений⁴, ответственности участников отношений в области автономного судоходства⁵ и т.д. Вместе с тем с учетом специфики морского права особый интерес вызывает применимость в условиях автономного судоходства требований международного права⁶.

Изучение данного аспекта имеет большую практическую значимость, т.к. соблюдение норм международных договоров обеспечивает безопасность мореплавания, что делает их обязательными, независимо от вида используемых судов. Это подтверждается проведенной работой правового департамента Морской международной организации (International Maritime Organization, IMO) по определению примени-

мости в автономном судоходстве действующих международных конвенций, разработанных для эксплуатации классических, неавтономных судов во времена, когда автоматизация морского транспорта еще не была настолько актуальной и не подразумевала удаленного управления судами, равно как и управления ими с использованием технологий искусственного интеллекта. В результате IMO был сделан вывод о том, что существующие международные договоры должны применяться и к автономным судам, но с некоторыми корректировками, которые разрабатываются или будут разработаны по мере внедрения МАНС в практику морского судоходства. Важным условием должна стать эквивалентность соблюдения требований международных конвенций автономными судами⁷. Указанный тезис также справедливо подтверждается в современной доктрине⁸.

Данный вывод свидетельствует о необходимости выработки некоторых технических и технологических решений, которые позволяли бы соблюдать требования, предъявляемые к морским судам и совершаемым ими маневрам и иным операциям, автоматизированно, т.е. без непосредственного участия человека на борту.

Среди множества международных договоров, обеспечивающих безопасность мореплавания, для целей настоящего исследования

³ Литвин Т. А., Попов А. А. Новации законодательного регулирования правового статуса морского судна // Вестник Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. 2024. № 1 (46). С. 109–111.

⁴ Golovina A. On the issue of the legal status of persons exercising control of a maritime autonomous surface vessel // SHS Web of Conferences. 2022. Vol. 134. P. 00114 ; Чижикова А. В., Диденко Ю. В. Правовой статус капитана судна и судовладельца при эксплуатации автономных судов: недостатки правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2024. № 7 (194). С. 39–41.

⁵ Ключев В. В. Правовые вопросы ответственности за причинение ущерба, связанного с эксплуатацией автономных судов // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 11 (168). С. 123–135.

⁶ Салихова М. А., Артамонов С. Л. Проблемы безэкипажных судов в международном праве // Цифровизация экономики и общества: проблемы, перспективы, безопасность : материалы VI Международной научно-практической конференции, Донецк, 28 марта 2024 г. Донецк : Цифровая типография, 2024. С. 75–81.

⁷ MSC.1-Circ.1638 «Outcome of the regulatory scoping exercise for the use of maritime autonomous surface ships».

⁸ См.: Ключев В. В. Принцип полной функциональной эквивалентности правового регулирования автономных надводных судов // Образование и право. 2023. № 12. С. 653–658 ; Заслонов В. В., Головина А. А. Обеспечение эквивалентного соблюдения некоторых международных правил предупреждения столкновения морских судов в автономном судоходстве // Эксплуатация морского транспорта. 2025. № 3 (116). С. 36–43.

особенно интересны Международные правила предупреждения столкновений судов в море (далее — МППСС-72)⁹. Указанный акт устанавливает требования к расхождению судов, совершению ими некоторых морских маневров, выставлению огней и знаков, сообщающих о навигационном статусе судна, и т.д. Их соблюдение обязательно как для неавтономных, так и для автономных судов. Однако внедрение новых технологий на практике оказалось сопряжено с некоторыми проблемными вопросами, требующими разрешения.

Целью настоящего исследования является выработка предложений по совершенствованию законодательства для обеспечения эквивалентного соблюдения требований МППСС-72 при внедрении МАНС в практику морского судоходства.

Для достижения этой цели необходима реализация следующих задач с использованием общенаучных и специально-юридических методов познания:

- 1) рассмотрение содержания некоторых требований МППСС-72 об огнях и знаках;
- 2) исследование отечественного законодательства, регулирующего соответствующие отношения, в том числе техническую реализацию соблюдения требований МППСС-72 на автономных судах;
- 3) определение основных проблемных аспектов правового регулирования указанных общественных отношений, а также формулирование предложений по совершенствованию законодательства для решения выявленных проблем.

Для решения поставленных задач использованы методы юридического толкования — приемы и технологии, позволяющие уяснять смысл норм и интерпретировать их (в частности, грамматический (языковой) и логический), — метод моделирования.

1. Правовое регулирование предупреждения столкновения морских судов в части выставления огней и знаков

Как уже было указано, требования, касающиеся выставления огней и знаков на морском судне, закреплены в МППСС-72 — акте международного морского права, регулирующем отношения в области безопасного расхождения судов в море, осуществления ими различных морских маневров, оповещения о навигационном статусе судна и т.д.

Вышеупомянутые Правила были приняты в качестве приложения к Конвенции о Международных правилах предупреждения столкновений судов в море (Лондон, 20 октября 1972 г.) и вступили в силу в 1977 г., в том числе для СССР.

Рассмотрим подробнее содержание требований МППСС-72 в части огней и знаков, которые являются средством сообщения окружающим участникам судоходства о габаритах судна, его навигационном статусе и т.д.

Соответствующие требования установлены частью С МППСС-72 в правилах 20–31, которые должны соблюдаться вне зависимости от погодных условий: огни должны выставляться на судах с момента захода до восхода солнца, а также в условиях ограниченной видимости и иных ситуациях. В свою очередь, знаки должны выставляться в дневное время.

Правило 21 МППСС-72 определяет классификацию огней, их цвет, расположение на судне и назначение (см. табл. 1). Правилом 22 МППСС-72 устанавливаются требования к видимости (интенсивности) огней.

Прочие правила ч. С рассматриваемых требований регламентируют расположение, количество и комбинации отдельных видов огней и знаков отдельно для разных видов судов, а также для судов, находящихся в различных навигационных ситуациях (см. табл. 2).

Как уже сказано выше, правовым департаментом ИМО была проведена работа по оценке возможности применения в автономном судоходстве требований международных конвенций, которые были подготовлены

⁹ Международные правила предупреждения столкновений судов в море, 1972 г. (МППСС-72). 6-е изд., испр. и доп. М. : Моркнига, 2016.

Таблица 1

Правило 21 МППСС-72

Наименование огней	Цвет огней	Расположение	Принцип освещения
Топовый	Белый	Диаметральная плоскость судна	Освещает непрерывным светом дугу горизонта в 225° и установлен так, чтобы светить от направления прямо по носу до 22,5° позади траверза каждого борта
Бортовые	Зеленый	Правый борт	Освещают непрерывным светом дугу горизонта в 112,5°; установлены так, чтобы светить от направления прямо по носу до 22,5° позади траверза соответствующего борта
	Красный	Левый борт	
Кормовой	Белый	Насколько это практически возможно, ближе к корме судна	Освещает непрерывным светом дугу горизонта в 135° и установлен так, чтобы светить от направления прямо по корме до 67,5° в сторону каждого борта
Буксировочный	Желтый		
Круговой	—	—	Освещает непрерывным светом дугу горизонта в 360°
Проблесковый	—	—	Дает проблески через регулярные интервалы с частотой 120 или более в минуту

Таблица 2

Правила МППСС-72 об огнях и знаках

Правило	Область применения
Правило 23	Суда с механическим двигателем на ходу
Правило 24	Суда, занятые буксировкой и толканием
Правило 25	Парусные суда на ходу и суда на веслах
Правило 26	Рыболовные суда
Правило 27	Суда, лишенные возможности управляться или ограниченные в возможности маневрировать
Правило 28	Суда, стесненные осадкой
Правило 29	Лоцманские суда
Правило 30	Суда на якоре и суда на мели
Правило 31	Гидросамолеты

задолго до появления МАНС, для неавтономного, классического морского транспорта. После изучения положений указанных документов было принято решение о применимости основной части международных договоров в области торгового мореплавания и к автономному судоходству, причем выделен важный критерий — необходимость обеспечения эквивалентного соблюдения требований

международных конвенций при эксплуатации автономных судов.

Касательно применимости МППСС-72 было установлено: данный акт может применяться и при эксплуатации МАНС, хотя и требует дополнения в части терминологии, определения роли капитана судна, ответственности лица, управляющего судном удаленно, и пр. Однако представляется, что окончательное понимание объе-

ма дополнений, которые необходимо внести, появится только при активизации деятельности по реальному внедрению автономных судов в практику морского судоходства.

2. Проблемы соблюдения требований Международных правил предупреждения столкновения морских судов при использовании автономных судов

Адаптация морского права к появляющимся новым отношениям, связанным с эксплуатацией МАНС, стала одной из важных задач отрасли морского транспорта как на международном уровне, так и на уровне законодательств отдельных государств, в том числе России. В течение последних нескольких лет в нашей стране активно проводились мероприятия по разработке соответствующих технологий¹⁰, а также по созданию и внедрению норм, которые бы определяли особенности правового статуса автономных судов, лиц, управляющих ими, и т.д.

В настоящее время в Российской Федерации отношения, складывающиеся в области автономного судоходства, регулируют следующие нормативные документы:

— Кодекс торгового мореплавания РФ — закрепляет определение автономного судна и деление всех автономных судов на полуавтономные и полностью автономные, устанавливает идентификацию автономного судна, общие правила о судовых документах на автономных судах, регулирует основы правового статуса

внешнего капитана, а также особенности эксплуатации автономных судов и пр.¹¹;

— Кодекс внутреннего водного транспорта РФ — регулирует аналогичные отношения, возникающие при эксплуатации автономных судов внутреннего водного транспорта¹²;

— Федеральный закон «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» — регулирует отношения, связанные с обеспечением безопасности в морском порту и на подходах к нему при эксплуатации МАНС, и пр.¹³;

— Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» — содержит положения о плавании автономных иностранных военных кораблей и других автономных государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях во внутренних морских водах, в территориальном море¹⁴;

— подзаконные акты (постановления Правительства РФ, приказы Министерства транспорта РФ и пр.), некоторые из которых до настоящего времени не вступили в силу.

Российским морским регистром судоходства (РМРС) также принят ряд актов в рассматриваемой области в части классификации автономных судов, их постройки и т.д., в том числе несколько ГОСТов.

Говоря об актах, регулирующих применение МППСС-72 в сфере автономного судоходства, отметим, что Федеральным агентством морского и речного транспорта разработаны Реко-

¹⁰ См.: Заслонов В. В., Жук С. С. Автоматическая идентификация и распределение ресурсов буксирного обеспечения при автономной проводке и швартовке транспортных судов // Морские интеллектуальные технологии. 2025. № 1-1 (67). С. 105–116 ; Жук С. С., Заслонов В. В., Сенченко В. Г. Метод электрической нейтрализации магнитных полей в системе поворотного магнитного швартовного устройства азимутального буксира-автомата // Морские интеллектуальные технологии. 2025. № 1-1 (67). С. 215–226.

¹¹ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

¹² Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.

¹³ Федеральный закон от 08.11.2007 № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5557.

¹⁴ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3833.

мендации по применению Международных правил предотвращения столкновения судов 1972 г. (МППСС-72) автономными судами¹⁵, однако данный документ носит рекомендательный характер и содержит положения, которые толкуются расширительно, тогда как в такой важной области, как предотвращение столкновения морских судов, в том числе автономных, требуются императивные нормы, точные формулировки и правила.

Таким образом, на сегодняшний день в Российской Федерации сложилась система базовых норм, позволяющих строить и эксплуатировать МАНС. Вместе с тем практика их применения выявляет некоторые проблемы, в частности касающиеся соблюдения требований МППСС-72.

Как было описано выше, основной особенностью автономных судов является снижение влияния человеческого фактора на транспортные процессы. Однако требования, предъявляемые к классическим (неавтономным) судам, всё равно должны быть эквивалентно соблюдены. Для выполнения такой задачи необходимы разработка и внедрение технических и технологических решений, устройств, систем и программного обеспечения, которое могло бы гарантировать эквивалентность соблюдения требований, сформулированных в области морского судоходства: те функции, которые раньше выполнялись членами экипажа на борту, теперь также должны выполняться, но автоматизированно.

В части соблюдения требований МППСС-72 могут быть предложены соответствующие решения, позволяющие выставлять огни и знаки на судне согласно данному акту, однако их внедрение оказалось осложнено. Основной проблемой здесь является то, что в Российской Федерации в настоящий момент не существует сертифицированного технического решения, одобренных устройств, допущенных к применению на МАНС, выполняющих рассматриваемую задачу, тогда как на судно при строительстве по требованиям РМРС может быть установлено только сертифицированное навигационное оборудование. В то же время РМРС не выработано параметров, по

которым должна осуществляться такая сертификация.

При этом, говоря об уже эксплуатируемых судах с возможностью автономного и дистанционного управления (таких как паромы «Маршал Рокоссовский» и «Генерал Черняховский»), важно уточнить, что изначально данные суда не являлись автономными, поэтому к ним при постройке не предъявлялось специфических требований, которые сегодня существуют для МАНС.

Таким образом, в настоящее время сложилась следующая ситуация: МАНС обязательно должно иметь необходимое по требованиям РМРС навигационное оборудование, которое нужно для соблюдения в том числе обязательных положений МППСС-72. Однако такое оборудование должно быть сертифицировано по требованиям РМРС, иначе оно не может использоваться при строительстве МАНС. При этом сами требования — параметры, которым должно соответствовать указанное оборудование, — формально не определены, что делает сертификацию невозможной. В итоге на сегодняшний день фактически постройка и, следовательно, внедрение в реальную мореходную практику МАНС, изначально проектируемых автономными, не представляются возможными в силу неполноты правовой основы постройки таких судов.

Текущая ситуация характеризуется отсутствием формализованных требований к программно-аппаратным комплексам, способным обеспечить эквивалентное соответствие требованиям МППСС-72 в области визуальных сигналов (огней и знаков), для МАНС. Данное обстоятельство является существенным препятствием для их интеграции в реальную эксплуатацию. Для формирования таких требований необходимо предварительно определить функциональные задачи, которые должны быть решены соответствующими программными и аппаратными средствами. Выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости определения ключевых задач и спецификаций для данных инструментов.

¹⁵ URL: <https://morflot.gov.ru> (дата обращения: 10.10.2025).

В качестве основы для решения указанной проблемы на базе ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова» разработана полезная модель бортовой автоматической системы визуального оповещения. Эта система, предназначенная для установки на автономные суда без экипажа, призвана автоматически определить навигационный статус судна и, в зависимости от условий видимости и его соответствия, генерировать визуальные сигналы: фигуры в дневное время суток и огни в ночное время или при ограниченной видимости.

Важно при этом отметить, что основные характеристики указанной системы могут быть положены в основу формальных требований РМРС для сертификации оборудования и программного обеспечения, являющегося частью навигационного оборудования автономных судов, что позволит решить существующую на сегодняшний день проблему отсутствия данных требований и, как следствие, практической сложности постройки автономных судов при соблюдении действующих норм.

Так, соответствующая система должна обладать следующими основными параметрами.

1. Автономность — система должна быть способной к функционированию в отсутствие членов экипажа на борту судна (при удаленном управлении, а также в условиях полностью автономного управления).

2. Высокая надежность — для простоты реализации и исключения внешнего воздействия, способного помешать ее работе.

3. Интеграция с бортовыми системами — система должна работать в едином комплексе с GPS, АИС, датчиками и системой дистанционного управления (данная характеристика системы представляется обязательной).

4. Воспроизводимость и масштабируемость — архитектура системы должна быть основана на промышленных компонентах, что обеспечивает простоту внедрения на различных типах автономных судов (паромы, буксиры, научные суда и пр.).

Необходимо также установить ряд технических критериев, которым должны отвечать отдельные компоненты системы при получении в РМРС сертификата соответствия.

Указанные мероприятия позволят решить одну из проблем правового регулирования при строительстве автономных судов, обеспечить конкурентоспособность отечественных автономных судов, а также технический и технологический суверенитет Российской Федерации в рассматриваемой области.

Заключение

Проведенное исследование показало: при постройке МАНС и внедрении их в эксплуатацию для обеспечения безопасности мореплавания должны эквивалентно соблюдаться требования МППСС-72, в частности об огнях и знаках. Данная задача может быть решена путем установки на автономных судах соответствующего навигационного оборудования, которое должно быть сертифицировано по требованиям РМРС, тогда как в настоящий момент формальных требований к указанному оборудованию не выработано, что фактически не позволяет осуществить сертификацию и препятствует постройке МАНС и внедрению его в реальную эксплуатацию.

Необходимо актуализировать требования РМРС к постройке автономных судов, устранив существующие противоречия. Так, следует разработать четкие стандарты сертификации программного обеспечения и оборудования для МАНС. Для решения указанной проблемы нужно выработать соответствующие формальные требования, определив спектр задач. При этом за основу можно взять разработки отечественных исследователей в области транспорта и критерии, предложенные в настоящей статье.

Кроме того, требуются дальнейшие мероприятия по разработке предложений для ИМО с целью внесения изменений в МППСС-72, касающихся автономных судов. В частности, необходимо рассмотреть введение дополнительного огня исключительно для судов, действующих в автономном режиме, чтобы обеспечить их своевременное обнаружение неавтономными судами.

Комплекс предложений, сформулированных в настоящей работе, позволит сделать строительство и эксплуатацию автономных судов осуществимыми, послужив основой для

решения иных аналогичных проблем, которые могут возникнуть в дальнейшем, и предотвратить замедление развития автономного флота. Реализация этих мер способна обеспечить не только безопасность мореплавания, но и кон-

курентные преимущества для страны на рынке автономного судовождения, стимулировать научно-технический прогресс и укрепить технологический суверенитет Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Епихин А. И., Хекерт Е. В., Модина М. А. Анализ безопасности безэкипажных судов на основе структуры модели риска с использованием сети байеса // Морские интеллектуальные технологии. — 2021. — № 2-4 (52). — С. 38–46.
2. Жук С. С., Заслонов В. В., Сенченко В. Г. Метод электрической нейтрализации магнитных полей в системе поворотного магнитного швартовного устройства азимутального буксира-автомата // Морские интеллектуальные технологии. — 2025. — № 1-1 (67). — С. 215–226.
3. Заслонов В. В., Головина А. А. Обеспечение эквивалентного соблюдения некоторых международных правил предупреждения столкновения морских судов в автономном судоходстве // Эксплуатация морского транспорта. — 2025. — № 3 (116). — С. 36–43.
4. Заслонов В. В., Жук С. С. Автоматическая идентификация и распределение ресурсов буксирного обеспечения при автономной проводке и швартовке транспортных судов // Морские интеллектуальные технологии. — 2025. — № 1-1 (67). — С. 105–116.
5. Ключев В. В. Правовые вопросы ответственности за причинение ущерба, связанного с эксплуатацией автономных судов // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 11 (168). — С. 123–135.
6. Ключев В. В. Принцип полной функциональной эквивалентности правового регулирования автономных надводных судов // Образование и право. — 2023. — № 12. — С. 653–658.
7. Литвин Т. А., Попов А. А. Новації законодательного регулювання правового статусу морського судна // Вестник Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. — 2024. — № 1 (46). — С. 109–111.
8. Салихова М. А., Артамонов С. Л. Проблемы безэкипажных судов в международном праве // Цифровизация экономики и общества: проблемы, перспективы, безопасность : материалы VI Международной научно-практической конференции, Донецк, 28 марта 2024 г. — Донецк : Цифровая типография, 2024. — С. 75–81.
9. Чижикова А. В., Диденко Ю. В. Правовой статус капитана судна и судовладельца при эксплуатации автономных судов: недостатки правового регулирования // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 7 (194). — С. 39–41.
10. Golovina A. On the issue of the legal status of persons exercising control of a maritime autonomous surface vessel // SHS Web of Conferences. — 2022. — Vol. 134.
11. Zaslouov V. V. Automated system for diagnosing the structural failures of the unmanned vessel // International Conference on Actual Issues of Mechanical Engineering (AIME 2021), Novorossiysk, 15–16 June 2021. — Novorossiysk, 2021 (Journal of Physics: Conference Series, vol. 2061).

Материал поступил в редакцию 4 ноября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Epikhin A. I., Khekert E. V., Modina M. A. Analiz bezopasnosti bezekipazhnykh sudov na osnove struktury modeli riska s ispolzovaniem seti bayesa // Morskie intellektualnye tekhnologii. — 2021. — № 2-4 (52). — S. 38–46.
2. Zhuk S. S., Zaslonov V. V., Senchenko V. G. Metod elektricheskoy neytralizatsii magnitnykh poley v sisteme povorotnogo magnitnogo shvartovnogo ustroystva azimutalnogo buksira-avtomata // Morskie intellektualnye tekhnologii. — 2025. — № 1-1 (67). — S. 215–226.
3. Zaslonov V. V., Golovina A. A. Obespechenie ekvivalentnogo soblyudeniya nekotorykh mezhdunarodnykh pravil preduprezhdeniya stolknoveniya morskikh sudov v avtonomnom sudokhodstve // Ekspluatatsiya morskogo transporta. — 2025. — № 3 (116). — S. 36–43.
4. Zaslonov V. V., Zhuk S. S. Avtomaticheskaya identifikatsiya i raspredelenie resursov buksirnogo obespecheniya pri avtonomnoy provodke i shvartovke transportnykh sudov // Morskie intellektualnye tekhnologii. — 2025. — № 1-1 (67). — S. 105–116.
5. Klyuev V. V. Pravovye voprosy otvetstvennosti za prichinenie ushcherba, svyazannogo s ekspluatatsiyey avtonomnykh sudov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2024. — T. 19. — № 11 (168). — S. 123–135.
6. Klyuev V. V. Printsip polnoy funktsionalnoy ekvivalentnosti pravovogo regulirovaniya avtonomnykh nadvodnykh sudov // Obrazovanie i pravo. — 2023. — № 12. — S. 653–658.
7. Litvin T. A., Popov A. A. Novatsii zakonodatelnogo regulirovaniya pravovogo statusa morskogo sudna // Vestnik Gosudarstvennogo morskogo universiteta imeni admirala F.F. Ushakova. — 2024. — № 1 (46). — S. 109–111.
8. Salikhova M. A., Artamonov S. L. Problemy bezekipazhnykh sudov v mezhdunarodnom prave // Tsifrovizatsiya ekonomiki i obshchestva: problemy, perspektivy, bezopasnost: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Donetsk, 28 marta 2024 g. — Donetsk: Tsifrovaya tipografiya, 2024. — S. 75–81.
9. Chizhikova A. V., Didenko Yu. V. Pravovoy status kapitana sudna i sudovladeltsa pri ekspluatatsii avtonomnykh sudov: nedostatki pravovogo regulirovaniya // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2024. — № 7 (194). — S. 39–41.
10. Golovina A. On the issue of the legal status of persons exercising control of a maritime autonomous surface vessel // SHS Web of Conferences. — 2022. — Vol. 134.
11. Zaslonov V. V. Automated system for diagnosing the structural failures of the unmanned vessel // International Conference on Actual Issues of Mechanical Engineering (AIME 2021), Novorossiysk, 15–16 June 2021. — Novorossiysk, 2021 (Journal of Physics: Conference Series, vol. 2061).

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.183-198

Ю. Г. Шпаковский*,
А. В. Яковлева**

Технологическое лидерство и экологический суверенитет: проблемы реализации в рамках евразийского экономического пространства

Аннотация. В статье исследуются современные проблемы формирования технологического и экологического суверенитета в условиях трансформации глобальной климатической повестки и усиления геоэкономической конкуренции. Особое внимание уделяется взаимосвязи климатической политики, технологического развития и экономической устойчивости государств, входящих в евразийское экономическое пространство. Подчеркивается, что достижение экологических целей, включая декарбонизацию и углеродную нейтральность, невозможно без формирования собственной технологической базы и снижения зависимости от внешних поставщиков критически значимых решений. Авторы анализируют институциональные и правовые механизмы реализации климатической политики в странах ЕАЭС, выявляя различия в уровне технологической обеспеченности и степени вовлеченности международных партнеров. Отмечается, что климатическая повестка постепенно выходит за рамки исключительно экологической проблематики и становится фактором структурной модернизации экономики. В работе обосновывается тезис о том, что технологический суверенитет выступает ключевым условием эффективной реализации климатической стратегии и обеспечения стратегической автономии государств. Сделан вывод о необходимости координации усилий стран ЕАЭС в области развития низкоуглеродных технологий, унификации стандартов и формирования совместной инновационной инфраструктуры как основы устойчивого развития региона.

Ключевые слова: технологическое лидерство; экологический суверенитет; экологическая безопасность; климатическая безопасность; ЕАЭС; углеродная нейтральность; устойчивое развитие; декарбонизация; национальная безопасность; экономические санкции

© Шпаковский Ю. Г., Яковлева А. В., 2026

* *Шпаковский Юрий Григорьевич*, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
yurii-rags@yandex.ru

** *Яковлева Анна Валерьевна*, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и экономического образования Института экономики и управления Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена

наб. реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186
yeif@mail.ru

Для цитирования: Шпаковский Ю. Г., Яковлева А. В. Технологическое лидерство и экологический суверенитет: проблемы реализации в рамках евразийского экономического пространства // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 183–198. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.183-198

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Technological Leadership and Environmental Sovereignty: Challenges of Implementation within the Eurasian Economic Space

Yuriy G. Shpakovsky, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
yurii-rags@yandex.ru

Anna V. Yakovleva, Dr. Sci. (Economics), Professor, Department of Economic Theory and Economic Education, Institute of Economics and Management, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg, Russian Federation
yeif@mail.ru

Abstract. The paper examines contemporary issues of developing technological and environmental sovereignty in the context of the transformation of the global climate agenda and increasing geoeconomic competition. Particular attention is given to the relationship between climate policy, technological development and economic sustainability of states within the Eurasian economic space. It is emphasized that achieving environmental goals, including decarbonization and carbon neutrality, is impossible without developing our own technological base and reducing dependence on external suppliers of critical solutions. The authors analyze the institutional and legal mechanisms for implementing climate policy in the EAEU countries, identifying differences in the level of technological support and the degree of involvement of international partners. It is noted that the climate agenda is gradually moving beyond purely environmental issues and becoming a factor in the structural modernization of the economy. The paper substantiates the thesis that technological sovereignty is a key condition for the effective implementation of climate strategy and ensuring the strategic autonomy of states. A conclusion was made regarding the need to coordinate the efforts of the EAEU countries in the development of low-carbon technologies, the unification of standards, and the formation of a joint innovation infrastructure as the basis for the sustainable development of the region.

Keywords: technological leadership; environmental sovereignty; environmental security; climate security; EAEU; carbon neutrality; sustainable development; decarbonization; national security; economic sanctions

Cite as: Shpakovsky YuG, Yakovleva AV. Technological Leadership and Environmental Sovereignty: Challenges of Implementation within the Eurasian Economic Space. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):183-198. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.183-198

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Сегодня довольно часто можно слышать заявления разных экспертов, что Российская Федерация имеет достаточно технологий для формирования экологического суверенитета. Напомним, тема государственной (национальной) суверенности актуализируется, как правило, в периоды различных кризисов, глобальных перемен, перестройки системы миропорядка, в том числе и экономического давления¹.

Впрочем, возникает вопрос: нужно ли говорить о необходимости стремления к полному экологическому суверенитету, ведь самостоятельная (суверенная) эколого-правовая политика, по образному выражению Президента России В. Путина, это «очень дорогая вещь», требующая четкого понимания своего культурного кода, духовной и исторической самобытности и духовности²?

Для экологического права крайне важно признать простой факт: «экологический суверенитет», «технологический суверенитет» — это не только право, но и обязанность, не только «возможность», но и «ответственность», не только «национальные интересы», но и глобальная взаимозависимость. Кроме того, у России есть стратегические партнеры и организующая роль в межгосударственных структурах СНГ и ЕАЭС. Не следует забывать и о Союзном государстве России и Беларуси. В этом случае технологический и экологический суверенитет России может рассматриваться исключительно с учетом ее роли на постсоветском пространстве.

Технологический и экологический суверенитет в настоящее время находится как бы в тени государственного, но его важность и статус бу-

дут постоянно возрастать. В правовом поле мы наблюдаем многочисленные примеры «десуверенизации», в том числе и для нашей страны³. Например, технология создания и принятия Целей устойчивого развития и ESG-принципов показывает, как можно при помощи инструментов рейтинга, оценок, опросов создать механизм принятия решений вне существующих государственных практик или параллельно с ними.

Посредством своеобразных маркетинговых технологий можно повлиять на суверенные экологические права. Возможности ограничения экологического суверенитета путем включения (присоединения) страны в сферу деятельности различных международных «рейтинговых агентств», неправительственных организаций, методик оценки, опросов, включения или исключения из каких-либо «сообществ», информационных атак, формирования «общественного мнения» и других технологий показывают широкий спектр «десуверенизации» под видом международного экологического сотрудничества. В указанном контексте деятельность внешних (международных) рейтинговых агентств может квалифицироваться как фактор, потенциально ограничивающий суверенные полномочия государства, поскольку формирование соответствующих оценок осуществляется вне рамок национальной юрисдикции⁴.

Известный российский политик Б. Грызлов достаточно категорично высказался о необходимости противодействия влиянию международных (или иностранных) экологических организаций на внутреннюю политику нашей страны⁵. Здесь необходимо четко на правовых позициях

¹ Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Экологический суверенитет России: правовой анализ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 10. С. 85–92.

² URL: <https://ren.tv/news/v-Rossii/1114528-budem-ukrepiat-nash-suverenitet-putin-dal-signal-zapadu-na-pmef> (дата обращения: 28.04.2026).

³ См., например: Egorova M. A., Zhavoronkova N. G., Shpakovsky Yu. G., Ponomareva D. V., Shmeleva D. V. Climatic aspects of ecological and legal protection of forests in the Russian Federation // Kutafin Law Review. 2022. Vol. 9. No 3. P. 415–436 ; Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Эколого-правовое обеспечение климатической безопасности Российской Федерации : монография. М. : Проспект, 2022.

⁴ Правовое регулирование обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации : монография / под общ. ред. М. В. Мажориной, Ю. Г. Шпаковского. М. : Проспект, 2024.

⁵ Российская газета. 2013. 21 ноября.

разделить обязательства по выполнению международно-правовых актов, подписанных нашей страной, и «незаконные» действия вне государственных организаций и объединений⁶.

В настоящее время в числе важнейших национальных целей развития России обозначены экологическое благополучие и технологическое лидерство⁷. Оптимальный путь достижения выбранных целей — выработка действенного механизма управления эколого-технологическими инновациями, реализующими политику экологического благополучия и технологического лидерства на основе инновационной и ресурсной эффективности энергетического и промышленного секторов экономики России⁸.

Согласно Концепции технологического развития на период до 2030 г.⁹, одной из ключевых угроз для технологического развития Российской Федерации является недостаточная способность национальной экономики адаптироваться к глобальным трендам, имеющим системный характер, что приводит к структурным деформациям экономики и повышает социальную напряженность. К этому относится и влияние на глобальную экономику климатических изменений, стимулирующих распространение энергосберегающих и зеленых технологий, а также ограничительные меры на импорт и потребление углеводородов и сырьевых товаров и др.

Таким образом, проблемы технологического лидерства, формирования экологически благоприятной окружающей среды и противодействия негативным климатическим изменениям

тесно взаимосвязаны. Прежде всего следует отметить, что важнейшая проблема мирового сообщества — изменение технологической основы воспроизводства и развития, происходящее во всех частях планетарного пространства. Ее актуализация связана с целым рядом обстоятельств и процессов¹⁰. Во-первых, меняется под воздействием технологического развития планетарная ноосферная и социальная среда воспроизводства жизни. Во-вторых, ускоряется смена технологических основ воспроизводства жизни — эволюция технологических укладов, появление принципиально новых «неприродных технологий». В-третьих, нарастает опасность возникновения масштабных природных и техногенных катастроф. В-четвертых, для России остро стоит проблема ответа на вызовы геополитики и разработки стратегии ее суверенного выживания на основе технологического прорыва, перехода на технологическое суверенное развитие.

В наиболее развитых странах мира в последние 20 лет развитие и внедрение новых технологий стало ключевым фактором роста экономики и повышения уровня жизни населения. Использование новых технологий направлено как на увеличение эффективности существующих процессов и бизнес-моделей, так и на создание новых рынков. Нужно сказать, что технологии стали ключевым фактором привлечения инвестиций и рыночной капитализации компаний и корпораций.

Обратимся к Концепции технологического развития на период до 2030 г. Реализация дан-

⁶ Шпаковский Ю. Г. Стратегия экологической безопасности РФ // URL: <https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2025/04/Strategiya-ekologicheskoy-bezopasnosti.pdf>.

⁷ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

⁸ См., например: Жарков К. К. Информационно-правовое обеспечение технологического суверенитета в транспортном комплексе Российской Федерации // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сборник докладов : в 4-х ч. Ч. 1. М., 2024. С. 193–196 ; Ефремова М. С. Роль ЕАЭС и ШОС в формировании пространства экологической безопасности в Евразии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 1 (43). С. 110–118.

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

¹⁰ Ковалев С. Г. Мировой порядок большой Евразии и технологическая суверенность России // Большая Евразия : Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества ; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2021. С. 96–101.

ной Концепции направлена на развитие высокотехнологичных отраслей экономики Российской Федерации. Это характеризует ее как отраслевой документ стратегического планирования, определяющий развитие определенной сферы или отрасли экономики с целью достижения технологического суверенитета.

Кроме того, названная Концепция вводит в научный оборот основные понятия в сфере технологического развития. Так, под технологическим суверенитетом понимается наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий, собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственных национальных целей развития и реализовывать национальные интересы.

Технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах: во-первых, исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню); во-вторых, производство высокотехнологичной продукции, основанное на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами.

Важно отметить, что экологический (климатический) суверенитет играет не меньшую роль, чем технологический. Сегодня мы являемся свидетелями энергоперехода, происходящего с разной скоростью. Именно сейчас в мире формируются новые энергетические рынки, новые рынки зеленой и низкоуглеродной продукции. Вместе с тем Европейский Союз заинтересован в продвижении только своих технологических решений, в том числе в сфере экологии и клима-

та. Следовательно, для России важно отстаивать свой технологический и экологический суверенитет¹¹.

Десятилетие, прошедшее с момента принятия Парижского соглашения, продемонстрировало как наличие прогресса в сфере климатической политики, так и его критическую недостаточность¹². Согласно Emissions Gap Report 2025, глобальные выбросы парниковых газов в 2024 г. достигли 57,7 Гт. CO₂-экв., увеличившись на 2,3 % по сравнению с предыдущим годом.

Несмотря на расширение числа государств, заявивших цели углеродной нейтральности, и существенное удешевление возобновляемых источников энергии, мир остается на траектории потепления около 2,8 °C при сохранении текущей политики¹³. Таким образом, современная климатическая динамика свидетельствует о системном несоответствии между заявленными международными обязательствами и фактической траекторией глобального развития.

Даже при условии реализации текущих национально определяемых вкладов (nationally determined contribution, NDC) ожидаемая динамика глобального потепления сохраняется на уровне около 2,3–2,5 °C, что заметно выходит за пределы целевых ориентиров, закрепленных в Парижском соглашении. Существенной остается и так называемая углеродная разница — расхождение между заявленными обязательствами государств и траекторией сокращения выбросов, необходимой для удержания повышения температуры вблизи 1,5 °C. По имеющимся оценкам, к 2030 г. требуется снижение выбросов примерно на 35–55 % относительно уровня 2019 г., тогда как фактические темпы декарбонизации пока не демонстрируют сопоставимой динамики¹⁴. Сложившаяся ситуация указывает

¹¹ XXVI Петербургский международный экономический форум, организованный Фондом «Росконгресс», прошел с 14 по 17 июня 2023 г. // URL: https://roscongress.content.rcmedia.ru/upload/medialibrary/94e/ybmj1xel1z3kqnj1zaqckyszybqoh1x/80_Summary_SPIEF23_11.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

¹² Порфирьев Б. Н. Устойчивое развитие, климат и экономический рост: стратегические вызовы и решения для России. СПб. : СПбГУП, 2020.

¹³ United Nations Environment Programme (2025). Emissions Gap Report 2025: Off target — Continued collective inaction puts global temperature goal at risk. Nairobi // URL: <https://doi.org/10.59117/20.500.11822/48854>.

¹⁴ United Nations Environment Programme (2025). Emissions Gap Report 2025.

на необходимость ускорения глубинных преобразований экономических систем, предполагающих не только обновление технологической базы, но и совершенствование институциональных механизмов регулирования.

При этом цели сокращения выбросов и перехода к углеродной нейтральности не могут рассматриваться изолированно от социально-экономических характеристик государств¹⁵. Реализация климатической политики напрямую связана со структурой национальной экономики, уровнем технологического развития и возможностями модернизации ключевых отраслей. Взаимосвязь между экологическими (климатическими) целями декарбонизации и макроэкономическими параметрами развития носит сложный и неоднозначный характер, что требует комплексного учета экономических факторов при формировании климатических стратегий¹⁶.

Каждый год отсрочки усиливает структурную зависимость от углеродоемкой инфраструктуры, увеличивает будущие экономические издержки и повышает риски необратимых климатических последствий. Одновременно растет потребность в масштабном внедрении технологий возобновляемой энергетики, систем накопления энергии, водородных решений, цифровых энергосетей и технологий удаления углекислого газа¹⁷. Следовательно, климатическая проблематика выходит за рамки исключительно экологической повестки и приобретает выраженный технологический и правовой характер.

Современная климатическая повестка всё в большей степени рассматривается через призму технологической конкуренции государств. Способность обеспечивать разработку и внедрение критически значимых низкоуглеродных технологий становится ключевым фактором реализации климатической политики и одновременно элементом экономической и политической автономии. Тем самым климатическая политика постепенно трансформируется в пространство формирования технологического суверенитета¹⁸.

В международных документах и научных источниках понятие «климатическая повестка» раскрывается через совокупность целей, механизмов и действий по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним. Она включает комплекс международных обязательств, национальных стратегий, нормативных механизмов и институциональных инструментов, направленных на достижение целей Парижского соглашения. Так, в контексте Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) используется концепция Global Climate Action Agenda, которая определяется как механизм объединения и мобилизации добровольных климатических действий государственных и негосударственных акторов для усиления сокращения выбросов, адаптации и перехода к устойчивой экономике¹⁹. Аналогичный подход закреплен в документах Climate Champions, где Action Agenda рассматривается как структурный элемент климатического режима ООН, направ-

¹⁵ Шугуров М. В. Государства — члены ЕАЭС и Зеленый климатический фонд: перспективы скоординированного взаимодействия в сфере климатического финансирования // Международное право и международные организации. 2024. № 2. С. 12–50.

¹⁶ Яковлева А. В., Конюховский П. В. Углеродная нейтральность: экологическая политика и экономический рост // Проблемы экономики и юридической практики. 2026. Т. 22. № 1. С. 20–38.

¹⁷ United Nations Environment Programme (2025). Emissions Gap Report 2025.

¹⁸ См.: Яковлева А. В., Конюховский П. В., Степанова Т. В. Зеленая экономика: специфика развития для различных стран // Экономика и предпринимательство. 2025. № 12-2 (185). С. 33–43 ; Правовые механизмы формирования единого устойчивого пространства развития в рамках Евразийского экономического союза: природные и техногенные аспекты : монография / под ред. Ю. Г. Шпаковского. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2026.

¹⁹ United Nations Framework Convention on Climate Change. Global Climate Action Agenda // URL: <https://unfccc.int/climate-action> (дата обращения: 28.02.2026).

ленный на ускорение реализации целей Парижского соглашения²⁰. В документах Всемирной организации здравоохранения climate agenda описывается как межагентская программа, интегрирующая основные международные климатические инициативы²¹. В научно-аналитических публикациях, в частности материалах Grantham Research Institute (London School of Economics), международная климатическая повестка операционализируется через две ключевые составляющие — смягчение последствий изменения климата / сокращение выбросов парниковых газов и адаптацию к изменению климата (т.е. меры по приспособлению экономики, инфраструктуры и общества к уже происходящим и неизбежным климатическим изменениям), формирующие ядро глобальной климатической политики²². Наконец, в официальных публикациях РКК ООН 2025 г. климатическая повестка вновь трактуется через Global Climate Action Agenda как инструмент ускорения реализации обязательств по сокращению выбросов и достижению долгосрочных температурных целей Парижского соглашения²³.

Тем самым климатическая повестка формирует новую архитектуру глобального и регионального регулирования, в которой декарбонизация становится не только экологической задачей, но и технологическим и институциональным вызовом. Эффективность ее реализации зависит от способности государств обеспечивать доступ к критически важным низкоуглеродным технологиям, развивать собственные научно-технические компетенции и минимизировать

одностороннюю внешнюю зависимость в стратегических секторах. Именно в этой плоскости возникает вопрос технологического суверенитета как правовой и экономической категории, отражающей способность государства или интеграционного объединения сохранять стратегическую автономию в условиях глобальной технологической взаимозависимости.

В научной литературе понятие технологического суверенитета раскрывается через характеристику способности государства либо объединения государств обеспечивать контроль над ключевыми технологиями, имеющими определяющее значение для экономической устойчивости, конкурентных позиций и реализации управленческих функций²⁴. Речь идет не только о разработке соответствующих решений внутри национальной экономики, но и о возможности их получения из внешних источников без возникновения критической зависимости от отдельных поставщиков или технологических центров. Содержательно данная категория отражает уровень самостоятельности в формировании и воспроизводстве научно-технического потенциала, который может обеспечиваться как за счет внутренних ресурсов, так и посредством устойчивых форм международного сотрудничества. При этом акцент делается не на изоляции от глобальных процессов, а на поддержании баланса между участием в международном разделении труда и сохранением контроля над технологиями, имеющими стратегическое значение для развития. В первую очередь указанное понятие описывает сохранение возможностей

²⁰ UN Climate Champions. Action Agenda // URL: <https://www.climatechampions.net/action-agenda/> (дата обращения: 28.02.2026).

²¹ World Health Organization. Climate Change and Human Health — WHO participation in the interagency climate agenda. Report by the Director-General. EB101/20. 21 October 1997 // URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB101/pdfangl/eb10120.pdf (дата обращения: 28.02.2026).

²² How is adaptation included within the international climate agenda? // London School of Economics and Political Science. 14 August, 2024. URL: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/explainers/how-is-adaptation-included-within-the-international-climate-agenda/> (дата обращения: 28.02.2026).

²³ Global Climate Action Agenda 2026–2030: A five-year vision for accelerating implementation // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/GCAA_2026-30.pdf (дата обращения: 28.02.2026).

²⁴ Муртузалиев С. С. Международный опыт механизмов закупок и его использование в целях достижения технологического суверенитета // Технологический суверенитет в условиях новых вызовов : материалы международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 134–142.

путем развития и поддержания собственных возможностей и избегания односторонней зависимости²⁵. Концепция технологического суверенитета подчеркивает сочетание надежного доступа к технологиям или соответствующим компонентам, который может быть обеспечен как за счет внутреннего производства (собственные возможности), так и за счет связей с другими экономическими регионами (внешние сети). На практике существует множество способов сделать внешние связи почти столь же надежными, как и внутренние возможности. Наиболее сильным вариантом является приверженность государств единой правовой и институциональной структуре, которой должны придерживаться все²⁶.

В контексте климатической повестки данная концепция приобретает особую актуальность, поскольку контроль над возобновляемой энергетикой, системами хранения энергии, водородными, цифровыми и иными низкоуглеродными технологиями напрямую определяет возможность государств самостоятельно задавать темпы и направления зеленой трансформации.

Под технологическим суверенитетом в климатической сфере в рамках настоящего исследования авторами понимается способность государства или интеграционного объединения обеспечивать разработку, внедрение и устойчивое функционирование критически значимых низкоуглеродных технологий, систем мониторинга и экологического администрирования без возникновения односторонней структурной зависимости, способной ограничить стратегическую автономию климатической политики.

Результаты современных исследований показывают, что успешность реализации клима-

тической и экологической политики напрямую связана с уровнем социально-экономического и технологического развития государств. Страны, обладающие более высоким инновационным потенциалом, научно-исследовательской инфраструктурой и производственными компетенциями, демонстрируют более устойчивые результаты в достижении целей декарбонизации. Это подтверждает, что переход к низкоуглеродной модели развития требует не только нормативного регулирования, но и наличия собственной технологической базы²⁷.

В этой связи климатическая трансформация всё чаще рассматривается не только как экологическая (климатическая) задача, но и как элемент долгосрочной экономической политики. Переход к низкоуглеродной модели развития предполагает структурные изменения в энергетике, промышленности и инфраструктуре, что делает технологические и производственные возможности государств одним из ключевых факторов достижения целей углеродной нейтральности²⁸.

Отдельные авторы отмечают, что ключевой и, соответственно, оправданной мотивацией для дискуссии о технологическом суверенитете является признание различными государственными субъектами того, что либо само правительство, либо внутренняя экономика в целом стали слишком зависимы от технологий, разработанных, предоставленных и, следовательно, легко подверженных влиянию или скрытых потенциальными противниками, что напрямую вытекает из устоявшихся концепций суверенитета в международном праве, которые постулируют, что все национальные государства должны иметь возможность управлять своими вну-

²⁵ Jakob E., et al. Technology sovereignty: From demand to concept, Perspectives — Policy Brief, No. 02/2020, Fraunhofer-Institut für System- und Innovationsforschung ISI, Karlsruhe. July 2020. DOI: 10.24406/publica-fhg-300409.

²⁶ Jakob E., Knut B., Henning K., Torben S. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // Research Policy. 2023. Vol. 52. Iss. 6. 104765. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.

²⁷ См.: Яковлева А. В., Конюховский П. В., Степанова Т. В. Указ. соч. ; Правовые механизмы формирования единого устойчивого пространства развития в рамках Евразийского экономического союза.

²⁸ Яковлева А. В., Конюховский П. В. Указ. соч.

тренними делами без внешнего вмешательства. В этом отношении призыв к технологическому суверенитету отражает опасения правительств потерять способность действовать независимо в глобальной технологической системе и (или) оказаться в невыгодном положении в глобальных цепочках создания стоимости²⁹.

Последнее время в научных и экспертных кругах часто стал употребляться термин «глобальное экологическое управление в рамках Большой Евразии»³⁰.

Глобальное экологическое управление представляет собой сложную систему межгосударственного взаимодействия. В отличие от унифицированной национальной правовой базы внутри каждого государства, здесь нет единого кодекса или жесткой иерархии норм. Вместо этого формируется сетевая модель, где различные организации (ЕАЭС, ШОС) и даже экспертные площадки берут на себя отдельные аспекты регулирования.

Выделим только некоторые основные направления.

Во-первых, техническое регулирование и стандартизация (например, в ЕАЭС). Прямого экологического кодекса ЕАЭС не существует, но действуют обязательные технические регламенты, напрямую влияющие на экологическую безопасность (например, ТР ТС 030/2012 о смазочных материалах или ТР ТС 005/2011 о безопасности упаковки). Сейчас ключевой вызов — создание собственной системы подсчета углеродного следа, чтобы защитить экспортеров. Параллельно разрабатываются ГОСТы для систем автоматического контроля выбросов.

Во-вторых, сотрудничество по трансграничным объектам. Так, в рамках ШОС делается акцент на конкретных экологических проблемах без границ. В апреле 2026 г. на Региональном экологическом саммите в Астане главы Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и

Узбекистана одобрили несколько региональных партнерств. Главные темы — экономика замкнутого цикла, сохранение ледников, поддержка биоразнообразия, снижение загрязнения воздуха и выбросов метана.

В-третьих, климатическая повестка и углеродные рынки. Это одно из самых динамичных направлений. В ответ на введение трансграничного углеродного регулирования (ТУР) ЕС страны Евразии активизируют создание собственных углеродных рынков, системы зеленого финансирования и обсуждают технологический обмен. Эксперты констатируют необходимость выработки согласованной позиции для «новой фазы зеленой повестки».

Соответственно, глобальное экологическое управление в Большой Евразии — это не единый свод правил, а формат «управления без правительства», где ключевую роль играют поиск баланса между экономическими интересами, противостояние внешним вызовам (таким как углеродный налог ЕС) и прямые переговоры по критическим точкам в сфере экологии и климата.

В контексте функционирования Евразийского экономического союза рассматриваемая проблематика приобретает дополнительное нормативно-правовое измерение. Это обусловлено тем, что реализация климатической повестки в рамках интеграционного объединения требует не только закрепления соответствующих обязательств на национальном уровне, но и их согласования в рамках наднационального регулирования. В частности, возникает необходимость гармонизации эколого-правовых режимов, унификации технических и экологических стандартов, а также координации промышленной политики государств-членов в целях формирования устойчивых трансграничных технологических цепочек в стратегически значимых отраслях.

Недостаточный уровень технологического суверенитета в указанных условиях способен

²⁹ Jakob E., Knut B., Henning K., Torben S. Op. cit.

³⁰ См., например: Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. Вып. 4. Ч. 1. М., 2021 ; Шпаковский Ю. Г. Трансформация экологического законодательства России в условиях глобального потепления // Новые тенденции китайско-российских правовых исследований в контексте новой эры : сборник материалов II Международного форума китайско-российского сравнительного правоведения, Хэнань, апрель 2024 г. Хэнань : Хэнаньский университет, 2024.

выступать фактором ограничения правовой и экономической автономии государств ЕАЭС. Это проявляется в снижении их способности к самостоятельному установлению экологических требований, ослаблении позиций в условиях глобального углеродного регулирования, а также в усложнении реализации и защиты национальных интересов в рамках трансграничных климатических механизмов³¹.

При таких обстоятельствах эффективность климатической политики определяется не только объемом принятых международно-правовых и внутригосударственных обязательств, но и степенью обеспеченности их исполнения соответствующими технологическими и институциональными ресурсами. В этой связи достижение углеродной нейтральности следует рассматривать как элемент правовой стратегии долгосрочного социально-экономического развития.

Усиление геополитической напряженности в сочетании с нарастающими экологическими рисками предопределяет приоритетность формирования согласованных правовых механизмов управления климатическими процессами в рамках ЕАЭС.

Уместно ли в настоящем исследовании употреблять понятие «глобальное экологическое (климатическое) управление»? Концепция глобального управления (global governance) представляет собой один из наиболее дискуссионных и многогранных феноменов в современных академической и международной сферах, поскольку до сих пор не существует единого, общепринятого определения данного понятия, что отражает его сложность и многомерность. В то же время глобальное управление — это не столько мировое правительство, сколько комплексное взаимодействие государств, бизнеса, гражданского общества, а также производных от них международных организаций и институтов.

Такое взаимодействие направлено на выработку формальных и неформальных норм и правил, регулирование транснациональных вопросов и координацию совместных усилий по их решению, которые могут реализовываться в иерархическом, сетевом или рыночном формате³².

Подобный подход позволяет понять, что эффективное глобальное управление не требует единой центральной власти, а, скорее, опирается на сложную сеть сотрудничества, способную адаптироваться к изменяющимся условиям и решать проблемы, выходящие за рамки национальных компетенций.

Может ли подход глобального экологического (климатического) управления реализоваться в рамках ЕАЭС?

Сегодня проблема технологической автономии приобретает интеграционное измерение и требует оценки с точки зрения согласованности правовых режимов и формирования совместной технологической базы декарбонизации. Возникает вопрос: способна ли климатическая архитектура государств — членов ЕАЭС обеспечить формирование устойчивого технологического суверенитета в условиях глобальной декарбонизации и нарастающей геоэкономической турбулентности?

Республика Армения. В контексте анализа эколого-правового измерения климатической повестки в государствах — членах ЕАЭС показателен пример Республики Армения, демонстрирующий последовательную институционализацию климатической политики при активном взаимодействии с международными партнерами. Согласно Докладу о реализации партнерства ЕС — Армения (SWD(2025) 401 final)³³ и отчету NDC Partnership за III квартал 2025 г.³⁴, Армения закрепила обязательство по сокращению выбросов парниковых газов на 40 % к 2030 г. по сравнению с уровнем 1990 г., утвердила

³¹ Яковлева А. В., Конюховский П. В. Указ. соч.

³² Смакотина Н. Л., Егоренкова М. А. Глобальное управление или глобальное регулирование? // Экономика и бизнес. 2020. № 5-2 (114). С. 143–146.

³³ Partnership Implementation Report on Armenia. SWD(2025) 401 final. Brussels, 28.11.2025 // URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-16174-2025-INIT/en/pdf> (дата обращения: 28.02.2026).

³⁴ Republic of Armenia. NDC Partnership — Q3 2025. November 5, 2025 // URL: https://NDGP_Quarterly_CE_Update_Report_Armenia_Q3_2025.pdf (дата обращения: 28.02.2026).

долгосрочную стратегию низкоэмиссионного развития до 2050 г. (LT-LEDS), а также разрабатывает обновленный национально определяемый вклад (NDC 3.0) с целевым горизонтом до 2035 г. Существенным этапом стало одобрение проекта Закона «О климате» (принят Национальным собранием Армении 18 февраля 2026 г.)³⁵ и сопутствующих изменений в смежные нормативные акты, направленных на формирование комплексной правовой основы планирования и реализации мер по адаптации и смягчению последствий изменения климата. Параллельно развивается система мониторинга, отчетности и верификации (MRV) и формируется институциональная инфраструктура отчетности в рамках Enhanced Transparency Framework РКИК ООН, предусматривающая последующую подготовку двухгодичных отчетов о транспарентности (Biennial Transparency Reports). Технологическое измерение климатической политики проявляется в наращивании доли возобновляемой энергетики (росте солнечной генерации, подготовке ветроэнергетических проектов, модернизации энергетической инфраструктуры), реализации программ энергоэффективности зданий, разработке механизмов углеродного ценообразования и внедрении стандартов раскрытия информации о выбросах. Вместе с тем анализ показывает высокую степень вовлеченности международных финансовых и экспертных институтов (ЕС, Программы развития ООН, Зеленого климатического фонда, Европейского банка реконструкции и развития, Азиатского банка развития, Всемирного банка и др.) в разработку нормативных решений и финансирование инфраструктурных проектов. При этом

ключевые элементы климатической политики закрепляются в национальной нормативной системе и формируют институциональную основу для развития внутренних технологических компетенций. Это формирует модель климатической трансформации, основанную на сочетании национального регулирования и внешней поддержки.

Республика Беларусь. Республика Беларусь продолжает институционализировать климатическую повестку на фоне международных обязательств и внутреннего стратегического развития. В ноябре 2025 г. Беларусь официально представила в Секретариат РКИК ООН обновленный национально определяемый вклад (NDC 3.0) на период 2026–2035 гг., предусматривающий безусловное сокращение выбросов парниковых газов на 42 % и до 47 % с международной поддержкой по сравнению с уровнем 1990 г., что отражает рост амбиций национальной климатической политики в соответствии с требованиями Парижского соглашения и результатами глобального обзора климатических мер³⁶. Одновременно Республика Беларусь выпустила Первый двухгодичный доклад по транспарентности (BTR1), в котором представлены детальные данные по национальной системе инвентаризации выбросов, мониторингу, отчетности и верификации (MRV) в рамках Enhanced Transparency Framework РКИК ООН³⁷. Указанные документы фиксируют смещение акцента от декларативного закрепления климатических ориентиров к их поэтапной имплементации посредством институциональных механизмов. К числу таких механизмов относятся системы мониторинга, отчетности и верификации (MRV), инструменты межведомственного взаи-

³⁵ На момент написания настоящей работы официальная информация о принятии указанного Закона существует в открытых источниках, хотя его текст еще не представлен в едином официальном юридическом реестре (ՀՀ Ազգային ժողովն ընդունել է «Կլիմայի մասին» օրենքը. Փետրվար 18, 2026 // URL: <https://www.ecolur.org/hy/news/climate-change/16286/> (дата обращения: 28.02.2026)).

³⁶ Belarus Adopts NDC 3.0: Testing the Paris Agreement's Promise in Practice. 20.10.2025 // URL: <https://www.undp.org/belarus/news/belarus-adopts-ndc-30-testing-paris-agreements-promise-practice> (дата обращения: 28.02.2026).

³⁷ См.: Belarus. Biennial Transparency Report (BTR). BTR1. CTF-FTC. 30.12.2024 // URL: <https://unfccc.int/documents/645167> (дата обращения: 28.02.2026) ; Первый двухгодичный доклад Республики Беларусь по вопросам транспарентности. Минск, 2024 // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/BTR_Belarus_2024.pdf (дата обращения: 28.02.2026).

модействия, а также включение климатических требований в регулирование энергетического и промышленного секторов.

Анализ данных, содержащихся в первом двухгодичном отчете о транспарентности (BTR1), показывает, что структура национальных выбросов по-прежнему характеризуется доминирующей ролью энергетического комплекса. Названное обстоятельство объективно обуславливает необходимость технологической модернизации энергетической инфраструктуры и сопряженных отраслей. В совокупности реализуемые меры позволяют говорить о формировании в Республике Беларусь модели климатического регулирования, основанной на сочетании нормативно-правовых инструментов, институциональной организации и технологического развития, соотношенного с международными обязательствами государства.

В результате климатическая политика приобретает качественно иное содержание, выходя за рамки традиционного природоохранного регулирования и трансформируясь в элемент технологической и экономико-правовой стратегии развития. Достижение обновленных целей NDC 3.0, функционирование национальной системы мониторинга, отчетности и верификации выбросов парниковых газов (MRV) и модернизация энергетического сектора объективно связывают климатические обязательства с развитием и контролем над критически значимыми технологиями. В этом контексте климатическая повестка становится не только инструментом экологической трансформации, но и фактором формирования предпосылок технологического суверенитета, поскольку реализация климатических целей требует укрепления внутренних научно-технических компетенций и снижения односторонней технологической зависимости.

Республика Казахстан. В Республике Казахстан климатическая повестка приобрела устойчивую институциональную форму, основанную на национальных стратегических и междуна-

родных обязательствах в рамках Парижского соглашения. Центральным ориентиром является Стратегия достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 г., утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 02.02.2023 № 121, которая предусматривает поэтапное сокращение выбросов парниковых газов с промежуточной целью сокращения около 15 % (безусловно) и до 25 % (условно) к 2030 г. по сравнению с уровнем 1990 г., а также конечную цель достижения нейтрального углеродного баланса к 2060 г.³⁸ В 2025 г. Республика Казахстан представила обновленный национально определяемый вклад (NDC 3.0), в котором зафиксированы обязательства по сокращению выбросов парниковых газов к 2035 г. в объеме примерно 17 % (безусловно) и до 25 % (условно), согласованные со стратегией углеродной нейтральности и международными климатическими требованиями³⁹. Указанную архитектуру климатической политики дополняет участие Казахстана в Enhanced Transparency Framework РКИК ООН, что обязывает государство к подготовке транспарентных отчетов по выбросам и мерам, включая системы мониторинга, отчетности и верификации данных о выбросах, а также регулярные обзоры национальных инвентарей. Секторальная структура выбросов Казахстана, при которой энергетика и промышленный сектор играют доминирующую роль, подчеркивает необходимость технологической модернизации энергетической инфраструктуры, внедрения низкоуглеродных технологий и цифровых систем учета для достижения намеченных целей⁴⁰. Таким образом, климатическая политика Казахстана выстраивается как сочетание правовых обязательств, стратегического целеполагания и технологического потенциала, что создает основу для рассмотрения проблем технологического суверенитета в национальном и интеграционном контексте.

³⁸ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121> (дата обращения: 28.02.2026).

³⁹ Kazakhstan NDC 3.0 // URL: <https://ndcpartnership.org/country/kaz> (дата обращения: 28.02.2026).

⁴⁰ The First Biennial Transparency Report of the Republic of Kazakhstan. 10.11.2024 // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Kazakhstan_1BTR_ru.pdf (дата обращения: 28.02.2026).

Анализ первого двухгодичного отчета о транспарентности Республики Казахстан (BTR1, 2024)⁴¹ позволяет установить, что достижение заявленных климатических целей не ограничивается их нормативным закреплением и предполагает наличие соответствующей технологической основы. Представленные в названном отчете данные свидетельствуют о доминирующем вкладе энергетического сектора в структуру выбросов (около 80 %), а также о сохраняющейся зависимости экономики от ископаемых источников энергии. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость ускоренной модернизации энергетической инфраструктуры, расширения использования возобновляемых источников энергии, внедрения технологий улавливания и хранения углерода (CCUS), а также развития цифровых систем мониторинга и отчетности. В этих условиях реализация климатической политики данной страны приобретает прямую зависимость от уровня развития национальных научно-технологических компетенций. Отсутствие достаточной технологической базы способно привести к усилению внешней зависимости при выполнении международных обязательств. Поэтому климатическая трансформация выступает не только как экологическое направление государственной политики, но и как элемент обеспечения технологической самостоятельности, связанный со способностью государства разрабатывать и поддерживать критически значимые решения в сфере декарбонизации.

Кыргызская Республика. Климатическая политика данной страны формируется в рамках Программы развития зеленой экономики на 2024–2028 гг., ориентированной на переход к модели устойчивого развития. Названный документ предусматривает включение климатических приоритетов в систему экономического планирования, меры по сохранению природ-

ного капитала, а также модернизацию энергетической отрасли. Параллельно осуществляется реализация обновленного национально определяемого вклада, ведется подготовка национальных планов адаптации и разрабатывается концепция достижения углеродной нейтральности к 2050 г. Отдельное внимание уделяется развитию государственной системы экологического мониторинга, созданию единой информационной базы и внедрению аналитических инструментов прогнозирования. Формирование модели зеленой экономики сопровождается применением сценарных оценок климатических и макроэкономических последствий. В этих условиях энергетическая отрасль, испытывающая дефицит мощностей и зависимость от импорта электроэнергии, рассматривается как ключевая область модернизации. Приоритет связывается с использованием гидроэнергетического потенциала, расширением альтернативных источников генерации и повышением эффективности потребления энергии⁴².

В 2025 г. Кыргызская Республика подготовила третий национально определяемый вклад (NDC 3.0), который предусматривает безусловное сокращение чистых выбросов парниковых газов на 18 % к 2030 г. и до 30 % при международной поддержке, а также на 16 % к 2035 г. (условное сокращение до 39 %) в сравнении с прогнозируемыми уровнями выбросов. Было рассчитано, что реализация соответствующих мер позволит ежегодно снижать выбросы приблизительно на 8,5 млн т CO₂-экв. к 2030 г. и 13,1 млн т CO₂-экв. к 2035 г., что отражает амбициозный климатический ориентир страны и привязку к международным требованиям Парижского соглашения⁴³.

Таким образом, сформированная в Кыргызской Республике эколого-правовая и стратегическая конструкция климатического регулирования свидетельствует о постепенном переходе от

⁴¹ The First Biennial Transparency Report of the Republic of Kazakhstan.

⁴² Программа развития зеленой экономики в Кыргызской Республике на 2024–2028 годы (проект) // URL: <https://mineconom.gov.kg/froala/uploads/file/3bd5db922cf87fc28a0f3cbeced8e2bbe286956c.pdf> (дата обращения: 28.02.2026).

⁴³ Определяемый на национальном уровне вклад Кыргызской Республики. ОНУВ 3.0. Бишкек, 2025 г. // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/2025-10/NDC3.0_Kyrgyzstan_Russian_30-09-2025.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

декларативных обязательств к системной институционализации декарбонизационной политики. Вместе с тем зависимость значительной части климатических мер от внешней финансовой и технологической поддержки указывает на ограниченность внутренних производственно-технологических ресурсов. В этих условиях достижение заявленных целей по сокращению выбросов напрямую связано с развитием национальных компетенций в сфере низкоуглеродной энергетики, модернизацией инфраструктуры и систем экологического администрирования. Следовательно, климатическая трансформация Кыргызстана объективно приобретает измерение технологической самостоятельности, что выводит проблематику технологического суверенитета в число ключевых факторов устойчивости и стратегической автономии государственной климатической политики.

Российская Федерация. Климатическая политика Российской Федерации формировалась на протяжении нескольких десятилетий в контексте международных обязательств и национальных экологических приоритетов.

Особенностью современного этапа реализации климатической политики является ее развитие в условиях санкционного давления и ограниченного доступа к зарубежным технологиям, инвестициям и рынкам оборудования. В этих обстоятельствах декарбонизационная повестка приобретает дополнительное значение как инструмент структурной перестройки экономики и стимулирования внутреннего научно-технического потенциала. Развитие собственных низкоуглеродных решений, цифровых систем мониторинга и отчетности, технологий модернизации энергетики и промышленности становится не только экологической задачей, но и элементом обеспечения технологического суверенитета. Тем самым климатическая трансформация в Российской Федерации выступает одновременно механизмом выполнения международных обязательств и фактором укрепления стратегической автономии государства.

Проведенный сравнительный анализ эколого-правового регулирования в государствах евразийского экономического пространства показывает, что климатическая повестка во всех странах

ЕАЭС приобрела институционально оформленный характер, однако уровень ее технологического обеспечения и степень внешней зависимости существенно различаются. Армения демонстрирует динамичную нормативную модернизацию при высоком уровне вовлеченности международных партнеров; Беларусь выстраивает управляемую модель климатического регулирования с развитой системой мониторинга и отчетности; Казахстан реализует стратегию углеродной нейтральности через модернизацию энергетического сектора; Кыргызстан институционализирует климатическую политику в рамках зеленой экономики при ограниченных внутренних ресурсах; Российская Федерация формирует комплексную нормативную и технологическую конструкцию декарбонизации, включая развитие собственных низкоуглеродных технологий в условиях санкционных ограничений.

Следует отметить, что формирование климатической политики государств ЕАЭС происходит в условиях нарастающей геоэкономической нестабильности, перестройки глобальных цепочек поставок и санкционных ограничений, которые в различной степени затрагивают государства объединения и объективно усиливают значение технологической самостоятельности в реализации декарбонизационных стратегий.

Сопоставление национальных моделей позволяет выделить общее структурное свойство: реализация климатических обязательств во всех государствах ЕАЭС напрямую связана с уровнем технологической базы, состоянием энергетической инфраструктуры и способностью формировать устойчивые научно-технические компетенции. Иначе говоря, климатическая повестка перестает быть исключительно экологическим направлением политики и выступает фактором структурной модернизации экономики и технологического развития.

Таким образом, сравнительный анализ демонстрирует, что потенциал формирования технологического суверенитета в рамках ЕАЭС носит не только национальный, но и интеграционный характер. При различиях в ресурсной базе и институциональной зрелости государства объединяет зависимость достижения климатических целей от технологической модернизации клю-

чевых отраслей. В этих условиях согласование стандартов мониторинга и отчетности, развитие совместных энергетических и инфраструктурных проектов, формирование кооперационных цепочек в сфере низкоуглеродных технологий и проведение совместных научно-исследовательских программ могут рассматриваться как механизмы укрепления регионального технологического суверенитета. Тем самым климатическая повестка в государствах — членах ЕАЭС выступает не только сферой экологического регулирования, но и пространством формирования новой региональной технологической архитектуры. В этом контексте Евразийский экономический союз может рассматриваться как институциональная плат-

форма координации климатической политики и формирования совместных технологических решений по декарбонизации.

При этом необходимо разграничивать нормативную институционализацию климатической политики и реальную технологическую автономию. Наличие стратегий, законов и международных обязательств само по себе не гарантирует способности государства самостоятельно обеспечивать производство и контроль над критически значимыми технологиями декарбонизации. Технологический суверенитет предполагает не только правовое закрепление целей, но и материальную, научную и производственную базу их достижения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества ; отв. ред. В. И. Герасимов. Вып. 4. Ч. 1. — М., 2021. — 739 с.
2. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Экологическая безопасность устойчивого развития: стратегия и механизмы реализации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7 (164). — С. 174–187.
3. Жарков К. К. Информационно-правовое обеспечение технологического суверенитета в транспортном комплексе Российской Федерации // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции и XXIV Международной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках XIII Московской юридической недели. В 4-х ч. Ч. 1. — М., 2024. — С. 193–196.
4. Ефремова М. С. Роль ЕАЭС и ШОС в формировании пространства экологической безопасности в Евразии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2023. — Т. 17. — № 1 (43). — С. 110–118.
5. Курбанова А. М. Технологическое развитие Российской Федерации // Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Махачкала, 15–16 ноября 2023 г. Т. 2. — Махачкала, 2023. — С. 157–163.
6. Правовые механизмы формирования единого устойчивого пространства развития в рамках Евразийского экономического союза: природные и техногенные аспекты : монография / под ред. Ю. Г. Шпаковского. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2026. — 172 с.
7. Порфирьев Б. Н. Устойчивое развитие, климат и экономический рост: стратегические вызовы и решения для России. — СПб. : СПбГУП, 2020. — 40 с.
8. Шпаковский Ю. Г. Климатические аспекты энергоперехода экономики России // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2023. — № 2. — С. 29–34.
9. Шпаковский Ю. Г. Трансформация экологического законодательства России в условиях глобального потепления // Новые тенденции китайско-российских правовых исследований в контексте новой эры : сборник материалов II Международного форума китайско-российского сравнительного правоведения, Хэнань, апрель 2024 г. — Хэнань : Хэнаньский университет, 2024.
10. Шугуров М. В. Государства — члены ЕАЭС и Зеленый климатический фонд: перспективы скоординированного взаимодействия в сфере климатического финансирования // Международное право и международные организации. — 2024. — № 2. — С. 12–50.
11. Яковлева А. В., Конюховский П. В., Степанова Т. В. Зеленая экономика: специфика развития для различных стран // Экономика и предпринимательство. — 2025. — № 12-2 (185). — С. 33–43.

12. Яковлева А. В., Конюховский П. В. Углеродная нейтральность: экологическая политика и экономический рост // Проблемы экономики и юридической практики. — 2026. — Т. 22. — № 1. — С. 20–38.
13. Egorova M. A., Zhavoronkova N. G., Shpakovsky Yu. G., Ponomareva D. V., Shmeleva D. V. Climatic aspects of ecological and legal protection of forests in the Russian Federation // Kutafin Law Review. — 2022. — Vol. 9. — No. 3. — P. 415–436.
14. Jakob E., Knut B., Henning K., Torben S. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // Research Policy. — 2023. — Vol. 52. — Iss. 6. — 104765. — DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.

Материал поступил в редакцию 5 мая 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bolshaya Evraziya: razvitie, bezopasnost, sotrudnichestvo: ezhegodnik / RAN. INION. Otd. nauch. sotrudnichestva; otv. red. V. I. Gerasimov. Vyp. 4. Ch. 1. — M., 2021. — 739 s.
2. Zhavoronkova N. G., Shpakovskiy Yu. G. Ekologicheskaya bezopasnost ustoychivogo razvitiya: strategiya i mekhanizmy realizatsii // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2024. — T. 19. — № 7 (164). — S. 174–187.
3. Zharkov K. K. Informatsionno-pravovoe obespechenie tekhnologicheskogo suvereniteta v transportnom komplekse Rossiyskoy Federatsii // Pravovoe obespechenie suvereniteta Rossii: problemy i perspektivy : sbornik dokladov XXIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii i XXIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Yuridicheskogo fakulteta MGU im. M.V. Lomonosova v ramkakh XIII Moskovskoy yuridicheskoy nedeli. V 4-kh ch. Ch. 1. — M., 2024. — S. 193–196.
4. Efremova M. S. Rol EAES i ShOS v formirovanii prostranstva ekologicheskoy bezopasnosti v Evrazii // Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. — 2023. — T. 17. — № 1 (43). — S. 110–118.
5. Kurbanova A. M. Tekhnologicheskoe razvitie Rossiyskoy Federatsii // Aktualnye voprosy sovremennoy nauki i obrazovaniya: sbornik materialov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Makhachkala, 15–16 noyabrya 2023 g. T. 2. — Makhachkala, 2023. — S. 157–163.
6. Pravovye mekhanizmy formirovaniya edinogo ustoychivogo prostranstva razvitiya v ramkakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: prirodnye i tekhnogennye aspekty: monografiya / pod red. Yu. G. Shpakovskogo. — M.: Izdatelskiy tsentr Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2026. — 172 s.
7. Porfirev B. N. Ustoychivoe razvitie, klimat i ekonomicheskii rost: strategicheskie vyzovy i resheniya dlya Rossii. — SPb.: SPbGUP, 2020. — 40 s.
8. Shpakovskiy Yu. G. Klimaticheskie aspekty energoperekhoda ekonomiki Rossii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2023. — № 2. — S. 29–34.
9. Shpakovskiy Yu. G. Transformatsiya ekologicheskogo zakonodatelstva Rossii v usloviyakh globalnogo potepeniya // Novye tendentsii kitaysko-rossiyskikh pravovykh issledovaniy v kontekste novoy ery: sbornik materialov II Mezhdunarodnogo foruma kitaysko-rossiyskogo sravnitel'nogo pravovedeniya, Khenan, aprel 2024 g. — Khenan: Khenanskiy universitet, 2024.
10. Shugurov M. V. Gosudarstva — chleny EAES i Zelenyy klimaticheskii fond: perspektivy skoordinirovannogo vzaimodeystviya v sfere klimaticheskogo finansirovaniya // Mezhdunarodnoye pravo i mezhdunarodnye organizatsii. — 2024. — № 2. — S. 12–50.
11. Yakovleva A. V., Konyukhovskiy P. V., Stepanova T. V. Zelenaya ekonomika: spetsifika razvitiya dlya razlichnykh stran // Ekonomika i predprinimatel'stvo. — 2025. — № 12-2 (185). — S. 33–43.
12. Yakovleva A. V., Konyukhovskiy P. V. Uglerodnaya neytralnost: ekologicheskaya politika i ekonomicheskii rost // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. — 2026. — T. 22. — № 1. — S. 20–38.
13. Egorova M. A., Zhavoronkova N. G., Shpakovsky Yu. G., Ponomareva D. V., Shmeleva D. V. Climatic aspects of ecological and legal protection of forests in the Russian Federation // Kutafin Law Review. — 2022. — Vol. 9. — No. 3. — P. 415–436.
14. Jakob E., Knut B., Henning K., Torben S. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // Research Policy. — 2023. — Vol. 52. — Iss. 6. — 104765. — DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.199-213

Т. Д. Одинокова*,
Ю. В. Шарапов**

Противодействие страховому мошенничеству в условиях цифровизации: новые вызовы для правоохранительных органов и страховых компаний

Аннотация. Страховое мошенничество представляет угрозу для стабильности рыночных отношений, оказывая разрушительное воздействие на операционную эффективность страховых компаний и усугубляя финансовое бремя добросовестных страхователей. Вместе с тем стремительная цифровизация, которая приносит беспрецедентные возможности оптимизации операционных процессов и расширения клиентского сервиса, в то же время радикально трансформирует природу мошеннической деятельности, наделяя злоумышленников принципиально новыми инструментами и каналами для реализации более изощренных, масштабируемых и труднообнаруживаемых схем, таких как манипуляции с цифровыми следами и данными, инсценировки событий с использованием технологий глубокой подделки (deepfake) или эксплуатация уязвимостей в комплексных информационных системах и распределенных реестрах. Это кардинально меняет условия противодействия и, как следствие, формирует новые вызовы для страховых компаний и правоохранительных органов, обуславливая необходимость фундаментальной перестройки их стратегий и тактик. В работе представлены инновационные решения для эффективного противодействия страховому мошенничеству в условиях цифровизации.

Ключевые слова: мошенничество в сфере страхования; мошеннические схемы; незаконные действия; фальсификация; латентность преступления; новые технологии; меры борьбы со страховым мошенничеством; правовое регулирование; сотрудничество; инновации

Для цитирования: Одинокова Т. Д., Шарапов Ю. В. Противодействие страховому мошенничеству в условиях цифровизации: новые вызовы для правоохранительных органов и страховых компаний // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 199–213. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.199-213

© Одинокова Т. Д., Шарапов Ю. В., 2026

* Одинокова Татьяна Дмитриевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного экономического университета
ул. 8 Марта, д. 62, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620144
tdo17@yandex.ru

** Шарапов Юрий Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бизнес-информатики Уральского государственного экономического университета
ул. 8 Марта, д. 62, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620144
scharapov_yv@usue.ru

Combating Insurance Fraud in the Age of Digitalization: New Challenges for Law Enforcement and Insurance Companies

Tatyana D. Odinkova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Professor, Department of Accounting and Auditing, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation
tdo17@yandex.ru

Yury V. Sharapov, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Associate Professor, Department of Business Informatics, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation
scharapov_yv@usue.ru

Abstract. Insurance fraud poses a threat to the stability of market relations, having a devastating impact on the operational efficiency of insurance companies and exacerbating the financial burden on bona fide policyholders. At the same time, rapid digitalization, which brings unprecedented opportunities for optimizing operational processes and expanding customer service, is also radically transforming the nature of fraudulent activity, equipping attackers with fundamentally new tools and channels for implementing more sophisticated, scalable, and difficult-to-detect schemes, such as manipulating digital traces and data, staging events using deepfake technologies, or exploiting vulnerabilities in complex information systems and distributed ledgers. This fundamentally changes the conditions for counteraction and, as a result, creates new challenges for insurance companies and law enforcement agencies, necessitating a fundamental restructuring of their strategies and tactics. The paper presents innovative solutions for effectively combating insurance fraud in the context of digitalization.

Keywords: insurance fraud; fraudulent schemes; illegal actions; falsification; latency of crime; new technologies; measures to combat insurance fraud; legal regulation; cooperation; innovation

Cite as: Odinkova TD, Sharapov YuV. Combating Insurance Fraud in the Age of Digitalization: New Challenges for Law Enforcement and Insurance Companies. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):199-213. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.199-213

Введение

Страховое мошенничество всегда представляло серьезную проблему для стабильного развития финансового рынка, однако в условиях цифровизации данный феномен приобретает качественно новые масштабы и формы. Стремительное развитие информационных технологий не только расширяет инструментарий мошенников, но и создает принципиально новые схемы обмана, требуя всестороннего пересмотра существующих подходов к его превенции и обнаружению. Согласно отчету CoinLaw «Статистика страхового мошенничества за 2025 год: выявление крупных убытков»¹, мировой объем

страхового мошенничества ежегодно превышает 80 млрд долл. В документе указано, что доля подозрительных выплат по отрасли оценивается в пределах 2–10 % в зависимости от вида бизнеса и юрисдикции, а в некоторых регионах этот показатель достигает 10 %.

Исторически выявление мошенничества во многом зависело от интуиции, опыта и ручного анализа. Однако в условиях экспоненциального роста объемов данных, генерируемых ежедневно, эта традиционная модель больше не является устойчивой. Поэтому, несмотря на многоаспектную изученность проблематики страхового мошенничества, в частности в контексте видового мошенничества², методов его выявления,

¹ Burnett S., Kinder K. Insurance Fraud Detection Statistics 2025: Data-Driven Insights and Detection Techniques // URL: <https://coinlaw.io/insurance-fraud-detection-statistics/> (дата обращения: 20.10.2025).

² Ebinezer M. J. D., Krishna B. C. Life Insurance Fraud Detection: A Data-Driven Approach Utilizing Ensemble Learning, CVAE, and Bi-LSTM // Applied Sciences. 2025. Vol. 15 (16). P. 8869. DOI: 10.3390/app15168869. URL:

предотвращения и привлечения к уголовной ответственности³, а также разработки и применения инструментария для борьбы с ним⁴, тема сохраняет актуальность по ряду причин: динамичное развитие цифровых технологий, усовершенствование моделей взаимодействия на рынке и, соответственно, мошеннических схем, которые создают новые вызовы для страховых компаний и правоохранительных органов, тем самым требуя постоянной адаптации подхода к разработке и внедрению эффективных противодействующих мер, особенно в условиях ускоренной цифровой трансформации всей страховой индустрии.

Именно эта непрерывная эволюция обуславливает научную новизну данного исследования, которая заключается в комплексной систематизации и теоретическом обосновании специфических видов и методов страхового мошенничества, возникающих и трансформирующихся под влиянием цифровизации, а также в разработке адаптивной теоретико-методологической базы для формирования и внедре-

ния инновационных подходов и цифровых инструментов, призванных существенно повысить эффективность систем противодействия злоупотреблениям в страховой сфере в условиях динамично меняющегося технологического ландшафта.

В этой связи целью настоящего исследования является разработка научно обоснованных предложений и практических рекомендаций по совершенствованию системы противодействия страховому мошенничеству, адаптированной к вызовам и возможностям цифровой эпохи, с акцентом на применении передовых информационных технологий для повышения ее превентивного и детектирующего потенциала. Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение задач:

1) определить особенности эволюции страхового ландшафта в условиях цифровизации, а также осуществить комплексный анализ современных тенденций и форм страхового мошенничества, детерминированных этим процессом;

<https://www.mdpi.com/2076-3417/15/16/8869> (дата обращения: 30.10.2025) ; *Schalck M. Y.* Auto insurance fraud detection: Leveraging cost sensitive and insensitive algorithms for comprehensive analysis // *Insurance: Mathematics and Economics*. 2025. Vol. 122. P. 44–60. DOI: 10.1016/j.insmatheco.2025.02.001. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167668725000216> (дата обращения: 26.10.2025) ; *Бердникова О. П., Андроник Н. А.* Отдельные аспекты расследования мошенничества в сфере страхования // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2019. № 4. С. 57–61.

³ *Kumar S. K., Venkata Gummadi.* Advancing insurance fraud detection: Leveraging machine learning and AI techniques // *International Research Journal of Modernization in Engineering Technology and Science*. 2024. August. DOI: 10.15680/IJRSET.2024.1308151 ; *Pandya S.* Transforming Claims Processing: The Role of Artificial Intelligence in Enhancing Efficiency and Fraud Detection in the Insurance Industry // *International Journal of Emerging Trends in Computer Science and Information Technology*. 02.07.2025. URL: <https://ijeret.org/index.php/ijeret/article/view/174> ; *Óskarsdóttir M., Ahmed W., Antonio K., et al.* Social Network Analytics for Supervised Fraud Detection in Insurance // *Risk Analysis*. 2021. Vol. 42 (8). DOI: 10.1111/risa.13693 ; *Милова И. Е., Хачатрян Р. Э.* Проблемы привлечения к уголовной ответственности за страховые мошенничества // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 2. С. 597–600. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_597.

⁴ См.: *Охрименко И. В., Цыганов А. А.* Взгляд практиков: как повысить эффективность противодействия страховому мошенничеству // *Вестник Прикамского социального института*. 2024. № 1 (97). С. 35–39 ; *Они же.* О проблемах противодействия страховому мошенничеству // *Всероссийский криминологический журнал*. 2023. № 5. С. 432–442 ; *Султанов И. С.* Проблемы противодействия страховому мошенничеству в период цифровой трансформации рынка страховых услуг // *Вестник Московского гуманитарно-экономического института*. 2024. № 3 (95). С. 53–61 ; *Виноходова И. Г.* Методы противодействия мошенничеству в сфере страхования // *Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии*. 2020. № 1. С. 27–32 ; *Sidorova E.* Current Methods to Combating Insurance Fraud // *Accounting. Analysis. Auditing*. 2024. Vol. 11. P. 93–103. DOI: 10.26794/2408-9303-2024-11-5-93-103.

2) выявить и классифицировать новые и модифицированные виды мошеннических схем, активно использующих цифровые инструменты и платформы, параллельно исследовав специфику законодательного регулирования противодействия страховому мошенничеству;

3) оценить реальные масштабы и структуру страхового мошенничества посредством анализа судебной статистики и экспертных мнений относительно достоверности официальных и неофициальных данных;

4) идентифицировать ключевые вызовы и проблемы, возникающие перед страховыми компаниями и правоохранительными органами в контексте противодействия цифровому страховому мошенничеству;

5) сформировать научно обоснованные практические рекомендации для страховых компаний и правоохранительных органов по адаптации и интеграции цифровых инструментов в комплексную стратегию противодействия страховому мошенничеству.

Результаты

В условиях развития цифровой экономики финансовое мошенничество, в частности в сфере страхования, не просто приобретает новые, более изощренные формы, базирующиеся на передовых цифровых технологиях и искусственном интеллекте (ИИ) для маскировки преступных деяний и увеличения масштабов ущерба, но и становится значимым дестабилизирующим фактором, подрывающим доверие к институтам финансового рынка⁵ и требующим комплексного подхода к разработке и внедрению превентивных мер и механизмов кибербезопасности. В этих условиях, когда цифровые технологии существенно меняют финансовые операции и способы защиты от угроз, становится важным рассмотреть понятие страхового мошенничества как комплекса преднамеренных противо-

правных деяний, осуществляемых отдельными лицами или организованными группами лиц, которые целенаправленно вводят в заблуждение страховую компанию относительно обстоятельств или фактов, имеющих существенное значение, с единственной целью извлечения неправомерной финансовой выгоды.

Субъектный состав данного вида преступности может быть представлен следующими лицами:

1) страхователями, застрахованными, бенефициарами (или выгодоприобретателями);

2) сотрудниками страховой компании, страховыми посредниками, которые либо специализируются на страховании (страховой агент и страховой брокер), либо продают страховые продукты как сопутствующие их финансовым услугам (коммерческие банки, автосалоны, салоны связи, туристические компании и пр.);

3) руководителями и иными высокопоставленными сотрудниками страховой организации.

Идентификация страхового мошенничества базируется на ряде характерных признаков, проявляющихся в различных формах противоправных деяний:

1) предоставлении заведомо ложных сведений, в рамках которого происходит фальсификация информации о наступлении страхового случая, фактически не имеющего места. Например, подача заявления об угоне транспортного средства при отсутствии такового;

2) преувеличении размеров ущерба. Суть этого вида мошенничества заключается в преднамеренном завышении реальной стоимости убытков или объема повреждений после возникновения легитимного страхового случая, что может быть проиллюстрировано некорректным декларированием стоимости поврежденного имущества;

3) инсценировке страховых событий, в рамках которой мошенники целенаправленно создают обстоятельства, имитирующие наступление страхового случая, такой как инсценировка

⁵ Cude B. J., Zhang H. Factors That Influence Willingness to Commit Insurance Fraud // Journal of consumer affairs. 2025. Vol. 59. Iss. 2. P. e70015. DOI: 10.1111/JOCA.70015. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/joca.70015> (дата обращения: 06.11.2025).

дорожно-транспортного происшествия или преднамеренный поджог имущества, с целью неправомерного получения страховой выплаты;

4) сокрытии существенной информации, выражающемся в умышленном несообщении страховщику сведений, имеющих существенное значение для оценки страхового риска и определения условий договора. Например, утаивание информации о хронических заболеваниях при оформлении полиса медицинского страхования, что влияет на решение о выдаче полиса или расчет премии;

5) фальсификации документации, заключающейся в использовании поддельных документов, таких как медицинские справки, чеки или акты осмотра, для искусственного подтверждения наступления страхового случая или существенного завышения заявленного размера ущерба.

Законодательное регулирование деликтов в страховой сфере устанавливает правовую основу для квалификации и пресечения страхового мошенничества преимущественно посредством положений УК РФ. Так, статья 159.5 предписывает рассматривать мошенничество с двух позиций, отражающих разные виды противоправных деяний: обман относительно самого факта наступления страхового случая, являющийся ключевым элементом для активации страховых обязательств, и манипуляции с размером страхового возмещения. Данная статья регулирует действия, направленные на получение страховой выплаты путем обмана. Так, если факт мошенничества в страховании выявляется до выплаты возмещения, деяние квалифицируется как покушение на преступление (ст. 30 УК РФ), что влечет более мягкое наказание (ст. 66) по сравнению с оконченным мошенничеством (ст. 159). В некоторых случаях возможно досудебное урегулирование, что позволяет избежать длительного судебного процесса и прекращения дела вне рамок формального разбирательства.

Анализ ст. 159.5 УК РФ показывает, что строгость санкций коррелирует с характером и масштабом деяния, а также с уровнем организованности преступной группы. Изначально за хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая

могут быть применены такие меры, как штраф до 120 тыс. руб., обязательные или исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы или арест. Однако при наличии квалифицирующих признаков, таких как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, либо лицом с использованием своего служебного положения, либо в крупном размере, а также организованной группой или в особо крупном размере, предусмотрено существенное ужесточение наказания, вплоть до лишения свободы на срок до 10 лет с крупными штрафами и дополнительными ограничениями свободы.

Интересная динамика выявляется при анализе данных: несмотря на значительное повышение эффективности работы с заявлениями о страховом мошенничестве, общее число таких обращений снизилось. В частности, в 2020 г. только 16 % заявлений страховщиков приводили к возбуждению уголовных дел, а к 2024 г. эта доля увеличилась до 34 %, что демонстрирует растущую активность и результативность взаимодействия с правоохранительными органами. Тем не менее количество самих заявлений сократилось с 10 тыс. (на сумму 5,5 млрд руб.) в 2020 г. до 4,5 тыс. (на сумму 3 млрд руб.) в 2024 г.

Экспертные оценки и наблюдения аджастеров — специалистов по урегулированию убытков страховых компаний — свидетельствуют о значительном расхождении между общим количеством выявленных мошеннических деяний в страховой сфере и долей тех из них, которые в конечном итоге доходят до стадии возбуждения уголовного дела или судебного разбирательства, что указывает на проблему латентности преступности и сложности ее юридической квалификации.

Данный феномен находит образное воплощение в концепции айсберга мошенничества в страховании, которая наглядно демонстрирует, что официальная статистика по возбужденным и дошедшим до суда делам представляет собой лишь видимую часть более обширного массива противоправных деяний. Его вершина — это официально зарегистрированные и рассмотренные в суде случаи, тогда как под

водой скрывается основная масса мошеннических попыток, которые либо остаются обнаруженными, либо, будучи выявленными, не получают дальнейшего уголовного преследования. Эта подводная часть включает две основные категории: во-первых, искусно замаскированные мошенничества, которые зачастую не поддаются формальному выявлению и могут быть идентифицированы аджастерами лишь на основе экспертной интуиции, и, во-вторых, случаи мошенничества, которые, будучи обнаруженными, по различным причинам не переходят в стадию уголовного преследования.

Среди превалирующих факторов, обуславливающих значительные сложности в доведении дел о страховом мошенничестве до уголовного преследования, следует особо выделить несколько. Во-первых, это приоритетность задач правоохранительных органов, чья деятельность зачастую ориентирована на расследование более тяжких или резонансных преступлений, что потенциально снижает ресурсы и время, выделяемые на расследование страхового мошенничества. Во-вторых, существенное значение имеет экономическая нецелесообразность для страховых компаний, поскольку издержки, связанные с полноценным уголовным преследованием и сопутствующими судебными процессами, нередко могут превышать потенциальную финансовую выгоду от возмещения ущерба, вынуждая страховщиков прибегать к урегулированию спорных ситуаций на гражданско-правовом уровне. Кроме того, барьером выступает объективная недостаточность доказательств: в процессе расследования часто возникают значительные трудности с формированием неопровержимой доказательной базы, которая соответствовала бы строгим требованиям, предъявляемым к материалам уголовного дела для успешного судебного разбирательства.

Дополнительно стратегический выбор в отношении методов реагирования на страховое мошенничество во многом определяется его

типологией, включающей разделение на «мягкое» и «жесткое». Первое характеризуется преимущественно незначительным завышением или «накручиванием» реальных убытков после фактического наступления страхового случая, что, как правило, не предполагает масштабных преступных схем. В противоположность этому второе представляет собой преднамеренную инсценировку страхового события (например, искусственное создание дорожно-транспортного происшествия, поджог имущества) или фальсификацию ключевых документов, что свидетельствует о более высокой степени криминальной активности и организованности. Именно эта дифференциация видов мошенничества зачастую детерминирует решение страховщика об урегулировании убытков на гражданском уровне, особенно в случаях «мягкого» мошенничества, где трудоемкость и затратность уголовного преследования несоизмеримы с суммой предотвращенного ущерба, что побуждает к менее конфронтационным и более экономически обоснованным внесудебным методам разрешения споров⁶.

Учитывая очерченные выше сложности, связанные с доведением мошеннических деяний до уголовного преследования, а также специфику классификации страхового мошенничества на «мягкое» и «жесткое», можно с очевидностью констатировать обусловленность показателей официальной судебной статистики. Так, анализ удельного веса лиц, обвиняемых по ст. 159.5 УК РФ, в общем показателе обвиняемых за все виды мошенничества за период с 2020 по 2024 г. позволяет оценить динамику и значимость данного вида преступности в структуре общей мошеннической деятельности (рис. 1).

Несмотря на многообразие форм мошенничества, предусмотренных статьями 159–159.6 УК РФ, преступления в сфере страхования составляют лишь около 2 % от общего числа вынесенных приговоров. И. Е. Милова и Р. Э. Хачатрян связывают это с сохраняющейся инерци-

⁶ Insurance Fraud: Impacts on Premiums, Claim Costs, and the Public. Washington : American Academy of Actuaries, 2024. URL: <https://actuary.org/wp-content/uploads/2024/10/casualty-brief-insurance-fraud.pdf> (дата обращения: 27.10.2025).

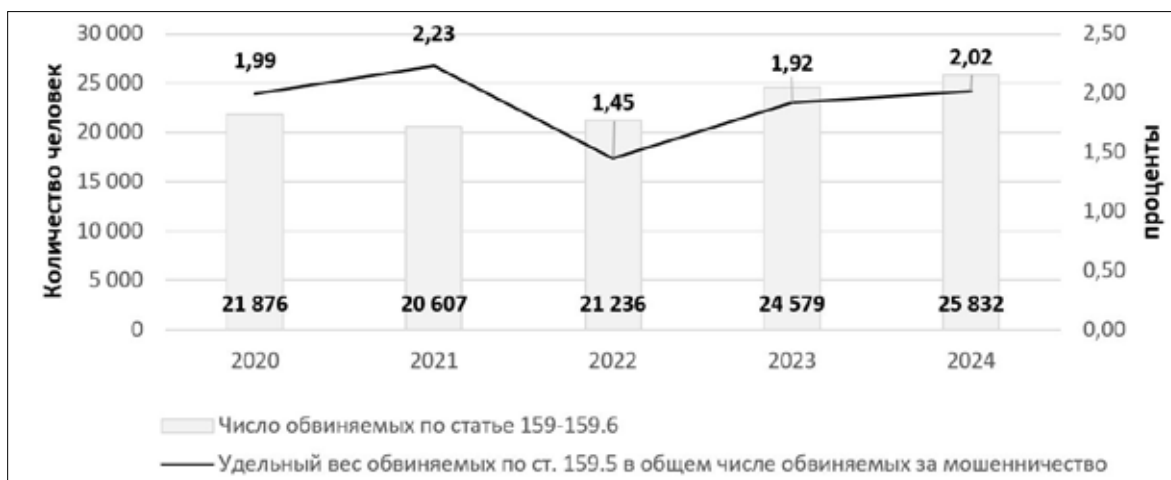

Рис. 1. Удельный вес обвиняемых по ст. 159.5 в общем показателе обвиняемых за все виды мошенничества за 2020–2024 гг., %

ей квалификации по общей статье 159 вместо специальной статьи 159.5 УК РФ, обусловленной коллизиями в юридической конструкции⁷. И. В. Охрименко и А. А. Цыганов, опираясь на мнение экспертного сообщества и результаты исследований, объясняют низкую регистрацию страховых мошенничеств слабостями правоприменения и информационной несогласованностью органов власти и страховых компаний⁸.

На фоне всех перечисленных вызовов и объяснений, касающихся квалификации и выявления, актуальные статистические данные показывают, что в 2024 г. по ст. 159.5 УК РФ обвинялся 521 человек. Однако данный показатель потенциально не отражает в полной мере истинные масштабы рассматриваемой криминальной деятельности ввиду высокой латентности этих правонарушений и сложности их выявления и доказывания, что приводит к систематической недооценке реального ущерба, наносимого страховому рынку, и обуславливает настоятельную потребность в совершенствовании механизмов мониторинга, расследования и судеб-

ного преследования для точного определения масштаба проблемы и разработки эффективных стратегий противодействия.

Несмотря на общую латентность и сложность выявления, даже ограниченный массив данных по вынесенным приговорам предоставляет ценную информацию для понимания внутренней структуры страхового мошенничества: внутри данной категории доминируют две группы деяний. Больше половины обвиняемых по ст. 159.5 УК РФ приходится на случаи, совершенные группой лиц по предварительному сговору или с причинением значительного ущерба (ч. 2 ст. 159.5 УК РФ). Их число выросло втрое с 2016 по 2024 г., достигнув 260 человек. Второе место — около 40 % обвиняемых — занимают особо крупные мошенничества, совершенные организованной группой (ч. 4 ст. 159.5 УК РФ)⁹. Эта категория демонстрирует еще более стремительный рост: количество обвиняемых увеличилось в девять раз за тот же период, составив 213 человек (рис. 2).

⁷ Милова И. Е., Хачатрян Р. Э. Указ. соч. С. 597.

⁸ Охрименко И. В., Цыганов А. А. О проблемах противодействия страховому мошенничеству. С. 434.

⁹ Ковалева Э. Р., Фукина С. П. Страховое мошенничество как фактор, препятствующий развитию страхового рынка России // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 161–162.

Рис. 2. Динамика числа обвиняемых по ст. 159.5 УК РФ за 2020–2024 гг.

Подобное усложнение криминальных схем, характеризующееся стремительным ростом числа организованных и групповых мошенничеств, логически вызывает вопрос о характере правовых последствий, применяемых к данным правонарушителям, и об эффективности судебной системы в целом. Анализ распределения приговоров для 521 человека, обвиняемого по ст. 159.5 УК РФ за мошенничество в сфере страхования в 2024 г., представленный на рис. 3, выявляет, что большая часть осужденных (42 %) получили условное наказание. Еще 24 % были приговорены к реальному лишению свободы. Штраф как мера наказания был назначен в 17 % случаев. Менее распространенными видами наказаний стали исправительные (6 %), обязательные работы (3 %) и иные меры (7 %). Примечательно, что за тот же период лишь несколько человек были оправданы по обвинению в страховом мошенничестве.

Эволюция страхового ландшафта, обусловленная интенсивной цифровизацией, создает как существенные преимущества для ведения бизнеса, так и новые векторы потенциального злоупотребления, требующие комплексного подхода к управлению рисками. Ключевыми трендами

цифровизации, трансформирующими страховую отрасль, являются развитие онлайн-каналов продаж (e-commerce), внедрение технологий обработки больших данных (big data), интеграция интернета вещей (Internet of Things, IoT), активное применение ИИ и использование блокчейн-технологий.

Перечисленные тенденции, безусловно, предоставляют страховому бизнесу ряд существенных преимуществ: так, развитие онлайн-продаж не только способствует повышению доступности и удобства услуг для клиентов, но и обеспечивает снижение операционных издержек, возможность персонализации продуктов и значительное ускорение процессов обработки заявлений. Внедрение технологий обработки больших данных и искусственного интеллекта гарантирует продвинутое выявление мошенничества, проактивную идентификацию рисков, оптимизацию ценообразования и существенное ускорение легитимных выплат. Использование интернета вещей способствует представлению объективных доказательств, превентивному предотвращению потерь, активному развитию поведенческого страхования и ускорению урегу-

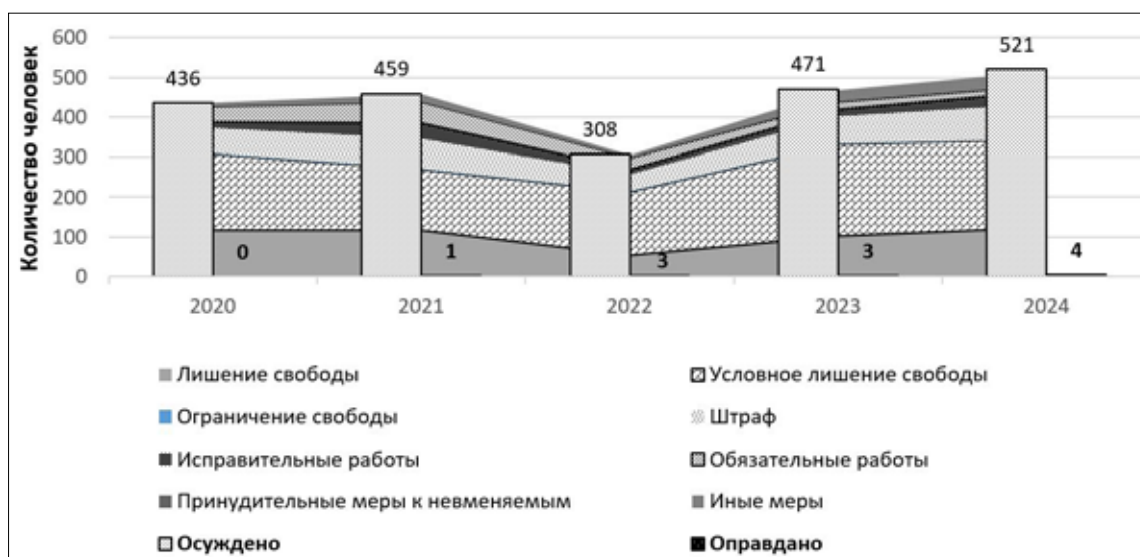

Рис. 3. Динамика числа обвиняемых по мерам наказания за преступления по ст. 159.5 УК РФ за 2020–2024 гг.

лирования убытков, тогда как применение блокчейн-технологий гарантирует неизменяемость и повышает доверие к данным, устраняет необходимость посредников, обеспечивает беспрецедентную прозрачность для всех участников, упрощает верификацию идентичности и активов, а также позволяет осуществлять безопасный и эффективный обмен данными.

Но наряду с преимуществами цифровизация порождает значительный потенциал для злоупотреблений, формируя новые вызовы для страховых компаний и правоохранительных органов. В онлайн-продажах это повышенная анонимность и фейковые данные, ведущие к мошенничеству с платежами и фишингу. Анализ больших данных осложняется маскировкой мошеннических паттернов и созданием синтетических идентичностей. Интернет вещей несет риски манипулирования данными и устройствами, а также риски в сфере кибербезопасности. Искусственный интеллект способствует развитию deepfakes, автоматизации мошеннических схем и обострению «гонки вооружений». Блокчейн-технологии имеют риски, связанные с некорректными входными данными, уязвимостями смарт-контрактов и манипуляциями через «оракулов».

В свете рассмотренных потенциальных угроз страховые компании сталкиваются с рядом вызовов в эффективном противодействии цифровому мошенничеству.

Первый вызов — технологическая «гонка вооружений», обусловленная тем, что мошенники активно используют передовые цифровые технологии (ИИ, глубокое обучение и боты) для создания убедительных фальшивых доказательств, автоматизации мошеннических схем и обхода существующих систем безопасности¹⁰. В связи с этим страховые компании вынуждены постоянно осуществлять инвестиции и обновлять свои антифрод-системы для сохранения превосходства.

Второй вызов — масштаб и сложность анализа больших данных, генерируемых цифровыми системами, поскольку огромные объемы информации, содержащие как ценные паттерны, так и «шум», требуют мощных аналитических инструментов и высококвалифицированных специалистов для выделения релевантных аномалий и интеграции данных из разрозненных источников, что важно для выявления неочевидных связей среди миллионов страховых случаев и заявок.

¹⁰ Schalck M. Y. Op. cit. P. 46.

Третий вызов — верификация цифровых доказательств и их подлинности. С появлением глубокого обучения, сфабрикованных показаний IoT-устройств и онлайн-заявок становится крайне затруднительным подтверждение достоверности предоставляемой информации. При этом традиционные методы проверки демонстрируют неэффективность¹¹, поднимая существенные вопросы о юридической приемлемости и надежности цифровых доказательств в судебных процессах. Примером служит заявление об ущербе, подкрепленное видео, созданным с помощью глубокого обучения, или фальсифицированными данными с автомобильного телематического устройства.

Четвертый вызов — повышенная анонимность и трансграничный характер мошенничества, обусловленные использованием цифровых каналов, VPN и зарубежных серверов, затрудняющие идентификацию и преследование злоумышленников, действующих под чужими или вымышленными именами. Особые сложности возникают при совершении мошенничества из иной юрисдикции, когда группы преступников используют подставные личности и счета из разных стран для подачи множественных заявок через онлайн-формы.

Одновременно правоохранительные органы сталкиваются с уникальными препятствиями при пресечении страхового мошенничества, особенно в цифровой среде. Основными проблемами являются идентификация и юрисдикция преступников, поскольку мошенники используют псевдонимы, анонимные платежные системы (включая криптовалюты) и VPN для сокрытия личности и местоположения, тем самым порождая колоссальные трудности в расследовании трансграничных преступлений.

Существенно осложнены сбор, анализ и верификация цифровых доказательств (из соцсетей, переписки, метаданных, с IoT-устройств), и, как следствие, требуется умение не только извлекать эти данные, но и верифицировать их подлинность (отличить фейки, созданные, например, с использованием ИИ), гарантировать неизменность для судебного процесса и кор-

ректно интерпретировать огромные массивы информации, что предполагает применение специализированных средств цифровой криминалистики.

Продолжая рассмотрение препятствий, отметим технологическую отсталость и дефицит экспертных знаний правоохранительных органов, не обладающих доступом к передовым технологиям и испытывающих нехватку специалистов по кибербезопасности, цифровой криминалистике, анализу больших данных и ИИ, тем самым они оказываются в догоняющей позиции по отношению к мошенникам. Эффективное межведомственное и международное сотрудничество, важное для противодействия трансграничному мошенничеству, затруднено различиями в законодательстве и сложностями обмена конфиденциальной информацией. Существенным вызовом остается несовершенство законодательной базы и регуляторных механизмов, не успевающих за развитием технологий, что приводит к отсутствию четких определений для новых видов мошенничества и адекватных норм об использовании цифровых доказательств. Ограниченные ресурсы и приоритеты правоохранительных органов, а также необходимость соблюдения баланса между приватностью граждан и расследованием при сборе цифровых доказательств, требующая строгого следования законодательству о персональных данных, также являются значимыми препятствиями.

В связи с вышеизложенным цифровизация не просто видоизменяет страховое мошенничество, но и вынуждает правоохранительные органы и страховые компании кардинально менять подходы к его предотвращению и расследованию, превращая эту сферу в постоянную технологическую гонку.

Для эффективного противодействия страховому мошенничеству в России, особенно в условиях развития киберпреступности и новых технологий, необходимо применение комплексного подхода, охватывающего три ключевых направления: совершенствование законодательства, усиление наказаний за кибермошен-

¹¹ Ebinezer M. J. D., Krishna B. C. Op. cit. P. 8869.

ничество в сфере страхования, регулирование использования новых технологий.

Так, по направлению «Совершенствование законодательства» необходимо, во-первых, создать единую информационную базу для эффективного обмена данными¹², что подразумевает разработку и внедрение централизованной высокозащищенной платформы, способной аккумулировать, обрабатывать и стандартизировать предоставлять релевантную информацию о страховых случаях, полисах, участниках инцидентов, а также выявленных прецедентах мошенничества от всех заинтересованных сторон. Предлагаемая интегрированная система призвана преодолеть существующую фрагментацию данных страховых компаний, регулирующих органов, правоохранительных структур и экспертных организаций, затрудняющую выявление и расследование скоординированных мошеннических схем. Используя стандартизированные протоколы обмена и единые форматы данных, платформа обеспечит участникам оперативный доступ к информации для верификации заявлений, идентификации мошеннических паттернов и выявления связей между инцидентами, которые по отдельности могли бы остаться незамеченными. Внедрение такой базы данных ускорит процессы принятия решений, сократит операционные издержки, связанные с ручной обработкой информации, и создаст предпосылки для «масштабируемого... обнаружения мошенничества»¹³ посредством применения передовых аналитических инструментов, включая машинное обучение и искусственный интеллект.

Во-вторых, с целью определения статуса электронных доказательств необходимо, основываясь на принципе недискриминации электронных сообщений¹⁴, разработать и закрепить подход к электронным носителям, цифровым следам, логам транзакций и переписке. В част-

ности, неоднозначность в толковании и применении существующих норм относительно цифровых артефактов часто приводит к их оспариванию оппонентами, затягиванию расследований и даже невозможности привлечения мошенников к ответственности из-за процедурных дефектов в обращении с электронными данными. Для преодоления этих препятствий необходимы законодательные акты, однозначно регламентирующие статус электронных доказательств, их правовой режим, методики извлечения, обеспечения целостности, хеширования, использование электронной подписи и временных меток, а также привлечение квалифицированных экспертов для их анализа. Как следствие, это унифицирует практику применения электронных доказательств, ускорит верификацию и повысит вероятность доказывания мошеннических действий, обеспечивая при этом соблюдение принципов объективности и справедливости в правоприменительной практике¹⁵.

В-третьих, разработать закон «О страховых детективах», что парадоксальным образом сталкивается с выраженным противодействием со стороны государственных правоохранительных структур, их нежеланием делегировать значительную часть полномочий по формированию и верификации доказательственной базы самим страховым организациям.

В рамках первого направления, помимо перечисленного, необходимо усилить международное сотрудничество правоохранительных органов и страховых компаний. Для этого предлагается разработать модельные соглашения об обмене информацией между странами, а также инициировать создание международных рабочих групп по борьбе со страховым мошенничеством, специализирующихся на выявлении и пресечении деятельности организованных

¹² Охрименко И. В., Цыганов А. А. Взгляд практиков... С. 37.

¹³ Ebinezer M. J. D., Krishna B. C. Op. cit. P. 8871.

¹⁴ Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф., Зарубина М. Н. и др. Преимущества и риски применения современных технологий в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 4. С. 281.

¹⁵ Жуйкова А. А. Процессуальные особенности электронных текстовых доказательств как средств доказывания по гражданским делам, связанных с защитой интеллектуальных прав // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 536–537. DOI: 10.20310/2587-9340-2020-4-16-530-540.

транснациональных группировок. Использование опыта успешных расследований, осуществленных Интерполом или Европолом, позволит повысить эффективность противодействия трансграничным преступным схемам¹⁶.

По направлению «Усиление наказаний за кибермошенничество в сфере страхования» следует, во-первых, расширить квалифицирующие признаки и отягчающие обстоятельства в ст. 159.5 УК РФ. Действующая редакция, хотя и предусматривает общие квалифицирующие признаки (совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, в крупном или особо крупном размере), не всегда адекватно отражает специфику и степень общественной опасности мошеннических действий, реализуемых посредством цифровых инструментов и платформ. Появление новых видов мошенничества, использующих манипуляции с электронными данными, фиктивные цифровые личности, уязвимости систем и элементы искусственного интеллекта, требует детализации законодательства. Включение специфических квалифицирующих признаков, таких как «применение специализированных программных средств», «создание или использование цифровых двойников», «несанкционированное вмешательство в информационные системы» или «массовое распространение ложных сведений посредством цифровых каналов», позволит точнее дифференцировать ответственность.

Аналогично расширение перечня отягчающих обстоятельств, таких как «причинение ущерба, значительно превышающего среднерыночные показатели, посредством эксплуатации цифровых уязвимостей», «трансграничный характер мошенничества», «создание организованной киберпреступной группы» или «неоднократное совершение аналогичных преступлений с использованием идентичных цифровых методов», усилит карательный потенциал нормы. Такая детализация повысит эффективность правоприменения, обеспечит более справедливое наказание и сформирует

предупредительный сигнал для потенциальных правонарушителей.

Во-вторых, необходимо пересмотреть размеры штрафов и сроки лишения свободы, особенно для организованных групп, особо крупных размеров и киберсхем, с целью повышения неотвратимости наказания. Существующие санкции неадекватны современным высокотехнологичным и масштабируемым мошенничествам, в том числе трансграничным; требуется усиление ответственности для организованных преступных формирований с дифференциацией для организаторов.

Что касается мошенничества в особо крупных размерах, текущие штрафы и сроки недостаточны для компенсации ущерба и искупления вины; требуются привязка штрафов к ущербу и увеличение сроков лишения свободы, отражающее масштаб урона экономике и подрыв доверия к страховой системе. Для киберсхем, использующих специфические методы (взлом, фишинг, ИИ) и характеризующихся высокой латентностью и сложностью расследования, необходимы специфические квалифицирующие признаки и ужесточение мер наказания, включая конфискацию специализированного оборудования / ПО и значительное увеличение сроков лишения свободы, что обеспечит неотвратимость наказания и снизит экономическую привлекательность.

В рамках третьего направления «Регулирование использования новых технологий» рекомендуем, во-первых, разработать правовые основы для легитимного применения страховщиками инновационных технологий (ИИ, big data) с целью выявления мошенничества, прогнозирования рисков и анализа аномалий. Без такой регламентации потенциал этих инструментов остается нереализованным из-за существенных юридических рисков и неопределенности в вопросах сбора/обработки чувствительных данных, правомерности автоматизированных решений, ответственности за ошибки алгоритмов и потенциальной дискриминации.

¹⁶ Боровских Р. Н. Типовые механизмы и практика противодействия организованной преступной деятельности в сфере страхования // Lex russica. 2017. № 8 (129). С. 119–134. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.119-135.

Следовательно, специализированная нормативная правовая база, обеспечивающая страховщикам юридически безупречное использование потенциала ИИ и big data, должна гарантировать неукоснительное соблюдение прав граждан на защиту персональных данных, конфиденциальность и недискриминационное отношение. Данная база, включающая регламентацию анонимизации данных, требования к аудиту ИИ-систем, механизмы обжалования автоматизированных решений и этические принципы, максимизирует преимущества технологий и укрепит доверие к страховой системе.

Во-вторых, необходимо ввести специализированные механизмы для технической экспертизы и проверки подлинности цифрового контента. Современные преступные схемы, опираясь на создание и распространение поддельных цифровых артефактов (сфабрикованные фото, видео, документы, аудио), имитирующих реальных людей, затрудняют установление истины. Отсутствие унифицированных и юридически признанных процедур для криминалистического анализа этих материалов создает значительные пробелы при доказывании, требуя комплексного подхода, включающего создание специализированных лабораторий и экспертных центров с передовым программно-аппаратным обеспечением для углубленного анализа и выявления следов редактирования.

Введение указанных механизмов не только значительно повысит эффективность выявления

и расследования мошенничества в сфере страхования, сократит временные и финансовые издержки, но и укрепит принцип неотвратимости наказания, создавая надежный барьер для преступников, стремящихся использовать цифровые технологии для обогащения за счет страховых компаний и добросовестных страхователей.

Заключение

Поскольку страховое мошенничество утрачивает статичность, постоянно трансформируясь под влиянием стремительного развития цифровых технологий и приобретая всё более изощренные, организованные и транснациональные формы, традиционные методы борьбы с ним оказываются недостаточными, что обуславливает острую необходимость комплексного подхода, предполагающего не только интеграцию передовых аналитических систем на основе искусственного интеллекта и машинного обучения для превентивного выявления аномалий и паттернов поведения, но и усиление международного сотрудничества правоохранительных органов и страховых компаний с целью эффективного противодействия трансграничным преступным схемам, а также непрерывное совершенствование нормативной правовой базы для адекватного реагирования на новые вызовы в условиях глобальной цифровизации финансовых рынков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф., Зарубина М. Н. и др. Преимущества и риски применения современных технологий в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. — 2020. — Т. 10. — № 4. — С. 270–294.
2. Бердникова О. П., Андроник Н. А. Отдельные аспекты расследования мошенничества в сфере страхования // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 4. — С. 57–61.
3. Боровских Р. Н. Типовые механизмы и практика противодействия организованной преступной деятельности в сфере страхования // Lex russica. — 2017. — № 8 (129). — С. 119–134. — DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.119-135.
4. Виноходова И. Г. Методы противодействия мошенничеству в сфере страхования // Известия Велюлукской государственной сельскохозяйственной академии. — 2020. — № 1. — С. 27–32. — URL: <https://vgsa.ru/nir/ivgsa/numbers/vgsa2020-1-5.pdf>.
5. Жуйкова А. А. Процессуальные особенности электронных текстовых доказательств как средств доказывания по гражданским делам, связанных с защитой интеллектуальных прав // Актуальные проблемы государства и права. — 2020. — Т. 4. — № 16. — С. 530–540. — DOI: 10.20310/2587-9340-2020-4-16-530-540.

6. Ковалева Э. Р., Фукина С. П. Страхование мошенничества как фактор, препятствующий развитию страхового рынка России // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2019. — Т. 8. — № 2 (27). — С. 160–164.
7. Милова И. Е., Хачатрян Р. Э. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за страховые мошенничества // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 2. — С. 597–600. — DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_597.
8. Охрименко И. В., Цыганов А. А. Взгляд практиков: как повысить эффективность противодействия страховому мошенничеству // Вестник Прикамского социального института. — 2024. — № 1 (97). — С. 35–39.
9. Охрименко И. В., Цыганов А. А. О проблемах противодействия страховому мошенничеству // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — № 5. — С. 432–442.
10. Султанов И. С. Проблемы противодействия страховому мошенничеству в период цифровой трансформации рынка страховых услуг // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. — 2024. — № 3 (95). — С. 53–61.
11. Burnett S., Kinder K. Insurance Fraud Detection Statistics 2025: Data-Driven Insights and Detection Techniques // URL: <https://coinlaw.io/insurance-fraud-detection-statistics/>.
12. Cude B. J., Zhang H. Factors That Influence Willingness to Commit Insurance Fraud // Journal of consumer affairs. — 2025. — Vol. 59. — Iss. 2. — DOI: 10.1111/JOCA.70015.
13. Ebinezer M. J. D., Krishna B. C. Life Insurance Fraud Detection: A Data-Driven Approach Utilizing Ensemble Learning, CVAE, and Bi-LSTM // Applied Sciences. — 2025. — Vol. 15 (16). — P. 8869–8899. — DOI: 10.3390/app15168869.
14. Insurance Fraud: Impacts on Premiums, Claim Costs, and the Public — Washington : American Academy of Actuaries, 2024. — 11 p. — URL: <https://actuary.org/wp-content/uploads/2024/10/casualty-brief-insurance-fraud.pdf>.
15. Kumar S. K., Venkata Gummadi. Advancing insurance fraud detection: Leveraging machine learning and AI techniques // International Research Journal of Modernization in Engineering Technology and Science. — 2024. — August. — DOI: 10.15680/IJRSET.2024.1308151.
16. Óskarsdóttir M., Ahmed W., Antonio K., et al. Social Network Analytics for Supervised Fraud Detection in Insurance // Risk Analysis. — 2021. — Vol. 42 (8). — DOI: 10.1111/risa.13693.
17. Pandya S. Transforming Claims Processing: The Role of Artificial Intelligence in Enhancing Efficiency and Fraud Detection in the Insurance Industry // International Journal of Emerging Trends in Computer Science and Information Technology. — 02.07.2025. — URL: <https://ijeret.org/index.php/ijeret/article/view/174>.
18. Schalck M. Y. Auto insurance fraud detection: Leveraging cost sensitive and insensitive algorithms for comprehensive analysis // Insurance: Mathematics and Economics. — 2025. — Vol. 122. — P. 44–60. — DOI: 10.1016/j.insmatheco.2025.02.001.
19. Sidorova E. Current Methods to Combating Insurance Fraud // Accounting. Analysis. Auditing. — 2024. — Vol. 11. — P. 93–103. — DOI: 10.26794/2408-9303-2024-11-5-93-103.

Материал поступил в редакцию 6 ноября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Afanasev S. F., Borisova V. F., Zarubina M. N. i dr. Preimushchestva i riski primeneniya sovremennykh tekhnologiy v grazhdanskom protsesse // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2020. — Т. 10. — № 4. — С. 270–294.
2. Berdnikova O. P., Andronik N. A. Otdelnye aspekty rassledovaniya moshennichestva v sfere strakhovaniya // Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2019. — № 4. — С. 57–61.
3. Borovskikh R. N. Tipovye mekhanizmy i praktika protivodeystviya organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti v sfere strakhovaniya // Lex russica. — 2017. — № 8 (129). — С. 119–134. — DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.119-135.

4. Vinokhodova I. G. Metody protivodeystviya moshennichestvu v sfere strakhovaniya // *Izvestiya Velikolukskoy gosudarstvennoy selskokhozyaystvennoy akademii*. — 2020. — № 1. — S. 27–32. — URL: <https://vgsa.ru/nir/ivgsa/numbers/vgsa2020-1-5.pdf>.
5. Zhuykova A. A. Protsessualnye osobennosti elektronnykh tekstovykh dokazatelstv kak sredstv dokazyvaniya po grazhdanskim delam, svyazannykh s zashchitoy intellektualnykh prav // *Aktualnye problemy gosudarstva i prava*. — 2020. — Т. 4. — № 16. — S. 530–540. — DOI: 10.20310/2587-9340-2020-4-16-530-540.
6. Kovaleva E. R., Fukina S. P. Strakhovoe moshennichestvo kak faktor, prepyatstvuyushchiy razvitiyu strakhovogo rynka Rossii // *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. — 2019. — Т. 8. — № 2 (27). — S. 160–164.
7. Milova I. E., Khachatryan R. E. Problemy privilecheniya k ugolovnoy otvetstvennosti za strakhovye moshennichestva // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. — 2025. — № 2. — S. 597–600. — DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_597.
8. Okhrimenko I. V., Tsyganov A. A. Vzgl'yad praktikov: kak povysit effektivnost protivodeystviya strakhovomu moshennichestvu // *Vestnik Prikamskogo sotsialnogo instituta*. — 2024. — № 1 (97). — S. 35–39.
9. Okhrimenko I. V., Tsyganov A. A. O problemakh protivodeystviya strakhovomu moshennichestvu // *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. — 2023. — № 5. — S. 432–442.
10. Sultaniev I. S. Problemy protivodeystviya strakhovomu moshennichestvu v period tsifrovoy transformatsii rynka strakhovykh uslug // *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta*. — 2024. — № 3 (95). — S. 53–61.
11. Burnett S., Kinder K. Insurance Fraud Detection Statistics 2025: Data-Driven Insights and Detection Techniques // URL: <https://coinlaw.io/insurance-fraud-detection-statistics/>.
12. Cude B. J., Zhang H. Factors That Influence Willingness to Commit Insurance Fraud // *Journal of consumer affairs*. — 2025. — Vol. 59. — Iss. 2. — DOI: 10.1111/JOCA.70015.
13. Ebinezer M. J. D., Krishna B. C. Life Insurance Fraud Detection: A Data-Driven Approach Utilizing Ensemble Learning, CVAE, and Bi-LSTM // *Applied Sciences*. — 2025. — Vol. 15 (16). — P. 8869–8899. — DOI: 10.3390/app15168869.
14. Insurance Fraud: Impacts on Premiums, Claim Costs, and the Public — Washington: American Academy of Actuaries, 2024. — 11 p. — URL: <https://actuary.org/wp-content/uploads/2024/10/casualty-brief-insurance-fraud.pdf>.
15. Kumar S. K., Venkata Gummadi. Advancing insurance fraud detection: Leveraging machine learning and AI techniques // *International Research Journal of Modernization in Engineering Technology and Science*. — 2024. — August. — DOI: 10.15680/IJRSET.2024.1308151.
16. Óskarsdóttir M., Ahmed W., Antonio K., et al. Social Network Analytics for Supervised Fraud Detection in Insurance // *Risk Analysis*. — 2021. — Vol. 42 (8). — DOI: 10.1111/risa.13693.
17. Pandya S. Transforming Claims Processing: The Role of Artificial Intelligence in Enhancing Efficiency and Fraud Detection in the Insurance Industry // *International Journal of Emerging Trends in Computer Science and Information Technology*. — 02.07.2025. — URL: <https://ijeret.org/index.php/ijeret/article/view/174>.
18. Schalck M. Y. Auto insurance fraud detection: Leveraging cost sensitive and insensitive algorithms for comprehensive analysis // *Insurance: Mathematics and Economics*. — 2025. — Vol. 122. — P. 44–60. — DOI: 10.1016/j.insmatheco.2025.02.001.
19. Sidorova E. Current Methods to Combating Insurance Fraud // *Accounting. Analysis. Auditing*. — 2024. — Vol. 11. — P. 93–103. — DOI: 10.26794/2408-9303-2024-11-5-93-103.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 21 № 8 (189) август 2026

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002